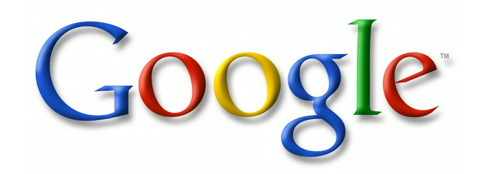

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

СОЧИНЕНІЯ
КАРАМЗИНА.

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ VII и VIII.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1852.

Цѣна за 10 томовъ 10 рубл. сер.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ VII.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1852.

ПЕЧАТАНО

по Высочайшему повелѣнію.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ VII.

ГЛАВА I.

Государь Великій Князь Василій Іоанновичь.

Г. 1505—1509.

Тѣсное заключеніе и смерть Іоаннова внука, Димитрія. Общій характеръ Василіева правленія. Посольство въ Тавриду. Царевичь Казанскій принимаетъ Вѣру нашу и женится на сестрѣ Великаго Князя. Походъ на Казань. Дѣла Литовскія. Война съ Сигизмундомъ, Александровымъ наслѣдникомъ. Миръ. Союзъ съ Менгли-Гиреемъ. Освобожденіе Летифа. Неудовольствія нашего Посла въ Тавридѣ. Мирный договоръ съ Ливоніею. Дѣла Пскова: конецъ его гражданской вольности.

Василій пріялъ державу отца, но безъ всякихъ священныхъ обрядовъ, которые напомнили бы Россіянамъ о злополучномъ Димитріи, пышно вѣнчанномъ и сверженномъ съ престола въ темницу (1). Василій

Г. 1505-1509.

Смерть Димитрія.

не хотѣлъ быть великодушнымъ: ненавидя племянника, помня дни его счастія и своего уничиженія, онъ безжалостно осудилъ сего юношу на самую тяжкую неволю, сокрылъ отъ людей, отъ свѣта солнечнаго въ тѣсной, мрачной палатѣ (2). Изнуряемый горестію, скукою празднаго уединенія, лишенный всѣхъ пріятностей жизни, безъ отрады, безъ надежды въ лѣтахъ цвѣтущихъ, Димитрій преставился въ 1509 году, бывъ одною изъ умилительныхъ жертвъ лютой Политики, оплакиваемыхъ добрыми сердцами и находящихъ мстителя развѣ въ другомъ мірѣ (3). Смерть возвратила Димитрію права Царскія: Россія увидѣла его лежащаго на великолѣпномъ одрѣ, торжественно отпѣваемаго въ новомъ храмѣ Св. Михаила и преданнаго землѣ подлѣ гроба родителева.

Завѣщаніе, писанное симъ Княземъ въ присутствіи Духовника и Боярина, Князя Хованскаго, свидѣтельствуетъ, что онъ и въ самой темницѣ имѣлъ казну, деньги, множество драгоцѣнныхъ вещей, отчасти данныхъ ему Василіемъ, какъ бы въ замѣну престола и свободы, у него похищенныхъ. Исчисливъ все свое достояніе, жемчугъ, золото, серебро (вѣсомъ болѣе десяти пудъ), Димитрій не располагаетъ ничѣмъ, а желаетъ единственно, чтобы нѣкоторые изъ его земель были отданы монастырямъ, всѣ крѣпостные слуги освобождены, вольные призрѣны, купленныя имъ деревни возвращены безденежно прежнимъ владѣльцамъ, долговыя за-

писи уничтожены, и проситъ о томъ Великаго Князя безъ униженія и гордости, повинуясь судьбѣ, но не забывая своихъ правъ (4).

Общій характеръ Василіева правленія.

Государствованіе Василія казалось только продолженіемъ Іоаннова. Будучи подобно отцу ревнителемъ Самодержавія, твердымъ, непреклоннымъ, хотя и менѣе строгимъ, онъ слѣдовалъ тѣмъ же правиламъ въ Политикѣ внѣшней и внутренней; рѣшилъ важныя дѣла въ Совѣтѣ Бояръ, учениковъ и сподвижниковъ Іоанновыхъ; ихъ мнѣніемъ утверждая собственное, являлъ скромность въ дѣйствіяхъ Монархической власти (5), но умѣлъ повелѣвать; любилъ выгоды мира, не страшась войны, и не упуская случая къ пріобрѣтеніямъ важнымъ для государственнаго могущества; менѣе славился воинскимъ счастіемъ, болѣе опасною для враговъ хитростію (6); не унизилъ Россіи, даже возвеличилъ оную, и послѣ Іоанна еще казался достойнымъ Самодержавія.

г. 1505. Посольство въ Тавриду.

Зная великую пользу союза Менгли-Гиреева, Василій нетерпѣливо желалъ возобновить его: увѣдомилъ Хана о кончинѣ родителя и требовалъ отъ него новой *Шертной* или клятвенной грамоты. Менгли-Гирей прислалъ ее съ двумя своими Вельможами: Бояре Московскіе нашли, что она не такъ писана, какъ данная имъ Іоан-

ну, и предложили иную. Послы скрѣпили онуую печатями, а Великій Князь отправилъ знатнаго Окольничаго, Константина Заболоцкаго, въ Тавриду, чтобы удостовѣриться въ искренней дружбѣ Хана и взять съ него присягу (7).

Измѣна Царя Казанскаго требовала мести. Въ сіе время братъ Алегамовъ, Царевичь Куйдакуръ, будучи нашимъ плѣнникомъ, изъявилъ желаніе принять Вѣру Христіанскую. Онъ жилъ въ Ростовѣ, въ домѣ Архіепископа: Государь велѣлъ ему пріѣхать въ Москву; нашелъ въ немъ любезныя свойства, умъ, добронравіе и ревность къ познанію истиннаго Бога (8). Его окрестили торжественно, на Москвѣ-рѣкѣ, въ присутствіи всего Двора; назвали Петромъ и черезъ мѣсяцъ удостоили чести быть зятемъ Государевымъ: Великій Князь выдалъ за него сестру свою, Евдокію, и симъ брачнымъ союзомъ какъ бы давъ себѣ новое право располагать жребіемъ Казани, началъ готовиться къ войнѣ съ нею.

Царевичь Казанскій принимаетъ нашу Вѣру и женится на сестрѣ Великаго Князя.

г. 1506.

Походъ на Казань.

Димитрій, Василіевъ братъ, предводительствовалъ ратію, судовою и конною, съ Воеводами Θеодоромъ Бѣльскимъ, Шеиномъ, Княземъ Александромъ Ростовскимъ, Палецкимъ, Курбскимъ и другими (9). 22 Мая пѣхота Россійская вышла на берегъ близъ Казани. День былъ жаркой: утомленные воины сразились съ непріятельскими тол-

нами передъ городомъ и тѣснили ихъ; но конница Татарская заѣхала имъ въ тылъ, отрѣзала отъ судовъ и сильнымъ ударомъ смѣшала Россіянъ. Множество пало, утонуло въ Поганомъ озерѣ или отдалось въ плѣнъ; другіе открыли себѣ путь къ судамъ, и ждали конной рати: она пришла; но Государь, свѣдавъ о первой неудачѣ и въ тотъ же день выславъ Князя Василія Холмскаго съ новыми полками къ Казани, не велѣлъ Димитрію до ихъ прибытія тревожить города. Димитрій ослушался, и посрамилъ себя еще болѣе. Время славной ярмонки Казанской приближалось: Магметъ-Аминь, величаясь побѣдою, и думая, что Россіяне уже далеко, 22 Іюня веселился съ Князьями своими на лугу Арскомъ, гдѣ стояло болѣе тысячи шатровъ; купцы иноземные раскладывали товары, народъ гулялъ, жены сидѣли подъ тѣнію наметовъ, дѣти играли. Вдругъ явились полки Московскіе: «они какъ съ «неба упали на Казанцевъ,» говоритъ Лѣтописецъ: топтали ихъ, рѣзали, гнали въ городъ; бѣгущіе давили другъ друга и задыхались въ тѣснотѣ улицъ. Россіяне могли бы легко взять Казань приступомъ: она сдалась бы имъ чрезъ пять или шесть дней; но утомленные побѣдители хотѣли отдохнуть въ шатрахъ: увидѣли тамъ яства, напитки, множество вещей драгоцѣнныхъ, и забыли войну; начался пиръ и грабежъ: ночь прекратила оные, утро возобновило. Бояре, чиновники нѣжились подъ Царскими наметами, любовались симъ зрѣлищемъ и хвалились, что

они ровно черезъ годъ отмстили Казанцамъ убіеніе нашихъ купцевъ; воины пили и шумѣли; стража дремала. Но Магметъ-Аминь бодрствовалъ въ высокой стрѣльницѣ: смотрѣлъ на ликованіе безпечныхъ непріятелей, и готовилъ имъ месть за месть, внезапность за внезапность. 25 Іюня, скоро по восходѣ солнца, 20,000 конныхъ и 30,000 пѣшихъ ратниковъ высыпало изъ города и съ крикомъ устремилось на Россіянъ полусонныхъ, которыхъ было вдвое болѣе числомъ, но которые въ смятеніи бѣжали къ судамъ, какъ стадо овецъ, въ слѣдъ за Воеводами, безъ устройства, безъ оружія ([10]). Лугъ Арскій взмокъ отъ ихъ крови и покрылся трупами. Князь Курбскій, Палецкій, лишились жизни: Воевода Шеинъ остался плѣнникомъ; но спаслось еще столько людей, что они могли бы новою битвою загладить свою оплошность и робость: никто не мыслилъ о томъ; въ безпамятствѣ ужаса кидались на суда, отрѣзывали якори; спѣшили удалиться. Одна конница Московская подъ начальствомъ Ѳедора Михайловича Киселева и нашего служиваго Царевича Зеденая, Нордоулатова сына ([11]), оказала нѣкоторую смѣлость: шла сухимъ путемъ къ Мурому, и въ 40 верстахъ отъ Суры настиженная Казанцами, отразила ихъ мужественно. Въ войскѣ у Димитрія находилось нѣсколько иноземцевъ съ огнестрѣльнымъ снарядомъ: только одинъ изъ нихъ привезъ свои пушки въ Москву. Товарищи его явились вмѣстѣ съ нимъ къ Государю, который,

принявъ другихъ милостиво, сказалъ ему гнѣвно: «Ты берегъ снарядъ, а не берегъ «себя: знай же, что люди искусные мнѣ «дороже пушекъ» (12)! Василій не наказалъ Воеводъ изъ уваженія къ брату, главному Полководцу, слѣдственно и главному виновнику сего бѣдствія; но Димитрій съ того времени уже не бывалъ никогда начальникомъ рати.

Такимъ образомъ и Василіево государствованіе, подобно Іоаннову, началось неудачнымъ походомъ на Казань. Честь и безопасность Россіи предписывали Великому Князю смирить Магметъ-Аминя: уже знаменитый нашъ Полководецъ, Даніилъ Щеня, готовился итти къ берегамъ Волги (13); но вѣроломный присяжникъ изъявилъ раскаяніе: или убѣжденный Менгли-Гиреемъ, или самъ предвидя худыя слѣдствія войны для слабой Казани, онъ писалъ къ Василію весьма учтиво, прося извиненія и мира. Государь требовалъ освобожденія Посла нашего, Михаила Яропкина, также всѣхъ захваченныхъ съ нимъ купцевъ и военоплѣнныхъ Россіянъ: Магметъ-Аминь исполнилъ его волю; новою клятвенною грамотою обязался быть ему другомъ, и призналъ свою зависимость отъ Россіи, какъ было при Іоаннѣ (14).

Въ сношеніяхъ съ Литвою Василій изъявлялъ на словахъ миролюбіе, стараясь Дѣла Литовскія.

вредить ей тайно и явно. Еще не зная о смерти Іоанновой, Король Александръ отправилъ Посла въ Москву съ обыкновенными жалобами на обиды Россіянъ ([15]). Государь выслушалъ, обѣщалъ законное удовлетвореніе, привѣтствовалъ Посла, но не далъ ему руки, для того, что въ Литвѣ свирѣпствовали заразительныя болѣзни. Извѣстіе о новомъ Монархѣ въ Россіи обрадовало Короля. Всѣ знали твердость Іоаннову: неопытность и юность Василіева казались благопріятными для нашихъ естественныхъ недоброжелателей. Александръ надѣялся заключить миръ, прославъ, въ Москву Вельможъ Глѣбова и Сапѣгу; но въ отвѣтъ на ихъ предложеніе, возвратить Литвѣ всѣ наши завоеванія, Бояре Московскіе сказали, что Великій Князь владѣетъ только собственными землями и ничего уступить не можетъ ([16]). Глѣбовъ и Сапѣга выѣхали съ неудовольствіемъ; а въ слѣдъ за ними Государь послалъ ([17]) объявить зятю о своемъ восшествіи на престолъ и вручить Еленѣ золотой крестъ съ мощами по духовной родителя. Василій призналъ жалобы Литовскихъ подданныхъ на Россіянъ совершенно несправедливыми, и, къ досадѣ Короля, напомнилъ ему въ сильныхъ выраженіяхъ, чтобы онъ не безпокоилъ супруги въ разсужденіи ея Вѣры. — Однимъ словомъ, Александръ увидѣлъ, что въ Россіи другой Государь, но таже система войны и мира. Все осталось, какъ было. Съ обѣихъ сторонъ изъявлялась холодная учтивость. Король дозволилъ Гре-

ку Андрею Траханіоту ѣхать изъ Москвы въ Италію черезъ Литву ([18]), въ угодность Василію, который взаимно оказывалъ снисхожденіе въ случаяхъ маловажныхъ: такъ, на примѣръ, отдалъ Митрополиту Кіевскому, Іонѣ, сына его, бывшаго у насъ плѣнникомъ ([19]).

Въ Августѣ 1506 года Король Александръ умеръ: Великій Князь немедленно послалъ чиновника Наумова съ утѣшительною грамотою ко вдовствующей Еленѣ; но въ тайномъ наказѣ предписалъ ему объявить сестрѣ, что она можетъ прославить себя великимъ дѣломъ: именно, соединеніемъ Литвы, Польши и Россіи, ежели убѣдитъ своихъ Пановъ избрать его въ Короли; что разновѣріе не есть истинное препятствіе; что онъ дастъ клятву покровительствовать Римскій Законъ, будетъ отцемъ народа и сдѣлаетъ ему болѣе добра, нежели Государь единовѣрный ([20]). Наумовъ долженъ былъ сказать тоже Виленскому Епископу Войтеху, Пану Николаю Радзивилу и всѣмъ Думнымъ Вельможамъ. Мысль смѣлая и по тогдашнимъ обстоятельствамъ удивительная, внушенная не только властолюбіемъ Монарха-юноши, но и проницаніемъ необыкновеннымъ. Литва и Россія не могли дѣйствительно примириться иначе, какъ составивъ одну Державу: Василій безъ наставленія долговременныхъ опытовъ, безъ примѣра, умомъ своимъ постигъ сію важную для нихъ обѣихъ истину; и если бы его желаніе исполнилось, то Сѣверъ Европы имѣлъ бы другую Исторію. Василій хо-

тѣлъ отвратить бѣдствія двухъ народовъ, которые въ теченіе трехъ слѣдующихъ вѣковъ рѣзались между собою, споря о *древнихъ* и *новыхъ* границахъ. Сія кровопролитная тяжба могла прекратиться только гибелію одного изъ нихъ; повинуясь Государю общему, въ духѣ братства, они сдѣлались бы мирными властелинами полуношной Европы.

Но Елена отвѣтствовала, что братъ ея супруга, Сигизмундъ, уже объявленъ его преемникомъ въ Вильнѣ и въ Краковѣ. Самъ новый Король извѣстилъ о томъ Василія, предлагая ему вѣчный миръ съ условіемъ, чтобы онъ возвратилъ свободу Литовскимъ плѣнникамъ и тѣ мѣста, коими завладѣли Россіяне уже послѣ шестилѣтняго перемирія. Сіе требованіе казалось умѣреннымъ; но Василій — досадуя, можетъ быть, что его намѣреніе царствовать въ Литвѣ не исполнилось — хотѣлъ удержать все, оставленное ему въ наслѣдіе родителемъ ([21]), и жалуясь, что Литовцы преступаютъ договоръ 1503 года, тревожатъ набѣгами владѣнія Князей Стародубскаго и Рыльскаго, жгутъ села Брянскія, отнимаютъ наши земли, послалъ Князя Холмскаго и Боярина Якова Захарьевича воевать Смоленскую область. Они доходили до Мстиславля, не встрѣтивъ непріятеля въ полѣ ([22]). Королевскіе Послы еще находились тогда въ Москвѣ: Сигизмундъ упрекалъ Василія, что онъ, говоря съ нимъ о мирѣ, начинаетъ войну ([23]).

Въ сіе время славный Константинъ Острожскій, измѣнивъ данной имъ Василію присягѣ, утвержденной ручательствомъ нашего Митрополита, бѣжалъ изъ Москвы въ Литву (24). Любовь къ отечеству и ненависть къ Россіи заставили его остыдить себя дѣломъ презрительнымъ: обмануть Государя, Митрополита, нарушить клятву, уставъ чести и совѣсти. Никакія побужденія не извиняютъ вѣроломства. — Сигизмундъ принялъ нашего измѣнника, Константина, съ милостію: Василій скоро отмстилъ Сигизмунду, объявивъ себя покровителемъ еще важнѣйшаго измѣнника Литовскаго. г. 1508.

Никто изъ Вельможъ не былъ въ Литвѣ столь знатенъ, силенъ, богатъ помѣстьями, щедръ къ услужникамъ и страшенъ для непріятелей, какъ Михаилъ Глинскій, коего родъ происходилъ отъ одного Князя Татарскаго, выѣхавшаго изъ Орды къ Витовту (25). Воспитанный въ Германіи, Михаилъ заимствовалъ обычаи Нѣмецкіе, долго служилъ Албрехту Саксонскому, Императору Максимиліану въ Италіи; славился храбростію, умомъ, и возвратясь въ отечество, снискалъ милость Александрову, такъ, что сей Государь обходился съ нимъ какъ съ другомъ, повѣряя ему всѣ тайны сердечныя. Глинскій оправдывалъ сію любовь и довѣренность своими заслугами.

Когда сильное войско Менгли-Гиреево быстрымъ нашествіемъ привело Литву въ трепетъ; когда Александръ, лежащій на смертномъ одрѣ почти въ виду непріятеля, требовалъ усердной защиты отъ Вельможъ и народа: Глинскій сѣлъ на коня, собралъ воиновъ, и славнѣйшею побѣдою утѣшилъ Короля въ послѣднія минуты его жизни (26). Завистники молчали; но смерть Александрова отверзла имъ уста: говорили, что онъ мыслилъ овладѣть престоломъ и не хотѣлъ присягать Сигизмунду. Всѣхъ болѣе ненавидѣлъ и злословилъ его Вельможа Забрезенскій. Михаилъ неотступно убѣждалъ новаго Короля быть судіею между ими. Сигизмундъ медлилъ, доброхотствуя непріятелямъ Глинскаго, который вышелъ наконецъ изъ терпѣнія и сказалъ ему: «Государь! мы оба, ты и я, будемъ раскаивать-«ся; но поздно.» Онъ вмѣстѣ съ братьями, Иваномъ и Василіемъ, уѣхалъ въ свой городъ Туровъ; призвалъ къ себѣ родственниковъ, друзей; требовалъ полнаго удовлетворенія отъ Сигизмунда и назначилъ срокъ. Слухъ о томъ достигъ Москвы, гдѣ знали все, что въ Литвѣ происходило: Государь угадалъ тайную мысль Михаилову и послалъ къ нему умнаго Дьяка, предлагая всѣмъ тремъ Глинскимъ защиту Россіи, милость и жалованье (27). Еще соблюдая пристойность, они ждали рѣшительнаго Королевскаго отвѣта: не получивъ его, торжественно объявили себя слугами Государя Московскаго, съ условіемъ, чтобы Василій оружіемъ укрѣпилъ за ними ихъ

города въ Литвѣ, помѣстные и тѣ, которые имъ волею или неволею сдадутся. Съ обѣихъ сторонъ утвердили сей договоръ клятвою. Пылая злобою мести, Михаилъ нечаянно схватилъ врага своего, Вельможу Забрезенскаго, въ увеселительномъ его домѣ близъ Гродна: отсѣкъ ему голову (28); умертвилъ многихъ другихъ Пановъ; составилъ полкъ изъ Дворянъ, слугъ и наемниковъ; взялъ Мозырь; заключилъ союзъ съ Менгли-Гиреемъ и Господаремъ Молдавскимъ (29), изъ коихъ первый обѣщалъ завоевать для него Кіевъ. Пишутъ, что Глинскіе дѣйствительно имѣли намѣреніе возстановить древнее Великое Княженіе Кіевское и господствовать въ немъ независимо; что многіе изъ тамошнихъ Бояръ присягнули имъ въ вѣрности; что Михаилъ думалъ жениться на вдовствующей супругѣ Симеона Олельковича, Анастасіи, и тѣмъ пріобрѣсти законное право на сіе Княжество, но что добродѣтельная Анастасія, гнушаясь его измѣною, не хотѣла о томъ слышать (30).

Война съ Сигизмундомъ, Александровымъ наслѣдникомъ.

Глинскій ждалъ Московской рати. Воеводы наши, Князья Шемякинъ, Одоевскіе, Трубецкіе, Воротынскіе, пришли къ нему на Березину, осадили Минскъ и разоряли все до самой Вильны; другіе воевали Смоленскую область (31). Желая и надѣясь сокрушить Литву, Василій двинулъ еще полки

изъ Москвы и Новагорода къ Оршѣ: первые велъ знатный Бояринъ Яковъ Захарьевичь, послѣдніе славный Князь Даніилъ Щеня. Глинскій, Шемякинъ, оставивъ Минскъ, явились близъ Друцка, обязали тамошнихъ Князей присягою вѣрности къ Государю Россійскому и соединились подъ Оршею съ Даніиломъ: громили пушками стѣны ея; замышляли приступъ.

Никогда Литва не бывала въ опаснѣйшемъ положеніи: Россія возстала, Менгли-Гирей и Волохи готовились къ нападенію; внутри бунтъ и правленіе новое, коего всѣ тайны, всѣ способы были извѣстны Глинскому; наемные Королевскіе воины, Нѣмцы, требовали жалованья, а расточительность Александрова истощила казну ([32]). Но Сигизмундъ имѣлъ твердость, благоразуміе и счастіе, которое въ дѣлахъ міра не рѣдко смѣется надъ вѣроятностями ума. Съ необыкновенною дѣятельностію собравъ, устроивъ войско, онъ приближился къ Оршѣ, чтобы спасти сію важную крѣпость. Полководцы Василіевы изумились, сняли осаду и стали на восточномъ берегу Днѣпра. Дней шесть непріятели черезъ сію рѣку смотрѣли другъ на друга: Россіяне ждали къ себѣ Литовцевъ, Литовцы Россіянъ ([33]). Наконецъ Воеводы Московскіе пошли къ Кричеву, Мстиславлю; разорили нѣсколько селъ и спѣшили назадъ, защитить собственные предѣлы: ибо Король, вступивъ въ Смоленскъ, отрядилъ войско къ Дорогобужу, къ Бѣлой и къ Торопцу. Василій, поручивъ Князьямъ Старо-

дубскому и Шемякину оберегать Украйну, велѣлъ Боярину Якову Захарьевичу стоять въ Вязмѣ, а Даніилу выгнать Литовскій отрядъ изъ Торопца, гдѣ жители, малодушно присягнувъ Сигизмунду, съ радостію встрѣтили нашего Воеводу, который донесъ Государю о бѣгствѣ непріятеля (34).

Хотя Василій по видимому не имѣлъ причины славиться успѣхами своихъ Полководцевъ, ни важными для Россіи слѣдствіями измѣны Глинскихъ: однакожь казался доволенъ первыми, и съ великою милостію угостилъ Михаила, который пріѣхалъ въ Москву, пировалъ во дворцѣ, былъ одаренъ щедро, не только одеждами богатыми, доспѣхомъ, Азіатскими конями, но и Московскими селами съ двумя помѣстными городами, Ярославцемъ и Медынью. Братья Михаиловы оставались въ Мозырѣ, а люди, сокровища и знатнѣйшіе единомышленники, Князья Дмитрій Жижерскій, Иванъ Озерецкій, Андрей Лукомскій, въ Почепѣ. Михаилъ просилъ у Государя воиновъ для обереженія Турова и Мозыря: Василій далъ ему Воеводу, Князя Несвицкаго, съ Галицкими, Костромскими ратниками и съ Татарами (35).

Между тѣмъ Литовцы сожгли Бѣлую и взяли Дорогобужъ, обращенный въ пепелъ самими Россіянами (36). Константинъ Острожскій предводительствовалъ частію Сигизмундовой рати, обѣщая указать ей путь къ Москвѣ. Но Великій Князь не терялъ времени: самъ распорядилъ

полки и велѣлъ имъ съ двухъ сторонъ, Холмскому изъ Можайска, Боярину Якову Захарьевичу изъ Вязьмы, итти къ Дорогобужу, гдѣ начальствовалъ Воевода Королевскій, Станиславъ Кишка: сей гордый Панъ, имѣвъ нѣкоторыя выгоды въ легкихъ сшибкахъ съ отрядами Россійскими, уже думалъ, что наше войско не существуетъ, и что бѣдные остатки его не дерзнутъ показаться изъ лѣсовъ: увидѣлъ полки Холмскаго и бѣжалъ въ Смоленскъ. — Такимъ образомъ неприятели выгнали другъ друга изъ своихъ предѣловъ, не бывъ ни побѣдителями, ни побѣжденными; но Король имѣлъ болѣе славы, среди опасностей новаго правленія и внутренней измѣны отразивъ внѣшняго, сильнаго врага, столь ужаснаго для его двухъ предшественниковъ.

Не ослѣпляясь легкомысленною гордостію, боясь Менгли-Гирея и желая успокоить свою Державу, благоразумный Сигизмундъ снова предложилъ миръ Василію, который не отринулъ его. Глинскій хвалился многочисленностію друзей и единомышленниковъ въ Литвѣ; но, къ счастію всѣхъ Правленій, измѣнники рѣдко торжествуютъ: сила беззаконная или первымъ возстаніемъ испровергаетъ законный уставъ Государства, или ежечасно слабѣетъ отъ нераздѣльнаго съ нею страха, отъ естественнаго угрызенія совѣсти, если не главныхъ дѣйствующихъ лицъ, то по крайней мѣрѣ ихъ помощниковъ. Тщетно Глинскіе старались возмутить Кіевскую и Волын-

скую область: народъ равнодушно ждалъ происшествій; Бояре отчасти желали успѣховъ Михаилу, но не хотѣли бунтомъ подвергнуть себя казни; весьма не многіе присоединились къ нему, и войско его состояло едва изъ двухъ или трехъ тысячь всадниковъ; начальники городовъ были вѣрны Королю. Счастію Іоаннова оружія въ войнѣ Литовской способствовалъ Менгли-Гирей: Василій еще не видалъ въ немъ дѣятельнаго усердія къ пользамъ Россіи, и не смотря на союзную грамоту, утвержденную въ Москвѣ словомъ и печатію Ханскихъ Пословъ, разбойники Крымскіе безпокоили нашу Украйну, такъ, что Великій Князь долженъ былъ защитить оную войскомъ (37). Надежда, возбудить Ногаевъ къ сильному впаденію въ Литву, не исполнилась: слуга Василіевъ, Князь Темиръ, ѣздилъ къ Мурзамъ, Асану и другимъ, сыновьямъ Ямгурчея и Мусы, съ предложеніемъ, чтобы они, содѣйствуя намъ, отмстили Королю вѣроломное заключеніе Хана Шигъ-Ахмета, связаннаго съ ними родствомъ и дружбою: Темиръ долженъ былъ вести ихъ къ берегамъ Дона и Днѣпра; но не могъ успѣть въ своемъ порученіи (38). Сіи обстоятельства, моленіе вдовствующей Королевы Елены, рѣшительность Сигизмунда и сомнительный успѣхъ войны склонили Василія къ искреннему миролюбію. Король прислалъ изъ Смоленска въ Москву Станислава, Воеводу Полоцкаго, Маршалка Сапѣгу и Войтеха, Намѣстника Перемышльскаго, которые, слѣдуя обыкновенію,

сначала требовали всего, а наконецъ удовольствовались не многимъ: хотѣли Чернигова, Любеча, Дорогобужа, Торопца, но согласились взять единственно пять или шесть волостей Смоленскихъ, отнятыхъ у Литвы уже въ государствованіе Василіево. Написали договоръ такъ называемаго вѣчнаго мира. Василій и Сигизмундъ, именуясь братьями и сватами, обязались жить въ любви, доброжелательствовать и помогать другъ другу на всякаго непріятеля, кромѣ Менгли-Гирея и такихъ случаевъ, гдѣ будетъ *не возможно* исполнить сего условія (которое, слѣдственно, обращалось въ ничто). Король утверждалъ за Россіею всѣ пріобрѣтенія Іоанновы, а за слугами Государя Россійскаго, Князьями Шемякинымъ, Стародубскими, Трубецкими, Одоевскими, Воротынскими, Перемышльскими, Новосильскими, Бѣлевскими, Мосальскими, всѣ ихъ отчины и города. За то Василій обѣщалъ *не вступаться* въ Кіевъ, въ Смоленскъ, ни въ другія Литовскія владѣнія. Далѣе сказано въ договорѣ, что *Великій* Князь Рязанскій, Іоаннъ Іоанновичь, съ своею землею принадлежитъ къ Государству Московскому; что ссоры между Литовскими и Россійскими подданными должны быть разбираемы судьями общими, присяжными, коихъ рѣшенія исполняются во всей силѣ; что Посламъ и купцамъ обѣихъ

Миръ.

Державъ вездѣ *путь чистъ* и свободенъ: ѣздятъ, торгуютъ, какъ имъ угодно; наконецъ, что Литовскіе и наши плѣнники освобождаются немедленно. О Глинскихъ не упоминается въ сей грамотѣ; но судьба ихъ была рѣшена: Василій призналъ Мозырь и Туровъ, города Михаиловы, собственностію Королевскою, обѣщая впредь уже не принимать къ себѣ никого изъ Литовскихъ Князей съ землями и помѣстьями (39). Онъ удовольствовался единственно словомъ Короля, что Глинскіе могутъ свободно выѣхать изъ Литвы въ Россію.

Послы Сигизмундовы были десять разъ у Государя и дважды обѣдали. Размѣнялись договорными грамотами. Сеймъ Литовскій одобрилъ всѣ условія. Король цѣловалъ крестъ въ присутствіи нашихъ Пословъ, въ Вильнѣ (40). Россіяне и Литовцы были довольны миромъ; но Глинскіе изъявляли негодованіе, и Сигизмундъ увѣдомилъ Великаго Князя, что Михаилъ не хочетъ ѣхать въ Москву, думая бѣжать въ степи съ вооруженными людьми своими и мстить равно обоимъ Государствамъ; но что войско Королевское уже идетъ смирить сего мятежника. Василій просилъ Короля не тревожить Глинскихъ и дать имъ свободный путь въ Россію. Проливая слезы, они выѣхали къ намъ изъ отечества со всѣми ближними. Литва жалѣла, а болѣе опасалась ихъ: Россія не любила: Великій Князь ласкалъ и честилъ, думая, что сіи измѣнники еще могутъ быть ему полезны.

Едва ли имѣя надежду и самое желаніе долго остаться въ мирѣ съ Литвою, Василій нетерпѣливо ждалъ вѣстей изъ Тавриды, чтобы удостовѣриться въ важномъ для насъ союзѣ Менгли-Гиреевомъ. Можетъ быть, сей Царь и не участвовалъ въ набѣгѣ Крымскихъ разбойниковъ на Московскіе предѣлы, но усердіе его къ Россіи явно охладѣло: державъ Заболоцкаго долѣе года, онъ прислалъ гонца въ Москву съ требованіемъ, чтобы его пасынокъ, сверженный Царь Казанскій, Абдылъ-Летифъ, былъ отпущенъ въ Тавриду. Великій Князь не сдѣлалъ сего, однакожь возвратилъ Летифу свободу и милость, дозволилъ быть во дворцѣ, обѣщалъ Коширу въ помѣстье (41). Вѣроятно, что слухъ о мирныхъ переговорахъ Сигизмунда съ Василіемъ рѣшилъ наконецъ Менгли-Гирея утвердить дружбу съ нами: по крайней мѣрѣ онъ немедленно отпустилъ тогда Заболоцкаго и прислалъ трехъ Вельможъ своихъ въ Москву съ Шертною *золотою* грамотою (42): далъ клятву за себя, за дѣтей и внучатъ, жить въ братствѣ съ Великимъ Княземъ, вмѣстѣ воевать и мириться, съ Литвою и съ Татарами; унимать, казнить своихъ разбойниковъ, покровительствовать нашихъ купцевъ и путешественниковъ; однимъ словомъ, исполнять всѣ обязанности тѣсной, взаимной дружбы, какъ было въ Іоанново время.

Государь приказалъ встрѣтить Пословъ съ великою честію, звать во дворецъ къ обѣду, и *клалъ на нихъ руки* въ знакъ благоволенія. Они

представили ему 16 грамотъ отъ Хана, писанныхъ весьма ласково. Менгли-Гирей убѣждалъ Василія послать судовую рать съ пушками для усмиренія Астрахани, обѣщалъ всѣми силами дѣйствовать противъ Сигизмунда и помогать Михаилу Глинскому, коего называлъ любезнымъ сыномъ; просилъ ловчихъ птицъ, соболей, рыбьихъ зубовъ, латъ и серебряной чары *въ два ведра* ([43]); требовалъ какой-то дани, платимой ему Князьями Одоевскими ([44]); а всего болѣе желалъ, чтобы Государь позволилъ Абдылъ-Летифу ѣхать въ Тавриду для свиданія съ матерью. Сіе послѣднее казалось Василію столь важнымъ, что онъ собралъ Думу Боярскую и хотѣлъ знать ея мнѣніе ([45]). Приговорили не отпускать Летифа. Государь велѣлъ ему самому явиться въ Думу и говорилъ такъ: «Царь Абдылъ- «Летифъ! ты вѣдаешь, что отецъ мой лишилъ тебя свободы за вину не малую. Въ «угодность нашему брату, Менгли-Гирею, «забывъ твое преступленіе, я милостиво «дарю тебѣ вольность и городъ. Выслушай «условія.» Они состояли въ томъ, чтобы Летифъ клятвенно обязался вѣрно служить Россіи, не выѣзжать самовольно изъ ея предѣловъ, не имѣть сношенія съ Литвою, ни съ другими нашими врагами, и чтобы Менгли-Гиреевы Послы утвердили сей договоръ собственною ихъ присягою. Ле-

Освобожденіе Летифа.

тифъ винился, благодарилъ, считалъ себя недостойнымъ видѣть лице Государево; клялся не угнетать Христіанъ, не ругаться надъ святынею, доносить Великому Князю о всякихъ злодѣйскихъ умыслахъ противъ него или Государства. Вмѣсто Коширы, прежде обѣщанной, ему дали Юрьевъ. Достойно замѣчанія, что и самъ Великій Князь присягнулъ въ доброжелательствѣ къ Летифу, такъ же, какъ и въ вѣрности къ Менгли-Гирею, исполняя требованіе Пословъ Крымскихъ и совѣтъ Бояръ. Намѣстникъ Перевицкій, Морозовъ, былъ отправленъ въ Тавриду изъявить благодарность за дружбу Хана, увѣрить его въ нашей, извѣстить о заключенномъ съ Литвою мирѣ, и сказать на-единѣ, что долгое молчаніе Менгли-Гиреево безпокоило Государя; что носился даже слухъ о присоединеніи Ханскихъ сыновей къ Сигизмундовой рати (46); что сіе обстоятельство ускорило для насъ миръ, но что Великій Князь остается другомъ Менгли-Гирея, и не боится новой, справедливой войны съ ихъ общимъ, естественнымъ недругомъ; что намъ нельзя послать людей съ огнестрѣльнымъ снарядомъ къ Астрахани, ибо нѣтъ судовъ въ готовности; что Россіи, утомленной войнами, хотя мирной съ Литвою, но угрожаемой Ливонскими Нѣмцами, нужно отдохновеніе; что самъ Іоаннъ никогда не посылалъ туда войска (47), и проч. Уже ветхій лѣтами и здоровьемъ, Менгли-Гирей не могъ жить долго;

Василій приказалъ Морозову тайно видѣться съ Ханскимъ старшимъ сыномъ, Магметъ-Гиреемъ; обязать его клятвою въ дружбѣ къ Россіи и присягнуть ему въ нашей именемъ Государя. г. 1509.

Сей Посолъ имѣлъ непріятность въ Тавридѣ отъ своевольства и корыстолюбія Ханскихъ Вельможъ. Государь именно велѣлъ Морозову наблюдать свое достоинство и не терпѣть ни малѣйшаго для насъ униженія въ обрядахъ Посольскихъ: ибо Крымскіе Мурзы любили величаться передъ Россіянами, воспоминая старину. «Я «сошелъ съ коня близъ дворца», пишетъ Морозовъ къ Великому Князю: «у воротъ «сидѣли Князья Ханскіе, и всѣ, какъ долж«но, привѣтствовали Посла твоего, кромѣ «Мурзы Кудояра, дерзнувшаго назвать ме«ня холопомъ. Толмачъ не смѣлъ переве«сти сихъ грубыхъ словъ; а Мурза въ бѣ«шенствѣ хотѣлъ зарѣзать его, и силою «выхватилъ шубу изъ рукъ моего Подьяча«го, который несъ дары. Въ дверяхъ Ясау«лы преградили мнѣ путь, бросивъ на зем«лю жезлы свои, и требовали пошлины: я «ступилъ на жезлы и вошелъ къ Царю. «Онъ и Царевичи встрѣтили меня ласково; «пили изъ чаши и подали мнѣ остатокъ. Я «также поднесъ чашу имъ и всѣмъ Князь«ямъ, но обошелъ Кудояра и сказалъ Ха«ну: *Царь, вольный человѣкъ! сей Мурза*

Неудовольствія нашего посла въ Тавридѣ.

«невѣжливъ: суди насъ . . . Называюсь хо-«лопомъ твоимъ и Государя моего, но не «Кудояровымъ. Говорю съ нимъ предъ тобою «съ очи на очи: какъ онъ дерзнулъ грубить «Послу и силою брать, что мы несли къ «тебѣ? Менгли-Гирей, выслушавъ, изви-«нялъ Мурзу; но отпустивъ меня, бранилъ «его и выгналъ.» Морозовъ не согласился вручить Хану своего посольскаго наказа, ни описи присланныхъ съ нимъ даровъ, отвѣтствуя гордо Вельможамъ Царскимъ: «Рѣчи Великаго Князя вписаны у меня «только въ сердцѣ, а дары его вамъ до-«ставлены: болѣе ничего не требуйте.» Одинъ изъ сыновей Ханскихъ, жалуясь на скупость Василіеву, грозилъ Морозову цѣпями. «Цѣпей твоихъ не опасаюсь,» сказалъ Посолъ: «боюсь единственно Бога, «Великаго Князя и Царя, вольнаго человѣ-«ка . . . . Если оскорбите меня, то Госу-«дарь уже никогда не будетъ присылать къ «вамъ людей знатныхъ» (48). — Однакожь, не смотря на слабость отягченнаго дѣтами Менгли-Гирея, коему сыновья и Вельможи худо повиновались, нашъ союзъ съ Тавридою остался до времени въ своей силѣ.

Мирный договоръ съ Ливоніею. Россія заключила тогда мирный договоръ и съ Ливоніею. Въ 1506 году вторично былъ у насъ Посолъ Императорскій, Гартингеръ, съ дружественнымъ письмомъ отъ Максимиліана, который снова просилъ

Великаго Князя освободить Ливонскихъ плѣнниковъ. Василій сказалъ, что вольность ихъ зависитъ отъ мира. Наконецъ Магистръ, Архіепископъ Рижскій, Епископъ Дерптскій и все Рыцарство прислали чиновниковъ въ Москву. Слѣдуя правилу отца, Государь не хотѣлъ самъ договариваться съ ними: они поѣхали въ Новгородъ, гдѣ Намѣстники, Даніилъ Щеня, Григорій Өедоровичь Давыдовъ и Князь Иванъ Михайловичь Оболенскій, дали имъ мирную грамоту отъ 25 Марта 1509 года впредь на 14 лѣтъ. Освободили плѣнныхъ; возобновили старыя, взаимныя условія о торговлѣ и безопасности путешественниковъ въ обѣихъ земляхъ. Важнѣе всего было то, что Нѣмцы отреклись отъ союза съ Королемъ Польскимъ. Государь не забылъ и нашихъ церквей въ Ливоніи: Магистръ обязался блюсти ихъ. Въ тоже время Императоръ, ходатайствуя за Ганзу, писалъ къ Великому Князю, что она издревле къ обоюдной пользѣ купечествовала въ Россіи, и желаетъ возстановить свою Контору въ Новѣгородѣ, ежели возвратятъ Любчанамъ товары, несправедливо отнятые Іоанномъ, единственно по наущенію злыхъ людей. Василій отвѣтствовалъ Максимиліану: «Пусть «Любчане и союзные съ ними 72 города шлютъ «должное челобитье къ моимъ Новогородскимъ «и Псковскимъ Намѣстникамъ: изъ дружбы къ «тебѣ велю торговать съ Нѣмцами, какъ было «прежде; но имѣніе отняли у нихъ за вину: его

«не льзя возвратить: о чемъ писалъ къ «тебѣ и мой родитель» ([49]).

Дѣла Пскова.

Утвердивъ спокойствіе Россіи, Василій рѣшилъ судьбу древняго, знаменитаго Пскова. Какое-то особенное снисхожденіе Іоанново позволило сей Республикѣ пережить Новогородскую, еще имѣть видъ народнаго правленія и хвалиться тѣнію свободы: могла ли уцѣлѣть она въ системѣ общаго Самодержавія? Примѣръ Новагорода ужасалъ Псковитянъ; но, лаская себя свойственною людямъ надеждою, они такъ разсуждали: «Іоаннъ пощадилъ насъ: мо«жетъ пощадить и Василій. Мы спаслись «при отцѣ благоговѣніемъ къ его верхов«ной волѣ: не оскорбимъ и сына. Гордость «есть безуміе для слабости. Не постоимъ «за многое, чтобы спасти главное: то есть, «свободное бытіе гражданское, или по край«ней мѣрѣ долѣе наслаждаться онымъ.» Сіи мысли были основаніемъ ихъ Политики. Когда Намѣстники Великокняжескіе дѣйствовали беззаконно, Псковитяне жаловались Государю, молили неотступно, но смиренно. Ненавидя Князя Ярослава, они снова приняли его къ себѣ Намѣстникомъ ([50]): ибо такъ хотѣлъ Іоаннъ, который, можетъ быть, единственно отлагалъ до случая уничтожить вольность Пскова, несогласную съ государственнымъ уставомъ Россіи: войны, опасности внѣшнія,

а наконецъ, можетъ быть, и старость помѣшали ему исполнить сіе намѣреніе. Юный Василій естественнымъ образомъ довершилъ дѣло отца: искалъ, и легко нашелъ предлогъ. Хотя Псковитяне вообще изъявляли болѣе умѣренности, нежели пылкіе Новогородцы: однакожь, подобно всѣмъ Республикамъ, имѣли внутренніе раздоры, обыкновенное дѣйствіе страстей человѣческихъ. Еще въ Іоанново время былъ у нихъ мятежъ, въ коемъ одинъ Посадникъ лишился жизни; а другіе чиновники бѣжали въ Москву. Тогда же земледѣльцы не хотѣли платить дани гражданамъ: Вѣче самовластно наказало первыхъ, отыскавъ древнюю уставную грамоту въ доказательство, что они всегда считались данниками и работниками послѣднихъ. Іоаннъ обвинилъ самовольство Вѣча: Псковитяне едва смягчили его гнѣвъ моленіемъ и дарами ([51]). При Василіи управлялъ ими въ санѣ Намѣстника Князь Иванъ Михайловичь Рѣпня-Оболенскій, не любимый народомъ: питая несогласія между Старшими и Младшими гражданами, онъ жаловался на нихъ строптивость и въ особенности на главныхъ чиновниковъ, которые будто бы вмѣшивались въ его права и суды ([52]). Сего было довольно для Василія.

Осенью въ 1509 году онъ поѣхалъ въ Новгородъ съ братомъ своимъ Андреемъ, съ зятемъ, Царевичемъ Петромъ, Царемъ Летифомъ, съ Коломенскимъ Епископомъ Митрофаномъ, съ знатнѣйшими Боярами, Воеводами, Дѣтьми Бояр-

скими ([53]). Цѣль путешествія знали развѣ одни Вельможи Думные. Вездѣ народъ съ радостію встрѣчалъ юнаго Монарха: онъ ѣхалъ медленно, и съ величіемъ. Унылый Новгородъ оживился присутствіемъ Двора и войска отборнаго; а Псковитяне отправили къ Великому Князю многочисленное Посольство, семьдесятъ знатнѣйшихъ чиновниковъ и Бояръ, съ усерднымъ привѣтствіемъ и съ даромъ ста-пятидесяти рублей. Главный изъ нихъ, Посадникъ Юрій, сказалъ ему: «Отчина твоя, Псковъ, бьетъ тебѣ челомъ «и благодаритъ, что ты, Царь всея Руси, *дер*«*жишь насъ въ старинѣ* и милостиво оборонаешь «отъ всѣхъ иноплеменниковъ. Такъ дѣлалъ и «великій твой родитель: за что мы готовы вѣрно «служить тебѣ, какъ служили Іоанну и вашимъ «предкамъ. Но будь правосуденъ: твой Намѣст«никъ утѣсняетъ *добровольныхъ* людей, Псковитянъ. Государь! защити насъ» ([54]). Онъ милостиво принялъ даръ; выслушалъ жалобы; обѣщалъ управу. Послы возвратились и сказали Вѣчу слова Государевы; *но мысли сердечныя*, прибавляетъ Лѣтописецъ, *извѣстны единому Богу* ([55]). Василій велѣлъ Окольничему своему, Князю Петру Шуйскому-Великому, съ Дьякомъ Долматовымъ ѣхать во Псковъ и на мѣстѣ узнать истину. Они донесли, что граждане винятъ Намѣстника, а Намѣстникъ гражданъ; что ихъ примирить не возможно, и что одна власть Государева должна рѣшить сію тяжбу. Новые Послы Псковскіе молили Великаго Князя смѣнить Обо-

ленскаго: Василій отвѣтствовалъ, что не пристойно смѣнить его какъ виновнаго безъ суда; что онъ приказываетъ ему быть въ Новгородъ вмѣстѣ со всѣми Псковитянами, которые считаютъ себя обиженными, и самъ разберетъ ихъ жалобы (56).

Здѣсь Лѣтописецъ Псковскій укоряетъ своихъ Правителей въ неосторожности: они письменно дали знать по всѣмъ волостямъ, чтобы недовольные Намѣстникомъ ѣхали судиться къ Великому Князю. Сыскалось ихъ множество; не мало и такихъ, которые поѣхали жаловаться Государю другъ на друга, и между ими были знатные люди, первые чиновники (57). Сіе обстоятельство предвѣщало Пскову судьбу Новагорода, гдѣ внутреннія несогласія и ссоры заставили гражданъ искать Великокняжескаго правосудія и служили Іоанну однимъ изъ способовъ къ уничтоженію ихъ вольности. Василій именно требовалъ къ себѣ Посадниковъ, для очной ставки съ Княземъ Оболенскимъ, велѣвъ написать къ Вѣчу, что если они не явятся, то *вся земля будетъ виновата* (58). Псковитяне содрогнулись: въ первый разъ представилась имъ мысль, что для нихъ готовится ударъ. Никто не смѣлъ ослушаться: девять Посадниковъ и купеческіе Старосты всѣхъ рядовъ отправились въ Новгородъ. Василій приказалъ имъ г. 1510. ждать суда и назначилъ срокомъ 6 Генваря.

Въ сей день, то есть, въ праздникъ Крещенія, Великій Князь, окруженный Боярами и Воеводами, слушалъ обѣдню въ церкви Софійской и ходилъ за крестами на рѣку Волховъ, гдѣ Епископъ Коломенскій, Митрофанъ, святилъ воду: ибо Новгородъ не имѣлъ тогда Архіепископа (59). Тамъ Вельможи Московскіе объявили Псковитянамъ, чтобы всѣ они шли въ Архіерейскій домъ къ Государю: чиновниковъ, Бояръ, купцевъ ввели въ палату; Младшихъ гражданъ остановили на дворѣ. Они готовились къ суду съ Намѣстникомъ; но тяжба ихъ была уже тайно рѣшена Василіемъ (60). Думные Великокняжескіе Бояре вышли къ нимъ и сказали: «вы *поиманы* «Богомъ и Государемъ Василіемъ Іоанновичемъ.» Знатныхъ Псковитянъ заключили въ Архіепископскомъ домѣ, а Младшихъ гражданъ, переписавъ, отдали Новогородскимъ Боярскимъ Дѣтямъ подъ стражу.

Одинъ купецъ Псковскій ѣхалъ тогда въ Новгородъ: узнавъ дорогою о семъ происшествіи, онъ бросилъ свой товаръ и спѣшилъ извѣстить согражданъ, что ихъ Посадники и всѣ именитые люди въ темницѣ. Ужасъ объялъ Псковитянъ. «Отъ трепета и печали (говоритъ Лѣтописецъ) «засохли наши гортани, уста пересмягли. Мы «видали бѣдствія, язву и Нѣмцевъ передъ свои«ми стѣнами; но никогда не бывали въ такомъ «отчаяніи» (61). Собралось Вѣче. Народъ думалъ, что ему дѣлать? *ставить ли щитъ противъ Государя? затвориться ли въ городѣ?* «Но война,

«разсуждали они, будетъ для насъ беззаконіемъ «и конечною гибелію. Успѣхъ невозможенъ, ко«гда слабость идетъ на силу. И всѣхъ насъ не «много: что же сдѣлаемъ теперь безъ Посадни«ковъ и лучшихъ людей, которые сидятъ въ «Новѣгородѣ?» Рѣшились послать гонца къ Великому Князю съ такими словами: «Бьемъ тебѣ «челомъ отъ мала до велика, да жалуешь свою «древнюю отчину; а мы, сироты твои, и прежде «и нынѣ были отъ тебя, Государя, *неотступны* «и ни въ чемъ не противились. Богъ и ты во«ленъ въ своей отчинѣ.»

Видя смиреніе Псковитянъ, Государь велѣлъ снова привести всѣхъ задержанныхъ чиновниковъ въ Архіепископскую палату и выслалъ къ нимъ Бояръ, Князя Александра Ростовскаго, Григорія Ѳедоровича, Конюшаго Ивана Андреевича Челяднина, Окольничаго Князя Петра Шуйскаго, Казначея Дмитрія Владиміровича, Дьяковъ Мисюря-Мунехина и Луку Семенова, которые сказали: «Василій, Божіею милостію Царь «и Государь всея Руси, такъ вѣщаетъ Пскову: «Предки наши, отецъ мой и мы сами доселѣ бе«регли васъ милостиво, ибо вы *держали имя «наше честно и грозно*, а Намѣстниковъ слуша«лись; нынѣ же дерзаете быть строптивыми, «оскорбляете Намѣстника, вступаетесь въ его «суды и пошлины. Еще свѣдали мы, что наши «Посадники и судьи земскіе не даютъ истинной «управы, тѣснятъ, обижаютъ народъ. И такъ «вы заслужили *великую опалу*. Но хотимъ те-

«перь изъявить милость, если исполните нашу «волю : уничтожите Вѣче и примете къ себѣ Го- «сударевыхъ Намѣстниковъ во Псковъ и во всѣ «пригороды. Въ такомъ случаѣ сами пріѣдемъ «къ вамъ помолиться Святой Троицѣ и даемъ «слово не касаться вашей собственности. Но «если отвергнете сію милость, то *будемъ дѣлать «свое дѣло* съ Божіею помощію , и кровь Хри- «стіанская взыщется на мятежникахъ , которые «презираютъ Государево жалованье и не творятъ «его воли.» Псковитяне благодарили, и въ при- сутствіи Великокняжескихъ Бояръ цѣловали крестъ, съ клятвою служить вѣрно Монарху Россіи , его дѣтямъ , наслѣдникамъ , до конца міра (62). Василій , пригласивъ ихъ къ себѣ на обѣдъ, сказалъ имъ, что вмѣсто рати шлетъ во Псковъ Дьяка своего, Третьяка Долматова, и что они сами могутъ писать къ согражданамъ. Знатный купецъ, Онисимъ Манушинъ, поѣхалъ съ грамотою отъ чиновниковъ , Бояръ и всѣхъ бывшихъ въ Новѣгородѣ Псковитянъ къ ихъ народу. Они писали : «Предъ лицемъ Государя «мы единомысленно дали ему *крѣпкое слово «своими душами* за себя и за васъ, братья, испол- «нить его приказаніе. Не сдѣлайте насъ преступ- «никами. Буде же вздумаете противиться , то «знайте, что Великій Князь въ гнѣвѣ и въ яро- «сти устремитъ на васъ многочисленное воин- «ство : мы погибнемъ , и вы погибнете въ кро- «вопролитіи. Рѣшитесь немедленно : послѣдній «срокъ есть 16 Генваря. Здравствуйте» (63).

Долматовъ явился въ собраніи гражданъ Псковскихъ, сказалъ имъ поклонъ отъ Великаго Князя, и требовалъ его именемъ, чтобы они, если хотятъ жить *по старинѣ*, исполнили *двѣ воли* Государевы: отмѣнили Вѣче, сняли колоколъ онаго, и во всѣ города свои приняли Великокняжескихъ Намѣстниковъ. Посолъ заключилъ рѣчь свою тѣмъ, что или самъ Государь будетъ у нихъ, добрыхъ подданныхъ, мирнымъ гостемъ, или пришлетъ къ нимъ воинство смирить мятежниковъ. Сказавъ, Долматовъ сѣлъ на степени Вѣча и долго ждалъ отвѣта: ибо граждане не могли говорить отъ слезъ и рыданія; наконецъ просили его дать имъ время на размышленіе до слѣдующаго утра. — Сей день и сія ночь были ужасны для Пскова. Одни грудные младенцы, по словамъ лѣтописи, не плакали тогда отъ горести. На улицахъ, въ домахъ раздавалось стенаніе: всѣ обнимали другъ друга какъ въ послѣдній часъ жизни (64). Столь велика любовь гражданъ къ древнимъ уставамъ свободы! Уже давно Псковитяне зависѣли отъ Государя Московскаго въ дѣлахъ внѣшней Политики и признавали въ немъ судію верховнаго; но Государь дотолѣ уважалъ ихъ законы, и Намѣстники его судили согласно съ оными; власть законодательная принадлежала Вѣчу, и многія тяжбы рѣшились народными чиновниками, особенно въ пригородахъ (65): одно избраніе сихъ чиновниковъ уже льстило народу. Василій уничтоженіемъ Вѣча искоренялъ все старое древо

Псковскимъ встрѣтить его предъ стѣною Довмонтовою. Василій сошелъ съ коня, и за крестами вступилъ въ церковь Св. Троицы, гдѣ Епископъ, отпѣвъ молебенъ, возгласилъ ему многолѣтіе, и благословляя Великаго Князя, громко произнесъ: «слава Всевышнему, Кото-«рый *далъ* тебѣ Псковъ безъ войны» (68)! Тутъ граждане, бывшіе въ церкви, горько заплакали и сказали: «Государь! *мы не чужіе;* мы искони «служили твоимъ предкамъ.» Въ сей день, Генваря 24, Василій обѣдалъ съ Епископомъ Коломенскимъ, съ Архимандритомъ Симоновскимъ Варлаамомъ, съ Боярами и Воеводами; а въ Воскресенье, Генваря 27, приказалъ собраться Псковитянамъ на дворѣ своемъ. Къ нимъ вышелъ Окольничій, Князь Петръ Шуйскій: держа въ рукѣ списокъ, онъ переклицалъ всѣхъ чиновниковъ, Бояръ, Старостъ, купцевъ, людей Житыхъ, и велѣлъ имъ итти въ большую Судебную избу, куда Государь, сидя съ Думными Вельможами въ Передней избѣ, прислалъ Князя Александра Ростовскаго, Конюшаго Челяднина, Шуйскаго, Казначея Дмитрія Владиміровича, Дьяковъ Долматова, Мисюря и другихъ. Они говорили такъ: «Знатные Псковитяне! Великій «Князь, Божіею милостію Царь и Государь всея «Русіи, объявляетъ вамъ свое жалованье; не «хочетъ вступаться въ вашу собственность: «пользуйтесь ею, нынѣ и всегда. Но здѣсь не «можете остаться: ибо вы утѣсняли народъ, и «многіе, обиженные вами, требовали Госуда-

«рева правосудія. Возьмите женъ и дѣтей; идите «въ землю Московскую, и тамъ благоденствуйте «милостію Великаго Князя.» Ихъ всѣхъ, изумленныхъ горестію, отдали на руки Дѣтямъ Боярскимъ; и въ ту же ночь увезли въ Москву 300 семействъ, въ числѣ коихъ находились и жены бывшихъ подъ стражею въ Новѣгородѣ Псковитянъ. Они могли взять съ собою только малую часть своего достоянія, но жалѣли единственно отчизны. — Другихъ Среднихъ и Младшихъ гражданъ отпустили въ домы, съ увѣреніемъ, что имъ не будетъ *развода;* но ужасъ господствовалъ и плачь не умолкалъ во Псковѣ. Многіе, не вѣря обѣщанію и боясь ссылки, постриглись, мужья и жены, чтобы умереть на своей родинѣ (69).

Государь велѣлъ быть Намѣстниками во Псковѣ Боярину Григорію Ѳедоровичу Давыдову (70) и Конюшему Челяднину, а Дьяку Мисюрю вѣдать дѣла Приказныя, Андрею Волосатому Ямскія; опредѣлилъ Воеводъ, Тіуновъ и Старостъ въ пригороды; уставилъ новый чеканъ для монеты и торговую пошлину, дотолѣ неизвѣстную въ землѣ Псковской, гдѣ купцы всегда торговали свободно и не платя ничего; роздалъ деревни сосланныхъ Псковитянъ Московскимъ Боярамъ; вывелъ всѣхъ гражданъ изъ Застѣнья или Средняго города, гдѣ находилось 1500 дворовъ; указалъ тамъ жить однимъ Государевымъ чиновникамъ, Боярскимъ Дѣтямъ и Москвитянамъ, а купеческія лавки перенести изъ Довмон-

товой стѣны въ Большой городъ; выбралъ мѣсто для своего дворца и заложилъ Церковь Святой Ксеніи, ибо въ день ея памяти уничтожилась вольность Пскова (71); наконецъ, все устроивъ въ теченіе мѣсяца, оставивъ Намѣстникамъ тысячу Боярскихъ Дѣтей и 500 Новогородскихъ пищальниковъ, съ торжествомъ поѣхалъ въ Москву, куда отправили за нимъ и Вѣчевый колоколъ. Въ замѣну убылыхъ гражданъ, триста семействъ купеческихъ изъ десяти Низовыхъ городовъ были переселены во Псковъ (72).

«Такъ» — говоритъ Лѣтописецъ Ольгиной родины — «исчезла слава Пскова, плѣненнаго «не иновѣрными, но своими братьями Христіа«нами. О градъ, нѣкогда великій! ты сѣтуешь «въ опустѣніи. Прилетѣлъ на тебя орелъ много«крыльный съ когтями львиными, вырвалъ «изъ нѣдръ твоихъ три кедра Ливанскіе: похи«тилъ красоту, богатство и гражданъ; раскопалъ «торжища, или заметалъ дрязгомъ (73); увлекъ «нашихъ братьевъ и сестеръ въ мѣста дальнія, «гдѣ не бывали ни отцы ихъ, ни дѣды, ни пра«дѣды!»

Болѣе шести вѣковъ Псковъ, основанный Славянами-Кривичами, имѣлъ свои гражданскіе уставы, любилъ оные, не зналъ и не хотѣлъ знать лучшихъ; былъ *вторымъ Новымгородомъ*, называясь его *меньшимъ братомъ*, ибо въ началѣ составлялъ съ нимъ одну Державу и до конца одну Епархію (74); подобно ему бѣдный въ дарахъ Природы, дѣятельною торговлею сни-

скалъ богатство а долговременною связію съ Нѣмцами художества и вѣжливость; уступая ему въ древней славѣ побѣдъ и завоеваній отдаленныхъ, долѣе его хранилъ духъ воинскій, питаемый частыми бранями съ Ливонскимъ Орденомъ. Какъ въ семействахъ, такъ и въ гражданскихъ обществахъ видимъ иногда наслѣдственныя добродѣтели: Псковъ отличался благоразуміемъ, справедливостію, вѣрностію; не измѣнялъ Россіи, угадывалъ судьбу ея, держался Великихъ Князей, желалъ отвратить гибель Новогородской вольности, тѣсно связанной съ его собственною; прощалъ сему завистливому народу обиды и досады; будучи остороженъ, являлъ и смѣлую отважность великодушія, на примѣръ въ защитѣ Александра Тверскаго, гонимаго Ханомъ и Государемъ Московскимъ (75); сдѣлался жертвою непремѣннаго Рока, уступилъ необходимости, но съ какимъ-то благороднымъ смиреніемъ, достойнымъ людей свободныхъ, и не оказавъ ни дерзости, ни робости своихъ Новогородскихъ братьевъ. — Сіи двѣ народныя Державы сходствовали во всѣхъ ихъ учрежденіяхъ и законахъ; но Псковитяне имѣли особенную степень гражданскую, такъ называемыхъ *Дѣтей Посадничьихъ*, ставя ихъ выше купцевъ и Житейскихъ людей (76): слѣдственно изъявляли еще болѣе уваженія къ сану Посадниковъ, давъ ихъ роду наслѣдственную знатность.

Великій Князь хотѣлъ сдѣлать удовольствіе Псковитянамъ, и выбралъ изъ нихъ 12 Ста-

ростъ, чтобы они вмѣстѣ съ Московскими Намѣстниками и Тіунами судили въ ихъ бывшихъ двѣнадцати пригородахъ по изданной имъ тогда Уставной грамотѣ (77). Но сіи Старосты не могли обуздывать хищности сановниковъ Великокняжескихъ, которые именемъ новыхъ законовъ отягчали налогами гражданъ и земледѣльцевъ, не внимали справедливымъ жалобамъ и казнили за оныя, такъ, что несчастные жители толпами бѣжали въ чужія земли, оставляя женъ и дѣтей. Пригороды опустѣли. Иностранцы, купцы, ремесленники, имѣвшіе домы во Псковѣ, не хотѣли быть ни жертвою, ни свидѣтелями насилія, и всѣ выѣхали оттуда. — «Мы «одни остались,» прибавляетъ Лѣтописецъ; «смотрѣли на землю: она не разступалась; «смотрѣли на небо: не льзя было летѣть «вверхъ безъ крыльевъ.» Узнавъ о корысто«любіи Намѣстниковъ, Государь смѣнилъ ихъ, и прислалъ достойнѣйшихъ, Князей Петра Шуйскаго и Симеона Курбскаго, мужей правосудныхъ, человѣколюбивыхъ: они успокоили гражданъ и народъ; бѣглецы возвратились. Псковитяне не переставали жалѣть о своихъ древнихъ уставахъ, но престали жаловаться. Съ сего времени они, какъ и всѣ другіе Россіяне, должны были посылать войско на службу Государеву (78).

Такъ Василій употребилъ первые четыре года своего правленія, страхомъ оружія, безъ

побѣдъ, но не безъ славы умиривъ Россію, доказавъ *наслѣдственное могущество* ея Государей для непріятеля внѣшняго, и непремѣнную волю ихъ быть внутри Самодержавными.

ГЛАВА II.

Продолженіе государствованія Василіева.

Г. 1510—1521.

Взаимныя досады Василіевы и Сигизмундовы. Намѣреніе брата Василіева, Симеона, бѣжать въ Литву. Пріѣздъ Царицы Нурсалтанъ въ Москву. Раскаяніе Магметъ-Аминя. Разрывъ съ Менгли-Гиреемъ. Набѣги Крымцевъ. Война съ Литвою. Союзъ съ Императоромъ Максимиліаномъ. Мирный договоръ съ Ганзою. Посольство Турецкое. Взятіе Смоленска. Измѣна Глинскаго. Битва Оршинская. Измѣна Епископа Смоленскаго. Приступъ Острожскаго къ Смоленску. Набѣгъ Крымцевъ. Вторичное Посольство къ Султану. Смерть Менгли-Гирея. Посольство отъ новаго Хана, Магметъ-Гирея, и наше къ нему. Болѣзнь и Посольство Царя Казанскаго. Впаденіе Крымцевъ. Союзъ съ Королемъ Датскимъ и съ Нѣмецкимъ Орденомъ. Посольство Императора Максимиліана. Послы Литовскіе. Приступъ Острожскаго къ Опочкѣ. Переговоры о мирѣ. Посольство къ Максимиліану. Новые Послы отъ Императора. Смерть Летифа. Возобновленіе союза съ Крымомъ. Смерть Магметъ-Аминя. Шигъ-Алей Царемъ въ Казани. Крымцы опустошаютъ Литву. Посольство къ Султану. Сношенія съ Магистромъ и съ Папою. Магистръ въ войнѣ съ Польшею. Походъ Воеводъ на Литву. Слабость Нѣм. Ордена. Посольство къ Султану. Бунтъ въ Казани. Нападеніе Магметъ-Гирея на Россію. Хабаръ Симскій. Судъ Воеводъ. Станъ подъ Коломною. Посолъ Солимановъ Посольство Литовское и перемиріе. Конецъ Нѣмецкаго Ордена въ Пруссіи. Новое перемиріе съ Ливонскимъ Орденомъ.

г. 1510. Не долго Россія и Литва могли наслаждаться миромъ: чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ

по заключеніи онаго возобновились взаимныя досады, упреки; обвиняли другъ друга въ неисполненіи договора, подозрѣвали въ непріятельскихъ замыслахъ; между тѣмъ хотѣли удалить войну. Сигизмундъ жаловался, что мы освободили не всѣхъ плѣнниковъ, и что Намѣстники Московскіе не даютъ управы его подданнымъ, у коихъ Россіяне, вопреки миру, отнимаютъ земли. Василій доказывалъ, что и наши плѣнники не всѣ возвратились изъ Литвы; что Король, отпустивъ Московскихъ купцевъ, удержалъ ихъ товары; что сами Литовцы дѣлаютъ несносныя обиды Россіянамъ. Нѣсколько разъ предлагали съ обѣихъ сторонъ выслать общихъ судей на границу; соглашались, назначали время: но тѣ или другіе не являлись къ сроку. Безпрепятственно отпустивъ Глинскихъ, Сигизмундъ раскаялся, заключилъ ихъ друзей въ темницу (79), и вздумалъ требовать, чтобы Великій Князь выдалъ ему самого Михаила съ братьями. Государь отвѣтствовалъ, что Глинскіе перешли въ его службу, когда Россія воевала съ Литвою, и что онъ никому не выдаетъ своихъ подданныхъ. Сношенія продолжались около трехъ лѣтъ (80): гонцы и Послы ѣздили съ изъявленіемъ неудовольствій, однакожь безъ угрозъ, до самаго того времени, какъ вдоветвующая Королева Елена увѣдомила брата, что Си- г. 1511-1512.

гизмундъ, вмѣсто благодарности за ея ревность къ пользамъ Государства его оказываетъ ей нелюбовь и даже презрѣніе; что Литовскіе Паны дерзаютъ быть наглыми съ нею; что она думала ѣхать изъ Вильны въ свою маетность, въ Браславль, но Воеводы Николай Радзивилъ и Григорій Остиковъ схватили ее въ часъ обѣдни; сказавъ: *ты хочешь бѣжать въ Москву*, вывели за рукава изъ церкви, посадили въ сани, отвезли въ Троки и держатъ въ неволѣ, удаливъ всѣхъ ея слугъ. Встревоженный симъ извѣстіемъ, Василій спрашивалъ у Короля, чѣмъ Елена заслужила такое поруганіе? и требовалъ, чтобы ей возвратили свободу, казну, людей, со всѣми знаками должнаго уваженія (81). Не знаемъ отвѣта. Другое происшествіе сего времени умножило досады Великаго Князя на Сигизмунда.

Намѣреніе брата Василіева, Симеона, бѣжать въ Литву.

Меньшій сынъ Іоанновъ, Симеонъ Калужскій, отличаясь пылкимъ нравомъ и легкомысліемъ, съ неудовольствіемъ видѣлъ себя подданнымъ старшаго брата, жаловался на его самовластіе, на стѣсненіе древняго права Князей Удѣльныхъ, и внимая совѣтамъ нѣкоторыхъ мятежныхъ Бояръ своихъ, вздумалъ искать Сигизмундова покровительства, измѣнить Россіи, бѣжать въ Литву (82). Государь узналъ о томъ, призвалъ и хотѣлъ заключить Си-

меона. Раскаяніе юнаго Князя, моленіе братьевъ, Митрополита и всѣхъ Епископовъ смягчили гнѣвъ Василія: онъ далъ Симеону другихъ, надежныхъ Бояръ, и велѣлъ ему быть впредь благоразумнѣе; но съ горестію видѣлъ, что Сигизмундъ можетъ имѣть тайныхъ друзей въ самомъ семействѣ Великокняжескомъ. Сіе расположеніе не благопріятствовало миру: успѣхъ Литовскихъ козней въ Тавридѣ довершилъ необходимость войны.

Въ 1510 году жена Менгли-Гиреева, Нурсалтанъ, пріѣхала въ Москву съ Царевичемъ Саипомъ и съ тремя Послами, которые увѣрили Василія въ истинной къ нему дружбѣ Хана (83). Цѣлію сего путешествія было свиданіе Царицы съ ея сыновьями, Летифомъ и Магметъ-Аминемъ. Великій Князь угощалъ ее какъ свою знаменитую пріятельницу, и чрезъ мѣсяцъ отпустилъ въ Казань, гдѣ она жила около года, стараясь утвердить сына въ искреннемъ къ намъ доброжелательствѣ, такъ, что Магметъ-Аминь новыми грамотами обязался быть совершенно преданнымъ Россіи, и еще недовольный клятвенными обѣтами вѣрности, желалъ во всемъ открыться Государю: для чего былъ посланъ къ нему Бояринъ Иванъ Андреевичь Челяднинъ, коему онъ чистосердечно исповѣдалъ тайну прежней измѣны Казанской, обстоятельства

Пріѣздъ Царицы Нурсалтанъ въ Москву.

Раскаяніе Магметъ-Аминя.

и вину ея, не пожалѣвъ и своей жены-прелестницы (84). Однимъ словомъ, Великій Князь не могъ сомнѣваться въ его искренности. Царица Нурсалтанъ по возвращеніи изъ Казани жила опять мѣсяцевъ шесть въ Москвѣ, ласкаемая, честимая при Дворѣ, и вмѣстѣ съ нашимъ Посломъ, Окольничимъ Тучковымъ, отправилась въ Тавриду, исполненная благодарности къ Василію, который имѣлъ всѣ причины вѣрить дружбѣ Менгли-Гиреевой, но обманулся.

Разрывъ съ Ханомъ Менгли Гиреемъ.

Сей Ханъ престарѣлый, ослабѣвъ духомъ, уже зависѣлъ отъ своихъ легкомысленныхъ сыновей, которые хотѣли иной системы въ Политикѣ, или, лучше сказать, никакой не имѣли, слѣдуя единственно приманкамъ грабежа и корыстолюбія. Вельможи льстили Царевичамъ, ждали смерти Царя и хватали какъ можно болѣе золота. Такими обстоятельствами воспользовался Сигизмундъ, и сдѣлалъ, чего ни Казимиръ, ни Александръ никогда не могли сдѣлать: лишилъ насъ важнаго, долголѣтнаго Менгли-Гиреева союза, вопреки умной женѣ Ханской, ревностной въ пріязни къ Великому Князю. Литва обязалась давать ежегодно Менгли-Гирею 15,000 червонцевъ (85), съ условіемъ, чтобы онъ, измѣнивъ своимъ клятвамъ, безъ всякаго неудовольствія на Россію, объявилъ ей войну, то есть, жегъ и грабилъ въ ея предѣлахъ. Сей тайный

договоръ исполнился немедленно: въ Маѣ 1512 года сыновья Хановы, Ахматъ и Бурнашъ-Гиреи, со многолюдными шайками ворвались въ области Бѣлевскія, Одоевскія: злодѣйствовали какъ разбойники и бѣжали, узнавъ, что Князь Даніилъ Щеня спѣшитъ ихъ встрѣтить въ полѣ (86). Хотя Государь совсѣмъ не ожидалъ впаденія Крымцевъ, однакожь не имѣлъ нужды въ долгихъ приготовленіяхъ: со временъ его отца Россія уже никогда не была безоружною; никогда всѣ полки не распускались, смѣняясь только одни съ другими въ дѣйствительной службѣ (87). За Даніиломъ Щенею выступили и многіе иные Воеводы къ границамъ. Ахматъ-Гирей думалъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ опустошить Рязанскую землю; но Князь Александръ Ростовскій стоялъ на берегахъ Осетра, Князь Булгакъ и Конюшій Челяднинъ на Упѣ: Ахматъ удалился. Болѣе смѣлости оказалъ сынъ Ханскій, Бурнашъ-Гирей: онъ приступилъ къ самой Рязанской столицѣ и взялъ нѣкоторыя внѣшнія укрѣпленія: города не взялъ. Воеводы Московскіе гнали Крымцевъ степями до Тихой Сосны (88). Набѣги Крымцевъ.

Великій Князь зналъ истиннаго виновника сей войны, и желая усовѣстить Менгли-Гирея, представлялъ ему (89), что старая дружба, утвержденная священными клятвами и взаимною государственною

пользою, лучше новой, основанной на подкупѣ, требующей вѣроломства и весьма ненадежной; что мы помнимъ услуги, а Литовцы помнятъ долговременную вражду сего Хана; что первое, возбуждая признательность, укрѣпляетъ связь дружества, а второе готовитъ месть, которая если не нынѣ, то завтра обнаружится. Менгли-Гирей, извиняя себя, отвѣчалъ, что Царевичи безъ его повелѣнія и вѣдома воевали Россію. Сіе могло быть справедливо (90): тѣмъ не менѣе постоянный, счастливый для насъ союзъ, дѣло Іоанновой мудрости, рушился навѣки, и Крымъ способствовавъ возрожденію нашего величія, обратился для Россіи въ скопище губителей.

Скоро свѣдалъ Василій, что Король готовитъ полки и неотступно убѣждаетъ Менгли-Гирея дѣйствовать противъ насъ всѣми силами, желая вмѣстѣ съ нимъ начать войну лѣтомъ (91). Въ Думѣ Великокняжеской рѣшено было предупредить сей замыселъ: Государь послалъ къ Сигизмунду *складную грамоту*, написалъ въ ней имя Королевское безъ всякаго титула, исчислилъ всѣ знаки его непримиримой вражды, оскорбленіе Королевы Елены, нарушеніе договора, стараніе возбудить Менгли-Гирея ко впаденію въ Россію, и заключилъ сими словами: «взявъ себѣ Господа въ помощь, иду на тебя и хочу

Война съ Литвою.

«стоять, какъ будетъ угодно Богу: а крест-«ное цѣлованіе слагаю» (92). Тогда находились въ Москвѣ Послы Ливонскіе, которые, бывъ свидѣтелями нашего вооруженія, извѣстили своего Магистра, Плеттенберга, что никогда Россія не имѣла многочисленнѣйшаго войска и сильнѣйшаго огнестрѣльнаго снаряда; что Великій Князь, пылая гнѣвомъ на Короля, сказалъ: «доколѣ конь мой будетъ ходить и мечь ру-«бить, не дамъ покоя Литвѣ» (93). Самъ Василій предводительствовалъ ратію и выѣхалъ изъ столицы 19 Декабря съ братьями Юріемъ и Димитріемъ, съ зятемъ Царевичемъ Петромъ и съ Михаиломъ Глинскимъ (94). Главными Воеводами были г. 1513. Князья Даніилъ Щеня и Рѣпня. Приступили къ Смоленску. Тутъ гонецъ Королевскій подалъ Василію письмо отъ Сигизмунда, который требовалъ, чтобы онъ немедленно прекратилъ воинскія дѣйствія и вышелъ изъ Литвы, если не хочетъ испытать его мести. Великій Князь не отвѣтствовалъ, а гонца задержали. Назначили быть приступу ночью; отъ рѣки Днѣпра. Для ободренія людей выкатили нѣсколько бочекъ крѣпкаго меду: пилъ, кто и сколько хотѣлъ. Сіе средство оказалось весьма неудачнымъ. Шумъ и крикъ пьяныхъ возвѣстилъ городу нѣчто чрезвычайное: тамъ удвоили осторожность. Они бросились смѣ-

ло на укрѣпленія; но хмѣль не устоялъ противъ ужасовъ смерти. Встрѣченные ядрами и мечами, Россіяне бѣжали ([95]), и Великій Князь чрезъ два мѣсяца возвратился въ Москву, не взявъ Смоленска, разоривъ только села и плѣнивъ ихъ жителей.

Въ сіе время скончалась въ Вильнѣ вдовствующая Королева Елена, умная и добродѣтельная, бывъ жертвою горести, а не яда, какъ подозрѣвали въ Москвѣ отъ ненависти къ Литовцамъ ([96]): ибо Сигизмундъ имѣлъ въ ней важный залогъ для благопріятнаго съ нами мира, коего онъ желалъ, или еще не готовый къ войнѣ, или не довѣряя союзу Менгли-Гирея, и не имѣя надежды одинъ управиться съ Россіею. Онъ тогда же просилъ *опасныхъ грамотъ* въ Москвѣ для его Пословъ: Вельможи Литовскіе писали къ нашимъ Боярамъ, чтобы они своимъ ходатайствомъ уняли кровопролитіе ([97]). Письмо отъ гонца взяли въ Набережной Палатѣ, дали ему *опасную грамоту*, и Бояре отвѣтствовали Панамъ, что Великій Князь сдѣлалъ то единственно изъ уваженія къ ихъ предстательству. Срокъ назначенный въ грамотѣ минулъ: Сигизмундъ извѣстилъ Василія, что виною сего замедленія были Послы Римскіе, которые ѣдутъ въ Москву отъ Папы, и что вмѣстѣ съ ними будутъ и Литовскіе. Онъ просилъ новаго *опаса*, и получилъ его.

Однакожь, не теряя времени, Государь вторично выступилъ изъ Москвы съ полками, отправивъ напередъ къ Смоленску знатную часть рати съ Бояриномъ Княземъ Рѣпнею и съ Окольничимъ Сабуровымъ (98). Намѣстникъ Смоленскій, Панъ Юрій Сологубъ, имѣя не мало войска, встрѣтилъ ихъ въ полѣ: битва рѣшилась въ нашу пользу; онъ заключился въ городѣ. Привели многихъ плѣнниковъ къ Василію въ Боровскъ, и Воеводы обложили Смоленскъ. Государь прибылъ къ нимъ въ станъ 25 Сентября. Началась осада; но худое искусство въ дѣйствіи огнестрѣльнаго снаряда и положеніе города, укрѣпленнаго высокими стѣнами, а еще болѣе стремнинами, холмами, дѣлали ее безуспѣшною. Что мы днемъ разрушали, то Литовцы ночью воздвигали снова. Тщетно Великій Князь писалъ къ осажденнымъ, или милостиво или съ угрозами, требуя, чтобы они сдалися. Миновало шесть недѣль. Войско наше усилилось приходомъ Новогородскаго и Псковскаго (99). Можно было упорствомъ и терпѣніемъ изнурить гражданъ; но глубокая осень, дожди, грязь, принудили Великаго Князя отступить. Россіяне хвалились единственно опустошеніемъ земли непріятельской вокругъ Смоленска и Полоцка, куда ходилъ изъ Вели- Іюня 14.

кихъ Лукъ Князь Василій Шуйскій, также со многочисленными полками.

Союзъ съ Императоромъ. Дѣйствуя мечемъ, Государь дѣйствовалъ и Политикою. Еще въ 1508 году — свѣдавъ отъ Михаила Глинскаго, что Венгерскій Король, Владиславъ, боленъ, и что Максимиліанъ опять замышляетъ овладѣть сею Державою — Великій Князь писалъ къ Императору о войнѣ Россіи съ Литвою, напоминалъ ему союзъ его съ Іоанномъ и предлагалъ возобновить оный. Михаилъ взялся тайно переслать Василіеву

г. 1514. грамоту въ Вѣну (100). Дѣла Италіи и другія обстоятельства были виною того, что Максимиліанъ долго не отвѣтствовалъ. Наконецъ въ Февралѣ 1514 года пріѣхалъ въ Москву Императорскій Посолъ, Совѣтникъ Георгій Шнитценъ-Памеръ, который именемъ Государя своего заключилъ договоръ съ Россіею, чтобы общими силами и въ одно время наступить на Сигизмунда: Василію отнять у него Кіевъ и всѣ наши древніе города, а Максимиліану Прусскія области, захваченныя Королемъ. Обязались ни въ случаѣ успѣха, ни въ противномъ, какъ въ государствованіе Сигизмунда, такъ и послѣ, не разрывать сего союза, вѣчнаго, непремѣннаго; условились также въ свободѣ и безопасности для путешественниковъ, Пословъ и купцевъ въ обѣихъ земляхъ. Максимиліанъ и Василій

именуютъ другъ друга братьями, Великими Государями и Царями. Русскую договорную грамоту перевели въ Москвѣ на языкъ Нѣмецкій, и вмѣсто слова Царь поставили Kayser. Въ Мартѣ Шницен-Памеръ отправился назадъ въ Германію съ Великокняжескимъ чиновникомъ, Грекомъ Дмитріемъ Ласкиревымъ, и съ Дьякомъ Елеазаромъ Суковымъ, предъ коими Максиміліанъ 4 Августа утвердилъ договоръ клятвою, собственноручною подписью и золотою печатію ([101]). Нѣмецкій подлинникъ сей любопытной грамоты, уцѣлѣвъ въ нашемъ Архивѣ, служилъ Петру Великому законнымъ свидѣтельствомъ, что самые предки его назывались Императорами, и что Австрійскій Дворъ призналъ ихъ въ семъ достоинствѣ. — Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ новые Послы Максиміліановы, Докторъ Яковъ Ослеръ и Морицъ Бургштеллеръ, вручили Великому Князю хартію союза, были приняты съ отмѣнною ласкою, и не только въ Москвѣ, но и во всѣхъ городахъ пышно угощаемы Намѣстниками: ихъ звали на обѣды, Дѣти Боярскіе встрѣчали у лѣсницы, знатные сановники на нижнемъ крыльцѣ, Намѣстники у дверей въ сѣняхъ; сажали въ первое мѣсто; хозяинъ, вставъ, подавалъ имъ двѣ чаши, пить здоровье Государей-братьевъ, соблюдая однакожь, чтобы гости начинали съ Россійскаго ([102]). Однимъ словомъ, никакимъ инымъ Посламъ не оказывалось болѣе чести, и безполезнѣе: ибо

Максимиліанъ, опутанный дѣлами Южной и Западной Европы, скоро перемѣнилъ систему: выдалъ свою внуку, Марію, дочь Филиппа Кастильскаго, за племянника Сигизмундова, наслѣдника Владиславова, а юнаго Фердинанда, Филиппова сына, женилъ на дочери Короля Венгерскаго, и только именемъ остался союзникъ Россіи.

Въ сіе время Новогородскіе Намѣстники, Князь Василій Шуйскій и Морозовъ, заключили также достопамятное мирное условіе съ семидесятью городами Нѣмецкими, или съ Ганзою, на десять лѣтъ. Чтобы возобновить свою древнюю торговлю въ Новѣгородѣ, она рѣшилась забыть претерпѣнное купцами ея въ Россіи бѣдствіе: обязалась не имѣть дружбы съ Сигизмундомъ, ни съ его друзьями, и во всемъ доброхотствовать Василію, который велѣлъ отдать Нѣмцамъ дворы, мѣста и церковь ихъ въ Новѣгородѣ; позволилъ имъ торговать солью, серебромъ, оловомъ, мѣдью, свинцомъ, сѣрою, медомъ, сельдями и всякими ремесленными произведеніями, обнадеживъ, что въ случаѣ войны съ Ливоніею или съ Швеціею Ганзейскіе купцы могутъ быть у насъ совершенно покойны. Уставили, чтобы Россіянъ судить въ Германіи какъ Нѣмцевъ, а Нѣмцевъ въ Новѣгородѣ какъ Россіянъ по однимъ законамъ; не наказывать первыхъ

Мирный договоръ съ Ганзою.

безъ вѣдома Намѣстниковъ Великокняжескихъ, а вторыхъ безъ вѣдома Ганзы; никого не лишать вольности безъ суда; разбойника, злодѣя казнить смертію: только не истить его невиннымъ единоземцамъ (103). Великій Князь желалъ, исправляя ошибку Іоаннову, возстановить сію важную для насъ торговлю; но двадцати-лѣтній разрывъ и перемѣна въ политическомъ состояніи Новагорода ослабили ея дѣятельность, уменьшили богатство и пользу обоюдную. Рижскій Бургомистръ, Нейштетъ, около 1570 года будучи въ Новѣгородѣ, видѣлъ тамъ развалины древней каменной Нѣмецкой божницы Св. Петра и маленькій деревянный домикъ съ подваломъ, гдѣ еще складывались нѣкоторые товары Ганзейскіе (104).

Уже Іоаннъ, какъ мы видѣли, искалъ пріязни Баязета, но единственно для безопасности нашихъ купцевъ въ Азовѣ и Кафѣ, еще не думая, чтобы Россія могла имѣть выгоды отъ союза съ Константинополемъ въ дѣлахъ внѣшней Политики: Василій хотѣлъ въ семъ отношеніи узнать мысли Султана, и свѣдавъ, что несчастный Баязетъ сверженъ честолюбивымъ, жестокимъ сыномъ, отправилъ къ Селиму Дворянина Алексѣева съ ласковымъ поздравленіемъ. «Отцы наши» — писалъ Государь — «жили въ братской любви: да будетъ она и Посольство Турецкое.

«между сыновьями.» Послу, какъ обыкновенно, велѣно было не унижать себя, не кланяться Султану до земли, сложить только передъ нимъ руки; вручить ему дары, письмо, но не спрашивать объ его здравіи, если Селимъ не спроситъ о Василіевомъ. Алексѣевъ, принятый въ Константинополѣ весьма благосклонно, выѣхалъ оттуда съ Посломъ Султановымъ, Княземъ Мангуискимъ, Ѳеодоритомъ Камаломъ, знакомцемъ нашего именитаго чиновника Траханіота, и, какъ вѣроятно, Грекомъ (105). Они были въ пути около девяти мѣсяцевъ (отъ Августа до Мая); терпѣли недостатокъ, голодъ въ стеняхъ Воронежскихъ; лишились всѣхъ коней, шли пѣшкомъ и едва достигли предѣловъ Рязанскихъ, гдѣ ждали ихъ люди высланные къ нимъ отъ Великаго Князя. Сей первый Турецкій Посолъ въ Москвѣ возбудилъ любопытство ея жителей, которые съ удовольствіемъ видѣли, что грозные завоеватели Византіи ищутъ нашей дружбы. Его встрѣтили пышно: Великій Князь сидѣлъ въ Малой Набережной Палатѣ; вокругъ Бояре въ *саженыхъ* шубахъ; у дверей стояли *Княжата* и Дѣти Боярскіе въ *саженыхъ терликахъ*. Представленный Государю Княземъ Шуйскимъ, Посолъ отдалъ ему Султанскую грамоту, писанную на языкѣ Арабскомъ, а другую на Сербскомъ; цѣловалъ у Василія руку; объявилъ желаніе Селимово быть съ нимъ въ вѣчной любви, имѣть однихъ друзей и непріятелей; обѣдалъ во дворцѣ, въ Средней Златой Палатѣ (106). Великій

Князь желалъ заключить съ Селимомъ договоръ письменный; но Камалъ отвѣчалъ, что не имѣетъ на то приказанія. «По крайней мѣрѣ — говорили Бояре — Государь «долженъ знать, кто друзья и непріятели «Султану, чтобы, согласно съ его предло«женіемъ, быть имъ также другомъ и не«пріятелемъ.» Посолъ не смѣлъ входить въ объясненія столь важныя (107). — Селимъ убѣждалъ Великаго Князя изъ дружбы къ нему отпустить Летифа въ Тавриду, но получилъ отказъ.

Во время переговоровъ съ симъ чиновникомъ Султанскимъ наше войско выступало изъ Москвы. Великій Князь пылалъ ревностію загладить неудачу двухъ походовъ къ Смоленску, думая менѣе о собственной ратной славѣ, чѣмъ о вредѣ государственномъ, который могъ быть ихъ слѣдствіемъ: Литовцы уже переставали бояться нашихъ многочисленныхъ ополченій, и думали, что завоеванія Россіянъ были единственно счастіемъ Іоанновымъ; надлежало увѣрить и непріятелей и своихъ въ неизмѣнномъ могуществѣ Россіи, страхомъ уменьшить силу первыхъ, бодростію увеличить нашу. Поощряя Василія къ неутомимости къ войнѣ, Михаилъ Глинскій ручался за успѣхъ новаго приступа къ Смоленску, съ условіемъ, какъ пишутъ, чтобы Великій Князь отдалъ ему сей городъ въ Удѣлъ наслѣдствен-

Взятіе Смоленска.

ный ([108]). По крайней мѣрѣ Глинскій оказалъ тогда Государю важную услугу, нанявъ въ Богеміи и въ Германіи многихъ людей искусныхъ въ ратномъ дѣлѣ, которые пріѣхали въ Москву черезъ Ливонію ([109]).

Самъ предводительствуя войскомъ, Великій Князь выѣхалъ изъ столицы 8 Іюня съ двумя братьями, Юріемъ и Симеономъ; третьему, Димитрію, велѣлъ быть въ Серпуховѣ; четвертаго, Андрея, оставилъ въ Москвѣ съ Царевичемъ Петромъ. 220 Бояръ и Придворныхъ Дѣтей Боярскихъ находилось въ Государевой дружинѣ ([110]). Въ Тулѣ, на Угрѣ стояли полки запасные. Государь осадилъ Смоленскъ, и 29 Іюля начали стрѣлять по городу изъ-за Днѣпра, большими и мелкими ядрами, *окованными свинцемъ*. Лѣтописецъ хвалитъ искусство главнаго Московскаго пушкаря, именемъ Стефана: отъ ужаснаго дѣйствія его орудій колебались стѣны и люди падали толпами; а пушки Литовскія, разрываясь, били своихъ ([111]). Весь городъ покрылся густыми облаками дыма; многія зданія пылали; жители въ безпамятствѣ вопили, и простирая руки къ осаждающимъ, требовали милосердія. Въ тысячу голосовъ кричали со стѣны: «Государь Великій «Князь! уйми мечь свой! Мы тебѣ повинуемся.» Пальба затихла. Смоленскій Епископъ, Варсонофій, вышелъ на мостъ, объявляя, что Воевода, Юрій Сологубъ, готовъ начать переговоры въ слѣдующій день. Великій Князь не далъ ни малѣйшаго срока и приказалъ снова громить крѣ-

пость. Епископъ возвратился со слезами. Вопль народный усилился. Съ одной стороны смерть и пламя, съ другой убѣжденія многихъ преданныхъ Россіи людей дѣйствовали такъ сильно, что граждане не хотѣли слышать о дальнѣйшемъ сопротивленіи, виня Сигизмунда въ нерадивости. Воевода Юрій именемъ Королевскимъ обѣщалъ имъ скорое вспоможеніе: ему не вѣрили, и Духовенство, Князья, Бояре, мѣщане Смоленскіе послали сказать Государю, что они не входятъ съ нимъ ни въ какіе договоры, моля его единственно о томъ, чтобы онъ мирно взялъ ихъ подъ Россійскую Державу и допустилъ видѣть лице свое. Вдругъ прекратились всѣ дѣйствія непріятельскія. Епископъ, Архимандриты, Священники съ иконами и съ крестами, — Намѣстникъ, Вельможи, чиновники Смоленскіе явились въ станѣ Россійскомъ, проливали слезы, говорили Великому Князю: «Государь! довольно «текло крови Христіанской; земля наша, твоя «отчина, пустѣетъ: пріими градъ съ *тихостію.*» Епископъ благословилъ Василія, который велѣлъ ему, Юрію Сологубу и знатнѣйшимъ людямъ итти въ Великокняжескій шатеръ, гдѣ они, давъ клятву въ вѣрности къ Россіи, обѣдали съ Государемъ и должны были остаться до утра; а другихъ отпустили назадъ въ городъ. Стража Московская смѣнила Королевскую у всѣхъ воротъ крѣпости. Герой Іоанновъ, старецъ Князь Даніилъ Щеня, на разсвѣтѣ вступилъ въ оную съ полками конными: переписавъ жителей, обя-

залъ ихъ присягою служить, доброхотствовать Государю Россійскому, не думать о Королѣ, забыть Литву.

Августа 1 Епископъ Варсонофій торжественно святилъ воду на Днѣпрѣ и съ крестами пошелъ въ городъ; за Духовенствомъ Великій Князь, Воеводы и все воинство въ стройномъ чинѣ. Бояре Смоленскіе, народъ, жены, дѣти встрѣтили Василія въ предмѣстіи *съ очами свѣтлыми.* Епископъ окропилъ святою водою Государя и народъ. Въ храмѣ Богоматери отпѣли молебенъ. Протодіаконъ съ амвона возгласилъ многолѣтіе побѣдителю. Благословивъ Великаго Князя животворящимъ крестомъ, Епископъ сказалъ ему: «Божіею милостію радуйся и здравствуй, право-«славный Царь всея Русіи, на своей отчинѣ и «*дѣдинѣ* града Смоленска!» Тутъ братья Государевы, Бояре, Воеводы, чиновники и всѣ жители Смоленскіе, поздравивъ его, начали цѣловаться другъ съ другомъ; плакали въ восхищеніи сердецъ, называясь родными, друзьями, единовѣрными. Окруженный воинскими сановниками, Василій сквозь толпы ликующаго народа прибылъ во дворецъ древнихъ Князей Мономахова племени и сѣлъ на ихъ тронѣ, среди Бояръ и Воеводъ; призвалъ знатнѣйшихъ гражданъ, объявилъ имъ милость, далъ грамоту льготную и Намѣстника, Князя Шуйскаго; утвердилъ права собственности, личную безопасность, свободу, уставы Витовтовы, Александровы и Сигизмундовы (112); всѣхъ угостилъ обѣ-

домъ; жаловалъ соболями, бархатами, камками, златыми деньгами. Оставивъ Варсонофія на Святительскомъ престолѣ, онъ дозволилъ бывшему Градоначальнику Сологубу ѣхать въ Литву, также и всѣмъ Королевскимъ воинамъ, выдавъ на каждаго человѣка по рублю; а тѣмъ изъ нихъ, которые добровольно записались къ намъ въ службу, по два рубля и по сукну Лунскому; не отнялъ земель ни у Дворянъ, ни у церквей; не вывелъ никого изъ Смоленска, ни Пана, ни гражданина (113); служивымъ людямъ назначилъ жалованье. Счастливый въ душѣ Государь изъявлялъ только любовь, снисхожденіе къ новымъ подданнымъ, радуясь, что совершилъ намѣреніе великаго отца своего и къ завоеваніямъ его прибавилъ столь блестящее. Взятіе Смоленска, говоритъ Лѣтописецъ, казалось свѣтлымъ праздникомъ для всей Россіи. Отнять чуждое лестно одному славолюбію Государя; но возвратить собственное весело народу.

Сто десять лѣтъ находился Смоленскъ подъ властію Литвы. Уже обычаи измѣнялись; но имя Русское еще трогало сердце жителей, и любовь къ древнему отечеству, вмѣстѣ съ братскимъ духомъ Единовѣрія, облегчили для Великаго Князя сіе важное завоеваніе, приписанное Сигизмундомъ измѣнѣ, ковнямъ Михаила Глинскаго, подкупу, обману (114). Сологубу отсѣкли въ Литвѣ голову (115): онъ конечно не былъ измѣнникомъ, отвергнувъ всѣ милостивыя предложенія Василіевы, не захотѣвъ ни за какое богатство,

ни за какіе чины остаться въ Россіи. Въ дѣлахъ государственныхъ несчастіе бываетъ преступленіемъ. Но Михаилъ дѣйствительно могъ имѣть тайныя связи въ Смоленскѣ: по крайней мѣрѣ онъ думалъ, что ему, изъ благодарности за его услуги, отдадутъ сей знаменитый городъ во владѣніе. Великій Князь не сдѣлалъ того, и смѣялся, какъ увѣряютъ, надъ безмѣрнымъ честолюбіемъ Глинскаго; а Глинскій, уже опытный въ измѣнѣ, замыслилъ новую ([116]).

Государь немедленно отрядилъ Воеводъ Московскихъ и Смоленскихъ ко Мстиславлю, гдѣ княжилъ тогда одинъ изъ потомковъ Гедиминова сына, Евнутія, Михаилъ: не имѣя силъ противиться, онъ выѣхалъ на встрѣчу къ нашему войску, присягнулъ Россіи, былъ у Великаго Князя, и милостиво имъ одаренный, возвратился въ свою отчину. Граждане Кричева и Дубровны сами собою намъ поддалися ([117]). Довольный сими пріобрѣтеніями, Василій не желалъ иныхъ: учредилъ Правительство въ Смоленскѣ, оставилъ тамъ часть войска, другую послалъ къ Борисову, къ Минску, и самъ возвратился въ Дорогобужъ ([118]). Михаилъ Глинскій стоялъ со ввѣреннымъ ему отрядомъ близъ Орши. Никто не зналъ объ его злыхъ умыслахъ. Потерявъ надежду видѣть себя Владѣтельнымъ Княземъ Смоленскимъ, досадуя на Василія и жалѣя о Литвѣ,

Измѣна Глинскаго.

онъ тайно предложилъ Сигизмунду свои услуги, изъявлялъ раскаяніе, обѣщалъ загладить прошедшее. Личная, справедливая ненависть къ измѣннику уступила явной пользѣ государственной: Король увѣрилъ Глинскаго въ милости. Утвердили договоръ клятвами; согласились, чтобы войско Литовское шло, какъ можно скорѣе, къ Днѣпру: ибо Михаилъ отвѣтствовалъ Королю за побѣду. Уже сіе войско находилось близъ Орши: Глинскій, узнавъ о томъ, ночью сѣлъ на коня и бѣжалъ изъ Россійскаго стана; но отъѣхалъ не далеко. Одинъ изъ его слугъ извѣстилъ Воеводу нашего, Князя Булгакова-Голицу, о бѣгствѣ измѣнника: Воевода въ ту же минуту съ легкою дружиною поскакалъ за нимъ въ обгонъ, пересѣкъ дорогу и ждалъ въ лѣсу. Глинскій ѣхалъ впереди; за нимъ, въ верстѣ, толпа вооруженныхъ слугъ: ихъ и господина схватили и представили въ Дорогобужѣ Великому Князю. Глинскій не могъ запираться: у него вынули изъ кармана Сигизмундовы письма ([119]). Готовясь къ смерти, онъ говорилъ смѣло о своихъ услугахъ и неблагодарности Василіевой. Государь приказалъ отвезти его скованнаго въ Москву; а Воеводамъ нашимъ, Князю Булгакову, Боярину Челяднину и многимъ другимъ итти на встрѣчу къ непріятельской рати. Константинъ Острожскій предводительствовалъ ею. Пишутъ, что нашихъ было 80,000, Литовцевъ же только 35,000, ([120]). Сошлися на берегахъ Днѣпра, и нѣсколько дней стояли тихо, Россіяне

на лѣвомъ, Литовцы на правомъ. Чтобы усыпить Московскихъ Воеводъ, Константинъ предлагалъ имъ разойтися безъ битвы ([121]), и тайно наводилъ мостъ въ пятнадцати верстахъ отъ ихъ стана. Узнавъ, что половина непріятелей уже на сей сторонѣ рѣки, гордый Бояринъ Челяднинъ сказалъ: «мнѣ мало половины; жду ихъ «всѣхъ, и тогда однимъ разомъ управлюсь «съ ними» ([122]). Конница, пѣхота Литовская перешли, устроились, заняли выгодное мѣсто: началась кровопролитная битва. Увѣряютъ, что главные Воеводы Московскіе, Князь Булгаковъ-Голица и Бояринъ Челяднинъ, отъ зависти не хотѣли помогать другъ другу; что движенія нашего войска не имѣли связи, ни общей цѣли; что въ самомъ пылу сраженія Челяднинъ выдалъ Булгакова и бѣжалъ ([123]). По другимъ извѣстіямъ, Князь Константинъ употребилъ хитрость: отступилъ притворно, навелъ Россіянъ на пушки, и въ то же время зашелъ имъ въ тылъ ([124]). Всѣ говорятъ согласно, что Литовцы никогда не одерживали такой знаменитой побѣды надъ Россіянами: гнали, рѣзали, топили ихъ въ Днѣпрѣ и въ Кропивнѣ; тѣлами усѣяли поля между Оршею и Дубровною; плѣнили Булгакова, Челяднина и шесть иныхъ Воеводъ, тридцать семь Князей, болѣе 1500 Дворянъ и чиновниковъ ([125]); взяли обозъ,

Битва Оршинская. 8 Сентября.

знамена, снарядъ огнестрѣльный; однимъ словомъ, въ полной мѣрѣ отмстили намъ за Ведрошскую битву. Мы лишились тридцати тысячь воиновъ: ночь и лѣса спасли остальныхъ. На другой день Константинъ торжествовалъ побѣду надъ своими единовѣрными братьями и Русскимъ языкомъ славилъ Бога за истребленіе Россіянъ (126); пышно угостилъ знатныхъ плѣнниковъ и немедленно отправилъ къ Сигизмунду, который велѣлъ Челяднина и Булгакова оковать цѣпями: слѣдственно наказалъ ихъ за то, что они услужили ему своимъ неразуміемъ. Сіи злосчастные Воеводы долго томились въ неволѣ, презираемые Литвою и какъ бы забвенные отечествомъ (127). — Сигизмундъ, будучи внѣ себя отъ радости, спѣшилъ извѣстить всю Европу о славѣ Литовскаго оружія; дарилъ Государей и Папу нашими плѣнниками (128); мыслилъ, что отниметъ у Россіи не только Смоленскъ, но и всѣ ея прежнія завоеванія (129); что Василій не можетъ собрать новыхъ сильныхъ полковъ, и что ему остается только бѣжать во глубину Московскихъ лѣсовъ. Король ошибся: сія блестящая побѣда не имѣла никакихъ важныхъ слѣдствій.

Съ первою вѣстію о нашемъ несчастіи прискакали въ Смоленскъ нѣкоторые раненные въ битвѣ чиновники Великокняжескіе. Весь городъ пришелъ въ волненіе. Многіе тамошніе Бояре думали, подобно Сигизмунду, что Россія уже пала: совѣтовались между собою, съ Епископомъ

Измѣна Епископа Смоленскаго.

Варсонофіемъ, и рѣшились измѣнить Государю. Епископъ тайно послалъ къ Королю своего племянника, (130) съ увѣреніемъ, что если онъ немедленно пришлетъ войско, то Смоленскъ будетъ его. Но другіе вѣрные Бояре донесли о семъ умыслѣ Намѣстнику, Князю Василію Шуйскому, который, едва успѣвъ взять измѣнниковъ и самого Епископа подъ стражу, увидѣлъ знамена Литовскія: самъ Константинъ съ шестью тысячами отборныхъ воиновъ явился предъ городскими стѣнами. Тутъ Шуйскій изумилъ его и жителей зрѣлищемъ ужаснымъ: велѣлъ на стѣнѣ, въ глазахъ Литвы, повѣсить всѣхъ заговорщиковъ, кромѣ Святителя, надѣвъ на нихъ собольи шубы, бархаты, камки, а другимъ привязавъ къ шеѣ серебряные ковши или чарки, пожалованныя имъ отъ Великаго Князя (131). Константинъ воспылалъ гнѣвомъ: приступилъ къ Смоленску; но измѣнниковъ уже не было: граждане и воины бились мужественно съ Литвою. Константинъ ушелъ: Россіяне захватили не мало плѣнниковъ и часть обоза. Недостойнаго Пастыря, Варсонофія, отвезли въ Дорогобужъ къ Великому Князю, который, изъявивъ удовольствіе Шуйскому, и давъ всѣ нужныя повелѣнія для безопасности Смоленска, возвратился въ Москву (132). — Литовцы заняли только

Приступъ Острожскаго къ Смоленску.

Дубровну, Мстиславль и Кричевъ, гдѣ жители снова присягнули Сигизмунду.

Король желалъ отдохновенія и распустилъ войско; но сынъ Менгли-Гиреевъ, Магметъ, узнавъ о побѣдѣ его, хотѣлъ воспользоваться ею, чтобы опустошить южныя владѣнія Россійскія, съ помощію новаго измѣнника нашего, Воеводы Евстафія Дашковича. Мы упоминали о семъ Литовскомъ бѣглецѣ, коего милостиво принялъ Іоаннъ (133), и который, служивъ нѣсколько лѣтъ Василію, ушелъ къ Сигизмунду въ слѣдъ за Константиномъ Острожскимъ. Получивъ отъ Короля во владѣніе Каневъ и Черкасы, имѣя воинскія достоинства, смѣлость, мужество, Дашковичь прославился въ Исторіи Днѣпровскихъ Козаковъ, заслуживъ имя ихъ Ромула (134): образовалъ, устроилъ сіе легкое, дѣятельное, неутомимое ополченіе, коему удивлялась Европа; избралъ Вождей, ввелъ строгую подчиненность, далъ каждому воину мечь и ружье; наблюдалъ всѣ движенія Крымцевъ и преграждалъ имъ путь въ Литву. Дашковичь зналъ Россію и казался для насъ тѣмъ опаснѣе: вмѣстѣ съ Кіевскимъ Воеводою, Андреемъ Немировичемъ, онъ присоединился къ толпамъ Магметъ-Гиреевымъ, думая взять Черниговъ, Новгородъ Сѣверскій, Стародубъ, гдѣ не было ни Князей, ни Московской рати: Шемякинъ и Князь Василій

Набѣгъ Крымцевъ.

г. 1515.

Стародубскій находились тогда у Государя ([135]). Непріятели, сверхъ многочисленной конницы, имѣли тяжелый снарядъ огнестрѣльный. Но Воеводы Сѣверскіе отстояли города: ибо Магметъ-Гирей боялся тратить людей на приступахъ; не слушался Литовскихъ предводителей, и заключилъ свой походъ бѣгствомъ.

Тѣмъ не менѣе Василій съ огорченіемъ видѣлъ, что измѣна Менгли-Гиреева въ пользу Литвы уменьшаетъ силы Россіи. Онъ искалъ новаго средства обратить Хана къ прежней системѣ. Посолъ Турецкій еще былъ въ Москвѣ: Государь отпустилъ его въ Константинополь съ своимъ ближнимъ Дворяниномъ, Васильемъ Коробовымъ, написавъ съ нимъ въ отвѣтной грамотѣ къ Султану о вѣроломствѣ Менгли-Гирея, и прося, чтобы Селимъ запретилъ Хану дружиться съ Литвою ([136]). Коробову надлежало стараться о заключеніи рѣшительнаго союза между Россіею и Портою Оттоманскою, съ обязательствомъ помогать другъ другу во всѣхъ случаяхъ, особенно противъ Литвы и Тавриды, ежели Менгли-Гирей не отступитъ отъ Сигизмунда. — Но Коробовъ не успѣлъ въ главномъ дѣлѣ: Селимъ писалъ къ Государю, что пришлетъ въ Москву новаго Посла и не сдержалъ слова, будучи занятъ войною Персидскою. Уставили единственно правила свободной

Вторичное посольство къ Султану.

торговли въ Азовѣ и въ Кафѣ для нашихъ купцевъ.

Въ сіе время не стало Менгли-Гирея (137): Россія могла бы справедливо оплакивать его кончину, если бы онъ былъ для Василія тоже, что для Іоанна. Сей достопамятный въ Исторіи Ханъ пережилъ самого себя, бывъ въ послѣдніе годы только тѣнію Царя, и Великій Князь могъ ждать болѣе успѣха въ дѣлахъ съ его наслѣдникомъ, старшимъ сыномъ, Магметъ-Гиреемъ. Къ несчастію, новый Ханъ не походилъ на отца ни умомъ, ни добрыми качествами: вопреки Алкорану, любилъ пить до чрезмѣрности, раболѣпствовалъ женамъ, не зналъ добродѣтелей государственныхъ, зналъ одну прелесть корысти, былъ истинымъ Атаманомъ разбойниковъ. Сначала онъ изъявилъ желаніе пріобрѣсти дружбу Россіи, и съ честію отпустилъ Великокняжескаго Посла, Тучкова; но скоро, взявъ дары отъ Сигизмунда, прислалъ въ Москву Вельможу своего. Дувана, съ наглыми и смѣшными требованіями: писалъ, что взятіе Смоленска нарушаетъ договоръ Василіевъ съ Менгли-Гиреемъ, который будто бы пожаловалъ Смоленское Княженіе Сигизмунду; что Василій долженъ возвратить оное, также и Брянскъ, Стародубъ, Новгородъ Сѣверскій, Путивль, вмѣстѣ съ другими городами, будто бы данными Ханомъ, отцемъ его,

Смерть Менгли-Гирея.

Посольство отъ новаго Хана Магметъ-Гирея и наше къ нему.

Іоанну въ знакъ милости ([138]). Магметъ-Гирей требовалъ еще освобожденія всѣхъ Крымскихъ плѣнниковъ, дани съ Одоева, многихъ вещей драгоцѣнныхъ, денегъ; а въ случаѣ отказа грозилъ местію. Великій Князь не могъ образумить безсмысленнаго варвара; но могъ надѣяться на доброхотство нѣкоторыхъ Вельможъ Крымскихъ, въ особенности на втораго Менгли-Гиреева сына, Ахмата Хромаго, объявленнаго *Калгою Орды* или первымъ чиновникомъ по Ханѣ: для того вооружился терпѣніемъ, честилъ Посла, и въ удовольствіе Магметъ-Гирею освободилъ Летифа: ибо сей бывшій Царь Казанскій опять сидѣлъ тогда подъ стражею за непріятельскія дѣйствія Крымцевъ ([139]). Ему снова позволено было ѣздить во дворецъ и на охоту; но Великій Князь не согласился отпустить его къ матери, которая желала отправиться съ нимъ
г. 1515-1516. въ Мекку. — Бояринъ Мамоновъ повезъ отвѣтныя грамоты и дары Хану, весьма умѣренные ([140]). Онъ долженъ былъ сказать Магметъ-Гирею, что нелѣпыя его требованія суть плодъ Сигизмундова коварства; что Государь не только намѣренъ вѣчно владѣть Смоленскимъ Княженіемъ, но хочетъ отнять у Короля и всѣ иные древніе города наши; что Менгли-Гирей утвердилъ свое могущество дружбою Россіи, а не Литвы, и что мы готовы возобновить союзъ,

ежели Ханъ съ искреннею любовію обратится къ Великому Князю и престанетъ намъ злодѣйствовать: ибо въ то самое время, когда его Посолъ выѣзжалъ изъ Москвы, Крымцы нападали на Мещеру и толпились въ окрестностяхъ Азова, угрожая предѣламъ Рязанскимъ. — Главнымъ порученіемъ Мамонова было преклонить къ намъ Вельможъ Ханскихъ.

Два обстоятельства помогли сначала его успѣху: Магметъ-Гирей тщетно ждалъ новыхъ даровъ отъ Сигизмунда и свѣдалъ, что Султанъ имѣетъ особенное уваженіе къ Великому Князю (141). Хотя Мамоновъ нѣсколько разъ былъ оскорбляемъ наглостію Царедворцевъ (142); хотя Магметъ-Гирей жаловался на скупость Василіеву: однакожь изъявилъ желаніе отстать отъ Короля и вызвался даже, въ залогъ союза, прислать одного изъ сыновей на житье въ Россію, ежели Великій Князь пошлетъ сильную рать водою на Астрахань. Уже написали и грамоту договорную, которую надлежало утвердить присягою въ день Менгли-Гиреева поминовенія; но Сигизмундъ успѣлъ во время доставить 30,000 червонцевъ Хану (143): грамоту забыли, Посла Московскаго не слушали, и сынъ Магметъ-Гиреевъ, Царевичь Богатырь, устремился на Россію съ *голодными толпами*: ибо отъ чрезвычайныхъ жаровъ сего лѣта поля и луга изсохли въ Тавридѣ. Опустошивъ села Мещерскія и Рязанскія, Богатырь ушелъ; а Ханъ въ отвѣтъ на жалобы Великаго Князя просилъ его извинить молодость Цареви-

ча, который будто бы самовольно тревожилъ Россійскія владѣнія. Еще мирныя сношенія не прерывались: мѣсто умершаго въ Тавридѣ Мамонова заступилъ Боярскій сынъ Шадринъ, умный, дѣятельный ([144]). Весьма усердно помогалъ ему братъ Ханскій, Калга Ахматъ, ненавистникъ Литвы и другъ Россіи, гдѣ онъ на всякой случай готовилъ себѣ вѣрное убѣжище. «Мы живемъ въ худыя времена», говорилъ Ахматъ Послу Московскому: «отецъ нашъ повелѣвалъ «всѣми, дѣтьми и Князьями. Теперь братъ мой «Царь, сынъ его Царь, и Князья Цари» ([145]). Истину сего доказывалъ Калга собственными поступками: господствуя въ Очаковѣ, нападалъ на Литовскіе предѣлы, вопреки дружбѣ Сигизмундовой съ Магметъ-Гиреемъ, и писалъ къ Василію: «не думая ни о чемъ иномъ, возьми для «меня Кіевъ: я помогу тебѣ завоевать Вильну, «Троки и всю Литву» ([146]). Другіе Князья, также доброхотствуя намъ, враждовали Королю; увѣряли, что и Ханъ измѣнитъ ему, если Великій Князь будетъ только щедрѣе; а Магметъ-Гирею сказывали, что Россія намѣрена помогать его злодѣямъ, Ногаямъ и Астраханцамъ, если онъ не предпочтетъ ея союза Литовскому. Сіи Вельможи и безстыдное корыстолюбіе самого Хана произвели наконецъ то, что онъ, взявъ одною рукою Сигизмундово золото, занесъ другую съ мечемъ на его землю, не для услуги намъ, но единственно для добычи, пославъ 40,000 всадниковъ разорять южныя Королевскія владѣнія ([147]).

Сей варваръ не боялся мести за свое вѣроломство, понимая, что Россія и Литва все простятъ ему, въ надеждѣ вредить черезъ него другъ другу. Между тѣмъ открылось новое важное обстоятельство, которое убѣждало его искать Василіевой пріязни.

Царь Казанскій, Магметъ-Аминь, занемогъ жестокою болѣзнію: отъ головы до ногъ, по словамъ Лѣтописца, онъ *кипѣлъ* гноемъ и червями; призывалъ цѣлителей, волхвовъ, и не имѣлъ облегченія; заражалъ воздухъ смрадомъ гніющаго своего тѣла, и думалъ, что сія казнь послана ему Небомъ за вѣроломное убіеніе столь многихъ Россіянъ и за неблагодарность къ Великому Князю Іоанну. «Русской Богъ караетъ меня,» говорилъ онъ ближнимъ: «Іоаннъ «былъ мнѣ отцемъ, а я, слушаясь коварной «жены, отплатилъ зломъ благодѣтелю. Те«перь гибну: къ чему мнѣ сребро и злато, «престолъ и вѣнецъ, одръ многоцѣнный и «жены красныя? Оставлю ихъ другимъ.» Чтобы умереть спокойнѣе, Магметъ-Аминь желалъ удостовѣрить Василія въ своей искренности: прислалъ ему 300 коней украшенныхъ золотыми сѣдлами и червлеными коврами, Царскій доспѣхъ, щитъ и шатеръ, подарокъ Владѣтеля Персидскаго, столь богатый и хитро вытканный, что Нѣмецкіе купцы разсматривали его въ Москвѣ съ удивленіемъ (148). Послы Казанскіе мо-

Болѣзнь и посольство Царя Казанскаго.

лили Великаго Князя объявить Летифа их ъ Владѣтелемъ въ случаѣ Магметъ-Аминевой смерти, обязываясь вѣчно зависѣть отъ Государя Московскаго и принимать Царей единственно отъ его руки ([149]). Написали грамоту: Окольничій Тучковъ ѣздилъ съ нею въ Казань, гдѣ Царь, Вельможи и народъ утвердили сей договоръ клятвами. Василій, въ доказательство своего благоволенія къ Магметъ–Аминю, пожаловалъ Летифу городъ Коширу.

Ханъ Крымскій принималъ живѣйшее участіе въ судьбѣ Казани, опасаясь, чтобы тамошніе Князья послѣ Магметъ-Аминя не взяли къ себѣ на престолъ кого нибудь изъ Астраханскихъ, ненавистныхъ ему Царевичей. Для сего онъ послалъ знатнаго человѣка въ Москву, дружески писалъ къ Великому Князю, хвалился разореніемъ Литвы, обѣщалъ немедленно дать свободу Московскимъ плѣнникамъ и заключить союзъ съ нами, если Государь возведетъ Летифа на Казанское Царство, отниметъ городокъ Мещерскій, бывшее Нордоулатово помѣстье, у своего служиваго Царевича Астраханскаго Шигъ–Алея, уступитъ оное которому нибудь изъ сыновей Магметъ-Гиреевыхъ и рѣшится воевать Астрахань. Долго Василій отвергалъ сіе послѣднее условіе: наконецъ
г. 1517. и на то согласился ([150]). Казалось, что всѣ препятствія исчезли. Въ Москву ждали но-

выхъ Пословъ Ханскихъ съ договорною грамотою: они не ѣхали, и Великій Князь узналъ, что Сигизмундъ, подобно ему неутомимый въ исканіи Магметъ-Гиреевой дружбы, умѣлъ опять задобрить Хана богатыми дарами. 20,000 Крымцевъ съ огнемъ и мечемъ нечаянно явились въ Россіи и дошли до самой Тулы, гдѣ встрѣтили ихъ Московскіе Воеводы, Князья Одоевскій и Воротынскій. Хищниковъ наказали: спасаясь бѣгствомъ, они тонули въ рѣкахъ и въ болотахъ; гибли отъ руки нашихъ воиновъ и земледѣльцевъ, которые засѣли въ лѣсахъ и не давали имъ ни пути ни пощады, такъ, что весьма не многіе возвратились домой, нагіе и босые. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Князь Шемякинъ выгналъ Крымцевъ изъ области Путивльской и побилъ ихъ за Сулою (151). Впаденіе Крымцевъ.

Не имѣвъ успѣха въ сношеніяхъ съ Ханомъ, Василій пріобрѣлъ въ сіе время двухъ знаменитыхъ, искреннихъ друзей въ Европѣ. Еще въ 1513 году Посолъ Короля Датскаго, Іоанна, находился въ Москвѣ, или по дѣламъ Шведскимъ, или для того, чтобы склонить насъ къ соединенію Греческой Церкви съ Римскою, какъ самъ Король писалъ къ Императору Максимиліану и Людовику XII (152). Сынъ Іоанновъ, Христіанъ II, памятный въ Исторіи ужасною свирѣпостію и прозваніемъ Нерона Сѣвернаго, Союзъ съ Королемъ Датскимъ.

въ 1517 году утвердилъ пріязнь съ Россіею торжественнымъ договоромъ воевать общими силами — *гдѣ и когда будетъ возможно* — Швецію и Польшу ([153]), хотя Намѣстники Великокняжескіе въ 1510 году заключили съ первою шестидесятилѣтнее перемиріе ([154]). Посолъ нашъ, Дворянинъ Микулинъ, былъ въ Копенгагенѣ: Христіановъ, Давидъ Герольтъ, въ Москвѣ. Великій Князь позволилъ Датскимъ купцамъ имѣть церковь въ Новѣгородѣ и свободно торговать въ Россіи. — Усильно домогаясь властвовать надъ всею древнею Скандинавіею, Христіанъ не могъ содѣйствовать намъ противъ Сигизмунда; а Василій, занятый Литовскою войною, оставался единственно доброжелателемъ Христіана въ его бореніи съ Шведскимъ Правителемъ Стуромъ. Однакожь тѣсная связь между сими двумя Государями устрашала ихъ враговъ: Сигизмундъ долженъ былъ опасаться Даніи, а Швеція Россіи ([155]).

Союзъ съ Нѣмецкимъ Орденомъ.

Вторымъ союзникомъ нашимъ былъ Великій Магистръ Нѣмецкаго Ордена, Албрехтъ Бранденбургскій. Пламенный духъ сего воинственнаго братства, освященнаго Вѣрою и добродѣтелію, памятнаго великодушіемъ и славою первыхъ его основателей, угасъ въ странахъ Сѣвера ([156]): богатство не замѣняетъ доблести, и Рыцари-Владѣтели, нѣкогда сильные презрѣніемъ

жизни, въ избыткѣ ея пріятностей увидѣли свою слабость. Покорители язычниковъ были покорены собратіями-Христіанами. Казимиръ и наслѣдникъ его уже взяли многіе Орденскіе города, именуя Великаго Магистра своимъ присяжникомъ. Рыцарство тосковало въ униженіи: хотѣло возвратить свою древнюю славу, независимость и владѣнія; молило Папу, Германію, Императора о защитѣ, и наконецъ обратилось къ Россіи, весьма естественно: ибо мы одни ревностно желали ослабить Сигизмунда. Хотя Нѣмецкій Орденъ, вступаясь за Ливонію, часто оглашалъ насъ въ Европѣ злодѣями, невѣрными, еретиками; но сіи укоризны были преданы забвенію, и крестоносные витязи Іерусалимскіе дружественно простерли руку къ Великому Князю (157). Албрехтъ прислалъ въ Москву Орденскаго чиновника, Дидриха Шонберга, принятаго со всѣми знаками уваженія. Въ такое время, когда Дворъ говѣлъ и обыкновенно не занимался дѣлами, на первой недѣлѣ Великаго поста, Шонбергъ имѣлъ переговоры съ Боярами, въ Субботу обѣдалъ у Государя, въ Воскресенье вмѣстѣ съ нимъ слушалъ Литургію въ храмѣ Успенія. Заключили наступательный союзъ противъ Короля (158). Магистръ требовалъ ежемѣсячно *шестидесяти тысячь золотыхъ Реинскихъ* на содержаніе десяти тысячь пѣхотныхъ и двухъ тысячь конныхъ воиновъ: Государь обѣщалъ, если Нѣмцы возьмутъ Данцигъ, Торнъ, Маріенверееръ, Эльбингъ, и пойдутъ на Краковъ; одна-

кожь не хотѣлъ включить въ договоръ, чтобы Россіи не мириться съ Сигизмундомъ до отнятія у него всѣхъ Прусскихъ и нашихъ древнихъ городовъ, сказавъ Шонбергу: «отъ васъ надобно «требовать обязательства, ибо вы еще не воюе-«те; а мы уже давно въ полѣ, и дѣлаемъ, что «можемъ» ([159]). Условились хранить договоръ въ тайнѣ, чтобы Король не успѣлъ изготовиться къ оборонѣ. Шонбергъ, получивъ въ даръ бархатную шубу, 40 соболей и 2,000 бѣлокъ, отправился въ Кенигсбергъ, съ Дворяниномъ Загряскимъ ([160]). Размѣнялись клятвенными грамотами. Магистру хотѣлось, чтобы Великій Князь немедленно доставилъ 625 пудъ серебра въ Кенигсбергъ, гдѣ наши собственные чиновники могли бы обратить оное въ деньги и выдавать ихъ, въ случаѣ надобности, Нѣмецкимъ ратникамъ ([161]). Для сего новый Посолъ Орденскій, Мельхіоръ Робенштеинъ, былъ въ Москвѣ. Василій отвѣтствовалъ, что серебро готово, но что Нѣмцы должны прежде начать войну. — Магистръ Ливонскій, старецъ Плеттенбергъ, не участвовалъ въ семъ союзѣ: закоренѣлая ненависть къ Россіянамъ склоняла его, даже вопреки пользамъ Нѣмецкаго Ордена, доброжелательствовать Королю. Въ теченіе войны Литовской онъ съ досадою извѣщалъ Прусскаго Магистра о нашихъ выгодахъ, съ удовольствіемъ о неудачахъ ([162]), хотя и не могъ надѣяться на благодарность Короля, бывъ принужденъ отказаться отъ его дружбы въ угодность Великому Князю ([163]): по-

ложеніе весьма опасное для слабой Державы!

Отпуская Загряскаго въ Кенигсбергъ, Государь велѣлъ ему развѣдать тамъ о дѣлахъ Императора Максимиліана съ Королемъ Французскимъ, съ Венеціею; узнать, будетъ ли отъ него Посольство въ Москву, и въ какихъ сношеніяхъ онъ находится съ Сигизмундомъ (164)? Уже Василій не имѣлъ надежды на помощь Императора въ сей войнѣ, слышавъ о свиданіи его съ Королями Венгерскимъ и Польскимъ въ Вѣнѣ, о брачныхъ союзахъ ихъ семейства; напротивъ того желалъ, чтобы Максимиліанъ объявилъ себя посредникомъ между Литвою и Россіею. Обѣ Державы хотѣли отдохновенія; но первая еще болѣе. Великій Князь молчалъ, а Сигизмундъ просилъ Императора доставить миръ Литвѣ. Для сего Посолъ Вѣнскаго Двора, Баронъ Герберштейнъ, мужъ ученый и разумный, прибылъ въ Москву (165). Представленный Государю, онъ съ жаромъ, искусствомъ и краснорѣчіемъ описалъ бѣдствіе междоусобія въ Европѣ Христіанской и торжество злочестивыхъ Султановъ, которые, пользуясь ея несогласіемъ, берутъ земли и Царства. «Начто» — сказано въ сей достопамятной рѣчи Посольской — «начто Монар«хи державствуютъ? ко благу Вѣры и для «спокойствія подданныхъ. Такъ всегда мы-

Посольство Императора Максимиліана.

«слилъ Императоръ, и воевалъ не ради суетной «славы, не ради пріобрѣтеній чуждаго, но для «наказанія сварливыхъ, презирая опасность лич-«ную, самъ впереди, и съ меньшимъ числомъ по-«бѣждая, ибо Господь за добродѣтель. Уже Мак-«симиліанъ благоденствуетъ въ тишинѣ. Папа и «вся Италія съ нимъ въ союзѣ. Королевства Ис-«панскія, Неаполь, Сицилія и всѣ другія, чи-«сломъ *двадцать шесть*, и всѣ православныя, «признаютъ въ его внукѣ, Карлѣ, своего наслѣд-«ственнаго, законнаго Монарха. Король Порту-«галліи ему родственникъ, Король Англіи издав-«на другъ сердечный, Датскій и Венгерскій сы-«новья и братья, ибо женаты на внукахъ Макси-«миліановыхъ; а Польскій имѣетъ къ Государю «моему неограниченную довѣренность. Не буду «говорить предъ тобою о твоемъ Величествѣ: «вѣдаешь истинную, взаимную любовь, которая «васъ соединяетъ. Оставались только Король «Французскій и Венеція внѣ общаго Европей-«скаго братства: ибо всегда хотѣли особенныхъ «выгодъ своихъ, не занимаясь благомъ Христі-«анства; но и тѣ уже изъявили миролюбіе: уже, «какъ слышу, и договоръ подписанъ. Теперь да «обозритъ человѣкъ вселенную, отъ Востока до «Запада, отъ Юга до Сѣвера: кто изъ Вѣнце-«носцевъ православныхъ не связанъ съ Импера-«торомъ или родствомъ или дружбою? Всѣ — и «всѣ въ мірѣ, кромѣ Литвы и Россіи. Максими-«ліанъ послалъ меня къ тебѣ, въ надеждѣ, что «ты, Государь знаменитый, въ честь и въ славу

«Божію успокоишь Христіанство и собственную «землю : ибо миромъ цвѣтутъ Державы, войною «изнуряются; побѣда измѣняетъ — и кто въ «ней увѣренъ? — Доселѣ вѣщалъ Императоръ: «прибавлю и мое слово. Будучи въ Вильнѣ, я «говорилъ съ Посломъ Турецкимъ: онъ сказы-«валъ, что Султанъ завоевалъ Дамаскъ, Іеру-«салимъ и все Царство Египетское. Въ истинѣ «сего увѣрялъ меня также одинъ благородный «путешественникъ, который самъ былъ въ тѣхъ «мѣстахъ. Государь! мы и прежде опасались «Султанскаго могущества: не должны ли нынѣ «еще болѣе опасаться?» — Ученый Посолъ говорилъ о Филиппѣ и Александрѣ Македонскихъ: славилъ миролюбіе отца, осуждалъ сына, ненасытнаго въ кровопролитіи ([166]), и проч.

Василій имѣлъ бы право укорять Императора нарушеніемъ договора съ Россіею; но зная, что такіе упреки безполезны, и что Политика легко все извиняетъ, онъ за доброе намѣреніе изъявилъ ему благодарность и свою готовность къ миру. Обязываясь быть посредникомъ совершенно безпристрастнымъ и даже объявить войну Литвѣ, если Король не согласится на предложенія умѣренныя, честныя, справедливыя, Максимиліанъ хотѣлъ, чтобы наши Уполномоченные съѣхались для того съ Литовскими въ Даніи или на границѣ, или въ Ригѣ: Великій Князь сказалъ, что переговоры должны быть въ Москвѣ, какъ всегда бывало,

а не иначе, и далъ *опасную грамоту* для Королевскихъ Пословъ, назвавъ себя въ ней *Смоленскимъ* (167). Они пріѣхали: Янъ Щитъ, Намѣстникъ Могилевскій, и Богушъ, Государственный Секретарь, съ семидесятью Дворянами; но ихъ не впустили въ Москву: велѣли имъ жить въ Дорогомиловѣ: ибо Великій Князь узналъ, что войско Сигизмундово вступило въ наши предѣлы, и что самъ Король находился въ Полоцкѣ съ запасною ратію.

Послы Литовскіе.

Сіе нападеніе было местію. За нѣсколько времени предъ тѣмъ Воевода Псковскій, Андрей Сабуровъ, безъ вѣдома Государева ходилъ съ тремя тысячами воиновъ на Литву: шелъ мирно, не дѣлалъ никакой обиды жителямъ и сталъ у Рославля, объявивъ гражданамъ, что бѣжитъ отъ Великаго Князя къ Королю. Они повѣрили и выслали ему, какъ другу, съѣстные припасы; но Сабуровъ нечаянно, въ торговый день, взялъ Рославль, обогатился добычею и вывелъ оттуда множество плѣнниковъ, изъ коихъ освободилъ только 18 купцевъ Нѣмецкихъ (168). Чтобы наказать Псковитянъ, Герой Сигизмундовъ, Константинъ Острожскій, хотѣлъ завоевать Опочку, гдѣ былъ Намѣстникомъ Василій Михайловичь Салтыковъ, достойный жить въ Исторіи: ибо онъ рѣдкимъ мужествомъ удивилъ своихъ и непріятелей. Литовцы

Приступъ Острожскаго къ Опочкѣ.

вмѣстѣ съ наемниками Богемскими и Нѣмецкими двѣ недѣли громили пушками сію ничтожную крѣпость: стѣны падали; но Салтыковъ, воины его и граждане не слабѣли въ бодрой защитѣ, отразили приступъ, убили множество людей и Воеводу Сокола, отнявъ у него знамя. Между тѣмъ Воеводы Московскіе спѣшили къ Опочкѣ: изъ Великихъ Лукъ Князь Александръ Ростовскій, изъ Вязьмы Василій Шуйскій. Впереди были Князь Ѳеодоръ Оболенскій Телепневъ и храбрый мужъ Иванъ Лятцкій съ Дѣтьми Боярскими: они близъ Константинова стана въ трехъ мѣстахъ разбили на голову 14 тысячь непріятелей и новую рать, посланную Сигизмундомъ къ Острожскому; плѣнили Воеводъ, взяли обозъ и пушки ([169]). Наша главная сила шла прямо на Константина: онъ не захотѣлъ ждать ее, снялъ осаду, удалился скорыми шагами и не могъ спасти тяжелыхъ стѣнобитныхъ орудій, которыя остались трофеями Салтыкова. Россіяне загладили стыдъ Оршинской битвы, возложивъ на Константина знаменіе бѣглеца, по выраженію одного Лѣтописца.

6 Октября. Октября 18.

Узнавъ о сей побѣдѣ, Великій Князь дозволилъ Посламъ Сигизмундовымъ торжественно въѣхать въ Москву и принялъ ихъ съ удовольствіемъ. «Король» — сказалъ онъ — «предлагаетъ миръ и насту- Октября 25.

«паетъ войною. Теперь мы съ нимъ управились: можемъ выслушать мирныя слова его.» Переговоры начались весьма неумѣренными требованіями съ обѣихъ сторонъ. Мы хотѣли, чтобы Сигизмундъ отдалъ намъ Кіевъ, Витебскъ, Полоцкъ и другія области Россійскія, вмѣстѣ съ сокровищами и съ Удѣломъ покойной Королевы Елены, казнивъ всѣхъ наглыхъ Пановъ, оскорбителей ея чести; а Литовцы хотѣли имѣть не только Смоленскъ, Вязьму, Дорогобужъ, Путивль, всю землю Сѣверскую, но и половину Новагорода, Пскова, Твери (170). «Вотъ рѣчи *высо*«*кія*,» сказалъ Баронъ Герберштейнъ: «на«добно искать средины, или я заѣхалъ въ «Москву безполезно.» Паны Щитъ и Богушъ объявили наконецъ, что Сигизмундъ согласится возобновить договоръ, заключенный между Великимъ Княземъ Іоанномъ и Королемъ Александромъ въ 1494 году. Посолъ Максимиліановъ убѣждалъ Василія уступить хотя одинъ Смоленскъ, ставя ему въ примѣръ умѣренность славнаго Царя Пирра (171), Максимиліана, отдавшаго Венеціянской Республикѣ Верону, и самого Великаго Князя Іоанна, не хотѣвшаго отнять Казани у древнихъ ея Царей. Бояре Московскіе, умолчавъ о Пиррѣ, отвѣтствовали, что Императоръ могъ быть великодушенъ про-

Переговоры о мирѣ.

тивъ Венеціи, но что великодушіе не есть законъ; что Казань была и есть въ нашемъ подданствѣ; что Великій Князь не имѣетъ обычая уступать свои отчины, данныя ему Богомъ и побѣдою. Увѣряя въ своемъ безпристрастіи, Герберштеинъ явно держалъ сторону Литовскихъ Пословъ; оправдывалъ Сигизмунда; говорилъ, что Василій не долженъ вѣрить бѣглецамъ и плѣнникамъ, которые приписываютъ разбои Магметъ-Гирея Сигизмундовымъ наущеніямъ; что мысль Государева, наслѣдовать Удѣлъ Елены, противна всѣмъ уставамъ; что оскорбители Королевы могутъ быть наказаны, если мы умѣримъ иныя требованія, и проч. Въ сихъ любопытныхъ прѣніяхъ видны искусство и тонкость разума Герберштеинова, грубость Литовскихъ Пословъ и спокойная непреклонность Василіева: языкъ Бояръ его учтивъ, благороденъ и доказываетъ образованность ума. Спорили много и долго: Смоленскъ былъ главнымъ препятствіемъ мира. Панъ Щитъ сказалъ: «мы ѣдемъ: Небо казнитъ виновника «кровопролитія.» *Не насъ*, отвѣтствовали Бояре. Государь, отпуская Пословъ, всталъ съ мѣста; велѣлъ кланяться Сигизмунду, и въ знакъ ласки далъ имъ руку. Все кончилось. Тогда Баронъ Герберштеинъ вручилъ Великому Князю особенную грамоту Максиміліанову о Михаилѣ Глинскомъ: Императоръ писалъ, что Михаилъ могъ быть виновенъ, но

уже довольно наказанъ за то неволею; что сей мужъ имѣетъ знаменитыя достоинства, воспитанъ при Дворѣ Вѣнскомъ, служилъ вѣрно ему и Курфирсту Саксонскому; что Василій сдѣлаетъ Максимиліану великое удовольствіе, если отпуститъ Глинскаго въ Испанію, къ его внуку Карлу. Государь не согласился, отвѣтствуя, что сей измѣнникъ положилъ бы свою голову на плахѣ, если бы не изъявилъ желанія принять нашу Вѣру; что отецъ и мать его были Греческаго Закона; что Михаилъ, въ Италіи легкомысленно приставъ къ Римскому, одумался, хочетъ умереть Христіаниномъ Восточной Церкви и порученъ Митрополиту для наставленія.

Посольство къ Максимиліану.

Такимъ образомъ Посольство Максимиліаново не имѣло никакого успѣха; однакожь Герберштеинъ выѣхалъ изъ Москвы съ надеждою, что если не миръ, то хотя перемиріе остается возможнымъ между воюющими Державами. Великій Князь послалъ въ Вѣну Дьяка Владиміра Племян-
г. 1518. никова объяснить Императору нашу справедливость и требовать его обѣщаннаго содѣйствія въ войнѣ противъ Сигизмунда (172). Сей Дьякъ не могъ нахвалиться учтивостію Максимиліана, который велѣлъ ему говорить рѣчь сидя, *въ колпакъ;* посадилъ и нашего толмача Исто-

му; при имени Великаго Князя снималъ шляпу; угостилъ ихъ пышно и ѣздилъ съ ними на охоту; предлагалъ имъ лучшихъ соколовъ въ даръ, и твердилъ, что не имѣетъ ничего завѣтнаго для своего брата, Великаго Князя. Но сія ласка происходила единственно отъ желанія прекратить войну Литовскую: ибо Максимиліанъ дѣйствительно замышлялъ тогда воздвигнуть всѣхъ Европейскихъ Государей на Султана, и видя слабость Короля, боялся, чтобы Россія не подавила его. «Цѣлость Литвы» — писалъ онъ къ Великому Магистру Нѣмецкому — «необходима для блага всей Европы: величіе Россіи «опасно» ([173]). — Новые Послы Максимиліановы, Совѣтникъ Францискъ да-Колло и Антоній де-Конти, прибыли въ Москву съ Племянниковымъ ([174]), чтобы вторично ходатайствовать за Сигизмунда, или, какъ они говорили, за Христіанство; съ избыткомъ краснорѣчія представили картину Оттоманскихъ завоеваній въ трехъ частяхъ міра, отъ Воспора Ѳракійскаго до песковъ Египетскихъ, Кавказа и Венеціи; описали жалостное рабство Греческой Церкви, матери нашего Христіанства; униженіе святыни, гроба Спасителева, Назарета, Виѳлеема и Синая подъ властію Магометанъ; изъясняли, что Порта въ сосѣдствѣ съ

Новые послы отъ Императора.

нами чрезъ Тавриду и можетъ скоро наложить тяжкую свою руку на Россію; изобразили свирѣпость, хитрость, счастіе Селима, упоеннаго кровію отца и трехъ братьевъ, *возжигающаго предъ собою свѣтильники отъ тука сердецъ Христіанскихъ* и давшаго себѣ имя *Владыки міра* (175); убѣждали Василія, какъ знаменитѣйшаго Царя Вѣрныхъ, итти за хоругвію Іисуса; наконецъ молили его объявить искренно, желаетъ ли или не желаетъ мира съ Литвою, чтобы *не плодить рѣчей* безполезно? Великій Князь хотѣлъ его, но не хотѣлъ возвратить Смоленска. Послы начали говорить о перемиріи на пять лѣтъ. Онъ соглашался, но съ условіемъ освободить всѣхъ плѣнниковъ: чего не принялъ Сигизмундъ, имѣя ихъ гораздо болѣе, нежели мы. Наконецъ Василій, въ угодность Императору, далъ слово не воевать Литвы въ теченіе 1519 года, если Король также не будетъ безпокоить Россіи, и если Максимиліанъ обяжется послѣ того вмѣстѣ съ Россіею наступить войною на Сигизмунда (176). Съ симъ предложеніемъ отправился въ Австрію Великокняжескій Дьякъ Борисовъ. Но Максимиліанъ скончался. Василій жалѣлъ объ немъ какъ о своемъ знаменитомъ пріятелѣ, а Сигизмундъ оплакалъ его какъ усерднаго покровителя, въ такое время, когда новые враги возстали на Литву и Польшу.

Абдылъ-Летифъ, названный преемникомъ Ца-

ря Магметъ-Аминя, умеръ въ Москвѣ (177), къ огорченію Великаго Князя: ибо Летифъ служилъ ему орудіемъ Политики или залогомъ въ отношеніи къ Тавридѣ и Казани. Но сіе происшествіе имѣло сначала благопріятныя для насъ слѣдствія. Желая завоевать Астрахань, Магметъ-Гирей не менѣе желалъ подчинить себѣ и Казань: содѣйствіе Россіи, нужное и для перваго, было еще необходимѣе для успѣха въ послѣднемъ намѣреніи. И такъ, услышавъ о смерти Летифа, зная близость Магметъ-Аминевой и назначивъ Казанскій престолъ брату своему, Саипъ-Гирею, Ханъ обратился къ дружбѣ Великаго Князя. Хотя многіе Вельможи и Царевичи усильно противились сему расположенію; хотя Калга, Ахматъ-Гирей, нашъ ревностный пріятель, былъ однимъ изъ нихъ злодѣйски убитъ: но доброжелатели Россіи, въ числѣ коихъ находился Князь Аппакъ, главный любимецъ Ханскій, превозмогли, и Магметъ-Гирей извѣстилъ Василія, что онъ немедленно пришлетъ въ Москву сего Аппака съ клятвенною грамотою; что Крымцы уже воюютъ Литву; что мы ихъ усердною помощію истребимъ всѣхъ враговъ, если сами окажемъ услугу Хану: возьмемъ для него Астрахань или Кіевъ (178). Не упуская времени, Государь послалъ въ Тавриду Князя Юрья Пронскаго, а съ нимъ Дворя-

Смерть Летифа.

Возобновленіе союза съ Крымомъ.

г. 1519. нина Илью Челищева, весьма угоднаго Царю. Они встрѣтили Аппака, который дѣйствительно привезъ въ Москву Шертную грамоту Ханскую, написанную слово въ слово по данному отъ насъ образцу, въ томъ смыслѣ, чтобы Великому Князю и Магметъ-Гирею соединить оружіе противъ Литвы и наслѣдниковъ Ахматовыхъ. Въ описаніи сего Посольства замѣтимъ нѣкоторыя любопытныя черты. Аппакъ явился въ чалмѣ и не хотѣлъ снимать ее предъ Василіемъ. «Что значитъ такая новость?» спросили наши Бояре: «ты Князь, однакожъ не Азейскаго рода, не *Мольнинъ* (179), «и никогда не бывалъ въ Меккѣ.» Аппакъ изъяснилъ, что Магметъ-Гирей дозволилъ ему ѣхать къ Магометову гробу, и въ знакъ сего украсилъ его голову знаменіемъ правовѣрія. Посолъ и чиновники Московскіе преклоняли колѣна, говоря другъ другу именемъ своихъ Государей (180). Онъ *здравствовался* съ Великимъ Княземъ и сталъ на колѣна, чтобы отдать Ханскія письма. Союзъ утвердился присягою. Хартія Шертная лежала на столѣ подъ крестомъ: Василій сказалъ: «Аппакъ! на сей грамотѣ клянуся моему брату, Магметъ-Гирею, дру«жить его друзьямъ, враждовать непріяте«лямъ. Тутъ не упоминается объ Астраха«ни; но даю слово вмѣстѣ съ нимъ объ«явить ей войну.» Государь поцѣловалъ

крестъ, взявъ письменное обязательство съ Аппака въ вѣрности Магметъ-Гирея.

Между тѣмъ судьба Казани рѣшилась не такъ, какъ думалъ Ханъ. Магметъ-Аминь въ ужасныхъ мукахъ закрылъ глаза навѣки: исполняя волю его и свой торжественный обѣтъ, Уланы и Вельможи Казанскіе требовали новаго Царя отъ руки Василія ([181]), давно знавшаго мысль Хана Крымскаго, но таившаго свою. Настало время или угодить Магметъ-Гирею, или сдѣлать величайшую досаду. Василій не колебался: какъ ни желалъ союза Тавриды, но еще болѣе опасался усилить ея Хана, который въ надменности властолюбія замышлялъ, подчиненіемъ себѣ Астрахани и Казани, возстановить Царство Батыево, столь ужасное въ памяти Россіянъ. Одинъ безумный варваръ могъ въ такомъ случаѣ ждать ихъ услугъ и содѣйствія: не брату, а злодѣю Магметъ-Гирееву Василій готовилъ престолъ въ Казани, и послалъ туда Тверскаго Дворецкаго, Михайла Юрьева, объявить жителямъ, что даетъ имъ въ Цари юнаго Шигъ-Алея, внука Ахматова, который переѣхалъ къ Іоанну съ отцемъ своимъ, Шигъ-Авлеаромъ, изъ Астрахани, и, къ неудовольствію Магметъ-Гирея, владѣлъ у насъ городкомъ Мещерскимъ. Вельможи и народъ, изъявивъ благодарность, прислали въ Москву знатныхъ людей за Шигъ-

Смерть Магметъ-Аминя.

Шигъ-Алей Царемъ въ Казани.

Алеемъ. Димитрій Бѣльскій отправился съ ними и съ новымъ Царемъ въ Казань, возвелъ его на престолъ, взялъ съ народа клятву въ вѣрности къ Государю Московскому. Всѣ были довольны, и Шигъ-Алей, воспитанный въ Россіи, искренно преданный Великому Князю, какъ единственному своему покровителю, не имѣлъ иной мысли, кромѣ той, чтобы служить ему усердно въ качествѣ присяжника.

Сіе дѣлалось во время бытности Аппака въ Москвѣ, и хотя не помѣшало заключенію союза съ Тавридою, однакожь произвело объясненія. Посолъ съ удивленіемъ спросилъ, для чего Василій, другъ его Царя, отдалъ Казань внуку ненавистнаго Ахмата? «Развѣ нѣтъ у насъ Царевичей?» сказалъ онъ: «развѣ кровь Ординская лучше Мен-«гли-Гиреевой? Впрочемъ я говорю только «отъ своего имени, угадывая мысли Ха-«на» ([182]). Василій увѣрялъ, что онъ думалъ возвести брата или сына Магметъ-Гиреева на сіе Царство, но что Казанскіе Вельможи непремѣнно требовали Шигъ-Алея, и если бы воля ихъ не исполнилась, то они взяли бы себѣ Царя изъ Ногаевъ или Астрахани, слѣдственно опаснаго непріятеля Россіи. Аппакъ замолчалъ, и скоро пришла въ Москву желанная вѣсть, что Ханъ уже дѣйствуетъ какъ нашъ ревностный союзникъ; что сынъ его, Калга

Крымцы опустошаютъ Литву.

Богатырь, совсѣмъ нечаянно вступивъ въ Литву съ тридцатью тысячами, огнемъ и мечемъ опустошилъ Сигизмундовы владѣнія едва не до самаго Кракова, на голову разбилъ Гетмана, Константина Острожскаго, плѣнилъ 60,000 жителей, умертвилъ еще болѣе и возвратился съ торжествомъ счастливаго разбойника, покрытый кровію и пепломъ ([183]). Доказавъ такимъ образомъ Королю, что мнимый союзъ варваровъ бываетъ хуже явной вражды (ибо производитъ оплошность) Магметъ-Гирей готовился доказать сію истину и Великому Князю; но еще около двухъ лѣтъ представлялъ лице нашего друга. Аппакъ выѣхалъ изъ Москвы весьма довольный милостію Государя, и новый Посолъ Россійскій, Бояринъ Ѳедоръ Клементьевъ, заступилъ въ Тавридѣ мѣсто Князя Пронскаго ([184]). Зная, сколь Магметъ-Гирей боится Султана, Василій отправилъ въ Царьградъ Дворянина Голохвастова съ письмомъ къ Селиму, изъявляя сожалѣніе, что онъ долго не шлетъ къ намъ втораго, обѣщаннаго имъ Посольства для заключенія союза, который могъ бы обуздывать Хана, ужасая Литву съ Польшею ([185]). Голохвастовъ имѣлъ еще тайное порученіе видѣться въ Константинополѣ съ Гемметомъ Царевичемъ, сыномъ убитаго въ Тавридѣ Калги Ахмата. Носился слухъ, что Султанъ мыслитъ дать

Посольство въ Султану.

ему Крымское Ханство ([186]); а какъ отецъ его любилъ Россію, то Великій Князь надѣялся и на дружбу сына. Голохвастовъ долженъ былъ предложить Геммету покровительство Василіево, вѣрное убѣжище въ Москвѣ, Удѣлъ и жалованье. Гемметъ, непримиримый врагъ своего дяди, Магметъ-Гирея, могъ и въ изгнаніи быть намъ полезенъ, имѣя связи и друзей въ Тавридѣ: тѣмъ болѣе надлежало искать въ немъ пріязни, если милость Султанская готовила для него Ханство. — Посолъ нашъ возвратился благополучно. Гемметъ не сдѣлался Ханомъ, не пріѣхалъ и въ Россію; но Селимъ, написавъ къ Василію ласковый отвѣтъ, въ доказательство истинной къ нему дружбы велѣлъ своимъ Пашамъ тревожить Королевскія владѣнія ([187]); подтвердилъ также условія свободной торговли между обѣими Державами ([188]).

Изумленный нападеніемъ Магметъ-Гирея, Сигизмундъ узналъ, что и присяжникъ его Албрехтъ, Магистръ Нѣмецкаго Ордена, въ слѣдствіе заключеннаго имъ договора съ Россіею готовится къ войнѣ. Долго сей искренній союзъ не имѣлъ своего дѣйствія отъ двухъ причинъ. Во-первыхъ Папа, Леонъ X, убѣждалъ Магистра не только остаться въ мирѣ съ Королемъ, но и быть посредникомъ между имъ и Россіею, предлагая ему главное Воеводство въ Христіан-

Сношенія съ Магистромъ Нѣмецкимъ и съ Папою.

скомъ всенародномъ ополченіи, коему надлежало собраться подъ знаменами Вѣры, чтобы смирить гордость Султана. Сей Папа, славный въ Исторіи любовію къ Искусствамъ и Наукамъ гораздо болѣе, нежели Пастырскою ревностію и государственнымъ благоразуміемъ, представлялъ чрезъ Магистра и Великому Князю, что Константинополь есть законное наслѣдіе Россійскаго Монарха, сына Греческой Царевны; что здравая Политика велитъ намъ примириться съ Литвою, ибо *время воюетъ* сію Державу, и Сигизмундъ не имѣетъ наслѣдниковъ; что смерть его разрушитъ связь между Литвою и Польшею, которыя безъ сомнѣнія изберутъ тогда разныхъ Владѣтелей и несогласіемъ ослабѣютъ; что все благопріятствуетъ величію Россіи, и мы станемъ на первой степени Державъ Европейскихъ, если, соединясь съ ними противъ Оттомановъ, соединимся и Вѣрою; что Церковь Греческая не имѣетъ Главы; что древняя сестра ея, Церковь Римская, возвыситъ нашего Митрополита въ санъ Патріарха, утвердитъ грамотою всѣ *добрые* наши обычаи, безъ малѣйшей перемѣны и новостей; что онъ (Папа) желаетъ украсить главу непобѣдимаго Царя Русскаго вѣнцемъ Царя Христіанскаго, безъ всякаго мірскаго возмездія или прибытка, единствено во славу Божію ([189]). Василій, какъ пишутъ, негодовалъ на Леона за то, что онъ торжественно праздновалъ въ Римѣ побѣду Сигизмундову въ 1514 году, объявивъ насъ еретиками ([190]); однакожь сей благоразумный

Государь отвѣтствовалъ Магистру, что ему весьма пріятно видѣть доброе къ намъ расположеніе Папы и быть съ нимъ въ дружественныхъ сношеніяхъ по государственнымъ дѣламъ Европы; но что касается до Вѣры, то Россія была, есть и будетъ Греческаго Исповѣданія во всей чистотѣ и неприкосновенности онаго ([191]). Повѣренный Леоновъ въ Краковѣ и въ Кенигсбергѣ, Монахъ Николай Шонбергъ, желалъ ѣхать и въ Москву: Великій Князь обѣщалъ принять его милостиво, и дозволилъ Папѣ имѣть черезъ Россію сообщеніе съ Царемъ Персидскимъ ([192]). *Второю* виною Албрехтовой медленности былъ недостатокъ въ деньгахъ: онъ требовалъ сто тысячь гривенъ серебра отъ Великаго Князя, чтобы нанять воиновъ въ Германіи; но Великій Князь, опасаясь истощить казну свою безполезно, отвѣтствовалъ: «возьми прежде Данцигъ и «вступи въ Сигизмундову землю;» а Магистръ говорилъ: «не могу ничего сдѣлать безъ де«негъ.» По желанію Албрехта Василій написалъ дружественныя грамоты къ Королю Французскому и Нѣмецкимъ Избирателямъ или Курфирстамъ, убѣждая ихъ вступиться за Орденъ, утѣсняемый Польшею, и совѣтовалъ Князьямъ Германіи избрать такого Императора, который могъ бы сильною рукою защитить Христіанство отъ невѣрныхъ и ревностнѣе Максимиліана покровительствовать славное Рыцарство Нѣмецкое ([193]). Послы Магистровы были честимы въ Москвѣ, наши въ Кенигсбергѣ: Албрехтъ самъ ходилъ

къ нимъ для переговоровъ, сажалъ ихъ за обѣдомъ на свое мѣсто, не хотѣтъ слушать *поклоновъ* отъ Великаго Князя, называя себя недостойнымъ такой высокой чести; приказывалъ къ нему *поклоны до земли;* училъ Нѣмцевъ языку Русскому (194); говорилъ съ умиленіемъ о благодѣяніяхъ, ожидаемыхъ имъ отъ Россіи для Ордена знаменитаго, хотя и несчастнаго въ угнетеніи; объявилъ Государю всѣхъ своихъ тайныхъ союзниковъ, и въ числѣ ихъ Короля Датскаго, Архіепископа Майнцскаго, Кельнскаго, Герцоговъ Саксонскаго, Баварскаго, Брауншвейгскаго и другихъ; увѣрялъ, что Папа Леонъ будетъ за насъ, если Сигизмундъ отвергнетъ миръ справедливый; въ порывѣ ревности даже не совѣтовалъ Василію мириться, чтобы Литва, находясь тогда въ обстоятельствахъ затруднительныхъ, не имѣла времени отдохнуть (195). Великій Князь не сомнѣвался въ усердіи Магистра, но сомнѣвался въ его силахъ; наконецъ послалъ ему серебра на 14,000 червонцевъ для содержанія тысячи наемныхъ ратниковъ (196), къ удивленію Магистра Ливонскаго, Плеттенберга, который смѣялся надъ легковѣріемъ Албрехта, говоря: «я живу въ сосѣдствѣ съ Россіянами и «знаю ихъ обычай; сулятъ много, а не даютъ «ничего» (197). Узнавъ же, что серебро привезли изъ Москвы въ Ригу, онъ вскочилъ съ мѣста, сплеснулъ руками и сказалъ: «чу-

«до! Богъ явно помогаетъ Великому Магистру!» Слыша, что Албрехтъ дѣйствительно вызываетъ къ себѣ 10,000 ратниковъ изъ Германіи и всѣми силами ополчается на Короля; свѣдавъ, что война уже открылась между ими (въ концѣ 1519 года), Великій Князь еще отправилъ знатную сумму денегъ въ Пруссію [198], желая Ордену счастія, славы и побѣды.

Магистръ въ войнѣ съ Польшею.

Походъ нашихъ Воеводъ на Литву.

Между тѣмъ Россія и сама бодро дѣйствовала оружіемъ. Московская дружина, Новогородцы и Псковитяне осаждали въ 1518 году Полоцкъ; но голодъ принудилъ ихъ отступить: не малое число Дѣтей Боярскихъ, гонимыхъ Литовскимъ Паномъ Волынцемъ, утонуло въ Двинѣ. Въ Августѣ 1519 года Воеводы наши, Князья Василій Шуйскій изъ Смоленска, Горбатый изъ Пскова, Курбскій изъ Стародуба ходили до самой Вильны и далѣе, опустошая, какъ обыкновенно, всю землю; разбили нѣсколько отрядовъ и шли прямо на большую Литовскую рать, которая стояла въ Кревѣ, но удалилась за Лоскъ, въ мѣста тѣсныя и непроходимыя [199]. Россіяне удовольствовались добычею и плѣномъ, несмѣтнымъ, какъ говоритъ Лѣтописецъ. Другіе Воеводы Московскіе, Василій Годуновъ, Князь Елецкій, Засѣкинъ съ сильною Татарскою конницею приступали къ Витебску и Полоцку, выжгли предмѣстія, взяли внѣш-

нія укрѣпленія, убили множество людей ([200]). Третья рать подъ начальствомъ Θеодора Царевича, крещеннаго племянника Алегамова, также громила Литву ([201]). Польза сихъ нападеній состояла единственно въ разореніи непріятельской земли: Магистръ совѣтовалъ намъ предпріять важнѣйшее: сперва завоевать Самогитію, открытую, беззащитную и богатую хлѣбомъ; а послѣ итти въ Мазовію, гдѣ онъ хотѣлъ соединиться съ Россійскимъ войскомъ, чтобы ударить на Короля въ сердцѣ его владѣній, въ самое то время, когда наемные Нѣмецкіе полки, идущіе къ Вислѣ, устремятся на него съ другой стороны ([202]).

Положеніе Сигизмундово казалось весьма бѣдственнымъ. Не только война, но и язва опустошала его Державу ([203]). Лучшее Королевское войско состояло изъ Нѣмцевъ и Богемскихъ Славянъ: они, послѣ неудачнаго приступа къ Опочкѣ, съ досадою ушли во свояси и говорили столь обидныя для Сигизмунда рѣчи, что единоземцы ихъ уже не хотѣли служить ему ([204]). Лавры славнаго Гетмана, Константина, увяли. Города Литовскіе стояли среди усѣянныхъ пепломъ степей, гдѣ скитались толпами бѣдные жители деревень, сожженныхъ Крымцами или Россіянами. Но счастіе вторично спасло Сигизмунда ([205]). Онъ не терялъ бодрости; искалъ мира, не отказываясь отъ прежнихъ требованій, и заключилъ въ Москвѣ, чрезъ Пана Делюшевича, только перемиріе на шесть мѣ-

г. 1520 сяцевъ (206): дѣйствовалъ въ Тавридѣ убѣжденіями и подкупомъ; укрѣплялъ границу противъ насъ, и всѣми силами наступилъ на Магистра, слабѣйшаго, однакожь весьма опаснаго врага, который имѣлъ тайныя связи въ Нѣмецкихъ городахъ Польши, зналъ ея способы, важныя мѣстныя обстоятельства, и могъ давать гибельные для нее совѣты Великому Князю. Албрехтъ предводительствовалъ не тысячами, а сотнями, ожидая серебра изъ Москвы и воиновъ изъ Германіи; сражаясь мужественно, уступалъ многочисленности непріятелей и едва защитилъ Кенигсбергъ, откуда Посолъ нашъ долженъ былъ для безопасности выѣхать въ Мемель (207). Наемники Ордена, 13,000 Нѣмцевъ, дѣйствительно явились на берегахъ Вислы, осадили Данцигъ, но разсѣялись, не имѣя съѣстныхъ запасовъ, ни вѣстей отъ Магистра. Воеводы Королевскіе взяли Маріенвердеръ, Голландъ, и заставили Албрехта просить мира (208).

Слабость Нѣмецкаго Ордена.

Но главнымъ Сигизмундовымъ счастіемъ была измѣна Казанская съ ея зловредными для насъ послѣдствіями. Если Ханъ Крымскій, свѣдавъ о воцареніи Шигъ-Алея, не вдругъ съ огнемъ и мечемъ устремился на Россію: то сіе происходило отъ боязни досадить Султану, коего отмѣнная благосклонность къ Великому Князю была ему извѣстна. Селимъ, гроза Азіи, Африки и

Злоба Магметъ Гирея на Василія.

Европы, умеръ: немедленно отправился въ Константинополь Посолъ Московскій, Третьякъ Губинъ, привѣтствовать его сына, Героя Солимана, на тронѣ Оттоманскомъ (209), и новый Султанъ велѣлъ объявить Магметъ-Гирею, чтобы онъ никогда не смѣлъ безпокоить Россіи (210). Тщетно Ханъ старался уничтожить сію дружбу, основанную на взаимныхъ выгодахъ торговли, и внушалъ Солиману, что Великій Князь ссылается съ злодѣями Порты, даетъ Царю Персидскому огнестрѣльный снарядъ и пушечныхъ художниковъ, искореняетъ Вѣру Магометанскую въ Казани, разоряетъ мечети, ставитъ церкви Христіанскія (211). Мы имѣли усердныхъ доброжелателей въ Пашахъ Азовскомъ и Кафинскомъ: утверждаемый ими въ пріязни къ намъ, Султанъ не вѣрилъ клеветамъ Магметъ-Гирея, который языкомъ разбойника сказалъ ему наконецъ: «чѣмъ же «буду сытъ и одѣтъ, если запретишь мнѣ «воевать Московскаго Князя» (212)? Готовясь покорить Венгрію, Солиманъ желалъ, чтобы Крымцы опустошали земли ея союзника, Сигизмунда; но Ханъ уже возобновилъ дружбу съ Литвою. Еще называясь *братомъ* Магметъ-Гиреевымъ, Великій Князь вдругъ услышалъ о бунтѣ Казанцевъ (213). Года три Шигъ-Алей царствовалъ спокойно и тихо, ревностно исполняя

Г. 1521. Посольство къ Султану.

Нападеніе Магметъ-Гирея и Казанцевъ на Россію.

Исхитивъ Казань изъ нашихъ рукъ, Магметъ-Гирей не терялъ времени въ бездѣйствіи: хотѣлъ укрѣпить ее за своимъ братомъ и для того сильнымъ ударомъ потрясти Василіеву Державу; вооружилъ не только всѣхъ Крымцевъ, но поднялъ и Ногаевъ; соединился съ Атаманомъ Козаковъ Литовскихъ, Евстафіемъ Дашковичемъ, и двинулся такъ скоро къ Московскимъ предѣламъ, что Государь едва успѣлъ выслать рать на берега Оки, дабы удержать его стремленіе. Главнымъ Воеводою былъ юный Князь Димитрій Бѣльскій; съ нимъ находился и меньшій братъ Государевъ, Андрей: они въ безразсудной надменности не совѣтовались съ мужами опытными, или не слушались ихъ совѣтовъ; стали не тамъ, гдѣ надлежало; перепустили Хана чрезъ Оку, сразились не во-время, безъ устройства, и малодушно бѣжали. Воеводы Князь Владиміръ Курбскій, Шереметевъ, двое Замятниныхъ, положили свои головы въ несчастной битвѣ. Князя Ѳеодора Оболенскаго-Лопату взяли въ плѣнъ. Великій Князь ужаснулся, и еще гораздо болѣе, свѣдавъ, что другой непріятель, Саипъ-Гирей Казанскій, отъ береговъ Волги также идетъ къ нашей столицѣ (219). Сіи два Царя соединились подъ Коломною, опустошая всѣ мѣста, убивая, плѣняя людей тысячами, оскверняя святыню храмовъ, злодѣйствуя,

какъ бывало въ старину при Батыѣ или Тохтамышѣ. Татары сожгли монастырь Св. Николая на Угрѣшѣ и любимое село Василіево, Островъ, а въ Воробьевѣ пили медъ изъ Великокняжескихъ погребовъ, смотря на Москву. Государь удалился въ Волокъ собирать полки, ввѣривъ оборону столицы зятю, Царевичу Петру, и Боярамъ (220). Все трепетало. Ханъ 29 Іюля, среди облаковъ дыма, подъ заревомъ пылающихъ деревень, стоялъ уже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы, куда стекались жители окрестностей съ ихъ семействами и драгоцѣннѣйшимъ имѣніемъ. Улицы заперлись обозами. Пришельцы и граждане, жены, дѣти, старцы, искали спасенія въ Кремлѣ, тѣснились въ воротахъ, давили другъ друга. Митрополитъ Варлаамъ (преемникъ Симоновъ) усердно молился съ народомъ: Градоначальники распорядили защиту, всего болѣе надѣясь на искусство Нѣмецкаго пушкаря, Никласа. Снарядъ огнестрѣльный могъ дѣйствительно спасти крѣпость; но былъ недостатокъ въ порохѣ. Открылось и другое бѣдствіе: ужасная тѣснота въ Кремлѣ грозила неминуемою заразою. Предвидя худыя слѣдствія, слабые начальники вздумали — такъ повѣствуетъ одинъ чужеземный, современный Историкъ (221) — обезоружить Хана Магметъ-Гирея богатыми дарами: отправили къ нему Посольство и бочки съ крѣпкимъ медомъ. Опасаясь и нашего войска и неприступныхъ для него Московскихъ укрѣпленій, Ханъ согласился не тре-

вожить столицы и мирно итти во-свояси, если Великій Князь, по уставу древнихъ временъ, обяжется грамотою платить ему дань. Едва ли самъ варваръ Магметъ-Гирей считалъ такое обязательство дѣйствительнымъ: вѣроятнѣе, что онъ хотѣлъ единственно унизить Василія и засвидѣтельствовать свою побѣду столь обиднымъ для Россіи договоромъ. Вѣроятно и то, что Бояре Московскіе не дерзнули бы дать сей грамоты безъ вѣдома Государева: Василій же, какъ видно, боялся временнаго стыда менѣе, нежели бѣдствія Москвы, и предпочелъ ея мирное избавленіе славнымъ опасностямъ кровопролитной, не вѣрной битвы. Написали хартію, скрѣпили Великокняжескою печатью, вручили Хану, который немедленно отступилъ къ Рязани, гдѣ станъ его имѣлъ видъ Азіатскаго торжища: разбойники сдѣлались купцами, звали къ себѣ жителей, увѣряли ихъ въ безопасности, продавали имъ свою добычу и плѣнниковъ, изъ коихъ многіе даже безъ выкупа уходили въ городъ. Сіе было хитростію. Атаманъ Литовскій, Евстафій Дашковичь, совѣтовалъ Магметъ-Гирею обманомъ взять крѣпость: къ счастію, въ ней бодрствовалъ Окольничій, Хабаръ Симскій, сынъ Іоаннова Воеводы, Василія Образца, мужъ опытный, благоразумный, спаситель Нижняго Новагорода (222). Ханъ, желая усыпить его, послалъ

къ нему Московскую грамоту, въ удостовѣреніе, что война кончилась, и что Великій Князь призналъ себя данникомъ Крыма; а между тѣмъ непріятельскія толпы шли къ крѣпости, будто бы для отысканія своихъ бѣглецовъ. Симскій, исполняя уставъ чести, выдалъ имъ всѣхъ плѣнниковъ, укрывавшихся въ городѣ, и заплатилъ 100 рублей за освобожденіе Князя Ѳеодора Оболенскаго; но число Литовцевъ и Татаръ непрестанно умножалось подъ стѣнами, до самаго того времени, какъ Рязанскій искусный пушкарь, Нѣмецъ Іорданъ, однимъ выстрѣломъ положилъ ихъ множество на мѣстѣ: остальные въ ужасѣ разсѣялись. Коварный Ханъ притворился изумленнымъ: жаловался на сіе непріятельское дѣйствіе; требовалъ головы Іордановой, стращалъ местію, но спѣшилъ удалиться, ибо свѣдалъ о впаденіи Астраханцевъ въ его собственные предѣлы (223). Торжество Симскаго было совершенно: онъ спасъ не только Рязань, но и честь Великокняжескую: постыдная хартія Московская осталась въ его рукахъ. Ему дали послѣ санъ Боярина, и — что еще важнѣе — внесли описаніе столь знаменитой услуги въ Книги Розрядныя и въ Родословныя на память вѣкамъ (224).

Хабаръ Симскій спасаетъ Рязань и честь Великаго Князя.

Сіе нашествіе варваровъ было самымъ несчастнѣйшимъ случаемъ Василіева государствованія. Предавъ огню селенія, отъ

Нижняго Новагорода и Воронежа до береговъ Москвы-рѣки, они плѣнили неисчетное число жителей [225], многихъ знатныхъ женъ и дѣвицъ, бросая грудныхъ младенцевъ на землю; продавали невольниковъ толпами въ Кафѣ, въ Астрахани; слабыхъ, престарѣлыхъ морили голодомъ; дѣти Крымцевъ учились надъ ними искусству язвить, убивать людей. Одна Москва славила свое, по мнѣнію народа, сверхъестественное спасеніе: разсказывали о явленіяхъ и чудесахъ [226]; уставили особенный крестный ходъ въ монастырь Срѣтенія, гдѣ мы донынѣ три раза въ годъ благодаримъ Небо за избавленіе сей древней столицы отъ Тамерланова, Ахматова и Магметъ-Гиреева нападенія [227]. Великій Князь, возвратясь, изъявилъ признательность Нѣмецкимъ чиновникамъ огнестрѣльнаго снаряда, Никласу и Іордану [228]; но

Судъ Воеводъ. велѣлъ судить Воеводъ, которые пустили Хана въ сердце Россіи. Всѣ упрекали Бѣльскаго безразсудностію и малодушіемъ; а Бѣльскій слагалъ вину на брата Государева, Андрея, который, первый показавъ тылъ непріятелю, увлекъ другихъ за собою. Василій, щадя брата, наказалъ только одного Воеводу, Князя Ивана Воротынскаго, мужа весьма опытнаго въ ратномъ дѣлѣ и дотолѣ всегда храбраго. Вина его, кажется, состояла въ томъ, что онъ, будучи

оскорбленъ надменностію Бѣльскаго, съ тайнымъ удовольствіемъ видѣлъ ошибки сего юнаго Полководца, жертвовалъ самолюбію отечествомъ и не сдѣлалъ всего возможнаго для блага Россіи: преступленіе важное и тѣмъ менѣе извинительное, чѣмъ труднѣе уличить виновнаго! Лишенный своего помѣстья и сана, Князь Воротынскій долгое время сидѣлъ въ заключеніи: былъ послѣ освобожденъ, ѣздилъ ко Двору, но не могъ выѣхать изъ столицы ([229]).

Скоро пришло въ Москву извѣстіе о новомъ грозномъ для насъ замыслѣ Хана: онъ велѣлъ объявить на трехъ торгахъ, въ Перекопи, въ Крымѣ, въ Кафѣ и въ другихъ мѣстахъ, чтобы его Уланы, Мурзы, воины не слагали съ себя оружія, не разсѣдлывали коней и готовились вторично итти на Россію ([230]). Татары не любили воевать въ зимнее время, безъ подножнаго корма: весною полки наши заняли берега Оки, куда прибылъ и самъ Великій Князь. Никогда Россія не имѣла лучшей конницы и столь многочисленной пѣхоты. Главный станъ, близъ Коломны, уподоблялся обширной крѣпости, подъ защитою огнестрѣльнаго снаряда, котораго мы прежде не употребляли въ полѣ ([231]). Сказываютъ, что Государь, любуясь прекраснымъ войскомъ и станомъ, послалъ вѣстника къ Магметъ-Гирею съ такими слова-

Г. 1522. Станъ подъ Коломною.

ми: «Вѣроломно нарушивъ миръ и союзъ, «ты въ видѣ разбойника, душегубца, зажи«гальщика, напалъ нечаянно на мою зем«лю. Имѣешь ли бодрость воинскую? иди «теперь: предлагаю тебѣ честную битву въ «полѣ.» Ханъ отвѣтствовалъ, что ему извѣстны пути въ Россію и время удобное для войны; что онъ не спрашиваетъ у непріятелей, гдѣ и когда сражаться ([232]). Лѣто проходило: Магметъ-Гирей не являлся. Въ Августѣ Государь возвратился въ Москву, гдѣ Солимановъ Посолъ, Князь Мангупскій, Скиндеръ, уже нѣсколько мѣсяцевъ ждалъ его, пріѣхавъ изъ Константинополя вмѣстѣ съ Третьякомъ-Губинымъ ([233]).

Посолъ Солимановъ.

Послу оказали великую честь: Государь всталъ съ мѣста, чтобы спросить у него о здравіи Султана; далъ ему руку и велѣлъ сѣсть *подлѣ себя* ([234]). Не льзя было писать ласковѣе, какъ Солиманъ писалъ къ Василію, своему *вѣрному пріятелю* и *доброму сосѣду*, увѣряя, что желаетъ быть съ нимъ *въ крѣпкой дружбѣ* и *въ братствѣ;* но Скиндеръ говорилъ единственно о дѣлахъ торговыхъ, и купивъ нѣсколько драгоцѣнныхъ мѣховъ, уѣхалъ ([235]). — Не теряя надежды пріобрѣсти дѣятельный союзъ Оттоманской Имперіи, Василій еще посылалъ въ Константинополь ближняго Дворянина, Ивана Морозова, съ дружественными грамотами; однакожь не велѣлъ ему

объявлять условій, на коихъ мы желали заключить письменный договоръ съ Портою: ибо Великому Князю, по обыкновенной гордости новаго Россійскаго Двора, хотѣлось, чтобы Султанъ прислалъ для того собственнаго Вельможу въ Москву (236). Сей опытъ былъ послѣднимъ съ нашей стороны: Солиманъ довольствовался учтивостями, не думая, кажется, чтобы Россія могла искренно содѣйствовать Оттоманамъ въ покореніи Христіанскихъ Державъ, и еще менѣе думая быть орудіемъ нашей особенной Политики; стѣсняя Венгрію, завоевавъ Родосъ, готовясь устремиться на Мальту, онъ требовалъ отъ насъ мира, товаровъ, и ничего болѣе.

Если бы Сигизмундъ въ одно время съ Магметъ-Гиреемъ и съ Казанскимъ Царемъ напалъ на Россію, то Великій Князь увидѣлъ бы себя въ крайности, и поздно бы узналъ, сколь судьба Государствъ бываетъ непостоянна, вопреки хитрымъ соображеніямъ ума человѣческаго. Но, къ счастію нашему, Король не имѣлъ сильнаго войска, боялся ужаснаго Солимана, зналъ вѣроломство Хана Крымскаго, и радуясь претерпѣнному нами отъ него бѣдствію, надѣялся только, что оно склонитъ Василія къ миролюбію. Государь въ самомъ дѣлѣ желалъ прекратить войну съ Литвою для скорѣйшаго обузданія Тавриды и Казани. Пользуясь обстоятельствами, Сигизмундъ хотѣлъ договариваться о мирѣ не въ Москвѣ, какъ обыкновенно бывало,

а въ Вильнѣ или въ Краковѣ. Великій Князь отвергнулъ сіе предложеніе, и знатный Королевскій чиновникъ, Петръ Станиславовичь, съ Секретаремъ Иваномъ Горностаемъ, пріѣхали въ Москву, когда еще Воеводы наши стояли у Коломны, готовые итти на Татаръ или на Литву (237). Не могли согласиться въ условіяхъ вѣчнаго мира: долго спорили о перемиріи; наконецъ заключили его на пять лѣтъ отъ 25 Декабря 1522 года. Смоленскъ остался нашимъ; границею служили Днѣпръ, Ивака и Меря (238). Уставили вольность торговли; поручили Намѣстникамъ Украинскимъ рѣшить тяжбы между жителями обоихъ Государствъ: но плѣнникамъ не дали свободы, къ прискорбію Василія, который долженъ былъ отказаться отъ сего требованія. Окольничій Морозовъ и Дворецкій Бутурлинъ ѣздили въ Краковъ съ перемирною грамотою. Литовскій Историкъ съ удивленіемъ говоритъ о пышности сихъ Вельможъ, сказывая, что подъ ними было пять сотъ коней (239). Два раза Сигизмундъ звалъ ихъ обѣдать, и два раза они уходили изъ дворца, чтобы не сидѣть за столомъ вмѣстѣ съ Папскими, Цесарскими и Венгерскими Повѣренными въ дѣлахъ: ибо сіе казалось для нихъ не совмѣстнымъ съ честію Великокняжескаго Посольства. Король утвердилъ грамату

Королевство Литовское и перемиріе.

присягою, облегчивъ судьбу нашихъ плѣнниковъ.

Такъ кончилась сія десятилѣтняя война Литовская, славная для Сигизмунда громкою побѣдою Оршинскою, а для насъ полезная важнымъ пріобрѣтеніемъ Смоленска; для обоихъ же Государствъ равно опустошительная, если отнесемъ къ ней гибельное нашествіе Магметъ-Гиреево. Достопамятнымъ слѣдствіемъ ея было уничтоженіе Нѣмецкаго Ордена, къ прискорбію Василія, который лишился въ немъ хотя и слабаго, но ревностнаго союзника. Уступивъ силѣ, жалуясь на скупость Великаго Князя, можетъ быть невольную по нашимъ умѣреннымъ доходамъ, и на худое усердіе своего народа, Магистръ искалъ мира и пожертвовалъ ему бытіемъ Рыцарства, славнаго въ лѣтописяхъ. Сигизмундъ призналъ Албрехта наслѣдственнымъ Владѣтелемъ Орденскихъ городовъ, съ условіемъ, чтобы они вѣчно зависѣли отъ Государей Польскихъ, и далъ Пруссіи гербъ Чернаго Орла, съ изображеніемъ буквы S, начальной Сигизмундова имени (240). Хотя съ перемѣною обстоятельствъ сіе знаменитое Палестинское братство отжило вѣкъ свой и казалось уже несоотвѣтственнымъ новому государственному порядку въ Европѣ: однакожь гибель учрежденія столь памятнаго своею великодушною цѣлію, за-

Конецъ Нѣмецкаго Ордена въ Пруссіи.

конами суровой добродѣтели и геройствомъ первыхъ основателей, произвела всеобщее сожалѣніе. — Орденъ Ливонскій, бывъ около трехъ вѣковъ сопряженъ съ Нѣмецкимъ, остался въ печальномъ уединеніи, среди грозныхъ опасностей и между двумя сильными Державами, Россіею и Польшею, въ ненадежной, но въ полной свободѣ, какъ старецъ при дверяхъ гроба. Ливонскіе Рыцари давали Великому Магистру Нѣмецкому деньги и людей для войны: за что онъ торжественно объявилъ ихъ независимыми навѣки (241). Судьба также готовила имъ конецъ; но Плеттенбергъ еще жилъ, и какъ бы въ награду за свое великодушіе долженствовалъ спокойно умереть Главою свободнаго братства. Въ 1521 году онъ возобновилъ мирный договоръ съ Россіею на десять лѣтъ (242).

Новое перемиріе съ Ливонскимъ Орденомъ.

ГЛАВА III.

Продолженіе государствованія Василіева.

Г. 1521 — 1534.

Присоединеніе Рязани къ Москвѣ. Заключеніе К. Шемякина. Ханъ Крымскій взялъ Астрахань. Злодѣйства въ Казани. Бѣдствіе Крыма. Ханъ Сайдетъ-Гирей. Походы на Казань. Постриженіе Великой Княгини. Новый бракъ Великаго Князя. Сношенія съ Римомъ, съ Императоромъ Карломъ V. Перемиріе съ Литвою. Дружество съ Густавомъ Вазою. Посольства Солимановы. Набѣгъ Крымцевъ. Рать на Казань. Новый Царь въ Казани. Заточеніе Шигъ-Алея. Рожденіе Царя Іоанна Василіевича. Посольства Астраханскія, Молдавскія, Ногайское, Индѣйское. Набѣгъ Крымцевъ. Болѣзнь и кончина Великаго Князя. Характеръ Василіевъ. Строгость и милость. Дѣло Максима Грека. Жалобы на Великаго Князя. Образъ жизни Василія. охота, Дворъ, обѣды, титулъ. Иноземцы въ Москвѣ. Законы. Строенія. Церковныя дѣянія. Разныя бѣдствія. Великіе современники Василіевы. Расколъ Лютеровъ.

Распространивъ Литовскою войною предѣлы Государства, Василій въ то же время довершилъ великое дѣло Единовластія внутри онаго. Еще Рязань была особеннымъ Г. 1517-1523.

Княженіемъ, хотя треть городовъ ея, часть умершаго Князя Θеодора, принадлежала къ Московскому и Василій уже именовался *Рязанскимъ* (243). Еще Князья Сѣверскій и Стародубскій или Черниговскій, называясь слугами Государя Россійскаго, имѣли права Владѣтелей. Василій, исполнитель Іоанновыхъ намѣреній, ждалъ только справедливаго повода къ необходимому уничтоженію сихъ остатковъ Удѣльной Системы.

Присоединеніе Рязани къ Москвѣ. Вдова, Княгиня Агриппина, нѣсколько лѣтъ господствовала въ Рязани именемъ своего малолѣтнаго сына, Іоанна (244): Василій оставлялъ въ покоѣ слабую жену и младенца, ибо первая во всемъ повиновалась ему какъ верховному Государю; но сынъ ея, достигнувъ юношескаго возраста, захотѣлъ вдругъ свергнуть съ себя опеку и матери и Великаго Князя Московскаго: то есть, властвовать независимо, какъ его предки, старѣйшіе въ родѣ Ярослава I (245). Пишутъ, что онъ торжественно объявилъ сіе Василію, вступилъ въ тѣсную связь съ Ханомъ Крымскимъ и мыслилъ жениться на дочери Магметъ-Гиреевой (246). Государь велѣлъ ему быть къ себѣ въ Москву: Князь Іоаннъ долго не ѣхалъ; наконецъ, обманутый совѣтомъ знатнѣйшаго Боярина своего, Симеона Крубина, явился предъ Василіемъ, который, уличивъ его въ неблагодарности, въ измѣнѣ, въ дружбѣ съ

злодѣями Россіи, отдалъ подъ стражу, взялъ всю Рязань, а вдовствующую Княгиню Агриппину сослалъ въ монастырь. Сіе случилось въ 1517 году (247). Когда Магметъ-Гирей шелъ къ Москвѣ, Князь Іоаннъ, пользуясь общимъ смятеніемъ, бѣжалъ оттуда въ Литву, гдѣ и кончилъ жизнь въ неизвѣстности (248). — Такимъ образомъ, около четырехъ столѣтій бывъ отдѣльнымъ, независимымъ Княженіемъ (249), Рязань въ слѣдъ за Муромомъ и за Черниговымъ присоединилась къ сѣвернымъ владѣніямъ Мономахова потомства, которыя составили Россійское Единодержавіе. Она считалась тогда лучшею и богатѣйшею изъ всѣхъ областей Государства Московскаго, будучи путемъ нашей важной торговли съ Азовомъ и Кафою, изобилуя медомъ, птицами, звѣрями, рыбою, особенно хлѣбомъ, такъ, что нивы ея, по выраженію Писателей XVI вѣка, казались густымъ лѣсомъ. Жители славились воинскимъ духомъ; ихъ упрекали высокоуміемъ и суровостію. Чтобы мирно господствовать надъ ними, Великій Князь многихъ перевелъ въ другія области (250).

Князь Василій Шемякинъ Сѣверскій отличался доблестію воинскою, былъ ужасомъ Крыма, ненавистникомъ Литвы и вѣрнымъ стражемъ южной Россіи: за что

Заключеніе К. Шемякина.

Великій Князь оказывалъ ему милость и далъ городъ Путивль (251); но опасался и не любилъ его, во первыхъ помня ужасный характеръ дѣда Василіева, Димитрія, а во вторыхъ зная безпокойный духъ внука, смѣлаго, надменнаго своими достоинствами: для того неусыпно наблюдалъ за нимъ и съ тайнымъ удовольствіемъ видѣлъ непримиримую, взаимную злобу Князей Сѣверскихъ, Шемякина и Василія Симеоновича Стародубскаго, женатаго на свояченѣ Государевой. Послѣдній доносилъ, что первый ссылается съ Королемъ Сигизмундомъ и мыслитъ измѣнить Россіи; а Шемякинъ требовалъ суда и писалъ къ Великому Князю: «Прикажи мнѣ, *холопу* «твоему, быть въ Москвѣ, да оправдаюсь «изустно, и да умолкнетъ навѣки клеветникъ мой. Еще отецъ его, Симеонъ, злословилъ меня: сынъ хвалится безстыдствомъ и говоритъ: *уморю Шемякина, или «самъ заслужу гнѣвъ Государевъ*. Изслѣдуй «дѣло: если я виновенъ, то голова моя «предъ Богомъ и предъ тобою» (252). Въ Августѣ 1517 года онъ пріѣхалъ въ Москву; на другой день, въ праздникъ Успенія, обѣдалъ съ Государемъ у Митрополита, совершенно оправдался и хотѣлъ, чтобы ему выдали лживыхъ доносителей. Ихъ было двое: одинъ слуга Князя Пронскаго, другой Стародубскаго, которые будто

бы въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ и въ Литвѣ узнали о мнимой измѣнѣ Шемякина. Государь велѣлъ выдать перваго доносителя: втораго же объявилъ невиннымъ. Шемякинъ съ честію и съ новымъ жалованьемъ возвратился въ область Сѣверскую, гдѣ властвовалъ спокойно еще пять лѣтъ, переживъ своего злодѣя, Стародубскаго (253). Но въ 1523 году возобновились подозрѣнія: письменно обнадеженный Государемъ и Митрополитомъ въ личной безопасности, Шемякинъ вторично явился на судъ въ столицу, былъ облавканъ, а чрезъ нѣсколько дней заключенъ въ темницу, какъ уличенный въ тайной связи и перепискѣ съ Литвою. Сомнѣвались въ истинѣ сего обвиненія; расказывали, что одинъ умный шутъ въ Москвѣ ходилъ тогда изъ улицы въ улицу съ метлою и кричалъ: *время очистить Государство отъ послѣдняго сора*, то есть, избавить оное отъ послѣдняго Князя Удѣльнаго (254). Народъ смѣялся, разгадывая остроумную притчу. Другіе осуждали Государя и въ особенности Митрополита, который обманулъ Шемякина своимъ ручательствомъ (255). Не за-долго до сего времени Варлаамъ, благочестивый, твердый и не льстецъ Великому Князю ни въ какихъ случаяхъ противныхъ совѣсти, долженъ былъ оставить Митрополію: на мѣсто его избрали Даніила, Игумена Іосифовскаго, молодаго, тридцати-лѣтняго человѣка, свѣжаго, румянаго лицемъ, тучнаго тѣломъ и тонкаго умомъ (256). Думая о политическихъ выгодахъ болѣе, нежели

о Христіанскихъ добродѣтеляхъ. Даніилъ оправдывалъ заключеніе Шемякина и говорилъ, что Богъ избавилъ Великаго Князя отъ внутренняго, домашняго врага ([257]). Не такъ мыслилъ Игуменъ Троицкій, Порфирій, мужъ воспитанный въ пустынѣ и въ простыхъ обычаяхъ: онъ торжественно и смѣло ходатайствовалъ за *гонимаго* Князя, беззаконно отягченнаго цѣпями; прогнѣвалъ Государя, и сложивъ съ себя одежду Игуменскую, удалился въ лѣсную пустыню на Бѣлоозеро ([258]). — Шемякинъ умеръ въ темницѣ. Отъ супруги его, привезенной въ Москву, отлучили всѣхъ Боярынь, которыя составляли ея пышный Дворъ ([259]). — Симъ навсегда пресѣклись Удѣлы въ Россіи, хотя не безъ насилія, не безъ личныхъ жертвъ и несправедливостей, но безъ народнаго кровопролитія. Въ самыхъ благихъ, общеполезныхъ дѣяніяхъ государственныхъ видимъ примѣсь страстей человѣческихъ, какъ бы для того, чтобы Исторія не представляла намъ идоловъ, будучи Исторіею людей или несовершенства.

Обратимся къ дѣламъ внѣшнимъ. Вмѣсто того, чтобы наказать Магметъ-Гирея за опустошеніе Россіи, Великій Князь желалъ какъ можно скорѣе съ нимъ примириться. Походъ на Тавриду казался опаснымъ и безполезнымъ: даль, степи, пустыни изнурили бы войско, и самый счастливый успѣхъ доставилъ бы намъ только скудную добычу: въ слѣдующее лѣто Крымцы могли бы снова явиться въ нашихъ пре-

улахъ. Политика Великокняжеская ограничивалась Литвою: тамъ видѣли мы прочныя, естественныя, языкомъ и Вѣрою утверждаемыя пріобрѣтенія, нужныя для могущества Россіи; все другое относилось единственно къ сей цѣли. Посолъ Василіевъ, Наумовъ, еще оставался въ Тавридѣ и предлагалъ Хану миръ; а Магметъ-Гирей, готовя месть Астрахани, также хотѣлъ возобновить дружбу съ нами и прислалъ своихъ Пословъ въ Москву: самъ же выступилъ со многочисленнымъ войскомъ къ устью Волги.

Въ Астрахани господствовалъ тогда Усеинъ, сынъ умершаго Царя Ченибека (260): онъ искалъ покровительства Россіи, но не успѣлъ защитить себя отъ нашествія Магметъ-Гирея, который вмѣстѣ съ Ногайскимъ Княземъ Мамаемъ осадилъ Астрахань, изгналъ Усеина, и завоевавъ сей важный торговый городъ, исполнилъ такимъ образомъ свое давнишнее властолюбивое намѣреніе совокупить три Батыевы Царства — Казань, Астрахань и Тавриду — въ единую Державу, которая могла бы и далѣе расшириться на Востокъ покореніемъ Ногаевъ, Шибанскихъ или Тюменскихъ и Хивинскихъ Моголовъ, примкнуть отъ моря Каспійскаго къ Персіи, къ Сибири, и новыми тучами варваровъ угрожать образованному Западу. Василій предвидѣлъ сію

Ханъ Крымскій взялъ Астрахань.

опасность: для того, стараясь удержать Казань въ зависимости отъ Россіи, не хотѣлъ помогать Магметъ-Гирею на Астрахань, и договариваясь съ нимъ о мирѣ, заключилъ тѣсный союзъ съ ея Царемъ, коего Послы свѣдали въ Москвѣ о бѣдствіи ихъ отечества. Но безпокойство Великаго Князя было непродолжительно: варваръ можетъ имѣть властолюбіе, смѣлость и счастіе; только не умѣетъ пользоваться успѣхами: легко пріобрѣтая, легко и теряетъ. Магметъ-Гиреево величіе исчезло какъ сновидѣніе.

г. 1523. Злодѣйства въ Казани.

Услышавъ о завоеваніи Астрахани, Саипъ-Гирей, Царь Казанскій, вздумалъ праздновать оное кровопролитіемъ: уже не боясь Россіи, и въ безумной гордости считая всякую дальнѣйшую умѣренность малодушіемъ, онъ велѣлъ умертвить всѣхъ Московскихъ купцевъ и Посла Государева, Василья Юрьева ([261]). Вѣсть о семъ ужасномъ злодѣйствѣ достигла Москвы въ одно время съ другою, весьма для насъ благопріятною: о внезапной гибели Магметъ-Гирея и бѣдствіяхъ Тавриды.

Бѣдствія Крыма.

Между тѣмъ, какъ онъ, торжествуя побѣду, веселился и пировалъ въ богатой Астрахани, сподвижникъ его, Князь Ногайскій, Мамай, готовилъ ему сѣть, по внушеніямъ брата своего Агиша. «Что ты дѣлаешь?» говорилъ Агишъ: «служишь орудіемъ сильному, вла-

«столюбивому сосѣду, который мыслитъ нора«ботить всѣхъ насъ, одного за другимъ. Опом«нись, или будетъ поздно.» Мамай согласился съ братомъ, условился въ мѣрахъ, и началъ доказывать Хану, что ихъ войско слабѣетъ духомъ и тѣломъ въ городѣ; что надобно стоять въ полѣ, гдѣ Татаринъ дышетъ свободно и пылаетъ мужествомъ. Магметъ-Гирей, принявъ совѣтъ, вышелъ изъ города; но въ станѣ велъ роскошную, безпечную жизнь, не воображая никакихъ опасностей: воины ходили безъ оружія. Вдругъ Агишъ и Мамай съ толпами Ногайскими окружаютъ Царскій шатеръ, въ коемъ Магметъ-Гирей спокойно обѣдалъ съ юнымъ сыномъ Богатырь-Солтаномъ: убиваютъ ихъ и многихъ Вельможъ; нападаютъ на станъ, рѣжутъ изумленныхъ Крымцевъ, гонятъ бѣгущихъ, топятъ въ Дону (262). Только двое изъ сыновей Ханскихъ, Казы-Гирей и Бибей, съ пятидесятью Князьями прибѣжали въ Тавриду: въ слѣдъ за ними вринулись и Ногаи въ ея беззащитные Улусы, захватили стада, выжгли селенія, плавали въ крови женъ и младенцевъ, которые укрывались въ лѣсахъ или въ ущелинахъ горъ. Вельможи Крымскіе собрали наконецъ тысячь двѣнадцать воиновъ и сразились съ Ногаями; но разбитые на голову, едва спаслися бѣгствомъ въ Перекопь, охраняемую Султанскими Янычарами. Въ тоже время Атаманъ Днѣпровскихъ Козаковъ, Евстафій Дашковичь, бывъ дотолѣ союзникомъ Крымскимъ, сжегъ укрѣпленія Оча-

кова, и все истребилъ, что могъ, въ Тавридѣ.

Московскій Бояринъ Колычовъ, посланный еще къ Магметъ-Гирею, находясь въ Перекопи, былъ свидѣтелемъ сихъ происшествій. Когда Ногаи и Дашковичь удалились, сынъ Ханскій, Казы-Гирей, назвалъ себя Царемъ Тавриды; но долженъ былъ уступить престолъ дядѣ, Сайдетъ-Гирею, который, съ Султанскимъ указомъ и съ Янычарами пріѣхавъ изъ Константинополя, удавилъ племянника въ Кафѣ, торжественно воцарился и спѣшилъ предложить Василію свою дружбу, хваляся могуществомъ и величіемъ. «Отецъ твой — «писалъ онъ къ Государю — безопасно «стоялъ за хребтомъ моего отца, и его «саблею сѣкъ головы непріятелямъ. Да «будетъ любовь и между нами. Имѣю рать «сильную: Великій Султанъ мнѣ покровитель, Царь Астраханскій Усеинъ другъ, «Казанскій Саипъ-Гирей братъ, Ногаи, «Черкасы и Тюмень подданные, Король «Сигизмундъ холопъ, Волохи *путники* мои «и стадницы. Исполняя волю Султанову, «хочу жить съ тобою въ тѣсномъ братствѣ. «Не тревожь моего единокровнаго въ Казани. Минувшее забудемъ. Литвѣ не дадимъ покоя,» и проч. Новый Ханъ требовалъ отъ Василія шестидесяти тысячь алтынъ, увѣряя, что истинные братья ни-

Ханъ Сайдетъ-Гирей.

когда не отказываютъ другъ другу въ такихъ безделицахъ. Хотя въ Москве знали, что Крымъ находится въ самомъ ужасномъ опустошеніи; что Сайдетъ-Гирей не могъ тогда иметь ни двенадцати тысячь исправныхъ воиновъ: однакожь Великій Князь старался воспользоваться добрымъ расположеніемъ Хана и заключить съ нимъ союзъ, чтобы по крайней мере не опасаться набеговъ Крымскихъ; только не далъ ему денегъ, и въ разсужденіи Царя Казанскаго ответствовалъ: «Государи воюютъ, «но Пословъ и купцевъ не убиваютъ: нетъ «и не будетъ мира съ злодеемъ» (263).

Походы на Казань.

Между темъ, какъ шли переговоры съ Тавридою объ условіяхъ союза, войско наше действовало противъ Казани. Самъ Государь ездилъ въ Нижній Новгородъ, откуда послалъ Царя Шигъ-Алея и Князя Василія Шуйскаго съ судовою, а Князя Бориса Горбатаго съ конною ратію. Они не только воевали непріятельскую землю, убивая, пленяя людей на берегахъ Волги, но сделали и нечто важнейшее: основали городъ при устье Суры, назвавъ его именемъ Василія, и стеснивъ пределы Казанскаго Царства, сею твердынею защитили Россію: валъ, острогъ и деревянныя стены были достаточны для приведенія варваровъ въ ужасъ. Алей и Шуйскій возвратились осенью. Не трудно было предвидеть,

что Россіяне возобновятъ нападеніе въ благопріятнѣйшее время: Саипъ-Гирей искалъ опоры, и рѣшился объявить себя подданнымъ Великаго Солимана, съ условіемъ, чтобы онъ спасъ его отъ мести Василіевой. Могъ ли дѣйствительно Глава Мусульмановъ не вступиться въ такомъ случаѣ за единовѣрнаго? Однакожь сіе заступленіе, весьма легкое и какъ бы мимоходомъ, оказалось безполезнымъ: Князь Манкупскій, Скиндеръ, находясь тогда въ Москвѣ единственно по дѣламъ купеческимъ, именемъ Султана объявилъ нашимъ Боярамъ, что Казань есть Турецкая область; но удовольствовался отвѣтомъ, что Казань была, есть и будетъ подвластна Россійскому Государю; что Саипъ-Гирей мятежникъ и не имѣетъ права дарить ею Султана ([264]).

г. 1524. Весною полки гораздо многочисленнѣйшіе выступили къ Казани, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ завоевать оную. Въ судовой рати главными начальниками были Шигъ-Алей, Князья Иванъ Бѣльскій и Горбатый, Захарьинъ, Симеонъ Курбскій, Иванъ Лятцкій; а въ конной Бояринъ Хабаръ Симскій. Число воиновъ, какъ увѣряютъ, простиралось до 150 тысячь ([265]). Слухъ о семъ необыкновенномъ ополченіи столь устрашилъ Саипъ-Гирея, что онъ немедленно бѣжалъ въ Тавриду, оставивъ въ

Казани юнаго, тринадцати-лѣтняго племянника, Сафа-Гирея, внука Менгли-Гиреева (266), и сказавъ жителямъ, что ѣдетъ искать помощи Султановой, которая одна можетъ спасти ихъ. Гнушаясь его малодушіемъ, ненавидя и боясь Россіянъ, они назвали Сафа-Гирея Царемъ, клялися умереть за него и приготовились къ оборонѣ, вмѣстѣ съ Черемисами и Чувашами. 7 Іюля судовая рать Московская явилась предъ Гостинымъ островомъ, выше Казани; войско расположилось на берегу, и 20 дней провело въ бездѣйствіи, ожидая Хабара Симскаго съ конницею. Непріятель также стоялъ въ полѣ; тревожилъ Россіянъ частными, маловажными нападеніями; изъявлялъ смѣлость. Презирая отрока Сафа-Гирея, Алей писалъ къ нему, чтобы онъ мирно удалился въ свое отечество и не былъ виновникомъ кровопролитія. Сафа-Гирей отвѣтствовалъ: «чья побѣда, того и Царство: сразимся.» Въ сіе время загорѣлась Казанская деревянная крѣпость (267): Воеводы Московскіе не двинулись съ мѣста, дали жителямъ спокойно гасить огонь и строить новую стѣну; 28 Іюля перенесли станъ на луговую сторону Волги, къ берегамъ Казанки, и опять ничего не дѣлали; а непріятель жегъ нивы въ окрестностяхъ, и занявъ всѣ дороги, наблюдалъ, чтобы мы не имѣли никакихъ подвозовъ. Истративъ свои запасы, войско уже терпѣло недостатокъ — и вдругъ разнесся слухъ, что конница наша совершенно истреблена непріятелемъ. Ужасъ объялъ Воеводъ. Не знали, что

предпринять: боялись итти назадъ и медленно плыть Волгою вверхъ; думали спуститься ниже устья Камы, бросить суда и возвратиться сухимъ путемъ чрезъ отдаленную Витку. Оказалось, что дикіе Черемисы разбили только одинъ конный отрядъ Московскій; что мужественный Хабаръ въ двадцати верстахъ отъ Казани, на берегу Свіяги, одержалъ славную побѣду надъ ними, Чувашами и Казанцами, хотѣвшими не допустить его до соединенія съ Алеемъ: множество взялъ въ плѣнъ, утопилъ въ рѣкѣ, и съ строфеями прибылъ въ станъ главной рати (268).

Не столь счастливъ былъ Князь Иванъ Палецкій, который изъ Нижняго Новагорода шелъ на судахъ къ Казани съ хлѣбомъ и съ тяжелымъ снарядомъ огнестрѣльнымъ. Тамъ, гдѣ Волга, усѣянная островами, стѣсняется между ими, Черемисы запрудили рѣку каменьемъ и деревьями. Сія преграда изумила Россіянъ. Суда, увлекаемыя стремленіемъ воды, разбивались одно объ другое или объ камни, а съ высокаго берега сыпались на нихъ стрѣлы и катились бревна, пускаемыя Черемисами. Погибло нѣсколько тысячь людей, убитыхъ или утопшихъ (269); и Князь Палецкій, оставивъ въ рѣкѣ большую часть военныхъ снарядовъ, съ немногими судами достигъ нашего стана. Сіе бѣдствіе, какъ думаютъ, произвело извѣстную старинную пословицу: *съ одну сторону Черемиса, а съ другой берегися* (270). «Волга» — пишетъ Казанскій Историкъ — «едѣ«лалась тогда для варваровъ златоструйнымъ

«Тигромъ: кромѣ пушекъ и ядеръ, они пу«дами извлекали изъ ея глубины серебро и «драгоцѣнное оружіе Москвитянъ.»

Хотя Россіяне обступили наконецъ крѣпость и могли бы взять ее, тѣмъ вѣроятнѣе, что въ самый первый день осады убивъ лучшаго непріятельскаго пушкаря, видѣли замѣшательство Казанцевъ и худое дѣйствіе ихъ огнестрѣльнаго снаряда; хотя Нѣмецкіе и Литовскіе воины, наемники Государевы, требовали приступа: но Воеводы, опасаясь неудачи и голода, предпочли миръ: ибо Казанцы, устрашенные побѣдою Самскаго, выслали къ нимъ дары, обѣщаясь немедленно отправить Посольство къ Великому Князю, умилостивить его загладить свою вину. Малодушные или, по мнѣнію нѣкоторыхъ, ослѣпленные золотомъ начальники прекратили войну, сняли осаду и вышли изъ земли Казанской безъ славы и съ болѣзнію, отъ коей умерло множество людей; такъ, что едва ли половина рати осталась въ живыхъ. Главный Воевода, Князь Иванъ Бѣльскій, лишился милости Государевой; но Митрополитъ исходатайствовалъ ему прощеніе (271). Августа 15.

Послы Казанскіе дѣйствительно пріѣхали къ Государю; молили его, чтобы онъ утвердилъ Сафа-Гирея въ достоинствѣ Царя, и въ такомъ случаѣ обязывались, какъ и прежде, усерствовать Россіи (272). Василій

требовалъ доказательствъ и залога въ вѣрности сего народа, постояннаго единственно въ обманахъ и злодѣйствѣ: впрочемъ желалъ обойтися безъ дальнѣйшаго кровопролитія. Бояринъ, Князь Пенковъ, былъ въ Казани для переговоровъ. Между тѣмъ Государь безъ оружія нанесъ ей ударъ весьма чувствительный, запретивъ нашимъ купцамъ ѣздить на ея лѣтнюю ярмонку и назначивъ для ихъ торговли съ Азіею мѣсто въ Нижегородской области, на берегу Волги, гдѣ нынѣ Макарьевъ: отъ чего сія славная ярмонка упала: ибо Астраханскіе, Персидскіе, Армѣнскіе купцы всего болѣе искали тамъ нашихъ мѣховъ, и сами Казанцы лишились вещей необходимыхъ, на примѣръ соли, которую они получали изъ Россіи (273). Но какъ трудно перемѣнять старыя обыкновенія въ путяхъ купечества, то мы, сдѣлавъ зло другимъ, увидѣли и собственный вредъ: не скоро можно было пріучить людей къ новому, дикому, ненаселенному мѣсту, гдѣ нѣкогда существовалъ уединенный монастырь, заведенный Св. Макаріемъ Унженскимъ и разрушенный Татарами при Василіи Темномъ (274). Цѣна Азіатскихъ ремесленныхъ произведеній у насъ возвысилась; открылся недостатокъ въ нужномъ, особенно въ соленой рыбѣ, покупаемой въ Казани. Однимъ словомъ, досадивъ Казанскому народу, Великій Князь досадилъ и своему, который не могъ предвидѣть, что сіе юное торжище будетъ со временемъ нашею славною Макарьевскою ярмонкою, едва ли не богатѣйшею въ

свѣтѣ. Жаловались, что Государь ищетъ себѣ непріятелей, равно какъ осуждали его и за основаніе города въ землѣ Казанской, хотя дальновиднѣйшіе изъ самыхъ современниковъ знали, что дѣло идетъ не объ истинномъ дружествѣ съ нею, но о вѣрнѣйшемъ ея, для насъ необходимомъ покореніи, и хвалили за то Великаго Князя (275). — Слѣдствіемъ переговоровъ между нами и Казанью было пятилѣтнее, мирное бездѣйствіе съ обѣихъ сторонъ.

Тогда Великій Князь, свободный отъ дѣлъ воинскихъ, занимался важнымъ дѣломъ семейственнымъ, тѣсно связаннымъ съ государственною пользою. Онъ былъ уже двадцать лѣтъ супругомъ, не имѣя дѣтей, слѣдственно и надежды имѣть ихъ. Отецъ съ удовольствіемъ видитъ наслѣдника въ сынѣ: таковъ уставъ Природы; но братья не столь близки къ сердцу, и Василіевы не оказывали ни великихъ свойствъ душевныхъ, ни искренней привязанности къ старѣйшему, болѣе опасаясь его какъ Государя, нежели любя какъ единокровнаго. Современный Лѣтописецъ повѣствуетъ, что Великій Князь, ѣдучи однажды на *позлащенной колесницѣ*, внѣ города, увидѣлъ на деревѣ птичье гнѣздо, заплакалъ и сказалъ: «птицы счастливѣе меня: «у нихъ есть дѣти!» Послѣ онъ также со слезами говорилъ Боярамъ: «кто будетъ Г. 1525. Постриженіе Великой Княгини.

«моимъ и Русскаго Царства наслѣдникомъ? «братья ли, которые не умѣютъ править и своими «Удѣлами?» Бояре отвѣтствовали: «Государь! «неплодную смоковницу посѣкаютъ: на ея мѣ- «стѣ садятъ иную въ вертоградѣ» (276). Не толь- ко придворные угодники, но и ревностные друзья отечества могли совѣтовать Василію, чтобы онъ развелся съ Соломоніею, обвиняемою въ неплодіи, и новымъ супружествомъ даровалъ наслѣдника престолу. Слѣдуя ихъ мнѣнію, и желая быть отцемъ, Государь рѣшился на дѣло жестокое въ смыслѣ нравственности: немилосердо отвергнуть отъ своего ложа невинную, добродѣтельную супругу, которая двадцать лѣтъ жила единственно для его счастія; предать ее въ жертву горести, стыду, отчаянію; нарушить святый уставъ любви и благодарности. Если Митрополитъ Даніилъ, снисходительный, уклончивый, внимательный къ міру болѣе, нежели къ Духу, согласно съ Великокняжескимъ Синклитомъ призналъ намѣреніе Василіево законнымъ или еще похвальнымъ: то нашлись и Духовные и міряне, которые смѣло сказали Государю, что оно противно совѣсти и Церкви. Въ числѣ ихъ былъ пустынный Инокъ Вассіанъ, сынъ Князя Литовскаго, Ивана Юрьевича Патрикеева, и самъ нѣкогда знатнѣйшій Бояринъ, вмѣстѣ съ отцемъ въ 1499 году неволею постриженный въ Монахи за усердіе къ юному Великому Князю, несчастному Димитрію (277). Сей мужъ уподоблялся, какъ пишутъ, древнему Святому Антонію: его

заключили въ Волоко-Ламскомъ монастырѣ, коего Иноки любили угождать мірской власти; а престарѣлаго Воеводу, Князя Симеона Курбскаго, завоевателя земли Югорской, строгаго постника и Христіанина, удалили отъ Двора: ибо онъ также ревностно вступался за права Соломоніи ([278]). Самые простолюдины — одни по естественной жалости, другіе по Номоканону — осуждали Василія ([279]). Чтобы обмануть законъ и совѣсть, предложили Соломоніи добровольно отказаться отъ міра: она не хотѣла. Тогда употребили насиліе: вывели ее изъ дворца, постригли въ Рожественскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ, увезли въ Суздаль, и тамъ, въ женской Обители, заключили. Увѣряютъ, что несчастная противилась совершенію беззаконнаго обряда, и что сановникъ Великокняжескій, Иванъ Шигона, угрожалъ ей не только словами, но и побоями, дѣйствуя именемъ Государя; что она залилась слезами, и надѣвая ризу Инокини, торжественно сказала: «Богъ видитъ, и отмститъ моему гонителю» ([280]). — Не умолчимъ здѣсь о преданіи любопытномъ, хотя и не достовѣрномъ: носился слухъ, что Соломонія, къ ужасу и безполезному раскаянію Великаго Князя, оказалась послѣ беременною, родила сына, дала ему имя Георгія, тайно воспитывала его и не хотѣла никому показать, говоря: «въ свое «время онъ явится въ могуществѣ и славѣ.» Многіе считали то за истину; другіе за сказку,

вымышленную друзьями сей несчастной, добродѣтельной Княгини ([281]).

г. 1526. Новый бракъ Великаго Князя. Разрѣшивъ узы своего брака, Василій по уставу Церковному не могъ вторично быть супругомъ: чья жена съ согласія мужа постригается, тотъ долженъ самъ отказаться отъ свѣта. Но Митрополитъ далъ благословеніе, и Государь чрезъ два мѣсяца женился на Княжнѣ Еленѣ, дочери Василія Глинскаго, къ изумленію нашихъ Бояръ, которые не думали, чтобы родъ чужеземныхъ измѣнниковъ удостоился такой чести. Можетъ быть, не одна красота невѣсты рѣшила выборъ; можетъ быть, Елена, воспитанная въ знатномъ Владѣтельномъ Домѣ и въ обычаяхъ Нѣмецкихъ, коими славился ея дядя, Михаилъ, имѣла болѣе пріятности въ умѣ, нежели тогдашнія юныя Россіянки, научаемыя единственно цѣломудрію и кроткимъ, смиреннымъ добродѣтелямъ ихъ пола. Нѣкоторые думали, что Великій Князь изъ уваженія къ достоинствамъ Михаила Глинскаго женился на его племянницѣ, дабы оставить въ немъ надежнаго совѣтника и путеводителя своимъ дѣтямъ ([282]). Сіе менѣе вѣроятно: ибо Михаилъ послѣ того еще болѣе года сидѣлъ въ темницѣ, освобожденный наконецъ ревностнымъ ходатайствомъ Елены ([283]). — Свадьба была великолѣпна. Праздновали три дни. Дворъ блисталъ не-

обыкновенною пышностію (284). Любя юную супругу, Василій желалъ ей нравиться не только ласковымъ обхожденіемъ съ нею, но и видомъ молодости, которая отъ него удалялась: обрилъ себѣ бороду и пекся о своей пріятной наружности (285).

Въ теченіе пяти лѣтъ Россія имѣла единственно мирныя сношенія съ иными Державами. Еще при жизни Леона X одинъ Генуэзскій путешественникъ, называемый Капитаномъ Павломъ, съ дружелюбнымъ письмомъ отъ сего Папы и Нѣмецкаго Магистра Албрехта былъ въ Москвѣ, имѣя важное намѣреніе проложить купеческую дорогу въ Индостанъ черезъ Россію посредствомъ рѣкъ Инда, Окса или Гигона, моря Каспійскаго и Волги. Прежде счастливагo открытія Васка де-Гамы товары Индѣйскіе шли въ Европу или Персидскимъ Заливомъ, Евфратомъ, Чернымъ моремъ, или Заливомъ Аравійскимъ, Ниломъ и моремъ Средиземнымъ; но Португальцы, въ началѣ XVI вѣка овладѣвъ берегами Индіи, захвативъ всю ея торговлю и давъ ей удобнѣйшій путь Океаномъ, мимо Африки, употребляли свою выгоду во зло, и столь возвысили цѣну пряныхъ зелій, что Европа справедливо жаловалась на безумное корыстолюбіе Лиссабонскихъ купцевъ. Говорили даже, что ароматы Индѣйскіе въ дальнемъ плаваніи теряютъ запахъ

Сношенія съ Римомъ.

и силу. Движимый ревностію отнять у Португаліи исключительное право сей торговли, Генуэзскій путешественникъ убѣдительно представлялъ нашимъ Боярамъ, что мы въ нѣсколько лѣтъ можемъ обогатиться ею; что казна Государева наполнится золотомъ отъ купеческихъ пошлинъ; что Россіяне, любя употреблять пряныя зелья, будутъ имѣть оныя въ изобиліи и дешево; что ему надобно только узнать теченіе рѣкъ впадающихъ въ Волгу, и что онъ проситъ Великаго Князя отпустить его водою въ Астрахань. Но Государь, какъ пишутъ, не хотѣлъ открыть иноземцу путей нашей торговли съ Востокомъ (286). Павелъ возвратился въ Италію по смерти Леона X, вручилъ отвѣтную Василіеву грамоту Папѣ Адріану и въ 1525 году вторично пріѣхалъ въ Москву съ письмомъ отъ новаго Папы, Климента VII, уже не по торговымъ дѣламъ, но въ видѣ Посла, дабы склонить Великаго Князя къ войнѣ съ Турками и къ соединенію Церквей: за что Климентъ, подобно Леону, предлагалъ ему достоинство Короля (287). Сей опытъ, какъ и всѣ прежніе, не имѣлъ успѣха: Василій, довольный именемъ Великаго Князя и Царя, не думалъ о Королевскомъ, не хотѣлъ искать новыхъ враговъ и помнилъ худыя слѣдствія Флорентійскаго Собора; однакожь принялъ съ уваженіемъ и Посла и грамоту, честилъ его два мѣсяца въ Москвѣ и вмѣстѣ съ нимъ отправилъ въ Италію *гонца* своего, Димитрія Герасимова (288), о коемъ славный Историкъ того вѣка, Павелъ Іовій,

говоритъ съ похвалою, сказывая, что онъ учился въ Ливоніи, зналъ хорошо языкъ Латинскій, былъ употребляемъ Великимъ Княземъ въ Посольствахъ Шведскомъ, Датскомъ, Прусскомъ, Вѣнскомъ; имѣлъ многія свѣдѣнія, здравый умъ, кротость и пріятность въ обхожденіи. Папа велѣлъ отвести ему богато украшенныя комнаты въ замкѣ Св. Ангела. Отдохнувъ нѣсколько дней, Димитрій въ великолѣпной Русской одеждѣ представился Клименту, поднесъ дары и письмо Государево, наполненное единственно учтивостями. Великій Князь изъявлялъ желаніе быть въ дружбѣ съ Папою, утверждать оную взаимными Посольствами, видѣть торжество Христіанства и гибель невѣрныхъ, прибавляя, что онъ издавна караетъ ихъ въ честь Божію. Ждали, что Димитрій объявитъ на словахъ какія нибудь тайныя порученія Государевы: онъ занемогъ въ Римѣ и долго находился въ опасности; наконецъ выздоровѣлъ, осмотрѣлъ всѣ достопамятности древней столицы міра, новыя зданія, церкви; хвалилъ пышное служеніе Папы, восхищался музыкою, присутствовалъ въ Кардинальскомъ Совѣтѣ, бесѣдовалъ съ учеными мужами, и въ особенности съ Павломъ Іовіемъ; разсказывалъ имъ много любопытнаго о своемъ отечествѣ; но, къ неудовольствію Папы, объявилъ, что не имѣетъ никакихъ повелѣній отъ Василія для переговоровъ о дѣлахъ государственныхъ и церковныхъ. — Димитрій возвратился въ Москву (въ Іюлѣ 1526 года) съ новымъ

Посломъ Климентовымъ, Іоанномъ Францискомъ, Епископомъ Скаренскимъ, коему надлежало доставить миръ Христіанству, то есть, Литвѣ (289). Явился и другой, еще знаменитѣйщій посредникъ въ семъ дѣлѣ.

Кончина Максимиліанова прервала сообщеніе нашего Двора съ Имперіею, Хит-
Карлъ V. рый, властолюбивый юноша, Карлъ V, заступивъ мѣсто дѣда на ея престолѣ, не имѣлъ времени мыслить о Сѣверѣ, повелѣвая Испаніею, Австріею, Нидерландами, и споря о господствѣ надъ всею юго-западною Европою съ прямодушнымъ Героемъ, Францискомъ I. Долго ждавъ, чтобы Карлъ вспомнилъ о Россіи, Великій Князь рѣшился самъ отправить къ нему гонца съ привѣтствіемъ. За симъ возобновились торжественныя Посольства съ обѣихъ сторонъ. Австрійскій Государственный Совѣтникъ Антоній прибылъ въ Москву съ дружественными грамотами, а Князь Иванъ Ярославскій-Засѣкинъ ѣздилъ съ такими же отъ Василія къ Императору въ Мадритъ (290), въ то самое время, когда несчастный Францискъ I находился тамъ плѣнникомъ, и когда Европа не безъ ужаса видѣла быстрые успѣхи Карлова властолюбія, угрожавшаго ей *всемірною Монархіею* или зависимостію всѣхъ Державъ отъ единой сильнѣйшей, какой не бывало послѣ Карла Великаго въ теченіе семи вѣковъ. Только

Россія, хотя уже съ любопытствомъ наблюдающая государственныя движенія въ Европѣ, но еще далѣе враждебной Литвы не зрящая для себя прямыхъ опасностей, оставалась вдали спокойною, и даже могла желать, чтобы Карлъ исполнилъ намѣреніе дѣда присоединеніемъ Венгріи и Богеміи ко владѣніямъ Австрійскаго Дома (какъ и случилось): ибо сіи двѣ воинственныя Державы, управляемыя Сигизмундовымъ племянникомъ, Людовикомъ, служили опорою Литвѣ и Польшѣ. Не имѣя никакого совмѣстничества съ Императоромъ и справедливо угадывая, что оно есть или будетъ между имъ и Королемъ Польскимъ, Великій Князь предложилъ Карлу склонить Сигизмунда къ твердому миру съ Россіею, или благоразумными убѣжденіями или страхомъ оружія, по торжественному Максиміліанову обѣщанію ([291]). Въ удовольствіе Василія Императоръ, отпустивъ Князя Засѣкина изъ Мадрита, вмѣстѣ съ нимъ послалъ Графа Леонарда Нугарольскаго, а братъ его, Эрцгерцогъ Австрійскій Фердинандъ, Барона Герберштейна въ Польшу, чтобы объясниться съ Королемъ въ разсужденіи мирныхъ условій и ѣхать въ Москву для окончанія сего дѣла. Но Сигизмундъ, уже опасаясь замысловъ Императора на Венгрію, худо вѣрилъ его доброжелательству и сказалъ Посламъ, что онъ не просилъ ихъ Государей быть миротворцами и можетъ самъ *унять Россію*, примолвивъ съ досадою: «какая дружба у «Князя Московскаго съ Императоромъ? что они:

«ближніе сосѣды или родственники?» Однакожь послалъ къ Василію Воеводу своего. Петра Кишку, и Маршалка Богуша, которые въ слѣдъ за Графомъ Леонардомъ и Герберштейномъ пріѣхали въ нашу столицу. Великій Князь былъ въ Можайскѣ, увеселяясь звѣриною ловлею: тамъ и начались переговоры. Король возобновилъ старыя требованія на все отнятое у Литвы Іоанномъ, называя и Новгородъ и Псковъ ея достояніемъ; а мы хотѣли Кіева, Полоцка, Витебска. Посредники, Епископъ Скаренскій, Леонардъ и Герберштейнъ, совѣтуя обѣимъ сторонамъ быть умѣреннѣе, предложили Василію уступить Королю хотя половину Смоленска: Бояре объявили сіе невозможнымъ; отвергнули и перемиріе на двадцать лѣтъ, желаемое Сигизмундомъ; согласились единственно продолжить оное до 1533 года, и то изъ особеннаго уваженія къ Императору и Папѣ, какъ изъяснился Великій Князь, жалуясь на худое расположеніе Короля къ истинному миру и нелѣпость его требованій. Споры о нашихъ границахъ съ Литвою остались безъ изслѣдованія, а плѣнники въ заточеніи. Посламъ Сигизмундовымъ была и личная досада: за столомъ Великокняжескимъ давали имъ мѣсто ниже Римскаго, Императорскаго и самаго Фердинандова Посла. Утверждая перемирную грамоту, Василій говорилъ

Перемиріе съ Литвою.

рѣчь о своей пріязни къ Папѣ, Карлу, Эрцгерцогу; о любви къ тишинѣ, справедливости, и проч. На стѣнѣ висѣлъ золотый крестъ: Думный Бояринъ, снявъ его, обтеръ бѣлымъ платомъ. Дьякъ въ обѣихъ рукахъ держалъ хартіи договорныя. Великій Князь всталъ съ мѣста; указывая на грамоту, сказалъ: «исполню съ Божіею помощію»; взглянулъ съ умиленіемъ на крестъ, и тихо читая молитву, приложился къ оному. Тоже сдѣлали и Литовскіе чиновники. Въ заключеніе обряда пили вино изъ большаго кубка. Государь снова увѣрялъ Пословъ въ своемъ дружествѣ къ Клименту и къ Максиміліановымъ наслѣдникамъ; обратился къ Панамъ Литовскимъ, кивнулъ головою, велѣлъ имъ кланяться Сигизмунду и желалъ счастливаго пути (292). Они всѣ вмѣстѣ выѣхали изъ Можайска, а за ними наши Послы: Трусовъ и Лодыгинъ въ Римъ, Ляпунъ и Волосатый къ Императору и къ Эрцгерцогу, Окольничій Лятцкій къ Сигизмунду (293). — Хотя Король утвердилъ договоръ и клятвенно обязался быть нашимъ мирнымъ сосѣдомъ, но взаимныя жалобы не могли прекратиться до самой кончины Василіевой: ибо Литовцы и Россіяне пограничные вели, такъ сказать, явную, всегдашнюю войну между собою, отнимая земли другъ у друга. Тщетно судьи съ обѣихъ сторонъ выѣзжали на рубежъ: то Литовскіе не могли дождаться нашихъ, то наши Литовскихъ. Къ неудовольствію Сигизмунда, Василій принялъ къ себѣ Князя Өедора Михай-

ловича Мстиславскаго, выдалъ за него дочь сестры своей, Анастасію (294), сносился съ Господаремъ Молдавскимъ, непріятелемъ Литвы, и задержалъ (въ 1528 году) бывшихъ у насъ Королевскихъ Пословъ, свѣдавъ, что въ Минскѣ остановили Молдавскаго на пути его въ Россію. Король не хотѣлъ именовать Василія *Великимъ Государемъ*, а мы не хотѣли называть Короля *Россійскимъ* и *Прусскимъ*. По крайней мѣрѣ плѣнниковъ нашихъ и Литовскихъ, въ силу перемирія, продолженнаго еще на годъ, выпустили изъ темницъ и не обременяли цѣпями какъ злодѣевъ (295).

Дружество съ Густавомъ Вазою.

Въ слѣдствіе одной изъ достопамятнѣйшихъ государственныхъ перемѣнъ въ мірѣ, Швеція, послѣ долговременнаго неустройства, угнетенія, безначалія, какъ бы обновленная въ своихъ жизненныхъ силахъ, образовалась, возставала тогда подъ Эгидою великаго мужа, Густава Вазы, который изъ рудокопни восшелъ на тронъ, озарилъ его славою, утвердилъ мудростію; возвеличилъ Государство, ободрилъ народъ, былъ честію вѣка, Монарховъ и людей. Освободивъ Королевство свое отъ ига Датчанъ, не думая о суетной воинской славѣ, думая только о мирномъ благоденствіи Шведовъ, Густавъ искалъ дружбы Василія и подтвердилъ заключенное съ Россіею перемиріе на 60 лѣтъ. Совѣтники

его, Канутъ Эриксонъ и Біорнъ Классонъ, пріѣзжали для того въ Новгородъ къ Намѣстнику, Князю Ивану Ивановичу Оболенскому, и Дворецкому Сабурову, а Эрикъ Флемингъ въ Москву ([296]). Уже Христіанъ, ненавистный и Шведамъ и Датчанамъ, скитался изгнанникомъ по Европѣ: преемникъ сего Нерона, Король Фридерикъ, менѣе властолюбивый, призналъ независимость Швеціи, и Василій, слыша о великихъ дѣлахъ Густава, тѣмъ охотнѣе согласился жить съ нимъ въ мирномъ сосѣдствѣ: дозволилъ Шведскимъ купцамъ имѣть свой особенный дворъ въ Новѣгородѣ и торговать во всей Россіи; обѣщалъ совершенную безопасность Финскимъ земледѣльцамъ, которые боялись селиться близъ нашей границы, и велѣлъ, въ угодность Королю, заточить въ Москвѣ славнаго Датскаго Адмирала Норби. Сей воинъ мужественный, но свирѣпый, по изгнаніи Христіана завладѣлъ-было Готландіею, сдѣлался морскимъ разбойникомъ, не щадилъ никого, бралъ всѣ корабли безъ исключенія, и въ особенности злодѣйствовалъ Швеціи; наконецъ, разбитый ея флотомъ, бѣжалъ въ Россію, чтобы возбудить насъ противъ Густава ([297]). Великій Князь объявилъ Норби мятежникомъ и наказалъ его, въ удостовѣреніе, что хочетъ мира и тишины на Сѣверѣ.

Посольства Солимановы.

Утративъ надежду имѣть союзника въ Султанѣ, Василій милостиво угощалъ его Посланника, Скиндера, который еще три раза былъ въ Москвѣ, по торговымъ дѣламъ, и тамъ внезапно умеръ съ именемъ корыстолюбиваго и злаго клеветника: ибо онъ, несправедливо жалуясь на скупость и худый пріемъ Великаго Князя, хвалился, что убѣдитъ Солимана воевать съ нами; но умный Султанъ не могъ быть орудіемъ подлаго Грека, и не думая умножать числа своихъ непріятелей, оставался другомъ Россіи, хотя и безполезнымъ, и въ концѣ 1530 года писалъ къ Василію послѣднее ласковое письмо съ Туркомъ Ахматомъ, коему надлежало купить въ Москвѣ нѣсколько кречетовъ и мѣховъ собольихъ (298).

Въ сіе время одни Крымскіе хищники тревожили Россію, не смотря на усилія Великаго Князя быть въ мирѣ съ Ханомъ и на союзныя грамоты, послѣ многихъ переговоровъ утвержденныя взаимною клятвою. Сайдетъ-Гирей, ненавидимый народомъ и Князьями за его любовь къ Турецкимъ обычаямъ, лилъ кровь знатнѣйшихъ людей и не могъ держаться на своемъ ужасномъ тронѣ, бывъ два раза изгнанъ племянникомъ, сыномъ Магметъ-Гирея, Исламомъ; примирился съ нимъ, далъ ему санъ Калги, грабилъ Литву и требовалъ денегъ отъ Василія, который, видя ненадежность Ханской

власти, сдѣлался тѣмъ умѣреннѣе въ дарахъ. Послы Сайдетъ-Гиреевы находились въ Москвѣ, когда донесли Государю, что Царевичь Исламъ идетъ на Россію. Войско наше заняло берегъ Оки, стояло долго, не видало непріятеля и разошлося осенью по городамъ: вдругъ запылали села Рязанскія: Исламъ стремился къ Коломнѣ и Москвѣ. Но Воеводы, Князья Одоевскій и Мстиславскій, оставались на Угрѣ; не пустили разбойниковъ за Оку и съ великимъ урономъ прогнали, въ числѣ многихъ плѣнныхъ захвативъ перваго Исламова любимца, Янглыча Мурзу (299). Государь былъ въ Коломнѣ: раздраженный вѣроломствомъ Хана, онъ велѣлъ утопить Крымскихъ Пословъ (300). И съ варварами не должно быть варваромъ. Самъ Великій Князь устыдился такого дѣла и приказалъ объявить Хану, что Послы убиты Московскою чернію. Ни мало не удивленный ихъ казнію, столь несогласною съ Народнымъ Правомъ, Сайдетъ-Гирей винилъ только своего племянника, будто бы самовольно дерзнувшаго напасть на Россію; снова клялся въ истинномъ дружествѣ къ Василію, и нагло ограбивъ его Посла, не мѣшалъ Крымцамъ злодѣйствовать въ областяхъ Бѣлевскихъ и Тульскихъ. Наконецъ, сверженный съ престола Князьями и народомъ, бѣжалъ къ Султану. Но Россія ни-

Г. 1527. Набѣгъ Крымцевъ.

чего не выиграла сею перемѣною: сперва Исламъ, властвовавъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Тавридѣ, а послѣ Саипъ, бывшій Царь Казанскій, утвержденный Султаномъ въ достоинствѣ Хана, угрожали намъ войною и пламенемъ, хотя оба, гонимые Сайдетъ-Гиреемъ, прежде искали милости въ Великомъ Князѣ, *названомъ отцѣ* Ислама и *братѣ* Саипъ-Гирея: они непрестанно хотѣли богатыхъ даровъ ([301]).

Къ счастію, Казань усмирилась на время. Юный Сафа-Гирей, ненавистникъ Россіи, исполняя желаніе народа, требовалъ рѣшительнаго мира отъ Великаго Князя, винился передъ нимъ, обѣщался быть его вѣр-
г. 1529. нымъ присяжникомъ. Посолъ Московскій, Андрей Пильемовъ, взялъ съ Царя, Вельможъ и гражданъ клятвенную въ томъ грамоту; а Василій отправилъ къ нимъ свою съ Княземъ Иваномъ Палецкимъ. Но сей знатный чиновникъ узналъ въ Нижнемъ Новѣгородѣ, что Сафа-Гирей перемѣнилъ мысли, умѣлъ злобными внушеніями возбудить Казанцевъ противъ Россіи, согласилъ ихъ предложить ей новыя условія мира, и даже съ грубостію обезчестилъ Посла Великокняжескаго. Палецкій возвратился въ Москву, и Государь прибѣгнулъ къ оружію.

Страшное многочисленностію войско въ судахъ и берегомъ выступило весною изъ

Нижняго къ Казани подъ начальствомъ Князей Ивана Өедоровича Бѣльскаго, Михаила Глинскаго, Горбатаго, Кубенскаго, Оболенскихъ и другихъ. Сафа-Гирей, одушевленный злобою, сдѣлалъ все, что могъ для сильной обороны: призвалъ свирѣпыхъ, дикихъ Черемисовъ и 30,000 Ногаевъ изъ Улусовъ тестя его Мамая; укрѣпилъ предмѣстія острогомъ съ глубокими рвами, отъ Булака Арскимъ полемъ до Казанки; примкнувъ новую стѣну съ двухъ сторонъ къ городу, осыпалъ ее землею и каменьемъ. Конные полки Московскіе, отразивъ пять или шесть нападеній смѣлаго непріятеля, соединились съ пѣхотою, которая вышла изъ судовъ на луговой сторонѣ Волги. Начались ежедневныя, кровопролитныя битвы. Казанцы, ободряемые Царемъ, не боялись смерти; но, изъявляя удивительную храбрость днемъ, не умѣли быть осторожными ночью: прекращая битву, обыкновенно пировали и спали глубокимъ сномъ до утра. Молодые воины полку Князя Оболенскаго, смотря издали при ясномъ свѣтѣ луны на острогъ, видѣли тамъ одну спящую стражу; вздумали отличить себя великимъ дѣломъ: тихо подползли къ стѣнѣ, натерли дерево смолою, сѣрою; зажгли и спѣшили извѣстить о томъ нашихъ Воеводъ. Въ одно время запылалъ острогъ, и Россіяне при звукѣ трубъ

Г. 1530. Рать на Казань.

10 Іюля.

16 Іюля. воинскихъ, съ грозньмъ воплемъ, устремились на приступъ, конные и пѣшіе, одѣтые и полунагіе; сквозь дымъ и пламя ворвались въ укрѣпленіе; рѣзали, давили изумленныхъ Татаръ; взяли предмѣстіе; опустошили все огнемъ и мечемъ; кромѣ сгорѣвшихъ, убили, какъ пишутъ, 60,000 воиновъ и гражданъ, а въ числѣ ихъ и славнаго богатыря Казанскаго, Аталыка, ужаснаго видомъ и силою руки, омоченной кровію многихъ Россіянъ (302). Сафа-Гирей ушелъ въ городокъ Арскій: за нимъ гнался Князь Иванъ Телепневъ-Оболенскій съ легкимъ отрядомъ; а другіе Воеводы стояли на мѣстѣ, и такъ оплошно, что толпы Черемисскія взяли нашъ обозъ, семьдесятъ пушекъ, запасъ ядеръ и пороху, убивъ Князя Ѳедора Оболенскаго-Лопату, Дорогобужскаго и многихъ чиновниковъ. Тогда Россіяне приступили къ городу и могли бы овладѣть крѣпостію, гдѣ не было ни 12,000 воиновъ; но Бѣльскій, уже и прежде подозрѣваемый въ тайномъ лихоимствѣ (303), согласился на миръ: принявъ, какъ пишутъ, серебро отъ жителей, съ клятвою, что они немедленно отправятъ Пословъ къ Василію и не будутъ избирать себѣ Царей безъ его воли, сей главный Воевода отступилъ, къ досадѣ всѣхъ товарищей; хвалился именемъ великодушнаго побѣдителя и спѣшилъ въ Москву, ожидая новыхъ ми-

лостей отъ Государя, своего дяди по матери [304]. Одинъ Лѣтописецъ увѣряетъ, что Василій, съ лицемъ грознымъ встрѣтивъ племянника, объявилъ ему смерть и только изъ уваженія къ ревностному ходатайству Митрополита смягчилъ сей приговоръ: окованный цѣпями, Бѣльскій сидѣлъ нѣсколько времени въ темницѣ, въ наказаніе за кровь, которую надлежало еще пролить для необходимаго покоренія Казани, два раза упущенной имъ изъ нашихъ рукъ. Но сего извѣстія нѣтъ въ другихъ Лѣтописцахъ, и Бѣльскій чрезъ три года снова начальствовалъ въ ратяхъ [305].

Послы Казанскіе, знатные Князья Тагай, Тевекелъ, Ибрагимъ, пріѣхали и смиренно молили Государя, чтобы онъ простилъ народъ и Царя; увѣряли, что опытъ снялъ завѣсу съ ихъ глазъ, и что они видятъ необходимость повиноваться Россіи. Надлежало вѣрить или воевать: Государь хотѣлъ отдохновенія, ибо не могъ бы безъ чрезвычайнаго усилія, тяжкаго для земли, снарядить новую рать. Согласные на всѣ условія, Послы остались въ Москвѣ; а Великій Князь отправилъ съ гонцемъ клятвенныя грамоты къ Царю и народу Казанскому для утвержденія, требуя, чтобы всѣ наши плѣнники были освобождены и всѣ огнестрѣльныя орудія, взятыя у насъ Черемисами, присланы въ Россію. Сей гонецъ не возвратился: Сафа-Гирей, задержавъ его, писалъ къ Государю, что не можетъ исполнить договора, ни присягнуть, пока чиновники Казан-

скіе не выѣдутъ изъ Москвы; пока Великій Князь самъ не возвратитъ ему плѣнниковъ и пушекъ, взятыхъ Бѣльскимъ, и пока, вмѣсто гонца, кто нибудь изъ знатнѣйшихъ Вельможъ Россійскихъ не пріѣдетъ въ Казань для размѣна клятвенныхъ грамотъ. Бояре наши съ укоризною объявили о томъ Посламъ Казанскимъ. Князь Тагай отвѣтствовалъ: «Слышали и знаемъ; «но мы не лжецы и не клятвопреступники. Да «исполнится воля Божія и Великаго Князя! Хо«тимъ служить ему усердно. Земля наша опустѣ«ла; мужи знатные погибли или онѣмѣли въ ужа«сѣ. Сафа-Гирей дѣлаетъ, что хочетъ, съ своими «Крымцами и Ногаями; распуская слухъ, что «полки Московскіе идутъ на Казань, мутитъ ума«ми, не держитъ слова и насъ вводитъ въ стыдъ. «Не будетъ такъ: мы еще живы, имѣемъ дру«зей и силу. Изгонимъ Сафа-Гирея! Да изберетъ «Государь достойнѣйшаго для насъ Властителя!» На сіе Бояре именемъ Великаго Князя сказали, что для Россіи все одно, кто ни царствуетъ въ Казани, Сафа-Гирей или другой, если будетъ только намъ послушенъ и вѣренъ въ клятвахъ. Тагай продолжалъ: «Напоминаемъ о невинномъ «Шигъ-Алеѣ; онъ былъ жертвою злодѣевъ: да «возвратится на престолъ, вѣрно служитъ Вели«кому Князю и любитъ народъ! Пусть ѣдетъ съ «нами въ городъ Василь: оттуда напишемъ къ «Казанцамъ, къ Горнымъ и Луговымъ Череми«самъ, къ Князьямъ Арскимъ, о милости Госу«даря, и скажемъ: *Царемъ мы умерли, а Вели-*

«*ким Княземъ ожили; не хотимъ того,* «*кто насъ не хочетъ*. Казанскіе плѣнники, «тоскующіе въ неволѣ, имѣютъ отцевъ, «братьевъ и друзей; всѣ къ намъ при-«станутъ, и будетъ миръ вѣчный.» Василій совѣтовался съ Боярами; наконецъ отпустили Пословъ Казанскихъ съ Алеемъ въ Нижній Новгородъ, и Князь Тагай сдержалъ слово: написалъ къ согражданамъ о гибельномъ для нихъ упрямствѣ Царя, возмутилъ народъ, свергнулъ Сафа-Гирея, который въ порывѣ злобы хотѣлъ-было умертвить всѣхъ задержанныхъ въ Казани Россіянъ; но граждане и Вельможи объявили ему, чтобы онъ немедленно удалился. Жену его отправили въ Мамаевы Улусы и побили многихъ Ногаевъ, Вельможъ Крымскихъ, любимцевъ Сафа-Гиреевыхъ. Въ семъ благопріятномъ для насъ происшествіи не мало участвовала Казанская Царевна Горшадна, сестра Магметъ-Аминева. Сеитъ, Уланы, Князья, Мурзы извѣстили Василія объ изгнаніи Сафа-Гирея, и согласные быть подданными Россіи, молили, чтобы вмѣсто Шигъ-Алея, коего мести они страшатся, Великій Князь пожаловалъ имъ въ Цари меньшаго пятнадцати-лѣтняго брата его, Еналея, владѣвшаго у насъ городкомъ Мещерскимъ. Ихъ желаніе исполнилось: Еналей со многочисленною дружиною былъ отправленъ въ Казань и возведенъ на

Г. 1530-1531.

Новый Царь въ Казани.

престолъ Окольничимъ Морозовымъ, къ удовольствію мятежныхъ сановниковъ и легкомысленнаго народа. Всѣ отъ Царевны и Сеита до послѣдняго гражданина, съ видомъ искренняго усердія, присягнули намъ въ подданствѣ, славя милость Государеву и любезныя свойства юнаго Царя, коему чрезъ нѣсколько лѣтъ надлежало быть жертвою ихъ неистовства! Но Василій не дожилъ до сей новой измѣны. Прошло три года въ мирѣ. Въ доказательство своего добраго расположенія къ Казанцамъ, Великій Князь уступилъ имъ всѣ бывшія у нихъ въ рукахъ Московскія пищали, чтобы они въ случаѣ непріятельскаго нападенія имѣли способъ обороняться, и дозволилъ Еналею жениться на дочери сильнаго Ногайскаго Мурзы Юсуфа, который могъ примирить его съ сею безпокойною Ордою. Важнѣйшія дѣла Казанскія, не только политическія, но и земскія, рѣшились въ Москвѣ, Государевымъ словомъ (306).—Между тѣмъ Шигъ-Алей, награжденный Каширою и Серпуховымъ, завидовалъ брату, и желая преклонить къ себѣ Казанцевъ, тайно сносился съ ними, съ Астраханью, съ Ногаями: происки его обнаружились, и злосчастный Алей, нѣкогда вѣрный слуга Россіи, былъ какъ преступникъ заточенъ съ женою на Бѣлоозеро (307).

Заточеніе Шигъ-Алея.

Въ сіе время Василій, благоразуміемъ

заслуживая счастіе въ дѣяніяхъ государственныхъ, сдѣлался и счастливымъ отцемъ семейства. Болѣе трехъ лѣтъ Елена, вопреки желанію супруга и народа, не имѣла дѣтей. Она ѣздила съ Великимъ Княземъ въ Переславль, Ростовъ, Ярославль, Вологду, на Бѣлоозеро; ходила пѣшкомъ въ святыя Обители и пустыни, раздавала богатую милостыню, со слезами молилась о чадородіи, и безъ услышанія. Добрые жалѣли о томъ: нѣкоторые, осуждая бракъ Василіевъ какъ беззаконный, съ тайнымъ удовольствіемъ предсказывали, что Богъ никогда не благословитъ онаго плодомъ вожделѣннымъ. Наконецъ Елена оказалась беременною. Какой-то *юродивый мужъ*, именемъ Домитіанъ, объявилъ ей, что она будетъ матерію *Тита*, *широкаго ума* (308), и — въ 1530 году, Августа 25, въ 7 часу ночи — дѣйствительно родился сынъ, Іоаннъ, столь славный добромъ и зломъ въ нашей Исторіи! Пишутъ, что въ самую ту минуту земля и небо потряслися отъ неслыханныхъ громовыхъ ударовъ, которые слѣдовали одинъ за другимъ съ ужасною, непрерывною молніею (309). Вѣроятно, что гадатели Двора Великокняжескаго умѣли растолковать сей случай въ пользу новорожденнаго: не только отецъ, но и вся Москва, вся Россія, по словамъ Лѣтописца, были въ восторгѣ. Чрезъ десять дней Великій Князь

Рожденіе Царя Іоанна Василіевича.

отвезъ младенца въ Троицкую Лавру, гдѣ Игуменъ Іоасафъ Скрыпицынъ вмѣстѣ съ благочестивѣйшими Иноками, столѣтнимъ Кассіаномъ Босымъ, Іосифова Волоко-Ламскаго монастыря, и Св. Даніиломъ Переславскимъ окрестили его. Обливаясь слезами умиленія, родитель взялъ изъ ихъ рукъ своего дражайшаго первенца и положилъ на раку Св. Сергія, моля Угодника, да будетъ ему наставникомъ и защитникомъ въ опасностяхъ жизни. Василій не зналъ, какъ изъявить благодарность Небу: сыпалъ золото въ казны церковныя и на бѣдныхъ; велѣлъ отворить всѣ темницы, и снялъ опалу со многихъ знатныхъ людей, бывшихъ у него подъ гнѣвомъ: съ Князя Ѳедора Мстиславскаго, женатаго на племянницѣ Государевой и ясно уличеннаго въ намѣреніи бѣжать къ Польскому Королю; съ Князей Щенятева, Суздальскаго Горбатаго, Плещеева, Морозова, Лятцкаго, Шигоны и другихъ, подозрѣваемыхъ въ недоброжелательствѣ къ Еленѣ (310). Съ утра до вечера дворецъ наполнялся усердными поздравителями, не только Московскими, но и самыхъ отдаленныхъ городовъ жителями, которые хотѣли единственно взглянуть на счастливаго Государя и сказать ему: «мы счастливы «вмѣстѣ съ тобою!» Пустынники, отшельники приходили благословить державнаго младенца въ пеленахъ, и были угощаемы за трапезою Великокняжескою. Въ знакъ признательности къ Угодникамъ Божіимъ, защитникамъ Москвы, Святымъ Митрополитамъ Петру и Алексію, Ве-

ликій Князь заказалъ сдѣлать для ихъ мощей богатыя раки: *для* перваго *золотую* ([311]), *для* втораго серебряную. Однимъ словомъ, никто живѣе Василія не чувствовалъ радости быть отцемъ, тѣмъ болѣе, что онъ — вѣроятно, тревожимый совѣстію за разводъ съ несчастною, первою супругою — могъ видѣть въ семъ благословенномъ плодѣ втораго брака какъ бы знакъ Небеснаго умилостивленія. — Елена чрезъ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ родила еще сына Георгія ([312]). Тогда Государь женилъ меньшаго брата своего, Андрея, на Княжнѣ Хованской, Евфросиніи ([313]). Братья Симеонъ и Димитрій Іоанновичи скончались безбрачными: первый въ 1518, а вторый въ 1521 году. Василій, кажется, не дозволялъ имъ жениться, пока не имѣлъ дѣтей, чтобы отнять у нихъ всякую мысль о наслѣдованіи престола.

Упомянемъ о разныхъ Посольствахъ сего времени. Не увѣренный ни въ союзѣ Тавриды, ни въ мирномъ расположеніи Литвы, Великій Князь тѣмъ благосклоннѣе отвѣтствовалъ на дружественныя предложенія Молдавскаго Воеводы, Петра, который (въ 1533 году) писалъ къ нему, чтобы онъ, будучи въ перемиріи съ Королемъ Сигизмундомъ и въ дружбѣ съ Султаномъ, *берегъ* его отъ перваго или убѣдилъ Солимана защитить оружіемъ Молдавію отъ нападенія По- Г. 1532-1533 Посольства Молдавскія.

ляковъ. Великій Князь отправлялъ не только гонцевъ, но и важныхъ чиновниковъ къ сему Воеводѣ мужественному, еще опасному для Польши, Литвы и Тавриды сосѣду ([314]).

Астраханскія. Новый Царь Астраханскій, Касымъ, также предлагалъ тѣсный союзъ Великому Князю; но едва Посолъ его успѣлъ доѣхать до Москвы, Черкесы, взявъ Астрахань, убили Царя и съ богатою добычею удалились въ горы. Мѣсто Касымово заступилъ Акубекъ, но также не на-долго: въ 1534 году уже другой Царь Астраханскій, Абдылъ-Рахманъ, далъ на себя клятвенную грамоту Василію въ истинномъ къ нему дружествѣ ([315]). — Послы Ногайскіе тогда же находились въ Москвѣ единственно для исходатайствованія купцамъ своимъ дозволенія продавать лошадей въ Россіи ([316]).

Ногайское.

Индѣйское. Но любопытнѣйшимъ Посольствомъ было Индѣйское, отъ Хана Бабура, одного изъ Тамерлановыхъ потомковъ, знаменитаго основателя Имперіи Великихъ Моголовъ, о коемъ мы упоминали, и который, будучи изгнанъ изъ Хоросана, бѣжалъ въ Индостанъ, гдѣ мужествомъ и счастіемъ утвердилъ свое господство надъ прекраснѣйшими землями въ мірѣ. Обитавъ нѣкогда на берегахъ Каспійскаго моря, Бабуръ имѣлъ свѣдѣніе о Россіи: желалъ, не смотря на отдаленіе, быть въ дружелюбной связи съ ея Мо-

варханомъ, и писалъ къ нему о томъ съ своимъ чиновникомъ, Хозею Уссеиномъ, предлагая, чтобы Послы и купцы свободно ѣздили изъ Индіи въ Москву, а изъ Москвы въ Индію. Великій Князь принялъ Уссеина милостиво; отвѣтствовалъ Бабуру, что радъ видѣть его подданныхъ въ Россіи и не мѣшаетъ своимъ ѣздить въ Индію, но — какъ сказано въ лѣтописи — *не приказывалъ къ нему о братствѣ:* ибо не зналъ, что онъ, Самодержецъ или только *урядникъ* Индѣйскаго Царства (317)?

После войны Казанской Россія наслаждалась спокойствіемъ. Были только слухи о непріятельскихъ замыслахъ Крымцевъ. Сафа-Гирей, изгнанный изъ Казани, дышалъ ненавистію, злобою, и всячески убѣждалъ Хана, дядю своего, ко впаденію въ Московскіе предѣлы. Наконецъ — когда Великій Князь по своему обыкновенію готовился ѣхать съ Дворомъ на любимую охоту въ Волокъ-Ламскій, чтобы провести тамъ всю осень — узнали въ Москвѣ (14 Августа), что войско Ханское идетъ къ Рязани. Самъ Царевичь Исламъ, тогдашній Калга, увѣдомилъ о семъ Великаго Князя, слагая всю вину на Сафа-Гирея; однакожь шелъ вмѣстѣ съ нимъ, будто бы склоняя его къ миру. Увеличенные разсказы о силѣ непріятеля испугали Дворъ, такъ, что Государь, немедленно пославъ Воеводъ къ берегамъ Оки

г. 1533. Набѣгъ Крымцевъ.

и въ слѣдъ за ними самъ 15 Августа выѣхавъ въ Коломну, велѣлъ Боярамъ Московскимъ изготовиться къ осадѣ, а жителямъ съ ихъ имѣніемъ перевозиться въ Кремль ([318]). На пути встрѣтились ему гонцы изъ Рязани отъ Намѣстника, Князя Андрея Ростовскаго, съ вѣстію, что Исламъ и Сафа-Гирей выжгли посады Рязанскіе, но что городъ будетъ крѣпкимъ щитомъ Москвы, если разбойники захотятъ осаждать его. Василій въ тотъ же часъ отрядилъ легкую конницу за Оку *добывать языковъ*. Смѣлый Воевода, Князь Димитрій Палецкій, нашелъ толпы хищниковъ близъ Зарайска; разбилъ ихъ и взялъ многихъ плѣнниковъ. Другой Воевода, Князь Оболенскій-Телепневъ-Овчина, съ Московскими Дворянами гналъ и потопилъ стражу непріятельскую въ Осетрѣ, но въ горячности наскакавъ на главную силу Царевичей, спасся только необычайнымъ мужествомъ. Ожидая за ними Великаго Князя со всѣми полками, Татары ушли въ степи. Война кончилась въ пять дней; но мы не могли отбить своихъ плѣнниковъ, уведенныхъ непріятелемъ въ Улусы. Многолюдныя села Рязанскія снова опустѣли, и Ханъ Саипъ-Гирей хвалился, что Россія лишилась тогда не менѣе ста тысячь людей ([319]). «Царевичи» — писалъ онъ къ Василію — «сдѣлали по своему, а не по моему; я «велѣлъ имъ воевать Литву: они воевали Россію. Но упрекай себя. Князья говорятъ мнѣ: «*что даетъ намъ дружба съ Москвою? по соболю* «*въ годъ. А рать? тысячи*. Я не умѣлъ ничего

«отвѣтствовать имъ. Избирай любое: хо«чешь ли мира и союза? да будутъ дары «твои по крайней мѣрѣ въ цѣну трехъ или «четырехъ сотъ плѣнниковъ.» Онъ требовалъ отъ Великаго Князя денегъ, ловчихъ птицъ, *хлѣбника* и *повара*. Калга Исламъ увѣрялъ Василія, какъ *названнаго отца*, въ непремѣнномъ дружествѣ; а Сафа-Гирей писалъ къ нему съ такими угрозами: «Я «былъ нѣкогда тебѣ сыномъ; но ты не «захотѣлъ моей любви — и сколько бѣд«ствій пало на твою голову? Видишь землю «свою въ пеплѣ и въ разореніи. Еще снова «можешь сдѣлаться намъ другомъ, или не «престанемъ воевать, пока здравствуютъ «дяди мои, Царь и Калга; гдѣ узнаю врага «твоего, соединюсь съ нимъ на тебя, и до«вершу месть ужасную. Вѣдай!» Сіи грамоты были отданы чиновникамъ Великокняжескимъ Декабря 1: Государь уже находился при послѣднемъ издыханіи.

Болѣзнь и кончина Великаго Князя.

Лѣтописцы говорятъ, что странное небесное знаменіе еще 24 Августа предвѣстило смерть Василіеву; что въ первомъ часу дня кругъ солнца казался вверху будто бы срѣзаннымъ; что оно мало по малу темнѣло среди яснаго неба, и что многіе люди, смотря на то съ ужасомъ, ожидали какой нибудь великой государственной перемѣны (320). Василій имѣлъ 54 года отъ рожденія; бодрствовалъ духомъ и тѣломъ;

не чувствовалъ дотолѣ никакихъ припадковъ старости; не зналъ болѣзней; любилъ всегда дѣятельность и движеніе. Радуясь изгнанію непріятеля, онъ съ супругою и дѣтьми праздновалъ 25 Сентября, день Св. Сергія, въ Троицкой Лаврѣ; поѣхалъ на охоту въ Волокъ Ламскій, и въ своемъ селѣ Озерецкомъ занемогъ такимъ недугомъ, который сперва ни мало не казался опаснымъ. На сгибѣ лѣваго стегна явилась болячка съ булавочную головку, безъ верха и гноя, но мучительная. Великій Князь съ нуждою доѣхалъ до Волока ([321]); однакожь былъ на пиру у Дворецкаго, Ивана Юрьевича Шигоны, а на другой день ходилъ въ мыльню и обѣдалъ съ Боярами. Время стояло прекрасное для охоты: Государь выѣхалъ съ собаками; но отъ сильной боли возвратился съ поля, въ село Колпъ, и легъ въ постелю. Немедленно призвали Михаила Глинскаго и двухъ Нѣмецкихъ Медиковъ, Николая Люева и Ѳеофила. Лекарства употреблялись Русскія: мука съ медомъ, печеный лукъ, масть, горшки и сѣменники. Сдѣлалось воспаленіе: гной шелъ цѣлыми тазами изъ чирья. Боярскіе дѣти перенесли Государя въ Волокъ Ламскій. Онъ пересталъ ѣсть; чувствовалъ тягость въ груди, и скрывая опасность не отъ себя, но единственно отъ другихъ, послалъ Стряпчаго Мансурова съ Дьякомъ Путятинымъ въ Москву за духовными грамотами своего отца и дѣда, не велѣвъ имъ сказывать того ни Великой Княгинѣ, ни Митрополиту, ни Боярамъ. Съ

нимъ находились въ Волокѣ, кромѣ брата, Андрея Іоанновича, и Глинскаго, Князья Бѣльскій, Шуйскій, Кубенскій: никто изъ нихъ не зналъ сей печальной тайны, кромѣ Дворецкаго Шигоны. Другой братъ Василіевъ, Юрій Іоанновичь, спѣшилъ къ нему изъ Дмитрова: Великій Князь отпустилъ его съ утѣшеніемъ, что надѣется скоро выздоровѣть; приказалъ везти себя въ Москву, шагомъ въ саняхъ, на постелѣ; заѣхалъ въ Іосифову Обитель, лежалъ въ церкви на одрѣ, и когда Діаконъ читалъ молитву о здравіи Государя, всѣ упали на колѣна и рыдали: Игуменъ, Бояре, народъ. Василій желалъ въѣхать въ Москву скрытно, чтобы иноземные Послы, тамъ бывшіе, не видали его въ слабости, въ изнеможеніи; остановился въ Воробьевѣ, принялъ 21 Ноября. Митрополита, Епископовъ, Бояръ, воинскихъ чиновниковъ, и только одинъ показывалъ твердость: духовные и міряне, знатные и простые граждане обливались слезами. Навели мостъ на рѣкѣ, просѣкая тонкій ледъ. Едва сани Государевы взъѣхали, сей мостъ обломился: лошади упали въ воду; но Боярскіе Дѣти, обрѣзавъ гужи, удержали сани на рукахъ. Великій Князь запретилъ наказывать строителей. Внесенный въ Кремлевскія *постельныя хоромы*, онъ созвалъ Бояръ, Князей Ивана и Василія Шуйскихъ, Михайла Юрьевича За-

харьина, Михайла Семеновича Воронцова, Тучкова, Глинскаго, Казначея Головина, Дворецкаго Шигону, и велѣлъ при нихъ Дьякамъ своимъ писать новую духовную грамоту, уничтоживъ прежнюю, сочиненную имъ во время Митрополита Варлаама ([322]); объявилъ трехлѣтняго сына, Іоанна, наслѣдникомъ Государства, подъ опекою матери и Бояръ до пятнадцати лѣтъ его возраста; назначилъ Удѣлъ меньшему сыну; устроилъ Державу и Церковь; не забылъ ничего, какъ сказано въ лѣтописяхъ: но, къ сожалѣнію, сія важная хартія утратилась, и мы не знаемъ ея любопытныхъ подробностей.

Желая утвердить душу свою въ сіи торжественныя минуты, Государь тайно причастился. Бывъ дотолѣ на одрѣ недвижимъ, онъ съ легкою помощію Боярина Захарьина всталъ, принялъ Святые Дары съ вѣрою, любовію и слезами умиленія; легъ снова и хотѣлъ видѣть Митрополита, братьевъ, всѣхъ Бояръ, которые, узнавъ о недугѣ его, съѣхались изъ деревень въ столицу; сказалъ имъ, что поручаетъ юнаго Іоанна Богу, Дѣвѣ Маріи, Святымъ Угодникамъ и Митрополиту; что даетъ ему Государство, наслѣдіе великаго отца своего; что надѣется на совѣсть и честь братьевъ, Юрія и Андрея; что они, исполняя крестные обѣты, должны служить племяннику усердно въ дѣлахъ земскихъ и ратныхъ, да будетъ тишина въ Московской Державѣ, и да *высится* рука Христіанъ надъ невѣрными. Отпустивъ Митрополита и братьевъ, такъ говорилъ

Боярамъ: «Вѣдаете, что Державство наше идетъ «отъ Великаго Князя Кіевскаго, Святаго Влади«міра; что мы природные вамъ Государи, а вы «наши *извѣчные* Бояре. Служите сыну моему, «какъ мнѣ служили: блюдите *крѣпко*, да цар«ствуетъ надъ землею; да будетъ въ ней правда! «Не оставьте моихъ племянниковъ, Князей Бѣль«скихъ; не оставьте Михаила Глинскаго: онъ «мнѣ ближній по Великой Княгинѣ. Стойте всѣ «заедино какъ братья, ревностные ко благу оте«чества! А вы, любезные племянники, усерд«ствуйте вашему юному Государю въ правленіи и «въ войнахъ; а ты, Князь Михаилъ, за моего «сына Іоанна и за жену мою Елену долженъ «охотно пролить всю кровь свою *и дать тѣло «свое на раздробленіе!*»

Василій изнемогалъ болѣе и болѣе. Выславъ всѣхъ, кромѣ Глинскаго, Захарьина, ближнихъ Дѣтей Боярскихъ и двухъ врачей, Люева и Өеофила, онъ требовалъ, чтобы ему впустили въ рану чего нибудь крѣпкаго: ибо она гнила и смердѣла. Захарьинъ утѣшалъ его вѣроятностію скораго выздоровленія. Великій Князь сказалъ Нѣмцу Люеву: «Другъ и братъ! ты добровольно «пришелъ ко мнѣ изъ земли своей, и видѣлъ, «какъ я любилъ тебя и жаловалъ: можешь ли ис«цѣлить меня?» Люевъ отвѣтствовалъ: «Госу«дарь! слышавъ о твоей милости и ласкѣ къ до«брымъ иноземцамъ, я оставилъ отца и мать, «чтобы служить тебѣ; благодѣяній твоихъ не мо«гу исчислить; но, Государь! не умѣю воскре-

«шать мертвыхъ: я не Богъ!» Тутъ Великій Князь обратился къ Дѣтямъ Боярскимъ и молвилъ съ улыбкою: «Друзья! слышите, что я уже «не вашъ!» Они горько заплакали; не хотѣли растрогать его, вышли вонъ и пали на землю какъ мертвые. Онъ забылся на нѣсколько минутъ; открылъ глаза и громко произнесъ: «да «исполнится воля Божія! буди имя Господне бла«гословенно отнынѣ и до вѣка.»

Сіе было 3 Декабря. Игуменъ Троицкій, Іоасафъ, тихо приблизился къ одру болящаго. Василій сказалъ ему: «Отче! молись за Государ«ство, за моего сына и за бѣдную мать его! У «васъ я крестилъ Іоанна, отдалъ Угоднику Сер«гію, клалъ на гробъ Святаго, поручилъ вамъ «особенно: молитесь о младенцѣ Государѣ!» Онъ не велѣлъ Іоасафу выѣзжать изъ Москвы, и пользуясь слабыми остатками жизни, еще призвалъ Думныхъ Бояръ: Шуйскихъ, Воронцова, Тучкова, Глинскаго, Шигону, Головина и Дьяковъ; бесѣдовалъ съ ними отъ третьяго до седьмаго часа, о новомъ правленіи, о сношеніяхъ Бояръ съ Великою Княгинею Еленою во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, изъявляя удивительную твердость, хладнокровіе и заботливость о судьбѣ оставляемой имъ Державы. Пришли братья и неотступно молили его, чтобы онъ подкрѣпилъ свои силы пищею; но Василій не могъ ѣсть и сказалъ ([323]): «смерть предо мною; желаю благо«словить сына, видѣть жену, проститься съ «нею.... Нѣтъ! боюсь ея горести; видъ мой устра-

«шитъ младенца.» Братья и Бояре настояли, чтобы онъ призвалъ Елену. Князь Андрей Іоанновичь и Михаилъ Глинскій пошли за нею. Государь возложилъ на себя крестъ Св. Петра Митрополита и хотѣлъ прежде видѣть сына. Братъ Еленинъ, Князь Иванъ Глинскій, принесъ его на рукахъ. Держа крестъ, Василій сказалъ младенцу: «Буди на тебѣ милость Божія и на дѣтяхъ «твоихъ! Какъ Св. Петръ благословилъ симъ «крестомъ нашего прародителя, Великаго Князя «Іоанна Даніиловича, такъ имъ благословляю «тебя, моего сына» ([324]). Онъ просилъ надзирательницу, Боярыню Агриппину ([325]), чтобы она неусыпно берегла своего Державнаго питомца, и слыша голосъ супруги, велѣлъ унести Іоанна. Князь Андрей и Боярыня Челяднина ([326]) вели Елену подъ руки: она страшно вопила и билась объ землю въ отчаяніи. Великій Князь утѣшалъ ее, говоря: «мнѣ лучше; не чувствую никакой «боли» — и съ нѣжностію молилъ успокоиться. Елена наконецъ ободрилась и спросила: «кому «же поручаешь бѣдную супругу и дѣтей?» Василій отвѣчалъ: «Іоаннъ будетъ Государемъ; а «тебѣ, слѣдуя обыкновенію нашихъ отцевъ, я «назначилъ въ духовной своей грамотѣ особенное достояніе.» Исполняя желаніе супруги, онъ велѣлъ принести и меньшаго сына, Юрія; также благословилъ его крестомъ, и сказалъ, что онъ не забытъ въ духовной ([327]). — Умилительное прощаніе съ Еленою раздирало сердца жалостію: всѣ плакали и стенали. Она не хотѣла уда-

литься: Василій приказалъ вывести ее, и заплативъ послѣднюю дань міру, Государству и чувствительности, уже думалъ только о Богѣ.

Еще находясь въ Волокѣ, онъ говорилъ Духовнику своему, Протоіерею Алексію, и любимому старцу Мисаилу: «не предайте меня землѣ «въ бѣлой одеждѣ! не останусь въ мірѣ, если и «выздоровлю.» Отпустивъ Елену, Государь велѣлъ Мисаилу принести монашескую ризу, и спросилъ Игумена Кирилловской Обители, въ которой онъ издавна желалъ быть постриженнымъ; но сего Игумена не было въ Москвѣ. Послали за Іоасафомъ Троицкимъ, за образами Владимірской Богоматери и Св. Николая Гостунскаго. Духовникъ Алексій пришелъ съ Запасными Дарами, чтобы дать ихъ Василію въ самую минуту кончины (328). «Будь передо мною,» сказалъ Великій Князь: «смотри и не пропусти сего мгновенія.» Подлѣ Духовника стоялъ Стряпчій Государевъ, Ѳеодоръ Кучецкой, бывшій свидѣтелемъ Іоанновой смерти. Читали Канонъ на исходъ души. Василій лежалъ въ усыпленіи; потомъ, кликнувъ ближняго Боярина, Михайла Воронцова, обнялъ его съ горячностію; сказалъ брату Юрію: «помнишь ли преставленіе нашего «родителя? я такъ же умираю» — и требовалъ немедленнаго постриженія, одобряемаго Митрополитомъ и нѣкоторыми Боярами; но Князь Андрей Іоанновичь, Воронцовъ и Шигона говорили, что Св. Владиміръ не хотѣлъ быть Монахомъ и названъ Равноапостольнымъ; что Герой

Донскій также скончался міряниномъ, но своими добродѣтелями безъ сомнѣнія заслужилъ Царствіе Небесное. Шумѣли, спорили, а Василій крестился и читалъ молитвы; уже языкъ его тупѣлъ, взоръ меркнулъ, рука упала: онъ смотрѣлъ на образъ Богоматери и цѣловалъ простыню, съ явнымъ нетерпѣніемъ ожидая священнаго обряда. Митрополитъ Даніилъ взялъ черную ризу и подалъ Игумену Іоасафу: Князь Андрей и Воронцовъ хотѣли вырвать ее. Тогда Митрополитъ съ гнѣвомъ произнесъ ужасныя слова: «*Не благословляю васъ ни въ сей вѣкъ, ни «въ будущій!* Никто не отниметъ у меня души «его. Добръ сосудъ серебряный, но лучше позла«щенный!» Василій отходилъ. Спѣшили кончить обрядъ. Митрополитъ, надѣвъ епитрахиль на Игумена Іоасафа, самъ постригъ Великаго Князя, переименованнаго Варлаамомъ. Въ торопяхъ забыли мантію для новаго Инока: Келарь Троицкій, Серапіонъ, далъ свою. Евангеліе и Схима Ангельская лежали на груди умирающаго. Нѣсколько минутъ продолжалось безмолвіе: Шигона, стоя подлѣ одра, первый воскликнулъ (329): «Государь скончался!» и всѣ зарыдали. — Пишутъ, что лице Василіево сдѣлалось вдругъ свѣтло; что, вмѣсто бывшаго несноснаго запаха отъ его раны, комната наполнилась благоуханіемъ. Митрополитъ омылъ тѣло и вытеръ хлопчатою бумагою.

Была полночь. Никто не спалъ въ Москвѣ. Съ ужасомъ ждали вѣсти: народъ толпился въ ули-

цахъ. Плачь и вой раздался отъ дворца до Красной площади. Напрасно Бояре, сами заливаясь слезами, удерживали другихъ отъ громкаго стенанія, представляя, что Великая Княгиня еще не знаетъ о кончинѣ супруга. Митрополитъ, облачивъ умершаго въ полное Монашеское одѣяніе, вывелъ его братьевъ въ переднюю горницу и взялъ съ нихъ клятву быть вѣрными слугами Іоанна и матери его (330), не мыслить о Великомъ Княженіи, не измѣнять ни дѣломъ, ни словомъ. Обязавъ такою же присягою и всѣхъ Вельможъ, чиновниковъ, Дѣтей Боярскихъ, онъ пошелъ съ знатнѣйшими людьми къ Еленѣ, которая, видя ихъ, упала въ обморокъ и два часа не открывала глазъ. Бояре безмолвствовали: говорилъ одинъ Митрополитъ именемъ Вѣры, утѣшая со слезами (331).

Между тѣмъ ударили въ большой колоколъ: тѣло положили на одръ, принесенный изъ Чудова Монастыря, и растворили двери: народъ съ воплемъ устремился лобызать хладныя руки мертваго. Любимые пѣвчіе Василіевы хоромъ пѣли: *Святый Боже!* Ихъ никто не слыхалъ. Иноки Іосифова и Троицкаго монастыря несли тѣло въ церковь Св. Михаила. Елена не могла итти. Дѣти Боярскіе взяли ее на руки. Всѣ Бояре окружали гробъ: Князья Василій Шуйскій, Михаилъ Глинскій, Иванъ Телепневъ-Оболенскій и Воронцовъ шли за Еленою, вмѣстѣ съ знатнѣйшими Боярынями. Погребеніе было великолѣпно и скорбь неописанная въ народѣ.

«Дѣти хоронили своего отца», по словамъ Лѣтописцевъ, которые съ чувствительностію называютъ Василія *добрымъ, ласковымъ Государемъ* (332): имя скромное, но умилительное, и простота его ручается за его истину.

Василій стоитъ съ честію въ памятникахъ нашей Исторіи между двумя великими характерами, Іоаннами III и IV, и не затмѣвается ихъ сіяніемъ для глазъ наблюдателя; уступая имъ въ рѣдкихъ природныхъ дарованіяхъ — первому въ обширномъ, плодотворномъ умѣ государственномъ, второму въ силѣ душевной, въ особенной живости разума и воображенія, опасной безъ твердыхъ правилъ добродѣтели, — онъ шелъ путемъ, указаннымъ ему мудростію отца, не устранился, двигался впередъ шагами размѣренными благоразуміемъ, безъ порывовъ страсти, и приближался къ цѣли, къ величію Россіи, не оставивъ преемникамъ ни обязанности, ни славы исправлять его ошибки; былъ не Геніемъ, но добрымъ Правителемъ; любилъ Государство болѣе собственнаго великаго имени, и въ семъ отношеніи достоинъ истинной, вѣчной хвалы, которую не многіе Вѣнценосцы заслуживаютъ. Іоанны III творятъ, Іоанны IV прославляютъ и не рѣдко губятъ; Василіи сохраняютъ, утверждаютъ Державы, и даются тѣмъ народамъ, Характеръ Василіевъ.

коихъ долговременное бытіе и цѣлость угодны Провидѣнію.

Василій имѣлъ наружность благородную, станъ величественный, лице миловидное ([333]); взоръ проницательный, но не строгій; казался и былъ дѣйствительно болѣе мягкосердеченъ, нежели суровъ, по тогдашнему времени. Читая письма его къ Еленѣ, видимъ нѣжность супруга и отца, который, будучи въ разлукѣ съ женою и съ дѣтьми, непрестанно обращается къ нимъ въ мысляхъ, изъясняемыхъ простыми словами, но внушаемыми только чувствительнымъ сердцемъ ([334]). Рожденный въ вѣкъ еще грубый и въ Самодержавіи новомъ, для коего строгость необходима, Василій по своему характеру искалъ средины между жестокостію ужасною и слабостію вредною: наказывалъ Вельможъ, и самыхъ ближнихъ, но часто и миловалъ, забывалъ вины. Умный Бояринъ Беклемишевъ заслужилъ его гнѣвъ: удаленный отъ Двора, жаловался на Великаго Князя съ нескромною досадою; находилъ въ немъ пороки и предсказывалъ несчастія для Государства. Беклемишева судили, уличили въ дерзости и казнили смертію на Москвѣ-рѣкѣ; а Дьяку Ѳедору Жареному отрѣзали языкъ за лживыя слова, оскорбительныя для Государевой чести ([335]). Тогда не отличали словъ отъ дѣлъ, и думали, что Государь, какъ земный Богъ, можетъ наказывать людей и за самыя мысли, ему противныя! Опасались милосердія въ такихъ случаяхъ, гдѣ святая особа Вѣнценосца могла

унизиться въ народномъ мнѣніи; боялись, чтобы вина отпускаемая не показалась народу виною малою. — Кромѣ двухъ несчастныхъ жертвъ Политики, юнаго Великаго Князя Димитрія и Шемякина, сынъ Героя, Даніила Холмскаго, Воевода и Бояринъ Князь Василій, супругъ Государевой сестры, Өеодосіи, въ 1508 году былъ сосланъ на Бѣлоозеро и въ темницѣ умеръ. Такую же участь имѣлъ и знатный Дьякъ, Долматовъ: назначенный въ Посольство къ Императору Максиміліану, онъ не хотѣлъ ѣхать, отговариваясь своею бѣдностію: велѣли опечатать его домъ, нашли въ ономъ 3000 рублей денегъ и наказали Долматова какъ преступника ([336]). Государь простилъ Князей Ивана Воротынскаго и Шуйскихъ, которые думали уйти въ Литву ([337]). Иванъ Юрьевичь Шигона, бывъ нѣсколько лѣтъ въ опалѣ, сдѣлался послѣ однимъ изъ первыхъ любимцевъ Василіевыхъ, равно какъ и Георгій Малый Траханіотъ, Грекъ выѣхавшій съ Великою Княгинею Софіею: пишутъ, что онъ впалъ въ немилость отъ тайной связи съ купцемъ Греческимъ, Маркомъ, осужденнымъ въ Москвѣ за какую-то опасную для Церкви ересь. Зная способности и необыкновенный разумъ Георгія, Великій Князь возвратилъ ему свою милость, совѣтовался съ нимъ о важнѣйшихъ дѣлахъ, и для того приказывалъ знатнымъ чиновникамъ возить его нездороваго во дворецъ на тележкѣ ([338]). Мужъ славный въ нашей Церковной Исторіи, Инокъ Максимъ Грекъ, былъ также въ числѣ

знаменитыхъ, винныхъ или невинныхъ страдальцевъ сего времени. Судьба его достопамятна: разскажемъ обстоятельства.

Дѣло Максима Грека. Василій, въ самые первые дни своего правленія осматривая богатства, оставленныя ему родителемъ, увидѣлъ множество Греческихъ духовныхъ книгъ, собранныхъ отчасти древними Великими Князьями, отчасти привезенныхъ въ Москву Софіею, и лежавшихъ въ пыли, безъ всякаго употребленія. Онъ хотѣлъ имѣть человѣка, который могъ бы разсмотрѣть оныя и лучшія перевести на языкъ Славянскій: не нашли въ Москвѣ и писали въ Константинополь. Патріархъ, желая угодить Великому Князю, искалъ такого *Философа* въ Болгаріи, въ Македоніи, въ Ѳессалоникѣ; но иго Оттоманское задушило всѣ остатки древней учености: тьма и невѣжество господствовали въ областяхъ Султанскихъ. Наконецъ узнали, что въ славной Обители Благовѣщенія, на горѣ Аѳонской, есть два Инока, Савва и Максимъ, Богословы искусные въ языкахъ Греческомъ и Славянскомъ. Первый въ изнеможеніи старости не могъ предпріять дальняго путешествія въ Россію: вторый согласился исполнить волю Патріарха и Великаго Князя. Въ самомъ дѣлѣ не льзя было найти человѣка способнѣйшаго для замышляемаго труда. Рожденный въ Греціи, но воспитанный въ образованной Западной

Европѣ, Максимъ учился въ Парижѣ, во Флоренціи; много путешествовалъ, зналъ разные языки, имѣлъ свѣдѣнія необыкновенныя, пріобрѣтенныя въ лучшихъ Университетахъ и въ бесѣдахъ съ мужами просвѣщенными. Василій принялъ его съ отмѣнною милостію. Увидѣвъ нашу библіотеку, изумленный Максимъ сказалъ въ восторгѣ: «Государь! вся Греція не имѣетъ «нынѣ такого богатства, ни Италія, гдѣ Латинскій Фанатизмъ обратилъ въ пепелъ многія «творенія нашихъ Богослововъ, спасенныя моими единоземцами отъ варваровъ Магометовыхъ» (339). Великій Князь слушалъ его съ живѣйшимъ удовольствіемъ и поручилъ ему библіотеку; а ревностный Грекъ, описавъ всѣ, еще неизвѣстныя Славянскому народу книги, по желанію Государеву перевелъ Толковую Псалтирь, съ помощію трехъ Москвитянъ, Власія, Димитрія и Михайла Медоварцова (340). Одобренная Митрополитомъ Варлаамомъ и всѣмъ Духовнымъ Соборомъ, сія важная книга, прославивъ Максима, сдѣлала его любимцемъ Великаго Князя, такъ, что онъ не могъ съ нимъ разстаться и ежедневно бесѣдовалъ о предметахъ Вѣры. Умный Грекъ не ослѣпился сею честію: благодаря Василія, убѣдительно требовалъ отпуска въ тишину своей Аѳонской Обители, и говорилъ: «тамъ буду славить имя твое; скажу «моимъ единоземцамъ, что міръ еще имѣетъ «Царя Христіанскаго, сильнаго и великаго, ко«торый, если угодно Всевышнему, можетъ осво-

«бодить насъ отъ тиранства невѣрпыхъ.» Но Василій отвѣтствовалъ ему новыми знаками благоволенія и держалъ его девять лѣтъ въ Москвѣ: время употребленное Максимомъ на переводы разныхъ книгъ, на исправленіе ошибокъ въ старыхъ переводахъ и на сочиненія душеспасительныя, изъ коихъ знаемъ болѣе ста (341). Имѣя свободный доступъ къ Великому Князю, онъ ходатайствовалъ иногда за Вельможъ лишаемыхъ Государевой милости и возвращалъ имъ оную, къ неудовольствію и зависти многихъ людей, въ особенности Духовенства и суетныхъ Иноковъ Іосифова монастыря, любимыхъ Великимъ Княземъ (342). Смиренный Митрополитъ Варлаамъ мало думалъ о земномъ; но преемникъ Варлаамовъ, гордый Даніилъ, не замедлилъ объявить себя врагомъ чужеземца. Говорили: «кто сей человѣкъ, дерзающій искажать «древнюю святыню нашихъ церковныхъ книгъ «и снимать опалу съ Бояръ?» Одни доказывали, что онъ еретикъ; другіе представили его Великому Князю злоязычникомъ, неблагодарнымъ, втайнѣ осуждающимъ дѣла Государевы. Сіе было во время развода Василіева съ несчастною Соломоніею: увѣряютъ, что сей благочестивый мужъ дѣйствительно не хвалилъ онаго; по крайней мѣрѣ находимъ въ Максимовыхъ твореніяхъ *Слово къ оставляющимъ женъ своихъ безъ вины законныя* (343). Любя вступаться за гонимыхъ, онъ тайно принималъ ихъ у себя въ кельѣ и слушалъ иногда рѣчи оскорбительныя

для Государя и Митрополита. На примѣръ: несчастный Бояринъ, Иванъ Беклемишевъ, жалуясь ему на вспыльчивость Великаго Князя, сказалъ, что прежде достойные Церковные Пастыри удерживали Государей отъ страстей и несправедливости, но что Москва уже не имѣетъ Митрополита; что Даніилъ носитъ только имя и личину Пастыря, не мысля быть наставникомъ совѣсти, ни покровителемъ невинныхъ; что Максима никогда не выпустятъ изъ Россіи: ибо Великій Князь и Митрополитъ опасаются его нескромности въ чужихъ земляхъ, гдѣ онъ могъ бы огласить ихъ слабости (344). Наконецъ умѣли довести Государя до того, что онъ велѣлъ судить Максима: обвинили его и заточили въ одинъ изъ Тверскихъ монастырей какъ уличеннаго въ ложныхъ толкованіяхъ Св. Писанія и Догматовъ Церковныхъ: что, по мнѣнію нѣкоторыхъ современниковъ, было клеветою, вымышленною Чудовскимъ Архимандритомъ Іоною, Коломенскимъ Епископомъ Вассіаномъ и Митрополитомъ (345).

Жалобы на Великаго Князя.

Въ государственныхъ бумагахъ сего времени находимъ, что знатные люди, не довольные Василіемъ, обвиняли его въ излишней надежности на самого себя, въ неуваженіи совѣтовъ, въ упрямствѣ, нетерпѣніи противорѣчій, не смотря на то,

что онъ рѣшилъ всѣ дѣла *именемъ Боярскимъ*. «Іоаннъ» — говорили они — «не «употреблялъ сего выраженія въ бумагахъ, «но охотно слушалъ противорѣчія и лю«билъ смѣлыхъ; а Василій не чтитъ ста«рыхъ людей и дѣлаетъ всѣ дѣла запер«шися самъ-третей, у постели.» Жаловались также на любовь его *къ новымъ обычаямъ*, привезеннымъ въ Москву Софіиными Греками которые, по ихъ словамъ, *замышляли* Русскую землю (346). Но всѣ такія, можно сказать, легкія обвиненія, если и справедливыя, доказывая, что Василій не былъ чуждъ обыкновенныхъ слабостей человѣческихъ, опровергаютъ ли сказаніе Лѣтописцевъ о природномъ его добродушіи? Снискавъ общую любовь народа, онъ, по словамъ Историка Іовія, не имѣлъ воинской стражи во дворцѣ: ибо граждане служили ему вѣрными тѣлохранителями (347).

Образъ жизни Василія. Великій Князь, какъ говорили тогда, *судилъ и рядилъ землю* всякое утро до самаго обѣда, послѣ коего уже не занимался дѣлами (348); любилъ сельскую тишину; живалъ лѣтомъ въ островѣ, Воробьевѣ или въ Москвѣ на Воронцовѣ полѣ до самой осени (349); часто ѣздилъ по другимъ

Охота. городамъ и на псовую охоту, въ Можайскъ и Волокъ Ламскій; но и тамъ не забывалъ Государства: трудился съ Думными Боярами и Дьяками; иногда принималъ По-

словъ иноземныхъ (350). Баронъ Герберштейнъ описываетъ такъ охоту Великокняжескую: «Мы увидѣли Государя въ полѣ; «оставили лошадей своихъ и приближились «къ нему. Онъ сидѣлъ на гордомъ конѣ, «въ богатомъ терликѣ, въ высокой, осы«панной драгоцѣнными каменьями шапкѣ, «съ златыми перьями, которыя развѣва«лись вѣтромъ; на бедрѣ висѣли кинжалъ «и два ножа; за спиною, ниже пояса, ки«стень. Подлѣ него ѣхали съ правой сто«роны Царь Казанскій, Алей, вооруженный «лукомъ и стрѣлами, а съ лѣвой два Князя «молодые, изъ коихъ одинъ держалъ сѣ«киру, другой булаву или шестоперъ; во«кругъ болѣе трехъ сотъ всадниковъ.» Передъ вечеромъ сходили съ коней; разставляли шатры на лугу. Государь, перемѣнивъ одежду, садился въ своемъ шатрѣ на кресла, призывалъ Бояръ и весело бесѣдовалъ съ ними о подробностяхъ счастливой или неудачной ловли того дня. Служители подавали закуски, вино и медъ (351). — Самые древніе Князья наши, Всеволодъ I, Мономахъ и другіе любили звѣриную ловлю; но Василій едва ли не первый завелъ *псовую* охоту: ибо Россіяне въ старину считали псовъ животными нечистыми и гнушались ими (352).

Дворъ его былъ великолѣпенъ. Василій умножилъ число сановниковъ онаго, при- Дворъ.

бавивъ къ нимъ *Оружничаго*, *Ловчихъ*, *Крайчаго* и *Рындъ* (353). *Крайчій* былъ тоже, что нынѣ Оберъ-Шенкъ; а *Рындами* именовались оруженосцы, молодые знатные люди, избираемые по красотѣ, нѣжной пріятности лица, стройному стану: одѣтые въ бѣлое атласное платье и вооруженные маленькими серебряными топориками, они ходили передъ Великимъ Княземъ, когда онъ являлся народу; стояли у трона и казались иноземцамъ подобіемъ Ангеловъ небесныхъ; а въ воинскихъ походахъ хранили доспѣхъ Государевъ. — Смиренный въ церкви — гдѣ, удаляя отъ себя многочисленныхъ Царедворцевъ, онъ стоялъ всегда одинъ, у стѣны, близъ дверей, опираясь на свой посохъ (354) — Василій любилъ пышность во всѣхъ иныхъ торжественныхъ собраніяхъ, особенно въ пріемѣ иноземныхъ Пословъ. Чтобы они видѣли множество и богатство народа, славу и могущество Великаго Князя, для того, въ день ихъ представленія, запирались всѣ лавки, останавливались всѣ работы и дѣла: граждане въ лучшемъ своемъ платьѣ спѣшили къ Кремлю и густыми толпами окружали стѣны его. Изъ окрестныхъ городовъ призывали Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ. Войско стояло въ ружьѣ. Чиновники за чиновниками, одни другихъ знатнѣе, выходили на встрѣчу къ Посламъ. Въ пріемной палатѣ, наполненной людьми, царствовало глубокое молчаніе. Государь сидѣлъ на тронѣ; близъ него, на стѣнѣ, висѣлъ образъ; передъ нимъ, съ правой сторо-

ны, лежалъ *колпакъ*, съ лѣвой посохъ. Бояре сидѣли на скамьяхъ, въ одеждѣ усѣянной жемчугомъ, въ высокихъ *горлатныхъ* шапкахъ (355). — Обѣды Великокняжескіе продолжались иногда до самой ночи. Въ большой комнатѣ накрывались столы въ нѣсколько рядовъ. Подлѣ Государя занимали мѣсто братья его или Митрополитъ; далѣе Вельможи и чиновники, между коими угощались иногда и простые воины, отличные заслугами. Въ срединѣ, на высокомъ столѣ, сіяло множество золотыхъ сосудовъ, чашъ, кубковъ и проч. Первымъ блюдомъ были всегда жареные лебеди. Разносили кубки съ Мальвазіею и съ другими Греческими винами. Государь въ знакъ милости самъ къ нѣкоторымъ посылалъ кушанье: тогда они вставали и кланялись ему; другіе также вставали, изъ учтивости къ нимъ: за что надлежало ихъ благодарить особенными поклонами. Для сокращенія времени гости могли свободно разговаривать другъ съ другомъ. Бесѣды веселыя, благочинныя безъ принужденія, нравились Василію. Съ иноземцами говаривалъ онъ за обѣдомъ весьма ласково; называлъ ихъ Монарховъ великими; желалъ, чтобы они, утружденные дальнимъ путемъ, насладились въ Москвѣ отдохновеніемъ и собрали новыя силы для пути обратнаго; предлагалъ имъ вопросы, и

Обѣды.

проч. «Когда мы» (пишетъ Францискъ да-Колло, Посолъ Максимиліановъ) «ночью «возвращались домой изъ Кремля, всѣ улицы были освѣщены такъ ярко, что ночь «казалась днемъ» (356). — Сверхъ даровъ, Посламъ ежедневно отпускалось въ изобиліи все для нихъ нужное; считалось за обиду, если они что нибудь покупали. Приставы смотрѣли имъ въ глаза, отвѣтствуя за малѣйшее неудовольствіе сихъ почетныхъ гостей.

Титулъ. Василій такъ же, какъ и родитель его, назывался только Великимъ Княземъ для Россіи, употребляя слѣдующій титулъ *въ сношеніяхъ съ Державами иноземными*: «Великій Государь Василій, Божіею милостію «Царь и Государь всея Руси и Великій «Князь Владимірскій, Московскій, Новогородскій, Псковскій, Смоленскій, Тверскій, «Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій, «и иныхъ; Государь и Великій Князь Новагорода Низовской земли, и Черниговскій, и Рязанскій, и Волоцкій, и Ржевскій, и Бѣльскій, и Ростовскій, и Ярославскій, и Бѣлозерскій, и Удорскій, и «Обдорскій, и Кондинскій, и иныхъ» (357). Іоаннъ на предложеніе Императора, дать ему Королевское достоинство, отвѣтствовалъ, какъ мы видѣли, гордо; а Василій на такое же предложеніе Папы Леона X не отвѣтствовалъ ни слова, вопреки баснямъ

иностранныхъ Писателей, которые думали, что наши Великіе Князья издревле домогались Королевскаго титула.

Слѣдуя во всемъ Іоанну, Василій старался привлекать иноземцевъ полезныхъ въ Россію. Кромѣ людей искусныхъ въ дѣлѣ воинскомъ, онъ первый изъ Великихъ Князей имѣлъ Нѣмецкихъ лекарей при Дворѣ. Мы упоминали о Люевѣ и Ѳеофилѣ : сей послѣдній былъ Любчанинъ, взятый въ плѣнъ Воеводою Сабуровымъ въ Литвѣ. Магистръ Прусскій ходатайствовалъ о свободѣ его; но Великій Князь сказалъ, что сей Нѣмецъ лечитъ одного изъ нашихъ Вельможъ и долженъ прежде возвратить ему здоровье, а послѣ требовать отпуска въ свою землю (358). Волею или неволею Ѳеофилъ остался въ Москвѣ, гдѣ находился и третій знаменитый лекарь, родомъ Грекъ, именемъ Марко, коего жена и дѣти жили въ Царѣградѣ. Султанъ писалъ къ Великому Князю : «Отпусти «Марка къ его семейству; онъ заѣхалъ «въ Россію единственно для торговли;» но Государь отвѣчалъ : «Марко издавна слу«житъ мнѣ добровольно, и лечитъ моего «Новогородскаго Намѣстника; пришли къ «нему жену и дѣтей» (359). Иноземцамъ съ умомъ и съ дарованіемъ легче было тогда въѣхать въ Россію, нежели выѣхать изъ нее.

Иноземцы въ Москвѣ.

Законы. Василій издалъ многіе законы для внутренняго благоустройства государственнаго, которые, вмѣстѣ съ Уложеніемъ отца его, вошли въ Судебникъ Царя Іоанна Василіевича. На примѣръ, сей Великій Князь уставилъ, чтобы владѣльцы Тверскіе, Оболенскіе, Бѣлозерскіе и Рязанскіе не продавали отчинъ своихъ жителямъ другихъ областей; чтобы наслѣдники людей, отказавшихъ имѣніе монастырямъ, не выкупали онаго, если въ завѣщаніи не дано имъ право на сей выкупъ, и проч. (360). Жалованная Смоленская грамота велитъ Намѣстникамъ отдавать всякое поличное истцамъ, искоренять ябедниковъ и немедленно освобождать судимаго, представляющаго надежныхъ порукъ; дозволяетъ мѣщанамъ безъ явки рубить лѣсъ около города; запрещаетъ Боярамъ кабалить вольныхъ людей и держать корчмы; опредѣляетъ пошлину судную, мировую, брачную, *стадную*, *убойную* (361), и показываетъ намъ тогдашнюю многосложную, запутанную, мелочную систему казенныхъ доходовъ, изобрѣтенную въ вѣки невѣжества. Важное и любопытное судное постановленіе сдѣлано было Василіемъ въ Новѣгородѣ: узнавъ, что Намѣстники и Тіуны кривятъ душею въ рѣшеніи тяжбъ, онъ велѣлъ избрать тамъ 48 Цѣловалниковъ или Присяжныхъ, съ тѣмъ, чтобы сіи люди, достой-

ные общаго уваженія, по очереди судили всѣ дѣла съ Тіунами (362). Для чего не распространилъ онъ столь мудраго и благодѣтельнаго учрежденія на все Государство? Можетъ быть, другіе Россіяне еще не имѣли довольно гражданскаго ума и навыка: они молчали, а Новогородцы, воспоминая старину, жаловались и требовали. Самодержавіе не мѣшало Государю дать лучшимъ гражданамъ участіе въ судномъ правѣ. — Лѣтописцы хвалятъ еще Василія за утвержденіе тишины и безопасности въ Новѣгородѣ: онъ учредилъ тамъ пожарную и ночную стражу; велѣлъ, какъ и въ Москвѣ, замыкать ввечеру улицы рогатками, и совершенно прекратилъ воровство. Лишенные способа жить кражею и злодѣйствами, негодники ушли или обратились къ трудолюбію, выучились ремесламъ и сдѣлались людьми полезными (363).

При семъ Великомъ Князѣ построены четыре важныя крѣпости съ каменными стѣнами: въ Нижнемъ Новѣгородѣ, Тулѣ, Коломнѣ и Зарайскѣ; первую строилъ Петръ Фрязинъ: она еще цѣла. Коширу и Черниговъ укрѣпили только валомъ и деревянными башнями. Въ Москвѣ Фрязинъ Алевизъ обложилъ Кремлевскіе рвы кирпичемъ и выкопалъ нѣсколько прудовъ въ предмѣстіяхъ (364). Въ Новѣгородѣ, опустошенномъ пожарами, чиновники Велико- Строенія.

княжескіе размѣрили улицы, площади, ряды на образецъ Московскихъ ([365]). — Изъ храмовъ, созданныхъ Василіемъ, донынѣ существуютъ въ Москвѣ Кремлевская церковь Св. Николая Гостунскаго (на томъ мѣстѣ, гдѣ была деревянная) и Дѣвичій монастырь, основанный въ знакъ благодарности ко Всевышнему за взятіе Смоленска. Государь изъ собственной казны своей отложилъ на то 3000 рублей (около шестидесяти тысячь нынѣшнихъ), кромѣ дворцовыхъ селъ и деревень, данныхъ сему монастырю ([366]). Главнымъ строителемъ церковнымъ былъ тогда Фрязинъ Алевизъ *Новый*. Довершивъ храмъ Михаила Архангела, Василій (въ 1507 году) перенесъ туда гробы своихъ предковъ, и самъ назначилъ себѣ могилу подлѣ родителя ([367]). Соборъ Успенскій былъ (въ 1515 году) украшенъ живописью, *чудною* и столь искусною, говорятъ Лѣтописцы, что Великій Князь, Святители и Бояре, вступивъ въ церковь, сказали: «мы видимъ небеса!» Между иконописцами славился Россіянинъ, Ѳедоръ Едикеевъ, который расписывалъ церковь Благовѣщенія, соединенную съ новымъ, великолѣпнымъ дворцемъ, куда Василій перешелъ въ Маѣ 1508 году ([368]).

Церковныя дѣянія. Церковная Исторія Василіева государствованія, кромѣ мнимой ереси Максима Грека въ исправленіи священныхъ книгъ,

представляетъ не много достопамятныхъ случаевъ. Уже давно мощи Алексія Митрополита, по сказанію Лѣтописцевъ, исцѣляли недужныхъ; но въ 1519 году были священнымъ обрядомъ утверждены во славѣ чудотворенія. Митрополитъ Варлаамъ донесъ Государю, что многіе слѣпцы, съ усердіемъ лобызая раку Алексія, прозрѣли. Собралось все Духовенство и несмѣтное число людей при колокольномъ звонѣ. Объявили чудеса и доказательства оныхъ. Пѣли молебенъ надъ святымъ гробомъ: Великій Князь, обливаясь слезами умиленія, первый поклонился оному и восхвалилъ милость Неба, которая во дни его царствованія открыла *вторый источникъ* благодати и спасенія для Москвы. Свѣтло праздновали сей день, и Св. Алексій, въ народномъ мнѣніи, сталъ на ряду съ древнимъ Московскимъ Угодникомъ Божіимъ, Митрополитомъ Петромъ (369).

Не малымъ соблазномъ для Духовенства и мірянъ была тогдашняя ссора Архіепископа Новогородскаго, Серапіона, съ Св. Іосифомъ Волоцкимъ, за то, что сей послѣдній съ монастыремъ своимъ отложился отъ его вѣдомства къ Митрополіи (370). Великій Князь въ гнѣвѣ рѣшилъ Серапіона Епархіи, и Новогородцы, 17 лѣтъ не имѣвъ Святителя, съ радостію встрѣтили наконецъ знаменитаго Макарія, бывшаго Архимандрита Лужковскаго, согласно съ древнимъ обычаемъ поставленнаго къ нимъ въ Архіепископы. Лѣтописецъ ихъ славитъ сіе время какъ счаст-

ливѣйшее для его отчизны, гдѣ, молитвами ревностнаго Пастыря, вселилась тишина, сопутствуемая здравіемъ людей, обиліемъ и веселіемъ. Макарій первый учредилъ *общежительство* въ монастыряхъ Новогородскихъ и тѣмъ умножилъ вездѣ число Иноковъ, доставивъ имъ способъ жить безпечно: ибо прежде каждый изъ нихъ имѣлъ свое хозяйство, соединенное съ заботами. Строгій въ наблюденіи благочинія, онъ вывелъ Игуменовъ изъ всѣхъ женскихъ монастырей и далъ Инокинямъ Настоятельницъ; отличался также усердіемъ къ лѣпотѣ церковной: сдѣлалъ въ Софіи, на мѣсто обветшалыхъ, новыя богатыя Царскія двери и великолѣпный амвонъ; расписалъ стѣны, обновилъ иконы, между которыми древнѣйшія были Греческія: Спасителя и Апостоловъ, Петра и Павла, *устроенныя* (какъ сказано въ лѣтописи) *изъ золота и серебра*. — Въ первые годы Макаріева Архіепископства Лапландскіе Поморяне, обитавшіе близъ устья рѣки Нивы и Кандалажской Губы, прислали старѣйшинъ къ Великому Князю, моля его дать имъ учителей Христіанскихъ; а Государь велѣлъ Макарію отправить туда Софійскаго Іерея съ Діакономъ, которые просвѣтили жителей истинною Евангельскою. Чрезъ нѣсколько лѣтъ еще отдаленнѣйшіе дикари, Лапландцы Кольскіе, изъявили Макарію желаніе креститься, и съ великимъ усердіемъ приняли Священниковъ. Такъ Россіяне, отъ самыхъ древнихъ временъ до новѣйшихъ, насаждали Вѣру Спасителеву, не упо-

требляя ни малѣйшаго принужденія. Но сіи люди полудикіе, уже вѣруя во Христа, еще держались старыхъ обычаевъ: въ Пятинѣ Вотской, въ Ижерѣ, около Иваногорода, Ямы, Копорья, Ладоги, Невы, до Каяніи и Лапландіи, на пространствѣ тысячи верстъ или болѣе, народъ еще обожалъ солнце, луну, звѣзды, озера, источники, рѣки, лѣса, камни, горы; имѣлъ жрецовъ именуемыхъ Арбуями, и ходя въ церкви Христіанскія, не измѣнялъ и кумирамъ. Макарій, съ дозволенія Государева, послалъ туда умнаго Монаха, Илію, съ наставительною грамотою къ жителямъ, которые, увѣряя его въ ихъ ревности къ Христіанству, говорили, что они не смѣютъ коснуться своихъ идоловъ, хранимыхъ ужасными духами. Илія зажегъ мнимые лѣса священные, бросилъ въ воду кумиры, удивилъ народъ, и проповѣдію Слова Божія довершилъ торжество Христіанства. Лѣтописецъ сказываетъ, что пятилѣтніе младенцы помогали сему добродѣтельному Иноку сокрушать мольбища идолопоклонниковъ (371). — Замѣтимъ, что не только Чудь, но и самые Россіяне въ XVI вѣкѣ еще усердно слѣдовали нѣкорымъ языческимъ обыкновеніямъ. Жители Псковской области 24 Іюня праздновали день Купала: собирали травы въ пустыняхъ и въ дубравахъ съ какими-то суевѣрными обрядами, а ночью веселились, били въ бубны, играли на сопеляхъ, на гудкахъ; молодыя жены, дѣвицы плясали, обнимались съ юношами, забывая стыдъ и цѣломудріе: о чемъ

ревностный Игуменъ Елеазаровской Обители, старецъ Памфилъ, съ укоризною писалъ къ Намѣстнику и сановникамъ Пскова въ 1505 году (372).

Угнетенное игомъ невѣрныхъ и бѣдностію, Духовенство Греческое, какъ и прежде, искало утѣшенія и благодѣяній въ Россіи. Константинопольскій Патріархъ Ѳеолиптъ (въ 1518 году) присылалъ къ намъ Янинскаго Митрополита Григорія съ Аѳонскими Иноками, чтобы разжалобить Великаго Князя описаніемъ ихъ печальнаго состоянія. Благословляя Христіанскую добродѣтель Россіянъ, они выѣхали изъ Москвы съ богатыми дарами. Будучи въ дружбѣ съ Султаномъ, Государь и самъ посылалъ милостыню въ Грецію съ своими чиновниками (373).

При Василіи (въ 1509 году) былъ церковный Соборъ въ Литовской Россіи, въ Вильнѣ: Духовенство наше не имѣло участія въ ономъ. Кіевскій Митрополитъ Іосифъ съ семью Епископами уставили тамъ весьма строгіе законы для нравственности Священниковъ, взявъ мѣры, чтобы мірская власть не вмѣшивалась въ права Духовной. Дѣянія сего достопамятнаго Собора свидѣтельствуютъ, что Церковь Греческая пользовалася тогда въ Литвѣ свободою, независимостію, и была вѣрною кореннымъ уставамъ Православія (374).

Въ 27 лѣтъ Василіева государствованія Россія испытала немалыя физическія бѣдствія: отъ 1507 до 1509 года свирѣпствовала язва съ желвзою въ Новѣгородѣ, и въ одну осень схоронено тамъ 15,000 человѣкъ; зимою въ 1512 году во многихъ областяхъ люди умирали кашлемъ; въ 1521 и 1532 году было во Псковѣ ужасное повѣтріе, отъ коего всѣ государственные чиновники разбѣжались, и которое миновалось, по извѣстію Лѣтописцевъ, отъ употребленія Святой воды, присланной Архіепископомъ Макаріемъ, Великимъ Княземъ и Митрополитомъ. Тогда же и въ Новѣгородѣ умерло болѣе тысячи жителей *отъ прыщей* (375). Были чрезвычайныя засухи: пишутъ, что лѣтомъ въ 1525 году около четырехъ недѣль солнце и луна не показывались на небѣ отъ густой мглы; что въ 1533 году отъ 29 Іюня до Сентября не упало ни одной дождевой капли на землю; что болота и ключи изсохли, лѣса горѣли: солнце тусклое, багровое, скрывалось за два часа до захожденія; люди въ день не распознавали другъ друга въ лице и задыхались отъ дымнаго смрада; путешественники, плаватели не видали пути; птицы не могли парить въ воздухѣ (376). Напротивъ того лѣтомъ въ 1518 году недѣль пять шли непрестанно сильные дожди: рѣки выступили изъ береговъ; поля залились водою;

Разныя бѣдствія.

прервалось сообщеніе между городами и селами. Великій Князь торжественными молебствіями старался умилостивить небо: Дворъ и народъ постились ([377]). — Общій неурожай въ 1512 году произвелъ неслыханную дороговизну: бѣдные умирали съ голоду ([378]). Въ Сентябрѣ 1515 года Москва имѣла недостатокъ въ хлѣбѣ: не льзя было купить ни четверти ржи. Въ 1525 году все съѣстное продавалось тамъ въ десять разъ дороже обыкновеннаго ([379]). — Лѣтописцы жалуются на частые пожары (обвиняя въ томъ учрежденіе пороховыхъ заводовъ): въ Москвѣ, Псковѣ, особенно въ Новѣгородѣ, гдѣ (въ 1508 году) самыя каменныя палаты распадались отъ силы огня и сгорѣло 5314 человѣкъ ([380]). — Явленіе трехъ Кометъ (отъ 1531 до 1533 года) во всей Россіи приводило народъ въ ужасъ ([381]).

Великіе современники Василіевы.

Описавъ дѣянія и случаи сего времени, напомнимъ Читателю, что оно, будучи достопамятно для Россіи благоразуміемъ ея Правленія, славно въ лѣтописяхъ Европы *во-первыхъ* рѣдкимъ собраніемъ Вѣнценосцевъ знаменитыхъ дѣлами и характеромъ, *во-вторыхъ* важнымъ Церковнымъ преобразованіемъ. Не многіе вѣки хвалятся такими Государями *современными*, каковы были Максиміліанъ, Карлъ V, Людовикъ XII, Францискъ I, Селимъ, Солиманъ, Генрикъ VIII, Густавъ Ваза: можемъ приба-

вить къ нимъ и Папу Леона X, и врага нашего, Сигизмунда. Всѣ они, за исключеніемъ Англійскаго и Французскихъ Королей, находились въ сношеніяхъ съ Василіемъ, ихъ достойнымъ современникомъ; всѣ имѣли умъ и дарованія отличныя. Но была ли счастлива Европа? Видимъ, какъ обыкновенно, необузданность властолюбія, зависть, козни, битвы и бѣдствія: ибо не одинъ умъ, но умъ и страсти дѣйствуютъ на ѳеатрѣ міра. Ужасаемая могуществомъ Оттоманской Имперіи, волнуемая бореніемъ Франціи съ силами Испаніи и Австріи, Европа въ тоже время была потрясена Церковнымъ мятежемъ, который скоро сдѣлался государственнымъ. Уже Духовная власть, или Папская, очерненная многими злоупотребленіями, давно слабѣла въ Западныхъ Державахъ, но упорствовала въ своихъ гордыхъ требованіяхъ, и не хотѣла обратиться къ истинному Духу Христіанства, вопреки успѣхамъ просвѣщенія. Явился бѣдный Инокъ, Мартинъ Лютеръ, который, свергнувъ съ себя монашескую одежду, и держа въ рукѣ Евангеліе, смѣлъ назвать Папу Антихристомъ: уличалъ его въ обманахъ, въ корыстолюбіи, въ искаженіи Святыни, и не смотря на Церковныя клятвы, Соборы и гнѣвъ Карла V, основалъ новую Вѣру, хотя также на Евангельскомъ ученіи, но съ отверже-

Расколъ Лютеровъ.

ніемъ многихъ важныхъ, значительныхъ обрядовъ, введенныхъ въ самомъ началѣ Христіанства и безъ сомнѣнія полезныхъ: ибо люди имѣютъ не только разумъ, но и воображеніе, не менѣе перваго дѣйствующее на сердце. Обнаживъ Богослуженіе, лишивъ оное торжественности, и какъ бы закрывъ для мысли небо, куда взоръ и духъ молящихся устремляются отъ велелѣпія Олтарей, отъ таинственнаго священнодѣйствія Литургіи, сей рѣшительный преобразователь удовольствовался одною нравственною проповѣдію; оказалъ еще болѣе ненависти къ Риму, нежели усердія къ Сіону; ссылаясь единственно на Христа и Апостоловъ, не подражалъ имъ въ кротости: подвергая Догматы Церкви суду ума, говорилъ языкомъ страстей, и лишивъ Папу Духовной власти во многихъ земляхъ Германіи, въ трехъ Сѣверныхъ Королевствахъ, въ бывшихъ владѣніяхъ Нѣмецкаго Ордена и въ Ливоніи, самъ представлялъ лице начальника Церковнаго, обязанный своимъ торжествомъ не фанатизму народному, а земнымъ расчетамъ Правителей: удерживая имя Христіанъ и Святыню Евангелія, новымъ Исповѣданіемъ они свергали съ себя иго зависимости отъ гордаго, взыскательнаго, корыстолюбиваго Рима; присоединяли дани и пошлины Церковныя къ своимъ доходамъ, и могли въ дѣлахъ совѣсти уже не бояться Духовнаго запрещенія. Многіе толкователи всемірныхъ происшествій говорятъ о Лютеранской Вѣрѣ какъ о великомъ благодѣя-

нія для человѣчества: она неоспоримо способствовала успѣхамъ просвѣщенія и лучшей нравственности, соединенной съ оными; но первымъ ея слѣдствіемъ были кровопролитія и новыя Секты Христіанскія, отчасти вредныя для самыхъ Правительствъ и спокойствія гражданскаго (382). Генрикъ VIII, написавъ книгу противъ Лютера, самъ послѣдовалъ его примѣру: оставилъ Римское Исповѣданіе и сдѣлался Главою Англиканскаго, связавъ оное крѣпкимъ узломъ съ пользою Королевской власти, и давъ себѣ волю удовлетворять своему гнусному любострастію перемѣною женъ. Однимъ словомъ, если враги Латинской Церкви справедливо винили ее въ невѣрности къ истинному Христіанству, то и ревностные Католики по совѣсти могли винить ихъ въ лицемѣріи, въ обманахъ и въ беззаконіи.

Сія важная перемѣна Церковная не укрылась отъ вниманія нашихъ современныхъ Богослововъ: объ ней разсуждали въ Москвѣ, и Грекъ Максимъ написалъ *Слово о Лютеровой ереси*, гдѣ, не хваля мірскаго властолюбія Папъ, строго осуждаетъ новости въ Законѣ, внушаемыя страстями человѣческими (383).

ГЛАВА IV.

Состояніе Россіи.

г. 1462 — 1533.

Правленіе. Войско. Правосудіе. Торговля. Деньги. Бережливость Государей. Дороги и почта. Москва. Свойства и обычаи. Великокняжеская свадьба. Въѣздъ Пословъ. Иноземцы. Словесность. Извѣстія о Востокѣ и Сѣверѣ Россіи.

Въ сіе время отечество наше было *какъ бы новымъ свѣтомъ*, *открытымъ* Царевною Софіею для знатнѣйшихъ Европейскихъ Державъ. Въ слѣдъ за нею Послы и путешественники являясь въ Москвѣ, съ любопытствомъ наблюдали физическія и нравственныя свойства земли, обычаи Двора и народа; записывали свои примѣчанія и выдавали оныя въ книгахъ, такъ, что уже въ первой половинѣ XVI вѣка состояніе и самая древняя Исторія Россіи были извѣстны въ Германіи и въ Италіи. Контарини, Павелъ Іовій, Францискъ да-Колло, въ особенности Герберштеинъ старались дать современникамъ ясное, удовлетворительное понятіе о сей новой Державѣ, которая вдругъ обратила на себя вниманіе ихъ отечества.

Правленіе. Ничто не удивляло такъ иноземцевъ, какъ Самовластіе Государя Россійскаго и легкость употребляемыхъ имъ средствъ для

управленія землею. «Скажетъ, и сдѣлано,» говоритъ Баронъ Герберштеинъ: «жизнь, достояніе «людей, мірскихъ и духовныхъ, Вельможъ и «гражданъ, совершенно зависитъ отъ его воли. «Нѣтъ противорѣчія, и все справедливо, какъ «въ дѣлахъ Божества: ибо Русскіе увѣрены, что «Великій Князь есть исполнитель воли Небесной. «Обыкновенное слово ихъ: *такъ угодно Богу и «Государю; вѣдаетъ Богъ и Государь*. Усердіе сихъ «людей невѣроятно. Я видѣлъ одного изъ знатныхъ Великокняжескихъ чиновниковъ, бывшаго Посломъ въ Испаніи, сѣдаго старца, который, встрѣтивъ насъ при въѣздѣ въ Москву, «скакалъ верхомъ, суетился, бѣгалъ какъ молодой человѣкъ; потъ градомъ текъ съ лица его. «Когда я изъявилъ ему свое удивленіе, онъ громко сказалъ: *ахъ, Господинъ Баронъ! мы служимъ «Государю не по вашему!* Не знаю, свойство ли «народа требовало для Россіи такихъ Самовла«стителей, или Самовластители *дали* народу та«кое свойство» (384). Безъ сомнѣнія *дали*, чтобы Россія спаслась и была великою Державою. Два Государя, Іоаннъ и Василій, умѣли навѣки рѣшить судьбу нашего Правленія и сдѣлать Самодержавіе какъ бы необходимою принадлежностію Россіи, единственнымъ уставомъ Государственнымъ, единственною основою цѣлости ея, силы, благоденствія. Сія неограниченная власть Монарховъ казалась иноземцамъ *Тиранніею:* они въ легкомысленномъ сужденіи своемъ забывали, что *Тираннія* есть только злоупотребленіе Само-

державія, являясь и въ Республикахъ, когда сильные граждане или сановники утѣсняютъ общество. Самодержавіе не есть отсутствіе законовъ: ибо гдѣ *обязанность*, тамъ и *законъ:* никто же и никогда не сомнѣвался въ обязанности Монарховъ блюсти счастіе народное.

Войско. Сіи иноземные наблюдатели сказываютъ, что Великій Князь, будучи для подданныхъ образомъ Божества, превосходя всѣхъ иныхъ Вѣнценосцевъ въ *нравственномъ могуществѣ*, не уступалъ никому изъ нихъ и въ воинскихъ силахъ, имѣя *триста тысячь* Боярскихъ Дѣтей и *шестьдесятъ тысячь* сельскихъ ратниковъ, коихъ содержаніе ему ничего или мало стоило: ибо всякой Боярскій Сынъ, надѣленный отъ Казны землею, служилъ безъ жалованья, кромѣ самыхъ бѣднѣйшихъ изъ нихъ, и кромѣ Литовскихъ или Нѣмецкихъ пѣхотныхъ воиновъ, числомъ менѣе двухъ тысячь. Конница составляла главную силу; пѣхота не могла съ успѣхомъ дѣйствовать въ степяхъ противъ непріятелей конныхъ. Оружіемъ были лукъ, стрѣлы, сѣкира, кистень, длинный кинжалъ, иногда мечь, копье. Знатнѣйшіе имѣли кольчуги, латы, нагрудники, шлемы. Пушки не считались весьма нужными въ полѣ: вылитыя Италіянскими художниками для защиты и осады городовъ, онѣ стояли неподвижно въ Кремлѣ

на лажетахъ. Въ битвахъ мы надѣялись болѣе на силу, нежели на искусство; обыкновенно старались зайти въ тылъ непріятелю, окружить его, вообще дѣйствовать издали, не въ рукопашь; а когда нападали, то съ ужаснымъ стремленіемъ, но непродолжительнымъ. «Они» — пишетъ Герберштейнъ — «въ быстрыхъ своихъ нападеніяхъ «какъ бы говорятъ непріятелю: *бѣги, или мы са«ми побѣжимъ!* И въ общежитіи и въ войнѣ на«роды удивительно разнствуютъ между собою. «Татаринъ, сверженный съ коня, обагренный «кровію, лишенный оружія, еще не сдается въ «плѣнъ: машетъ руками, толкаетъ ногою, гры«зетъ зубами. Турокъ, видя слабость свою, бро«саетъ саблю и молитъ побѣдителя о милосердіи. «Гонись за Русскимъ: онъ уже не думаетъ обо«роняться въ бѣгствѣ; но никогда не требуетъ «пощады. Коли, руби его: молчитъ и падаетъ.» — Щадя людей и худо употребляя снарядъ огнестрѣльный, мы рѣдко брали города приступомъ, надѣясь изнурить жителей долговременною осадою и голодомъ. Располагались станомъ обыкновенно вдоль рѣки, не далеко отъ лѣса, въ мѣстахъ паственныхъ. Одни чиновники имѣли намеы; воины строили себѣ шалаши изъ прутьевъ и крыли ихъ подсѣдельными войлоками, въ защиту отъ дождя. Обозовъ почти не было: возили все нужное на вьючныхъ лошадяхъ. Каждый воинъ бралъ съ собою въ походъ нѣсколько фунтовъ толокна, ветчины, соли, перцу; самые чиновники не знали иной пищи, кромѣ Воеводъ,

которые иногда давали имъ вкуснѣйшіе обѣды. Полки имѣли своихъ музыкантовъ или трубачей. На Великокняжескихъ знаменахъ изображался Іисусъ Навинъ, останавливающій солнце. — Въ каждомъ полку особенные сановники записывали имена храбрыхъ и малодушныхъ, означая первыхъ для благоволенія Государева и наградъ, а другихъ для его немилости или общественнаго стыда. — Молодые люди обыкновенно готовили себя къ воинской службѣ богатырскими играми: выходили въ поле, стрѣляли въ цѣль, скакали на коняхъ, боролись, и побѣдителямъ была слава (385).

Правосудіе.

Хваля ясность, простоту нашихъ законовъ и суда, не имѣвшихъ нужды ни въ толкователяхъ, ни въ стряпчихъ — не менѣе хваля и Василіеву любовь къ справедливости — иноземцы замѣчали однакожь, что богатый рѣже бѣднаго оказывался у насъ виновнымъ въ тяжбахъ; что судьи не боялись и не стыдились за деньги кривить душею въ своихъ рѣшеніяхъ. Однажды донесли Василію, что судья Московскій, взявъ деньги съ истца и съ отвѣтчика, обвинилъ того, кто ему далъ менѣе. Великій Князь призвалъ его къ себѣ. Судья не запирался, и съ видомъ невиннаго отвѣтствовалъ: «Государь! я всегда вѣрю лучше богатому, «нежели бѣдному», разумѣя, что первому менѣе нужды въ обманахъ и въ чужомъ.

Василій улыбнулся, и корыстолюбецъ остался по крайней мѣрѣ безъ тяжкаго наказанія. — Не только законодательная, но и судная власть, какъ въ самую глубокую древность, принадлежала единственно Государю: всѣ другіе судьи были только его временными или чрезвычайными повѣренными, отъ Великокняжескихъ Думныхъ Совѣтниковъ до Тіуновъ сельскихъ. Государь не рѣдко уничтожалъ ихъ приговоры. Они не могли лишить жизни ни крестьянина, ни раба или холопа. Мірская власть наказывала и Духовныхъ. Иногда Митрополитъ жаловался на уголовныхъ судей, которые приговаривали Священниковъ къ кнуту и къ висѣлицѣ; судьи отвѣчали: «казнимъ не Священниковъ, а негодяевъ, «по древнему уставу нашихъ отцевъ.» — Въ сочиненіи Іовія и Герберштеина находимъ первое извѣстіе о жестокихъ судныхъ пыткахъ, коими заставляли у насъ преступниковъ виниться въ ихъ злодѣяніяхъ: воровъ били по пятамъ; разбойникамъ капали сверху на голову и на все тѣло самую холодную воду и вбивали деревянныя спицы за ногти (386). Обыкновеніе ужасное, данное намъ Татарскимъ игомъ вмѣстѣ съ кнутомъ и всѣми тѣлесными, мучительными казнями.

Торговля сего времени была въ цвѣтущемъ состояніи. Къ намъ привозили изъ Торговля.

Европы серебро въ слиткахъ, сукна, сученое золото, мѣдь, зеркала, ножи, иглы, кошельки, вина; изъ Азіи шелковыя ткани, парчи, ковры, жемчугъ, драгоцѣнные каменья; отъ насъ вывозили въ Нѣмецкую землю мѣха, кожи, воскъ; въ Литву и въ Турцію мѣха и моржовые клыки; въ Татарію сѣдла, узды, холсты, сукна, одежду, кожи, въ обмѣнъ на лошадей Азіатскихъ. Оружіе и желѣзо не выпускалось изъ Россіи. Въ Москву ѣздили Польскіе и Литовскіе купцы; Датскіе, Шведскіе и Нѣмецкіе торговали въ Новѣгородѣ; Азіатскіе и Турецкіе на Мологѣ, гдѣ существовалъ прежде Холопій городокъ, и гдѣ находилась тогда одна церковь. Сія ярмонка еще славилась своею знатною мѣною. Иноземцы обязывались показывать товары свои въ Москвѣ Великому Князю: онъ выбиралъ для себя, что ему нравилось; платилъ деньги и дозволялъ продажу остальныхъ. Пряныя зелія, шелковыя ткани и многія иныя вещи были у насъ дешевы въ сравненіи съ ихъ цѣною въ Германіи. Лучшіе мѣха шли изъ земли Печорской и Сибири. Платили иногда за соболя 20 и 30 золотыхъ флориновъ, за черную лисицу (употребляемую на Боярскія шапки) пятнадцать. Весьма уважались и бобры: ими опушивали нарядныя платья. Волчьи мѣха были дороги, рысьи дешевы. Горностай стоилъ три или четыре, бѣлка двѣ деньги и менѣе.—Съ товаровъ ввозимыхъ и вывозимыхъ брали въ казну пошлины, семь денегъ съ рубля, а за воскъ четыре деньги съ пуда сверхъ цѣны онаго. Рос-

сія считалась въ Европѣ землею изобильнѣйшею липымъ или бортевымъ медомъ. — Монастырь Троицкій въ Смоленской области, на берегу Днѣпра, былъ главнымъ пристанищемъ для купцовъ Литовскихъ: они жили тамъ въ гостинницахъ и грузили товары, покупаемые ими въ Россіи для отправленія въ ихъ землю.— Нѣкоторыя мѣста особенно славились своими произведеніями для внутренней торговли: на примѣръ, Калуга деревянною, красивою посудою, Муромъ вкусною рыбою, Переславль сельдями, а еще болѣе Соловки, гдѣ находились лучшія соляныя варницы. — Многія судоходныя рѣки облегчали перевозъ товаровъ; но Россія еще не имѣла морей, кромѣ Сѣвернаго Океана, къ коему она примыкала своими полунощными, хладными пустынями. Иногда не большія суда ходили отъ устья Двины Бѣлымъ моремъ мимо Святаго Носа, Семи Островов̆ъ и Шведской Лапландіи въ Норвегію и въ Данію. Симъ путемъ Датскій Посолъ возвращался изъ Москвы въ Норвегію съ нашимъ толмачемъ Истомою. Другой толмачь, именемъ Власій, плылъ Сухоною, Югомъ и Двиною до Бѣлаго моря, чтобы ѣхать оттуда въ Копенгагенъ. Сіе плаваніе считалось весьма опаснымъ и затруднительнымъ: купцы Скандинавскіе не смѣли ввѣрять оному своихъ товаровъ и держались Новагорода. — Любопытно знать, что Россіяне уже имѣли тогда свѣдѣніе о Китаѣ, и думали, что можно Сѣвернымъ Океаномъ достигнуть береговъ сей отдаленной Имперіи ([387]).

Деньги. Въ Россіи ходили серебряныя и мѣдныя деньги: Московскія, Тверскія, Псковскія, Новогородскія; серебряныхъ считалось 200 въ рублѣ (который стоилъ два червонца), а мѣдныхъ *пулъ* 1200 въ гривнѣ. Новогородскія деньги имѣли почти двойную цѣну: ихъ было только 140 въ рублѣ. На сихъ монетахъ изображался Великій Князь сидящій въ креслахъ и другой человѣкъ склоняющій предъ нимъ голову; на Псковскихъ голова въ вѣнцѣ; на Московскихъ всадникъ съ мечемъ: *новыя* были цѣною въ половину менѣе старыхъ. Золотыя деньги ходили только иностранныя: Венгерскіе червонцы, Римскіе гульдены и Ливонскія монеты, коихъ цѣна перемѣнялась. — Всякой серебреникъ билъ и выпускалъ монету: Правительство наблюдало, чтобы сіи *денежники* не обманывали въ вѣсѣ и чистотѣ металла. Государь не запрещалъ вывозить монету изъ Россіи, однакожъ хотѣлъ, чтобы мы единственно мѣнялись товарами съ иноземцами, а не покупали ихъ на деньги. — Вмѣсто нынѣшняго *ста*, обыкновеннымъ торговымъ счетомъ было *сорокъ* и *девяносто*; говорили: *сорокъ*, *два сорока*, или *девяносто*, *два девяноста* ([388]), и проч.

Успѣхи торговли болѣе и болѣе умножали доходы Государевы. Современники славятъ богатство и бережливость Василія.

Главная казна его хранилась на Бѣлѣозерѣ и въ Вологдѣ, какъ въ безопаснѣйшихъ и недоступныхъ для непріятеля мѣстахъ, окруженныхъ лѣсами и болотами непроходимыми (389). «Удивительно ли» — пишутъ иноземцы — «что Великій Князь богатъ? «онъ не даетъ денегъ ни войску, ни По«сламъ, и даже беретъ у нихъ, что они «вывозятъ драгоцѣннаго изъ чужихъ зе«мель: такъ Князь Ярославскій, возвратясь «изъ Испаніи, отдалъ въ казну всѣ тяже«лыя золотыя цѣпи, ожерелья, богатыя «ткани, серебряные сосуды, подаренные «ему Императоромъ и Фердинандомъ Ав«стрійскимъ. Сіи люди не жалуются, гово«ря: *Великій Князь возьметъ*, *Великій Князь «и наградитъ* (390).» Не тѣмъ безъ сомнѣнія Іоаннъ и Василій богатѣли, что не давали серебромъ жалованья войску (ибо помѣстья стоили серебра) и не тѣмъ, что брали иногда у Пословъ вещи, которыя имъ отмѣнно нравились; но мудрою бережливостію, точнымъ соображеніемъ предпріятій съ государственными способами, запасомъ на случай нужды: правило важное для благоденствія Державъ. Карлъ V съ сокровищами Новаго Свѣта часто не имѣлъ денегъ, а Великіе Князья наши могли хвалиться богатствомъ, издерживая менѣе, нежели получая.

Бережливость Государей.

Не смотря на дѣятельность торговли,

Дороги и почта. Россія казалась путешественникамъ малонаселенною въ сравненіи съ иными Европейскими странами: рѣдкія жительства, степи, дремучіе лѣса, худыя, пустынныя, уединенныя дороги свидѣтельствовали, что сія Держава была еще новою въ гражданскомъ образованіи. Съ ужасомъ говоря о нашихъ распутицахъ, тлѣнныхъ мостахъ, опасностяхъ, неудобствахъ въ пути, чужестранцы хвалятъ исправность и скорость нашей почты: изъ Новагорода въ Москву пріѣзжали они въ 72 часа, платя 6 денегъ за 20 верстъ. Лошадей было множество на учрежденныхъ ямахъ: кто требовалъ десяти или двѣнадцати, тому приводили сорокъ или пятьдесятъ. Усталыхъ кидали на дорогѣ; брали свѣжихъ въ первомъ селеніи или у проѣзжихъ (391).

Москва. Чѣмъ ближе къ столицѣ, тѣмъ болѣе селеній и людей встрѣчалось глазамъ путешественника. Все оживлялось: на дорогѣ обозы, вокругъ частыя поля, луга, представляли картину человѣческой дѣятельности. Необозримая Москва величественно возвышалась на равнинѣ съ блестящими куполами своихъ несмѣтныхъ храмовъ, съ красивыми башнями, съ бѣлыми стѣнами Кремлевскими, съ рѣдкими каменными домами, окруженными темною грудою деревянныхъ зданій, среди зеленыхъ садовъ и рощей. Окрестные монастыри казались маленьки-

ми, прелестными городками. Въ слободахъ жила кузнецы и другіе ремесленники, которые непрестаннымъ употребленіемъ огня могли быть опасны въ сосѣдствѣ: разселенные на большомъ пространствѣ, они сѣяли хлѣбъ и косили траву предъ ихъ домами, на обѣихъ сторонахъ улицы. Одинъ Кремль считался городомъ: всѣ иныя части Москвы, уже весьма обширной, назывались предмѣстіями, ибо не имѣли никакихъ укрѣпленій, кромѣ рогатокъ. На крутоберегой Яузѣ стояло множество мельницъ. Неглинная, будучи запружена, уподоблялась озеру и наполняла водою ровъ Кремлевскій. Нѣкоторыя улицы были тѣсны и грязны; но сады вездѣ чистили воздухъ, такъ, что въ Москвѣ не знали никакихъ заразительныхъ болѣзней, кромѣ наносныхъ. Въ 1520 году, какъ пишутъ, находилось въ ней 41,500 домовъ, исчисленныхъ по указу Великаго Князя; а сколько жителей, не извѣстно: но можно полагать ихъ гораздо за 100,000. Въ Кремлѣ, въ разныхъ улицахъ, въ огромныхъ деревянныхъ домахъ (между многими, отчасти также деревянными церквами) жили знатнѣйшіе люди, Митрополитъ, Князья, Бояре. Гостиный дворъ (тамъ же, гдѣ и нынѣ, на площади Китая-города) обнесенный каменною стѣною, прельщалъ глаза не красотою лавокъ, но богатствомъ товаровъ, Азіатскихъ и Европейскихъ. Зимою хлѣбъ, мясо, дрова, лѣсъ, сѣно, обыкновенно продавались на Москвѣ-рѣкѣ, въ лавкахъ или въ шалашахъ ([392]).

Природныя, гражданскія свойства и обычаи.

Наши свойства казались наблюдателямъ и худыми и добрыми, обычаи любопытными и странными. Контарини пишетъ, что Москвитяне толпятся съ утра до обѣда на площадяхъ, на рынкахъ, а заключаютъ день въ питейныхъ домахъ: глазѣютъ, шумятъ, а дѣла не дѣлаютъ. Герберштеинъ напротивъ того съ удивленіемъ видѣлъ ихъ работающихъ въ праздники. Въ будни запрещалось имъ пить; одни иноземные воины, служа Государю за деньги, имѣли право быть невоздержными въ употребленіи хмѣльнаго: для чего слобода за Москвою-рѣкою, гдѣ они жили, именовалась *Налейками*, отъ слова *наливай*. Великій Князь Василій, опасаясь дѣйствій худаго примѣра, не дозволялъ своимъ подданнымъ жить вмѣстѣ съ ними. У всякой рогатки на улицахъ стоялъ караулъ: никто не смѣлъ ходить ночью безъ особенной важной причины и безъ фонаря. Тишина царствовала въ городѣ. Замѣчали, что Россіяне не злы, не сварливы, терпѣливы, но склонны (особенно Москвитяне) къ обманамъ въ торговлѣ. Славили древнюю честность Новогородцевъ и Псковитянъ, которые тогда уже начинали измѣняться въ характерѣ. Пословица: *товаръ лицемъ продать*, служила уставомъ въ купечествѣ. Лихоимство не считалось стыдомъ: ростовщики брали обыкновенно 20 на 100, и

еще хвалились умѣренностію: ибо въ древнія времена должники платили у насъ 40 на 100 ([393]). — «Рабство, несовмѣстное съ душевнымъ бла«городствомъ, было» (по словамъ Герберштейна) «общимъ въ Россіи: ибо и самые Вельможи на«зывались *холопями* Государя;» но имя не вещь: оно изображало только неограниченную преданность Россіянъ къ Монарху; а въ самомъ дѣлѣ народъ пользовался гражданскою свободою. Рабами были единственно крѣпостные холопи, или дворовые или сельскіе, потомки людей купленныхъ, военоплѣнныхъ, закономъ лишенныхъ вольности ([394]). Въ XI вѣкѣ они не имѣли у насъ ни гражданскихъ, ни человѣческихъ правъ такъ и въ древнемъ Римѣ): господинъ могъ располагать ими какъ собственностію, какъ *вещію;* могъ своевольно отнимать у нихъ жизнь, никому не отвѣтствуя. Но въ сіе время — или въ XVI вѣкѣ — уже одна государственная власть смертію казнила холопа, слѣдственно уже *человѣка*, уже *гражданина покровительствуемаго закономъ* ([395]). Здѣсь видимъ успѣхъ нравственности и дѣйствіе лучшихъ гражданскихъ понятій. Вообще судьба сихъ природныхъ рабовъ не казалась имъ тяжкою: ибо многіе изъ нихъ, освобождаемые по духовнымъ завѣщаніямъ, немедленно искали себѣ новыхъ господъ и шли къ нимъ въ кабалу *или* въ новую крѣпость, не *для* того, чтобы не находили способа жить своими трудами (ибо хорошій поденщикъ въ Москвѣ выработывалъ съ утра до вечера двѣ деньги или

около двадцати копѣекъ нынѣшнихъ) но для того, что любили домашнюю легкую службу и безпечность: рабъ-отецъ не заботился о многочисленномъ семействѣ, не боялся ни старости, ни болѣзни. Законъ молчалъ о должности господъ: общее мнѣніе предписывало имъ человѣколюбіе и справедливость; тираномъ гнушались какъ безчестнымъ гражданиномъ; никто изъ вольныхъ людей не хотѣлъ итти къ нему въ услуженіе; именемъ его бранились на площадяхъ (396). Гораздо несчастнѣе холопства было состояніе земледѣльцевъ свободныхъ, которые, нанимая землю въ помѣстьяхъ или въ отчинахъ у Дворянъ, обязывались трудиться для нихъ свыше силъ человѣческихъ, не могли ни двухъ дней въ недѣлѣ работать на себя (397), переходили къ инымъ владѣльцамъ и обманывались въ надеждѣ на лучшую долю: ибо временные, корыстолюбивые господа или помѣщики нигдѣ не жалѣли, не берегли ихъ для будущаго. Государь могъ бы отвести имъ степи, но не хотѣлъ того, чтобы помѣстья не опустѣли, и сей многочисленный родъ людей, обогащая другихъ, самъ только-что не умиралъ съ голоду: старецъ, бездомокъ отъ юности, изнуривъ жизненныя силы въ работѣ наемника, при дверяхъ гроба не зналъ, гдѣ будетъ его могила. Бѣдность раждаетъ презрѣніе: въ старину называли у насъ земледѣльцевъ *смердами:* въ XVI вѣкѣ *крестьянами*, то есть *Христіанами*, но въ худомъ, варварскомъ смыслѣ: ибо долговременные наши

тираны, Батыевы Моголы, поносили Россіянъ симъ именемъ. — Вѣроятно, что многіе земледѣльцы шли тогда въ кабалу къ Дворянамъ; по крайней мѣрѣ знаемъ, что многіе отцы продавали своихъ дѣтей, не имѣя способа кормиться. Сынъ могъ быть нѣсколько разъ проданъ отцемъ; но въ четвертый разъ отпущенный господиномъ на волю, уже зависѣлъ единственно отъ себя.

Здѣсь представляется любопытный вопросъ: не уже ли никогда не бывало въ Россіи крестьянъ-*владѣльцевъ*? По крайней мѣрѣ не знаемъ, когда они были. Видимъ, что Князья, Бояре, воины и купцы — то есть, *городскіе жители* — искони владѣя землями, отдавали ихъ въ наемъ крестьянамъ свободнымъ. Всякая область принадлежала городу; всѣ ея земли считались какъ бы законною собственностію его жителей, древнихъ господъ Россіи, купившихъ, вѣроятно, сіе право мечемъ, въ такое время, до коего не восходятъ лѣтописи, ни преданія. Но крестьяне, платя дань или оброкъ владѣльцамъ, имѣли свободу личную и движимую собственность.

Не только Бояре знатные, но и самые простые, бѣдные Дворяне казались спесивыми, недоступными. Къ первымъ никто не смѣлъ въѣхать на дворъ: оставляли лошадей у воротъ. Благородные стыдились ходить пѣшкомъ и не имѣли знакомства съ мѣщанами, опасаясь тѣмъ унизиться. Они вообще любили сидячую жизнь и не понимали, какъ можно заниматься дѣлами

стоя или ходя. Молодыя женщины были совершенными затворницами: боялись показываться чужимъ людямъ; и въ церковь ходили рѣдко; дома шили, пряли. Одна забава считалась для нихъ позволенною: качели. Богатыя не пеклися о домашнемъ хозяйствѣ, которое лежало единственно на слугахъ и служанкахъ. Бѣдныя поневолѣ трудились; но самая бѣднѣйшая, готовя для себя кушанье, не могла умертвить никакого животнаго: стояла у воротъ съ курицею или съ уткою и просила мимоходящихъ, чтобы они закололи сію птицу ей на обѣдъ. — Не смотря на строгое заключеніе женъ, бывали, какъ и вездѣ, примѣры невѣрности, тѣмъ естественнѣе, что взаимная любовь не участвовала въ бракахъ, и что мужья-Дворяне, находясь въ Государевой службѣ, рѣдко живали дома. Не женихъ обыкновенно сватался за невѣсту, но отецъ ея выбиралъ себѣ зятя и говорилъ о томъ съ отцемъ его. Назначали день свадьбы, а будущіе супруги еще не знали другъ друга въ глаза. Когда нетерпѣливый женихъ домогался видѣть невѣсту, то родители ея всегда отвѣчали ему: «спроси у «добрыхъ людей, какова она?» Приданое состояло въ одеждѣ, въ драгоцѣнныхъ украшеніяхъ, въ слугахъ, въ коняхъ и проч.; а что родственники и пріятели дарили невѣстѣ, то мужъ долженъ былъ послѣ свадьбы возвращать имъ или платить деньгами. Герберштеинъ первый сказалъ, что жена Россіянка не увѣрена въ любви супруга безъ частыхъ отъ него побоевъ:

сіе вошло въ пословицу, хотя могло быть только отчасти истиною, объясняемою для насъ древними обычаями Славянскими и грубою нравственностію временъ Батыева ига ([398]).

Спесивые противъ бѣдныхъ мѣщанъ, Дворяне и богатые купцы были гостепріимны и вѣжливы между собою. Гость, входя въ комнату, глазами искалъ святыхъ образовъ, шелъ къ нимъ, крестился, и нѣсколько разъ сказавъ въ слухъ: *Господи помилуй!* обращался къ хозяину съ привѣтствіемъ: *дай Боже тебѣ здравія!* Они цѣловались, кланялись другъ другу, и чѣмъ ниже, тѣмъ лучше; переставали и снова начинали кланяться; садились, бесѣдовали, и гость, взявъ шапку, шелъ опять къ образамъ; хозяинъ провожалъ его до крыльца, а любимаго до самыхъ воротъ. Подчивали пріятелей медомъ, пивомъ, винами иноземными: Романеею, Мушкателемъ, Канарскимъ, бѣлымъ Рейнскимъ; лучшимъ считалась Мальвазія, употребляемая однакожь болѣе въ лекарство и во дворцѣ, за Великокняжескою трапезою. Ужиновъ не знали: обѣды были изобильные и вкусные для самыхъ иноземцевъ, которые дивились у насъ множеству и дешевизнѣ всякаго скота, рыбы, птицъ, дичины, добываемой охотою псовою, соколиною, тенетами. Вообще роскошь тогдашняя состояла въ избыткѣ обыкновенныхъ, дешевыхъ вещей; умѣли хвалиться ею не разоряясь; бережливость не славилась добродѣтелію, ибо казалась естественною людямъ, которые еще не вѣдали прелестей

изнѣженнаго вкуса. Дорогія одежды означали первостепенныхъ государственныхъ сановниковъ: если не законъ, то обыкновеніе воспрещало другимъ равняться съ ними въ сихъ принадлежностяхъ знатности, соединенной всегда съ богатствомъ. Сіи наряды употреблялись бережно; вѣтреная мода не измѣняла оныхъ, и Вельможа оставлялъ свою праздничную одежду въ наслѣдство сыну. Платье Боярское, Дворянское, купеческое не различалось покроемъ: верхнее съ опушкою, широкое, длинное называлось *однорядками;* другое *охабнями*, съ воротникомъ; третіе *ферезями*, съ пуговицами до подола, съ нашивками или безъ нашивокъ; такое же длинное, съ нашивками или только съ пуговицами до пояся, *кунтышами, доломанами, кафтанами;* у всякаго были клинья, а на бокахъ прорѣхи. Полукафтанье носили съ козыремъ; рубахи съ вышитымъ, разноцвѣтнымъ воротникомъ и съ серебряною пуговицею; сапоги сафьянные, красные, съ желѣзными подковами; шапки высокія, шляпы поярковыя, черныя и бѣлыя. Мужчины стригли себѣ волосы. — Домы не блистали внутреннимъ украшеніемъ: самые богатые люди жили въ голыхъ стѣнахъ. Сѣни огромныя, а двери низкія, и входящій всегда наклонялся, чтобы не удариться головою объ верхній косякъ (399).

Опишемъ нѣкоторыя достопамятныя обыкновенія. Посланникъ Великокняжескій, Димитрій, будучи въ Римѣ и бесѣдуя съ Павломъ Іовіемъ

о нравахъ своего отечества, сказывалъ ему, что Россіяне, искони набожные, любя чтеніе душеспасительныхъ книгъ, не терпятъ проповѣди въ церквахъ, дабы слышать въ нихъ единственно Слово Господне, безъ примѣса мудрованій человѣческихъ, несогласныхъ съ простотою Евангельскою; что нигдѣ не имѣютъ такого священнаго уваженія къ храмамъ, какъ у насъ; что мужъ и жена, вкусивъ удовольствіе законной любви, не дерзаютъ войти въ церковь, и слушаютъ обѣдню стоя на паперти; что молодые, не скромные люди, видя ихъ тамъ, угадываютъ причину и своими насмѣшками заставляютъ женщинъ краснѣться; что мы весьма не любимъ Католиковъ, а Евреями гнушаемся и не дозволяемъ имъ въѣзжать въ Россію (400). — Сіе время особенно славилось открытіемъ многихъ святыхъ, цѣлебныхъ мощей; но Іоаннъ и Василій не всегда вѣрили молвѣ и разсказамъ народнымъ; а безъ согласія Государева Духовенство не умножало числа Святыхъ: когда же строгое изслѣдованіе и достовѣрныя свидѣтельства убѣждали Великаго Князя въ истинѣ чудесъ, то объявляли ихъ всенародно, звонили въ колокола, пѣли молебны, и недужные со всѣхъ сторонъ спѣшили ко праху новыхъ Угодниковъ, какъ нынѣ спѣшатъ къ новымъ славнымъ врачамъ, чтобы найти исцѣленіе. — Тогдашняя Христіанская набожность произвела одинъ умилительный обычай. Близъ Москвы было кладбище, называемое *селомъ скудельничимъ*, гдѣ люди добро-

любивые въ Четвертокъ передъ Троицынымъ днемъ сходились рыть могилы для странниковъ и пѣть Панихиды, въ успокоеніе души тѣхъ, коихъ имена, отечество и Вѣра были имъ неизвѣстны; они не умѣли назвать ихъ, но думали, что Богъ слышитъ и знаетъ, за кого возсылаются къ нему сіи чистыя, безкорыстныя, истинно Христіанскія молитвы. Тамъ погребались тѣла находимыя въ окрестностяхъ города, а можетъ быть и всѣхъ иноземцевъ (401).

Обрядъ Великокняжеской свадьбы.

Іовій пишетъ, что Великіе Князья, подобно Султанамъ, избираютъ себѣ женъ за красоту и добродѣтель, ни мало не уважая знатности; что невѣстъ привозятъ изъ всей Россіи; что искусныя, опытныя бабки осматриваютъ ихъ тайныя прелести; что совершеннѣйшая или счастливѣйшая выходитъ за Государя, а другія въ тотъ же день за молодыхъ придворныхъ чиновниковъ (402). Сіе извѣстіе можетъ относиться единственно къ двумъ бракамъ Василія: ибо отецъ, дѣдъ и предки его женились обыкновенно на Княжнахъ Владѣтельныхъ. — Сообщимъ здѣсь любопытныя подробности изъ описанія Василіевой свадьбы 1526 года.

«Державный женихъ, нарядясь, сидѣлъ «въ *брусяной столовой избѣ* съ своимъ по«ѣздомъ; а невѣста, Елена Глинская, съ «женою Тысяцкаго, двумя свахами, Бояры-

«нями и многими знатными людьми шла изъ «дому въ *среднюю палату*. Передъ нею несли «двѣ *брачныя* свѣчи въ фонаряхъ, два коровая и «серебряныя деньги. Въ сей палатѣ были сдѣ«ланы два мѣста, одѣтыя бархатомъ и камками; «на нихъ лежали два зголовья и два сорока чер«ныхъ соболей; а третьимъ сорокомъ надлежало «опахивать жениха и невѣсту. На столѣ, по«крытомъ скатертью, стояло блюдо съ калачами «и солью. Елена сѣла на своемъ мѣстѣ; сестра «ея, Княжна Анастасія, на жениховомъ; Боя«рыни вокругъ стола. Василій прислалъ туда «брата, Князя Юрія, который, занявъ *большое «мѣсто*, велѣлъ звать жениха. *Государь!* ска«зали ему: *иди съ Богомъ на дѣло*. Великій Князь «вошелъ съ Тысяцкимъ и со всѣми чиновниками, «поклонился иконамъ, свелъ Княжну Анастасію «съ своего мѣста и сѣлъ на оное. Читали мо«литву. Жена Тысяцкаго гребнемъ чесала го«лову Василію и Еленѣ. Свѣчами *Богоявленски«ми* зажгли *брачныя*. (403), обогнутыя соболями и «вдѣтыя въ кольцы. Невѣстѣ подали кику и «фату. На золотой мисѣ, въ трехъ углахъ, ле«жали хмѣль, соболи, одноцвѣтные платки бар«хатные, атласные, камчатные, и пѣнязи, чи«сломъ по девяти въ каждомъ углѣ. Жена Ты«сяцкаго осыпала хмѣлемъ Великаго Князя и «Елену, опахиваемыхъ соболями. Дружка Госу«даревъ, благословясь, изрѣзалъ перепечу и сы«ры для всего поѣзда; а Еленинъ дружка разда«валъ ширинки. Поѣхали въ церковь Успенія:

«Государь съ братьями и Вельможами, Елена въ «однихъ саняхъ съ женою Тысяцкаго и съ двумя *большими* свахами; за нею шли нѣкоторые «Бояре и чиновники; передъ нею несли свѣчи и «короваи. Женихъ стоялъ въ церкви на правой «сторонѣ у столпа, невѣста на лѣвой. Они шли «къ вѣнчанію по камкамъ и соболямъ. Знатнѣйшая Боярыня держала скляницу съ виномъ «Фряжскимъ: Митрополитъ подалъ ее Государю «и Государынѣ: первый, выпивъ вино, растопталъ скляницу ногою. Когда священный обрядъ совершился, новобрачные сѣли на двухъ «красныхъ зголовьяхъ. Митрополитъ, Князья «и Бояре поздравляли ихъ; пѣвчіе пѣли многолѣтіе. Возвратились во дворецъ. Свѣчи съ короваями отнесли въ спальню, или въ *сѣнникъ*, «и поставили въ кадь пшеницы. Въ четырехъ «углахъ сѣнника были воткнуты стрѣлы, лежали «колачи съ соболями, у кровати два зголовья, «двѣ шапки, одѣяло кунье, шуба; на лавкахъ «стояли *оловянники* съ медомъ; въ головахъ «кровати икона Рождества Христова, Богоматери и Крестъ Воздвизальный; на стѣнахъ также иконы Богоматери со младенцемъ; надъ «дверью и надъ всѣми окнами, внутри и снаружи, кресты. Постелю стлали на двадцати-семи «ржаныхъ снопахъ. Великій Князь завтракалъ «съ людьми ближними; ѣздилъ верхомъ по монастырямъ, и обѣдалъ со всѣмъ Дворомъ. Князь «Юрій Іоанновичь сидѣлъ опять *на большомъ мѣстѣ*, а Василій рядомъ съ Еленою; передъ ними

«поставили жаренаго пѣтуха: дружка взялъ «его, обвернулъ верхнею скатертью и от«несъ въ спальню, куда повели и Моло«дыхъ изъ за-стола. Въ дверяхъ знатнѣй«шій Бояринъ *выдавалъ* Великую Княгиню «и говорилъ рѣчь. Жена Тысяцкаго, на«дѣвъ двѣ шубы, одну наизворотъ, вто«рично осыпала новобрачныхъ хмѣлемъ; «а дружки и свахи кормили ихъ пѣтухомъ. «Во всю ночь Конюшій Государевъ ѣздилъ «на жеребцѣ подъ окнами спальни съ обна«женнымъ мечемъ. На другой день супруги «ходили въ мыльню и ѣли кашу на посте«лѣ.» Легко угадать разумъ сихъ обрядовъ, безъ сомнѣнія весьма древнихъ, отчасти, можетъ быть, Славянскихъ, отчасти Скандинавскихъ: нѣкоторые образовали любовь, согласіе, чадородіе, богатство; другіе должны были удалять дѣйствіе злаго волшебства.

Василій, находясь въ частыхъ сношеніяхъ съ Государями Европейскими, любилъ хвалиться ласкою, оказываемою ихъ Посламъ въ Россіи; но иноземцы жаловались на сей милостивый пріемъ, соединенный съ обрядами скучными и тягостными. Приближаясь къ границѣ, Посолъ давалъ о томъ знать Намѣстникамъ ближайшихъ городовъ. Ему предлагали множество вопросовъ: «изъ какой земли, отъ кого ѣдетъ? «знатный ли человѣкъ? какого именно зва- Въѣздъ чужеземныхъ Пословъ въ Россію.

«нія? бывалъ ли прежде въ Россіи? говоритъ ли «нашимъ языкомъ? сколько съ нимъ людей, и «какихъ?» О семъ немедленно доносили Великому Князю; а къ Послу высылали чиновника, который, встрѣтивъ его, не уступалъ ему дороги, и всегда требовалъ, чтобы онъ стоя выслушивалъ Государево привѣтствіе со всѣмъ Великокняжескимъ титуломъ, нѣсколько разъ повторяемымъ. Назначали дорогу и мѣста, гдѣ надлежало обѣдать, ночевать. Ѣхали тихо, иногда не болѣе пятнатцати или дватцати верстъ въ день: ибо ждали отвѣта изъ Москвы. Иногда останавливались въ полѣ, не смотря на зимній морозъ; иногда худо ѣли. За то Приставъ терпѣливо сносилъ брань иноземцевъ. Наконецъ Государь высылалъ Дворянъ своихъ къ Послу: тутъ везли его уже скорѣе и лучше содержали. Встрѣча передъ Москвою была всегда пышная: являлось вдругъ нѣсколько чиновниковъ въ богатыхъ одеждахъ и съ отрядомъ конницы; говорили рѣчи, спрашивали о здоровьѣ, и проч. Дворъ Посольскій находился близъ Москвы-рѣки: большое зданіе со многими комнатами, но совершенно пустыми; никто не жилъ въ семъ домѣ. Приставы служили гостямъ, непрестанно заглядывая въ роспись, гдѣ было все исчислено, все измѣрено, что надлежало давать Посламъ Нѣмецкимъ, Литовскимъ, Азіатскимъ: сколько мясныхъ блюдъ, меду, луку, перцу, масла, даже дровъ (404). Между тѣмъ придворные чиновники ежедневно спрашивали у нихъ, довольны ли они

угощеніемъ? Не скоро назначался день представленія: ибо любили долго изготовляться къ оному. Послы сидѣли одни, не могли заводить знакомствъ, и скучали. Великій Князь къ сему дню, для ихъ торжественнаго въѣзда въ Кремль, обыкновенно дарилъ имъ коней съ богатыми сѣдлами.

Иноземные художники и ремесленники въ Москвѣ.

Кромѣ зодчихъ, денежниковъ, литейщиковъ, находились у насъ тогда и другіе иноземные художники и ремесленники. Толмачь Димитрій Герасимовъ, будучи въ Римѣ, показывалъ Историку Іовію портретъ Великаго Князя Василія, писанный безъ сомнѣнія не Русскимъ живописцемъ. Герберштеинъ упоминаетъ о Нѣмецкомъ слесарѣ въ Москвѣ, женатомъ на Россіянкѣ (405). Искусства Европейскія съ удивительною легкостію переселялись къ намъ: ибо Іоаннъ и Василій, по внушенію истинно великаго ума, дѣятельно старались присвоить оныя Россіи, не имѣя ни предразсудковъ суевѣрія, ни боязливости, ни упрямства, и мы, послушные волѣ Государей, рано выучились уважать сіи плоды гражданскаго образованія, собственность не Вѣръ и не языковъ, а человѣчества; мы хвалились исключительнымъ Православіемъ и любили святыню древнихъ нравовъ, но въ то же время отдавали справедливость разуму, художеству Западныхъ Европейцевъ, которые находили въ Мо-

сквѣ гостепріимство, мирную жизнь, избытокъ. Однимъ словомъ, Россія и въ XVI вѣкѣ слѣдовала правилу: «хорошее отъ «всякаго хорошо,» и никогда не была вторымъ Китаемъ въ отношеніи къ иноземцамъ.

Словесность.

Языкъ нашъ, то есть, Славянскій, былъ въ сіе время извѣстенъ отъ Каменнаго Пояса до Адріатическаго моря, Воспора Ѳракійскаго и Нила: имъ говорили при Дворѣ Турецкаго и Египетскаго Султановъ, жены ихъ, Ренегаты, Мамелюки ([406]). Мы имѣли въ переводахъ сочиненія Св. Амвросія, Августина, Іеронима, Григорія, Исторію Римскихъ Императоровъ (вѣроятно, Светонову), Марка Антонія и Клеопатры ([407]); но Іовій укоряетъ насъ совершеннымъ невѣжествомъ въ Наукахъ: въ Философіи, Астрономіи, Физикѣ, Медицинѣ, сказывая, что мы именуемъ лекаремъ всякаго, кто знаетъ нѣкоторыя цѣлебныя свойства растѣній. Успѣхи Словесности примѣчались въ чистѣйшемъ слогѣ лѣтописей, пастырскихъ духовныхъ посланій, святыхъ житій, и проч. Старецъ, Архіепископъ Ростовскій Вассіанъ, могъ назваться Демосѳеномъ сего времени, если истинное краснорѣчіе состоитъ въ сильномъ выраженіи мыслей и чувствъ: славное посланіе его къ Іоанну уже извѣстно Читателю ([408]). Житіе Св. Даніила Перея-

славскаго писано не безъ искусства, умно и пріятно ([409]). Особеннаго замѣчанія достойны два Слова: первое о рожденіи Царя Іоанна, второе похвальное Василію; въ томъ и въ другомъ есть прекрасныя мѣста; выпишемъ нѣкоторыя:

«Кто повѣдаетъ силу Господню и всѣ чудеса «Его? Во дни наши совершилось дѣло Небесной «любви, коего примѣры видѣли мы въ Ветхомъ «и Новомъ Завѣтѣ: молитва отверзаетъ ложесна «неплодныя! Господь милостію утѣшаетъ лю-«дей Своихъ въ отчаяніи: ибо славный и вели-«кій во Царяхъ не скудѣетъ въ Вѣрѣ, припадая «ко Всевышнему; уже вступаетъ въ шестое де-«сятилѣтіе жизни, и еще надѣется благословить «чадо милое, вожделѣнное не только родителю, «но и всей Державѣ Христіанской: она требуетъ «Пастыря для дней будущихъ. Слышитъ Го-«сподь молитву и долго не исполняетъ, да болѣе «и болѣе разгорается усердіемъ сердце Держав-«наго. О диво! Монархъ оставляетъ престолъ и «величіе, идетъ съ жезломъ какъ бѣдный стран-«никъ въ Обители дальнія, смиренный видомъ «и душею: се Царскія стопы его изображаются «на пескахъ дикой пустыни! За нимъ добродѣ-«тельная, премудрая Царица, ему подобная. Оба «исполнены смиренія и надежды; оба вѣдаютъ, «что *вѣра возмогаетъ и надежда не посрамитъ*. «И бысть! лобызаемъ наслѣдника Державы!... «Когда бы Всевышній даровалъ Василію дщерь, «и тогда бы сердце родителя возвеселилось, но «едино: Господь даруетъ ему сына, да веселится

«и блаженствуетъ съ нимъ вся Россія!» — Въ похвальномъ Словѣ Василію такъ описаны дѣла и свойства его: «Сей Государь *добрѣ правилъ хо*«*ругвями* отечества, твердо укорененнаго Бо«гомъ, подобно вѣковому древу; всегда благо«словляемый успѣхомъ, всегда спасаемый отъ «враговъ видимыхъ и невидимыхъ, покорялъ «страны мечемъ и миромъ, а въ своей наблю«далъ правду, не усыпая ни умомъ, ни сердцемъ; «бодрствовалъ надъ душами, питалъ въ нихъ «добродѣтель, гналъ злобу, да не погрязнетъ «корабль великой Державы его въ волнахъ без«законія! Душа Царева свѣтилась яко зерцало, «блистая въ лучахъ Божественной премудрости. «Мы знаемъ, что Государь естествомъ тѣлес«нымъ равенъ всѣмъ людямъ; но властію не «подобенъ ли Богу единому? Неприступенъ во «славѣ земнаго Царствія: но есть вышнее, не«бесное, для коего онъ долженъ быть присту«пенъ и снисходителенъ къ людямъ. Тѣлу дано «око, а міру Царь, да промышляетъ о благѣ его. «Царь истинный царствуетъ надъ страстями, въ «вѣнцѣ святаго цѣломудрія, въ порфирѣ закона «и правды. Таковъ былъ Великій Князь Василій, «правитель *велеумный*, наказатель добродѣтель«ный, истинный кормчій, образъ благости, «столпъ твердости и терпѣнія; защитникъ Госу«дарства, отецъ Вельможъ и народа, мудрый «*соглагольникъ* Духовенства; высокій житіемъ «на престолѣ, смиренный сердцемъ яко въ пе«щерѣ, кротокъ взоромъ, почтенъ Божіею бла-

«гостію; всѣхъ любилъ и любимъ всѣми: ближ-«ніе и дальніе припадали къ нему, отъ Синая и «Палестины, отъ Италіи и Антіохіи, да узрятъ «лице его, да услышатъ слово. Кто опишетъ его «достоинства? Какъ Саламандръ, по сказанію «Богослова, среди огня не сгараетъ; какъ свѣт-«лая рѣка, именуемая Каѳосъ, течетъ сквозь «море и не теряетъ сладости водъ своихъ: такъ «огнь страстей человѣческихъ, такъ бурное жи-«тейское море не повредило душѣ Василія: она «чистою, благою воспарила отъ земли на небо. «Однимъ словомъ, сей Великій Князь въ житіи «богомудромъ уподоблялся Димитрію Іоанно-«вичу Донскому.» (410). — Мы предложили здѣсь Читателю не точныя *слова*, но *точныя мысли Авторовъ*: слова принадлежатъ вѣку, а мысли вѣкамъ.

Судя по слогу, можемъ отнести къ сему времени сочиненіе двухъ Русскихъ сказокъ: *о купцѣ Кіевскомъ* и *Дракулѣ, Мутьянскомъ Воеводѣ*. Въ первой описывается мучитель, именемъ *Сміянъ гордый*, Владѣтель неизвѣстной приморской страны, гибельной для всѣхъ плавателей, которые искали тамъ убѣжища отъ бурь, и не умѣли отгадать Царскихъ загадокъ: имъ надлежало отвергнуться Христа или умереть. Сынъ путешествующаго Кіевлянина, Борзосмыслъ, юный отрокъ, вдохновенный небесною мудростію, какъ новый Эдипъ рѣшитъ всѣ хитрыя задачи Сміяна, отсѣкаетъ ему голову въ присутствіи народа, садится на тронъ, пропо-вѣ-

дуетъ Вѣру Христову, плѣняетъ гражданъ, остается у нихъ Царемъ и женится на Сміяновой дочери ([411]). Вотъ содержаніе. Красотъ піитическихъ мало, остроумія также; разсказъ довольно складенъ. — Вторая повѣсть любопытнѣе. Дракула, хищникъ Мутьянской или Волотской Державы (о коемъ упоминается въ Византійской Исторіи Дуки около 1430 года) представленъ гонителемъ всякой неправды, обмановъ, воровства, и свирѣпымъ кровопійцею. Никто въ землѣ Волошской не дерзаетъ взять чужаго, ни обидѣть слабаго. Испытывая народъ, онъ поставилъ золотую чару у колодезя отдаленнаго отъ домовъ: мимоходящіе пили воду и не трогали богатаго сосуда. Искорепивъ злодѣевъ, сей Воевода казнилъ и за самыя легкія вины. Не только жена вѣроломная, любострастная, но и лѣнивая, у которой въ домѣ было не чисто или мужъ не имѣлъ хорошаго бѣлья, лишалась жизни. На площади, вмѣсто украшеній, висѣли трупы. Однажды пришли къ нему два Монаха изъ Венгріи: Дракула желалъ знать ихъ мысли о себѣ. «Ты хочешь быть правосуднымъ» — отвѣчалъ старѣйшій изъ нихъ — «но дѣлаешься «тираномъ, наказывая тѣхъ, коихъ должны на«казывать единственно Богъ и совѣсть, а не за«конъ гражданскій.» Другой хвалилъ тирана, какъ исполнителя судовъ Божественныхъ. Велѣвъ умертвить перваго Монаха, Дракула отпустилъ его товарища съ дарами, и наконецъ увѣнчалъ свои подвиги сожженіемъ всѣхъ бѣд-

ныхъ, дряхлыхъ, увѣчныхъ въ землѣ Волошской, разсуждая: «начто жить людямъ, «живущимъ въ тягость себѣ и другимъ?» Авторъ могъ бы заключить сію сказку прекраснымъ нравоученіемъ, но не сдѣлалъ того, оставляя читателямъ судить о *Философіи* Дракулы, который лечилъ подданныхъ отъ злодѣйства, пороковъ, слабостей, нищеты и болѣзней однимъ лекарствомъ: смертію! — Замѣтимъ, что древніе Русскіе *писцы* имѣли болѣе гордости, нежели *Писатели:* первые почти всегда означали имя свое въ концѣ переписанной ими книги, а вторые почти никогда, укрываясь такимъ образомъ отъ хвалы и критики: знаемъ творенія, не зная творцевъ. По крайней мѣрѣ видимъ, что предки наши занимались не только историческими или Богословскими сочиненіями, но и романами; любили произведеніе остроумія и воображенія.

Извѣстія о Востокѣ и Сѣверѣ Россіи.

Въ окончаніи сей статьи предложимъ нѣкоторыя извѣстія изъ Герберштеиновой книги о сосѣдственныхъ съ Россіею земляхъ, восточныхъ и сѣверныхъ. Ногайскіе Татары, кочуя близъ моря Каспійскаго, раздѣлялись въ Василіево время на три Улуса, принадлежащіе тремъ Князьямъ братьямъ: Шидаку, Кошуму и Шигъ-Мамаю; первый жилъ въ городѣ Сарайчикѣ на Яикѣ; вторый повелѣвалъ всею землею

тали любопытство грубыхъ умовъ. Однакожъ Москвитяне уже знали имена всѣхъ главныхъ рѣкъ Западной Сибири. Они сказывали, что Обь вытекаетъ изъ озера (Телейскаго); что за сею рѣкою и за Иртышемъ находятся два города, *Серпоновъ* и *Грустина*, коихъ жители получаютъ жемчугъ и драгоцѣнные каменья отъ *черныхъ людей*, обитающихъ близъ озера Китая. Мы обязаны были сими свѣдѣніями господству Великихъ Князей надъ землею Пермскою и Югорскою. Лапландія также платила намъ дань. Дикіе жители ея приходили иногда въ сосѣдственныя Россійскія области, начинали заимствовать нѣкоторыя гражданскія обыкновенія и ласково угощали купцевъ иноземныхъ, которые привозили къ нимъ вещи нужныя для хозяйства (414).

Вообще Герберштеиново описаніе Россіи есть важное твореніе для нашей Исторіи XVI вѣка, хотя и содержитъ въ себѣ нѣкоторыя ошибки.

КОНЕЦЪ VII ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМЪ VII.

ГЛАВА I.

ГОСУДАРЬ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ІОАННОВИЧЬ.

Г. 1505—1509.

ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ВАСИЛІЕВА.

Г. 1510—1521.

ГЛАВА III.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ВАСИЛІЕВА.

Г. 1521—1534.

Стр.

ГЛАВА IV.

СОСТОЯНІЕ РОССІИ.

Г. 1462—1533.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ VIII.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ VIII.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1852.

ПЕЧАТАНО

по Высочайшему повелѣнію.

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО
ТОМЪ VIII.

ГЛАВА I.
Великій Князь и Царь Іоаннъ IV Василіевичь II.
Г. 1533—1538.

Безпокойство Россіянъ о малолѣтствѣ Іоанна. Составъ Государственной Думы. Главные Вельможи, Глинскій и Телепневъ. Присяга Іоанну. Заключеніе Князя Юрія Іоанновича. Общій страхъ. Измѣна К. Симеона Бѣльскаго и Лятцкаго. Заключеніе и смерть Мих. Глинскаго. Смерть Князя Юрія. Бѣгство, умыселъ и заключеніе К. Андрея Іоанновича. Казнь Бояръ и Дѣтей Боярскихъ. Смерть К. Андрея. Дѣла внѣшнія. Перемиріе съ Швеціею и съ Ливоніею. Молдавія. Посланникъ Турецкій. Астрахань. Дѣла Ногайскія. Посольство къ Карлу V. Присяга Казанцевъ. Гордый отвѣтъ Сигизмундовъ. Нападеніе Крымцевъ. Война съ Литвою. Исламъ господствуетъ въ Тавридѣ. Строеніе крѣпостей въ Литвѣ. Набѣгъ Крымцевъ. Литовцы берутъ Гомель и Стародубъ. Мятежъ Казани. Шигъ-Алей въ милости. Война съ Казанью. Побѣда надъ Литвою.

Крѣпости на Литовской границѣ. Перемиріе съ Литвою. Дѣла Крымскія. Смерть Ислама. Угрозы Саипъ-Гирея. Строеніе Китая-города и новыхъ крѣпостей. Перемѣна въ цѣнѣ монеты. Общая нелюбовь къ Еленѣ. Кончина Правительницы.

г. 1533. Безпокойство Россіянъ о малолѣтствѣ Государя.

Не только искренняя любовь къ Василію производила общее сѣтованіе о безвременной кончинѣ его; но и страхъ, что будетъ съ Государствомъ? волновалъ души. Никогда Россія не имѣла столь малолѣтнаго Властителя; никогда — если исключимъ древнюю, почти баснословную Ольгу — не видала своего кормила государственнаго въ рукахъ юной жены и чужеземки, Литовскаго, ненавистнаго рода. На тронѣ не бываетъ предателей: опасались Елениной неопытности, естественныхъ слабостей, пристрастія къ Глинскимъ, коихъ имя напоминало измѣну. Хотя лесть придворная славила добродѣтели Великой Княгини, ея боголюбіе, милость, справедливость, мужество сердца, проницаніе ума и явное сходство съ безсмертною супругою Игоря (1); но благоразумные уже и тогда умѣли отличать языкъ Двора и лести отъ языка истины: знали, что добродѣтель Царская, трудная и для мужа съ крѣпкими мышцами, еще гораздо труднѣе для юной, нѣжной, чувствительной жены, болѣе подверженной дѣйствію слѣпыхъ, пылкихъ страстей. Еле-

на опиралась на Думу Боярскую: тамъ засѣдали опытные Совѣтники Трона; но Совѣтъ безъ Государя есть какъ тѣло безъ главы: кому управлять его движеніемъ, сравнивать и рѣшить мнѣнія, обуздывать самолюбіе лицъ пользою общею? Братья Государевы и двадцать Бояръ знаменитыхъ составляли сію верховную Думу: Князья Бѣльскіе, Шуйскіе, Оболенскіе, Одоевскіе, Горбатый, Пеньковъ, Кубенскій, Барбашинъ, Микулинскій, Ростовскій, Бутурлинъ, Воронцовъ, Захарьинъ, Морозовы; но нѣкоторые изъ нихъ, будучи областными Намѣстниками, жили въ другихъ городахъ, и не присутствовали въ оной (2). Два человѣка казались важнѣе всѣхъ иныхъ по ихъ особенному вліянію на умъ Правительницы: старецъ Михаилъ Глинскій, ея дядя, честолюбивый, смѣлый, самимъ Василіемъ назначенный быть ей главнымъ совѣтникомъ (3), и Конюшій Бояринъ, Князь Иванъ Ѳедоровичь Овчина-Телепневъ-Оболенскій, юный лѣтами и подозрѣваемый въ сердечной связи съ Еленою (4). Полагали, что сіи два Вельможи, въ согласіи между собою, будутъ законодателями Думы, которая рѣшила дѣла внѣшнія именемъ Іоанна, а дѣла внутреннія именемъ Великаго Князя и его матери (5).

Составъ Государственной Думы.

Главные Вельможи Глинскій и Телепневъ.

Первымъ дѣйствіемъ новаго Правленія было торжественное собраніе Духовенства;

Прися-

Дьякъ изъяснялъ, что сія клятва была невольная и беззаконная; что Бояре, взявъ ее съ Юрія, сами не дали ему никакой, вопреки уставу о присягахъ взаимныхъ. Шуйскій извѣстилъ о томъ Князя Бориса Горбатаго, Князь Борисъ Думу, а Дума Елену, которая велѣла Боярамъ дѣйствовать согласно съ ихъ обязанностію (8).

Замѣтимъ, что *первое* сказаніе вѣроятнѣе: ибо Князь Андрей Шуйскій во все правленіе Елены сидѣлъ въ темницѣ (9). Какъ бы то ни было, 11 Декабря взяли Юрія, вмѣстѣ со всѣми его Боярами, подъ стражу и заключили въ той самой палатѣ, гдѣ кончилъ жизнь юный Великій Князь Димитрій. Предзнаменованіе бѣдственное! ему надлежало исполниться.

Общій страхъ.

Такое начало Правленія свидѣтельствовало грозную его рѣшительность. Жалѣли о несчастномъ Юріи; боялись тиранства: а какъ Іоаннъ былъ единственно именемъ Государь, и самая Правительница дѣйствовала по внушеніямъ Совѣта, то Россія видѣла себя подъ жезломъ возникающей Олигархіи, которой мучительство есть самое опасное и самое несносное. Легче укрыться отъ одного, нежели отъ двадцати гонителей. Самодержецъ гнѣвный уподобляется раздраженному Божеству, предъ Коимъ надобно только смиряться; но многочисленные тираны не имѣютъ сей выгоды въ гла-

захъ народа: онъ видитъ въ нихъ людей ему подобныхъ, и тѣмъ болѣе ненавидитъ злоупотребленіе власти. Говорили, что Бояре хотѣли погубить Юрія, въ надеждѣ своевольствовать, ко вреду отечества (10); что другіе родственники Государевы должны ожидать такой же участи — и сіи мысли, естественнымъ образомъ представляясь уму, сильно дѣйствовали не только на Юріева меньшаго брата, Андрея, но и на ихъ племянниковъ, Князей Бѣльскихъ, столь ласково порученныхъ Василіемъ Боярамъ въ послѣднія минуты его жизни. Князь Симеонъ Ѳеодоровичь Бѣльскій и знатный Окольничій Иванъ Лятцкій, родомъ изъ Пруссіи, мужъ опытный въ дѣлахъ воинскихъ, готовили полки въ Серпуховѣ на случай войны съ Литвою: недовольные Правительствомъ, они сказали себѣ, что Россія не есть ихъ отечество (11), тайно снеслися съ Королемъ Сигизмундомъ и бѣжали въ Литву. Сія неожидаемая измѣна удивила Дворъ, и новыя жестокости были ея слѣдствіемъ. Князь Иванъ Бѣльскій, главный изъ Воеводъ и Членъ Верховнаго Совѣта, находился тогда въ Коломнѣ, учреждая станъ для войска: его и Князя Воротынскаго съ юными сыновьями взяли, оковали цѣпями, заточили какъ единомышленниковъ Симеоновыхъ и Лятцкаго, безъ улики, по крайней мѣрѣ безъ суда

Измѣна Князя Симеона Бѣльскаго и Лятцкаго.

Г. 1534.

торжественнаго; но старшаго изъ Бѣльскихъ, Князя Димитрія, также Думнаго Боярина, оставили въ покоѣ какъ невиннаго. — Дотолѣ считали Михаила Глинскаго душею и вождемъ Совѣта: съ изумленіемъ узнали, что онъ не могъ ни губить другихъ, ни спасти самого себя. Сей человѣкъ имѣлъ великодушіе, и бѣдственнымъ концемъ своимъ оправдалъ довѣренность къ нему Василіеву. Съ прискорбіемъ видя нескромную слабость Елены къ Князю Ивану Телепневу-Оболенскому, который, владѣя сердцемъ ея, хотѣлъ управлять и Думою и Государствомъ, Михаилъ, какъ пишутъ, смѣло и твердо говорилъ племянницѣ о стыдѣ разрата, всегда гнуснаго, еще гнуснѣйшаго на тронѣ, гдѣ народъ ищетъ добродѣтели, оправдывающей власть Самодержавную. Его не слушали, возненавидѣли и погубили. Телепневъ предложилъ: Елена согласилась, и Глинскій, обвиняемый въ мнимомъ, нелѣпомъ замыслѣ овладѣть Государствомъ, вмѣстѣ съ ближнимъ Бояриномъ и другомъ Василіевымъ, Михайломъ Семеновичемъ Воронцовымъ, безъ сомнѣнія также добродѣтельнымъ, былъ лишенъ вольности, а скоро и жизни, въ той самой темницѣ, гдѣ онъ сидѣлъ прежде (12): мужъ знаменитый въ Европѣ умомъ и пылкими страстями, счастіемъ и бѣдствіемъ, Вельможа и предатель двухъ Государствъ, по-

Заключеніе и смерть Михаила Глинскаго.

милованный Василіемъ для Елены и замученный Еленою, достойный гибели измѣнника, достойный и славы великодушнаго страдальца въ одной и той же темницѣ! Глинскаго схоронили, безъ всякой чести, въ церкви Св. Никиты за Неглинною; но одумались, вынули изъ земли и отвезли въ монастырь Троицкій, изготовивъ тамъ пристойнѣйшую могилу для Государева дѣда; но Воронцовъ, только удаленный отъ Двора, пережилъ своихъ гонителей, Елену и Князя Ивана Телепнева: бывъ Намѣстникомъ Новогородскимъ, онъ умеръ уже въ 1539 году съ достоинствомъ Думнаго Боярина (13).

Еще младшій дядя Государевъ, Князь Андрей Іоанновичь, будучи слабаго характера и не имѣя никакихъ свойствъ блестящихъ, пользовался наружными знаками уваженія при Дворѣ и въ Совѣтѣ Бояръ, которые въ сношеніяхъ съ иными Державами давали ему имя перваго попечителя Государственнаго (14); но въ самомъ дѣлѣ онъ ни мало не участвовалъ въ правленіи; оплакивалъ судьбу брата, трепеталъ за себя и колебался въ нерѣшимости: то хотѣлъ милостей отъ Двора, то являлъ себя нескромнымъ его хулителемъ, слѣдуя внушеніямъ своихъ любимцевъ. Черезъ шесть недѣль по кончинѣ Великаго Князя, находясь еще въ Москвѣ, онъ смиренно билъ челомъ Еленѣ о прибавленіи новыхъ областей къ его Удѣлу: ему отказали, но, согласно съ древнимъ обычаемъ, дали, въ память усопшаго, множество драгоцѣнныхъ сосудовъ, шубъ, ко-

ней съ богатыми сѣдлами. Андрей уѣхалъ въ Старицу, жалуясь на Правительницу. Вѣстовщики и наушники не дремали: одни сказывали сему Князю, что для него уже готовятъ темницу; другіе доносили Еленѣ, что Андрей злословитъ ее. Были разныя объясненія, для коихъ Бояринъ, Князь Иванъ Шуйскій, ѣздилъ въ Старицу и самъ Андрей въ Москву: увѣряли другъ друга въ любви, и съ обѣихъ сторонъ не вѣрили словамъ, хотя Митрополитъ ручался за истину оныхъ. Елена желала знать, кто ссоритъ ее съ деверемъ? онъ не именовалъ никого, отвѣтствуя: «мнѣ самому такъ ка-«залось!» Разстались ласково, но безъ искренняго примиренія.

г. 1536. Смерть Князя Юрія. Въ сіе время — 26 Августа, 1536 года — Князь Юрій Іоанновичь умеръ въ темницѣ *отъ голода*, какъ пишутъ ([15]). Андрей былъ въ ужасѣ. Правительница звала его въ Москву на совѣтъ о дѣлахъ внѣшней политики: онъ сказался больнымъ и требовалъ врача. Извѣстный лекарь Ѳеофилъ не нашелъ въ немъ никакой важной болѣзни ([16]). Елену тайно извѣстили, что Андрей не смѣетъ ѣхать въ столицу и думаетъ бѣжать. Между тѣмъ сей несчастный писалъ къ ней: «Въ болѣзни и тоскѣ *я отбылъ ума* «*и мысли*. Согрѣй во мнѣ сердце милостію. «Не уже ли велитъ Государь влачить меня «отсюда на носилахъ?» Елена послала Кру-

тицкаго Владыку Досиоея, вывести его изъ неосновательнаго страха, или, въ случаѣ злаго намѣренія, объявить ему клятву церковную. Тогда же Бояринъ Андреевъ, отправленный имъ въ Москву, былъ задержанъ на пути, и Князья Оболенскіе, Никита Хромый съ Конюшимъ Телепневымъ, предводительствуя многочисленною дружиною, вступили въ Волокъ, чтобы гнаться за бѣглецомъ, если Досиоеевы увѣщанія останутся безполезными. Андрею сказали, что Оболенскіе идутъ схватить его: онъ немедленно выѣхалъ изъ Старицы съ женою и съ юнымъ сыномъ; остановился въ шестидесяти верстахъ, думалъ и рѣшился — быть преступникомъ: собрать войско, овладѣть Новымгородомъ и всею Россіею, буде возможно; послалъ грамоты къ областнымъ Дѣтямъ Боярскимъ и писалъ къ нимъ: «Великій Князь младенецъ; вы служите только Боярамъ. Идите ко мнѣ: я готовъ васъ жаловать.» Многіе изъ нихъ дѣйствительно явились къ нему съ усердіемъ; другіе представили мятежныя грамоты въ Государственную Думу. Надлежало взять сильные мѣры: Князь Никита Оболенскій спѣшилъ защитить Новгородъ, а Князь Иванъ Телепневъ шелъ съ дружиною въ слѣдъ за Андреемъ, который, оставивъ большую дорогу, поворотилъ влѣво къ Старой Русѣ. Князь Иванъ настигъ его въ Тюхоли;

г. 1537.

Бѣгство, умыселъ и заключеніе Князя Андрея Іоанновича.

устроилъ воиновъ, распустилъ знамя и хотѣлъ начать битву. Андрей также вывелъ свою дружину, обнаживъ мечь; но колебался и вступилъ въ переговоры, требуя клятвы отъ Телепнева, что Государь и Елена не будутъ ему мстить. Телепневъ далъ сію клятву, и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ Великая Княгиня, по словамъ Лѣтописца, изъявила гнѣвъ своему любимцу, который будто бы самъ собою, безъ вѣдома Государева, увѣрилъ мятежника въ безопасности, и велѣла Андрея оковать, заключить въ тѣсной палатѣ; къ Княгинѣ его и сыну приставили стражу; Бояръ его, совѣтниковъ, вѣрныхъ слугъ пытали, не смотря на ихъ знатный Княжескій санъ: нѣкоторые умерли въ мукахъ, иные въ темницахъ; а Дѣтей Боярскихъ, взявшихъ сторону Андрееву, числомъ тридцать, повѣсили какъ измѣнниковъ на дорогѣ Новогородской, въ большомъ разстояніи одинъ отъ другаго. — Андрей имѣлъ участь брата: умеръ насильственною смертію чрезъ шесть мѣсяцевъ, и, подобно ему, былъ съ честію погребенъ въ церкви Архангела Михаила. Онъ конечно заслуживалъ наказаніе, ибо дѣйствительно замышлялъ бунтъ; но казни *тайныя* всегда доказываютъ малодушную злобу, всегда беззаконны, и притворный гнѣвъ Елены на Князя Телепнева не могъ оправдать вѣроломства.

Казнь Бояръ и Дѣтей Боярскихъ.

Смерть Князя Андрея.

Такимъ образомъ въ четыре года Еленина правленія именемъ юнаго Великаго Князя умертвили двухъ единоутробныхъ братьевъ его отца и дядю матери, брата внучатнаго ввергнули въ темницу, обезчестили множество знатныхъ родовъ торговою казнію Андреевыхъ Бояръ, между коими находились Князья Оболенскіе, Пронскій, Хованскій, Палецкій. Опасаясь гибельныхъ дѣйствій слабости въ малолѣтство Государя Самодержавнаго, Елена считала жестокость твердостію; но сколь послѣдняя, основанная на чистомъ усердіи къ добру, необходима для государственнаго блага, столь первая вредна оному, возбуждая ненависть; а нѣтъ Правительства, которое для своихъ успѣховъ не имѣло бы нужды въ любви народной. — Елена предавалась въ одно время и нѣжностямъ беззаконной любви и свирѣпству кровожадной злобы!

Въ дѣлахъ внѣшней Политики Правительница и Дума не уклонялись отъ системы Василіевой: любили миръ и не страшились войны. Дѣла политическія.

Извѣстивъ сосѣдственныя Державы о восшествіи Іоанновомъ на престолъ, Елена и Бояре утвердили дружественныя связи съ Швеціею, Ливоніею, Молдавіею, съ Князьями Ногайскими и съ Царемъ Астраханскимъ. Въ 1535 и 1537 году Послы Густава Вазы были въ Москвѣ съ привѣтствіемъ, Г. 1534-1538.

отправились въ Новгородъ и заключили тамъ шестидесятилѣтнее перемиріе (17). Густавъ обязался не помогать Литвѣ, ни Ливонскому Ордену въ случаѣ ихъ войны съ нами. Условились: 1) выслать Пословъ на Оксу рѣку для возстановленія древнихъ границъ, бывшихъ между Швеціею и Россіею при Королѣ Магнусѣ; 2) Россіянамъ въ Швеціи, Шведамъ въ Россіи торговать свободно, подъ охраненіемъ законовъ; 3) возвратить бѣглецовъ съ обѣихъ сторонъ. Повѣренными Густава были Кнутъ Андерсонъ и Біорнъ Классонъ, а Россійскими Князь Борисъ Горбатый и Михайло Семеновичь Воронцовъ, Думные Бояре, Намѣстники Новогородскіе, которые, въ 1535 году, утвердили миръ и съ Ливоніею на семнадцать лѣтъ (18). Уже старецъ Плеттенбергъ, знаменитѣйшій изъ всѣхъ Магистровъ Ордена, скончался: преемникъ его, Германъ Фонъ Брюггеней, и Рижскій Архіепископъ отъ имени всѣхъ *Златоносцевъ* или Рыцарей, *Нѣмецкихъ Бояръ* и *Ратмановъ* Ливоніи убѣдительно молили Великаго Князя о дружбѣ и покровительствѣ. Уставили, чтобы рѣка Нарова, какъ и всегда, служила границею между Ливоніею и Россіею; чтобы не препятствовать взаимной торговлѣ никакими дѣйствіями насилія, и даже въ случаѣ самой войны не трогать купцевъ, ни ихъ достоянія; чтобы не каз-

Перемиріе съ Швеціею и съ Ливоніею.

нить Россіянъ въ Ливоніи, ни Ливонцевъ въ Россіи безъ вѣдома ихъ Правительствъ; чтобы Нѣмцы *берегли* церкви и жилища Русскія въ своихъ городахъ, и проч. Въ окончаніи договора сказано: «А кто преступитъ клятву, на того Богъ и клятва, «моръ, гладъ, огнь и мечь.»

Воевода Молдавскій, Петръ Стефановичь, также ревностно искалъ нашего покровительства; хотя уже и платилъ легкую дань Султану, но еще именовался Господаремъ вольнымъ: имѣлъ свою особенную политическую систему, воевалъ и мирился, съ кѣмъ хотѣлъ, и правилъ землею какъ Самодержецъ. Россія единовѣрная могла вступаться за него въ Константинополѣ, въ Тавридѣ, и вмѣстѣ съ нимъ обуздывать Литву (19). Имянитый Бояринъ Молдавскій, Сункаръ, въ 1535 году былъ въ Москвѣ, а нашъ Посолъ Заболоцкій ѣздилъ къ Петру съ увѣреніемъ, что Великій Князь не оставитъ его ни въ какомъ случаѣ. Россія дѣйствительно имѣла въ немъ весьма усерднаго союзника противъ Сигизмунда, коему онъ не давалъ покоя, готовый всегда разорять Польскія земли; но не могла быть ему щитомъ отъ грознаго Солимана, который (въ 1537 году) огнемъ и мечемъ опустошилъ всю Молдавію, требуя *урочной*, знатной дани и совершеннаго подданства отъ жителей. Они не смѣли противиться, однa- Молдавія.

кожь вымолили у Султана право избирать собственныхъ Владѣтелей, и еще около ста лѣтъ пользовались онымъ ([20]). Турки взяли казну Господарскую, множество золота, нѣсколько Діадимъ, богатыхъ иконъ и крестовъ Стефана Великаго. Въ Москвѣ жалѣли о бѣдствіи сей единовѣрной Державы, не думая о способахъ облегчить ея судьбу. Правительница и Бояре не разсудили за благо возобновить сношенія съ Константинополемъ, и Солиманъ (въ 1538 году) приславъ въ Москву Грека Андреяна для разныхъ покупокъ, въ ласковомъ письмѣ къ юному Іоанну жаловался на сію холодность, хваляся своею дружбою съ его родителемъ ([21]).

Посланникъ Турецкій.

Астрахань.

Къ Царю Астраханскому, Абдылъ-Рахману, посылали Боярскаго Сына съ предложеніемъ союза: опасаясь и Хана Крымскаго и Ногаевъ, Царь съ благодарностію принялъ оное, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ лишился трона: Ногаи взяли Астрахань, изгнали Абдылъ-Рахмана, и на его мѣсто объявили Царемъ какого-то Дервешелея ([22]). Имѣя съ Россіею выгодный торгъ, Князья сихъ многолюдныхъ степныхъ ордъ, Шійдякъ, Мамай, Кошумъ и другіе, хотѣли быть въ мирѣ съ нею, но жаловались, что наши Козаки Мещерскіе не даютъ имъ покоя, тысячами отгоняютъ лошадей и берутъ людей въ плѣнъ; требо-

Дѣла Ногайскія.

вали удовлетворенія, даровъ (собольихъ шубъ, суконъ, доспѣховъ), уваженія и чести: на примѣръ, чтобы Великій Князь называлъ ихъ въ письмахъ *братьями* и *Государями*, какъ Хановъ не уступающихъ въ достоинствѣ Крымскому, и посылалъ къ нимъ не малочиновныхъ людей, а Бояръ для переговоровъ; грозили, въ случаѣ отказа, местію, напоминая, что отцы ихъ видали Москву, а дѣти также могутъ заглянуть въ ея стѣны; хвалились, что у нихъ 300 тысячь воиновъ, и летаютъ какъ птицы. Бояре обѣщали имъ управу и договаривались съ ними о свободной торговлѣ, которая обогащала Россію лошадьми и скотомъ: на примѣръ, съ Ногайскими Послами въ 1534 году было 5000 купцевъ и 50,000 лошадей, кромѣ другаго скота. Сверхъ того сіи Князья обязывались извѣщать Государя о движеніяхъ Крымской Орды и не впускать ея разбойниковъ въ наши предѣлы. Шійдякъ считалъ себя главою всѣхъ Ногаевъ и писалъ къ Іоанну, чтобы онъ давалъ ему, какъ Хану, *урочные поминки*. Бояре отвѣтствовали: «Государь *жа«луетъ* и Хановъ и Князей, смотря по ихъ *услу«гамъ*, а не даетъ никому *урока*.» Мамай, именуясь Калгою Шійдяковымъ, отличался въ грамотахъ своихъ краснорѣчіемъ и какою-то Философіею. Изъявляя Великому Князю сожалѣніе о кончинѣ его родителя, онъ говорилъ: «Любез«ный братъ! не ты и не я произвели смерть, но «Адамъ и Ева. Отцы умираютъ, дѣти наслѣ«дуютъ ихъ достояніе. Плачу съ тобою; но по-

«коримся необходимости» (23)! Сіи Ногайскія грамоты, писанныя высокопарнымъ слогомъ Восточнымъ, показываютъ нѣкоторое образованіе ума, замѣчательное въ народѣ кочующемъ.

Посольство къ Карлу V. Правительница и Бояре хотѣли возобновить дружественную связь и съ Императоромъ: въ 1538 году Послы наши, Юрій Скобельцынъ и Дмитрій Васильевъ, ѣздили къ Карлу V и къ его брату, Фердинанду, Королю Венгерскому и Богемскому (24). Мы не имѣемъ ихъ наказа и донесеній.

Но главнымъ предметомъ нашей Политики были Таврида, Литва и Казань. Юный Іоаннъ предлагалъ союзъ Хану Саипъ-Гирею, миръ Сигизмунду и покровительство Еналею. Присяга Казанцевъ. Царь и народъ Казанскій новыми клятвенными грамотами обязались совершенно зависѣть отъ Россіи. Король Сигизмундъ отвѣтствовалъ гордо: Гордый отвѣтъ Сигизмундовъ. «Могу согласиться на миръ, если юный Великій Князь «уважитъ мою старость и пришлетъ своихъ «Пословъ ко мнѣ или на границу» (25). Надѣясь воспользоваться малолѣтствомъ Іоанновымъ, Король требовалъ всѣхъ городовъ, отнятыхъ у него Василіемъ; предвидя отказъ, вооружался и склонилъ Хана къ союзу съ Литвою противъ Россіи. Еще Нападеніе Крымцевъ. гонецъ нашъ не возвратился отъ Саипъ-Гирея, когда узнали въ Москвѣ о впаденіи Татаръ Азовскихъ и Крымскихъ, въ Ря-

занскія области, гдѣ, на берегахъ Прони, Воеводы Князья Пунковъ и Гатевъ побили ихъ на голову ([26]). За сей первый воинскій успѣхъ Іоаннова государствованія Воеводамъ торжественно изъявили благоволеніе Великаго Князя.

Хотя, увѣренные въ неминуемой войнѣ съ Королемъ, Правительница и Бояре спѣшили изготовиться къ ней: но Сигизмундъ предупредилъ ихъ. Съ особенною милостію принявъ нашихъ измѣнниковъ, Князя Симеона Бѣльскаго и Лятскаго, давъ имъ богатыя помѣстья ([27]) и слушая ихъ разсказы о слабостяхъ Елены, о тиранствѣ Вельможъ, о неудовольствіи народа, Король замыслилъ вдругъ отнять у насъ всѣ Іоанновы и Василіевы пріобрѣтенія въ Литвѣ. Кіевскій Воевода, Андрей Нѣмировъ, со многочисленною ратію вступивъ въ предѣлы Сѣверскіе, осадилъ Стародубъ и выжегъ его предмѣстіе; но смѣлая вылазка Россіянъ, подъ начальствомъ храбраго мужа, Андрея Левина, такъ испугала Литовцевъ, что они ушли въ безпорядкѣ, а Намѣстникъ Стародубскій, Князь Александръ Кашинъ, прислалъ въ Москву 40 непріятельскихъ пушкарей со всѣмъ ихъ снарядомъ и съ знатнымъ чиновникомъ Суходольскимъ, взятымъ въ плѣнъ. Чтобы загладить первую неудачу, Литовцы сожгли худоукрѣпленный Радогощъ (гдѣ сгорѣлъ

Г. 1534. Война съ Литвою Сентября 3.

и мужественный Воевода Московскій, Матвѣй Лыковъ), плѣнили многихъ жителей, обступили Черниговъ и нѣсколько часовъ стрѣляли въ городъ изъ большихъ пушекъ. Тамъ былъ Воеводою Князь Θеодоръ Мезецкій, умный и бодрый. Онъ не далъ непріятелю приблизиться къ стѣнамъ, искусно дѣйствуя снарядомъ огнестрѣльнымъ; и когда пальба ночью затихла, выслалъ Черниговцевъ ударить на станъ Литовскій, гдѣ сіе неожидаемое нападеніе произвело страшную тревогу: томные, сонные Литовцы едва могли обороняться; во тьмѣ убивали другъ друга; бѣжали во всѣ стороны; оставили намъ въ добычу обозъ и пушки. На разсвѣтѣ уже не было ни одного непріятеля подъ городомъ: Сигизмундовъ Воевода съ отчаяніемъ и стыдомъ ушелъ въ Кіевъ. Такъ Король обманулся въ своей надеждѣ завоевать Украйну, беззащитную, какъ ему говорили наши измѣнники, Бѣльскій и Лятскій. Въ то же время другой Воевода его, Князь Александръ Вишневецкій,
13 Сентября. явился подъ стѣнами Смоленска: тамошній Намѣстникъ, Князь Никита Оболенскій, не далъ ему сжечь посада, отразилъ и гналъ его нѣсколько верстъ (28).

Узнавъ о сихъ непріятельскихъ дѣйствіяхъ, наша Боярская Дума, въ присутствіи юнаго Великаго Князя и Елены, требовала благословенія отъ Митрополита на

войну съ Литвою; а Митрополитъ, обратясь къ Державному младенцу, сказалъ: «Государь! защити себя и насъ. Дѣйствуй: «мы будемъ молиться. Гибель зачинающему, а въ правдѣ Богъ помощникъ!» Полки въ глубокую осень выступили изъ Москвы, съ двумя главными Воеводами, Князьями Михайломъ Горбатымъ и Никитою Оболенскимъ; любимецъ Елены, Телепневъ, желая славы мужества, велъ передовый полкъ. Отъ границъ Смоленска запылали села и предмѣстія городовъ Литовскихъ: Дубровны, Орши, Друцка, Борисова. Не встрѣчая непріятеля въ полѣ, и не занимаясь осадою крѣпостей, Воеводы Московскіе съ огнемъ и мечемъ дошли до Молодечны, гдѣ присоединился къ нимъ, съ Новогородцами и Псковитянами, Намѣстникъ Князь Борисъ Горбатый, опустошивъ всѣ мѣста вокругъ Полоцка, Витебска, Браславля. Не смотря на глубокіе снѣга и жестокіе морозы, они пошли къ Вильнѣ: тамъ находился самъ Король, встревоженный близостію враговъ; заботился, приказывалъ, и не могъ ничего сдѣлать Россіянамъ, коихъ было около 150,000 (29). Легкіе отряды ихъ жгли и грабили въ пятнадцати верстахъ отъ Вильны. Но Воеводы наши, довольные его ужасомъ и разореніемъ Литвы — истребивъ въ ней жилища и жителей, скотъ и хлѣбъ, до предѣловъ Ливо-

23 Октября.

ніи, — не потерявъ ни одного человѣка въ битвѣ, съ плѣнниками и добычею возвратились въ Россію, чрезъ область Псковскую, въ началѣ Марта. — Другіе Воеводы, Князья Ѳедоръ Телепневъ и Тростенскіе, ходили изъ Стародуба къ Мозырю, Турову, Могилеву, и съ такимъ же успѣхомъ: вездѣ жгли, убивали, плѣняли, и нигдѣ не сражались (30). Не личная слабость престарѣлаго Сигизмунда, но государственная слабость Литвы объясняетъ для насъ возможность такихъ истребительныхъ *воинскихъ прогулокъ.* Не было устроеннаго, всегдашняго войска; надлежало собирать его долго, и Правительство Литовское не имѣло способовъ нашего — то есть, сильнаго, твердаго Самодержавія; а Польша, съ своими вельможными Панами составляя еще особенное Королевство, неохотно вооружалась для защиты Литвы. Къ чести Россіянъ Лѣтописецъ сказываетъ, что они въ грабежахъ своихъ не касались церквей православныхъ, и многихъ единовѣрцевъ великодушно отпускали изъ плѣна.

Ислам господствуетъ въ Тавридѣ.

Слѣдствіемъ Литовскаго союза съ Ханомъ было то, что Царевичь Исламъ возсталъ на Саинъ-Гирея за Россію, какъ пишутъ (31), вспомнивъ старую съ нами дружбу; преклонилъ къ себѣ Вельможъ, свергнулъ Хана и началъ господствовать подъ именемъ Царя; а Саипъ засѣлъ въ Кир-

корѣ, объявивъ Ислама мятежникомъ, и надѣялся смирить его съ помощію Султана. Сія перемѣна казалась для насъ счастливою: Исламъ, боясь Турковъ, предложилъ тѣсный союзъ Великому Князю, и писалъ, что 20,000 Крымцевъ уже воюютъ Литву. Бояре Московскіе, нетерпѣливо желая воспользоваться такимъ добрымъ расположеніемъ новаго Хана, велѣли ѣхать Князю Александру Стригину Посломъ въ Тавриду: сей чиновникъ своевольно остался въ Новогородкѣ и написалъ къ Великому Князю, что Исламъ обманываетъ насъ: будучи единственно Калгою, именуется Царемъ, и не давно, въ присутствіи Литовскаго Посла Горностаевича, далъ Сигизмунду клятву быть врагомъ Россіи, исполняя волю Саипъ-Гирееву. Сіе извѣстіе было несправедливо: Стригину объявили гнѣвъ Государевъ, и вмѣсто его отправили Князя Мезецкаго къ Исламу, чтобы какъ можно скорѣе утвердить съ нимъ важный для насъ союзъ. Ханъ не замедлилъ прислать г. 1535.
въ Москву и договорную, *шертную* грамоту; но Бояре, увидѣвъ въ ней слова: «кто недругъ Великому Князю, а мнѣ «другъ, тотъ и ему другъ,» не хотѣли взять ее. Наконецъ Исламъ согласился исключить сіе оскорбительное для насъ условіе, клялся въ любви къ *младшему* своему брату Іоанну, и хвалился велико-

душнымъ безкорыстіемъ, увѣряя, что онъ презрѣлъ богатые дары Сигизмундовы, 10,000 золотыхъ и 200 поставовъ сукна; требовалъ отъ насъ благодарности, пушекъ, пятидесяти-тысячь *денегъ*, и жаловался, что Великій Князь не исполнилъ родительскаго духовнаго завѣщанія, коимъ будто бы умирающій Василій въ знакъ дружбы отказалъ ему (Исламу) половину казны своей. Ханъ ручался за безопасность нашихъ предѣловъ, извѣстивъ Государя, что Саипъ-Гиреевъ Вельможа, Князь Булгакъ, вышелъ изъ Перекопи съ толпами разбойниковъ, но конечно не посмѣетъ тревожить Россіи. Хотя Булгакъ, въ противность Исламову увѣренію, вмѣстѣ съ Дашковичемъ, Атаманомъ Днѣпровскихъ Козаковъ, нечаяннымъ впаденіемъ въ Сѣверскую область сдѣлалъ не мало вреда ея жителямъ; хотя Бояре Московскіе именемъ Великаго Князя жаловались на то Исламу: однакожь соблюдали умѣренность въ упрекахъ, не грозили ему местію, и показывали, что вѣрятъ его искренней къ намъ дружбѣ (32).

Тогда прибѣжали изъ Вильны въ Москву люди Князя Симеона Бѣльскаго и Лятцкаго: не хотѣвъ служить измѣнникамъ, они пограбили казну господъ своихъ, и донесли нашимъ Боярамъ, что Сигизмундъ шлетъ сильную рать къ Смоленску. Надлежало предупредить врага. Полки были готовы: Князь Василій Шуйскій, главный Воевода, съ Елепинымъ любимцемъ, Телепневымъ, который вторично принялъ начальство надъ передо-

вымъ отрядомъ, спѣшили встрѣтить непріятеля; нигдѣ не видали его, выжгли предмѣстіе Мстиславля, взяли острогъ, отправили плѣнниковъ въ Москву и шли безпрепятственно далѣе. Новогородцы и Псковитяне должны были съ другой стороны также вступить въ Литву, основать на берегахъ Себежскаго озера крѣпость и соединиться съ Шуйскимъ; но Предводители ихъ, Князь Борисъ Горбатый и Михайло Воронцовъ, только отчасти исполнили данное имъ повелѣніе: отрядивъ Воеводу Бутурлина съ Дѣтьми Боярскими къ Себежу, стали въ Опочкахъ, и не хотѣли соединиться съ Шуйскимъ (33). Бутурлинъ заложилъ Иваньгородъ на Себежѣ, въ землѣ Литовской какъ бы въ нашей собственной; укрѣпилъ его, наполнилъ всякими запасами, работалъ около мѣсяца: никто ему не противился; не было слуха о непріятелѣ. Строеніе крѣпости въ Литвѣ. Юня 29.

Однакожь Сигизмундъ не тратилъ времени въ бездѣйствіи: давъ Россіянамъ волю свирѣпствовать въ восточныхъ предѣлахъ Литвы, послалъ 40,000 воиновъ въ наши собственныя южныя владѣнія, и между тѣмъ, какъ Шуйскій жегъ окрестности Кричева, Радомля, Могилева, Воеводы Литовскіе, Панъ Юрій Радзивилъ, Андрей Нѣмировъ, Гетманъ Янъ Торновскій, Князь Илья Острожскій и нашъ измѣнникъ, Симеонъ Бѣльскій, шли къ Стародубу. Свѣ-

20 Августа. Набѣгъ Крымцевъ.

давъ о томъ, Московскіе Бояре немедленно выслали новые полки для защиты сего края; но вдругъ услышали, что 15,000 Крымцевъ стремятся къ берегамъ Оки; что Рязанскія села въ огнѣ и кровь жителей льется рѣкою; что Исламъ обманулъ насъ: прельщенный золотомъ Литовскимъ, услужилъ Королю симъ набѣгомъ, все еще именуясь Іоанновымъ союзникомъ, и безсовѣстно увѣряя, что не онъ, а Саипъ-Гирей воюетъ Россію (34). Пословъ Исламовыхъ взяли въ Москвѣ подъ стражу; немедленно возвратили шедшее къ Стародубу войско; собрали въ Коломнѣ нѣсколько тысячь людей. Князья Димитрій Бѣльскій и Мстиславскій отразили хищниковъ отъ береговъ Оки, гнались за ними, принудили ихъ бѣжать въ степи (35).

Литовцы берутъ Гомель и Стародубъ.

Но Литовцы, пользуясь содѣйствіемъ Крымцевъ и беззащитнымъ состояніемъ Малороссіи, приступили къ Гомелю: тутъ начальствовалъ малодушный Князь Оболенскій-Щепинъ: онъ ушелъ со всѣми людьми воинскими и съ огнестрѣльнымъ снарядомъ въ Москву, гдѣ ввергнули его въ темницу (36). Гомель сдался. Литовцы надѣялись взять и Стародубъ; но тамъ былъ достойный Вождь, Князь Ѳедоръ Телепневъ: мужественный отпоръ ежедневно

20 Августа.

стоилъ имъ крови. Воеводы Сигизмундовы рѣшились продлить осаду, сдѣлали тайный

подкопъ и взорвали стѣну: ужасный громъ потрясъ городъ; домы запылали; непріятель сквозь дымъ ворвался въ улицы. Князь Телепневъ съ своею дружиною оказалъ геройство; топталъ, гналъ Литовцевъ; два раза пробивался до ихъ стана: но стѣсненный густыми толпами пѣхоты и конницы, въ изнеможеніи силъ, былъ взятъ въ полонъ, вмѣстѣ съ Княземъ Ситцкимъ. Знатный мужъ, Князь Петръ Ромодановскій, палъ въ битвѣ; Никита Колычевъ умеръ отъ раны чрезъ два дни (37). 13,000 гражданъ обоего пола изгибло отъ пламени или меча; спаслися немногіе, и своими разсказами навели ужасъ на всю землю Сѣверскую. Въ Почепѣ, худо укрѣпленномъ, начальствовалъ бодрый Москвитянинъ Ѳедоръ Сукинъ: онъ сжегъ городъ, велѣвъ жителямъ удалиться и зарыть, чего они не могли взять съ собою. Литовцы, завоевавъ единственно кучи пепла, ушли во-свояси; а Шуйскій, предавъ огню всѣ мѣста вокругъ Княжичей, Шклова, Копоса, Орши, Дубровны, отступилъ къ Смоленску. Сентяб.

Число враговъ нашихъ еще умножилось новою измѣною Казани. Недовольные, какъ и всегда, господствомъ Россіи надъ ними; возбуждаемые къ бунту Саипъ-Гиреемъ; презирая юнаго Царя своего, и думая, что Россія съ Государемъ-младенцемъ ослабѣла и въ ея внутреннихъ силахъ, тамошніе Мятежъ Казани.

Вельможи, подъ руководствомъ Царевны Горшадны (38) и Князя Булата, свергнули, умертвили Еналея за городомъ на берегу Казанки, и снова призвавъ къ себѣ Сафа-Гирея изъ Тавриды, чтобы возстановить ихъ свободу и независимость, женили его на Еналеевой супругѣ, дочери Князя Ногайскаго, Юсуфа. Желая узнать обстоятельства сей перемѣны, Бояре послали гонца въ Казань съ письмами къ Царевнѣ и къ Уланамъ: онъ еще не возвратился, когда наши служивые Городецкіе Татары привезли вѣсть, что многіе изъ знатныхъ людей Казанскихъ тайно видѣлись съ ними на берегу Волги; что они не довольны Царевною и Княземъ Булатомъ, имѣютъ до пятисотъ единомышленниковъ, хотятъ остаться вѣрными Россіи и надѣются изгнать Сафа-Гирея, ежели Великій Князь освободитъ Шигъ-Алея и торжественно объявитъ его ихъ Царемъ (39). Бояре совѣтовали Еленѣ немедленно послать за Шигъ-Алеемъ, который все еще сидѣлъ въ заключеніи на Бѣлѣозерѣ: ему объявили Государеву милость, велѣли ѣхать въ Москву и явиться во дворцѣ (40). Опишемъ достопамятныя подробности сего представленія.

Шигъ-Алей въ милости.

Шестилѣтній Великій Князь сидѣлъ на тронѣ: Алей, обрадованный счастливою перемѣною судьбы своей, палъ ницъ, и стоя на колѣнахъ, говорилъ рѣчь о благодѣя-

ніяхъ къ нему отца Іоаннова, винился въ гордости, въ лукавствѣ, въ злыхъ умыслахъ; славилъ великодушіе Іоанна и плакалъ. На него надѣли богатую шубу (41). Онъ желалъ представиться и Великой Княгинѣ. Василій Шуйскій и Конюшій Телепневъ встрѣтили Алея у саней. Государь находился у матери, въ палатѣ Св. Лазаря. Подлѣ Елены сидѣли знатныя Боярыни (42); далѣе, съ обѣихъ сторонъ, Бояре. Самъ Іоаннъ принялъ Царя въ сѣняхъ и ввелъ къ Государынѣ. Ударивъ ей челомъ въ землю, Алей снова клялъ свою неблагодарность, назывался холопомъ, завидовалъ брату Еналею, умершему за Великаго Князя, и желалъ себѣ такой же участи, чтобы загладить преступленіе (43). Вмѣсто Елены отвѣчалъ ему сановникъ Карповъ, гордо и милостиво. «Царь Шигъ-Алей!» сказалъ онъ: «Василій Іоанновичь возложилъ на тебя опалу: Іоаннъ и Елена простили вину «твою. Ты удостоился видѣть лице ихъ! «Дозволяемъ тебѣ забыть минувшее; но «помни новый обѣтъ вѣрности!» Алея отпустили съ честію и съ дарами. Жена его, Фатьма-Салтанъ, встрѣченная у саней Боярынями (44), а въ сѣняхъ самою Еленою, обѣдала у нее въ палатѣ. Іоаннъ привѣтствовалъ гостью на языкѣ Татарскомъ и сидѣлъ за особеннымъ столомъ съ Вельможами: Царица же съ Великою Княгинею и

Г. 1536 Генв. 9.

съ Боярынями. Служили Стольники и Чашники. Князь Рѣпнинъ былъ Кравчимъ Фатьмы. Елена въ концѣ обѣда подала ей чашу и — никогда, по сказанію Лѣтописцевъ, не бывало великолѣпнѣйшей трапезы при Дворѣ Московскомъ. Правительница любила пышность и не упускала случая показывать, что въ ея рукѣ Держава Россіи (45).

Война съ Казанью.

Между тѣмъ война съ Казанью началася: ибо заговоръ нѣкоторыхъ Вельможъ ея противъ Сафа-Гирея не имѣлъ дѣйствія, и сей Царь отвѣтствовалъ грубо на письмо Іоанново (46). Московскіе Полководцы, Князь Гундоровъ и Замыцкій, должны были итти изъ Мещеры на Казанскую землю; но встрѣтивъ Татаръ близъ Волги, ушли назадъ и даже не извѣстили Государя о непріятелѣ, который, нечаянно вступивъ въ Нижегородскую область, злодѣйствовалъ въ ней свободно. Жители Балахны, имѣя болѣе храбрости, нежели искусства, вышли въ поле, и были разбиты. Воеводы Нижегородскіе сошлись съ Татарами подъ Лысковымъ: ни тѣ, ни другіе не хотѣли битвы; пользуясь темнотою ночи, Казанцы и Россіяне бѣжали въ разныя стороны. Сіе малодушіе Московскихъ Военачальниковъ требовало примѣра строгости: Князя Гундорова и Замыцкаго посадили въ темницу, а на ихъ мѣсто отправили Сабурова и Кар-

нова, которые одержали наконецъ побѣду надъ многочисленными Казанскими и Черемисскими толпами въ Коряковѣ. Плѣнниковъ отослали въ Москву, гдѣ ихъ, какъ вѣроломныхъ мятежниковъ, всѣхъ безъ исключенія осудили на смерть (47).

Война Литовская продолжалась для насъ съ успѣхомъ, и существованіе новой Себежской крѣпости утвердилось знаменитою побѣдою. Сигизмундъ не могъ равнодушно видѣть сію крѣпость въ своихъ предѣлахъ: онъ велѣлъ Кіевскому Намѣстнику Нѣмирову взять ее, чего бы то ни стоило. Войско его, составленное изъ 20,000 Литовцевъ и Поляковъ, обступило городъ. Началась ужасная пальба; земля дрожала, но стѣны были невредимы: худые пушкари Литовскіе, вмѣсто непріятелей, били своихъ; ядра летѣли вправо и влѣво: ни одно не упало въ крѣпость. Россіяне же стрѣляли мѣтко и сдѣлали удачную вылазку. Осаждающіе пятились къ озеру, коего ледъ съ трескомъ обломился подъ ними. Тутъ Воеводы Себежскіе, Князь Засѣкинъ и Тушинъ, не дали имъ опомниться: ударили, смяли, топили несчастныхъ Литовцевъ; взяли ихъ знамена, пушки, и едва не всѣхъ истребили. Нѣмировъ на борзомъ конѣ ускакалъ отъ плѣна, чтобы донести старцу Сигизмунду о гибели его войска — и какъ сѣтовали въ Кіевѣ, въ Вильнѣ, въ Краковѣ,

Побѣда надъ Литвою.

27 Февраля.

такъ веселились въ Москвѣ; показывали народу трофеи — честили, славили мужественныхъ Воеводъ. Елена, въ память сего блестящаго успѣха, велѣла соорудить церковь Живоначальной Троицы въ Себежѣ ([48]). Мы не давали покоя Литвѣ: возобновивъ Почепъ, Стародубъ, — основавъ на ея землѣ, въ Ржевскомъ Уѣздѣ, городъ Заволочье и Велижъ въ Торопецкомъ, Князья Горенскій и Барбашевъ выжгли посады Любеча, Витебска, взяли множество плѣнниковъ и всякой добычи ([49]).

Крѣпости на Литовской границѣ.

Слѣдуя правиламъ Іоанна и Василія, Дума Боярская не хотѣла дѣйствовать наступательно противъ Хана. Толпы его разбойниковъ являлись на берегахъ Быстрой Сосны и немедленно уходили, когда показывалось наше войско ([50]). Онѣ дерзнули (въ Апрѣлѣ 1536 года) приступить къ Бѣлеву; но тамошній Воевода разбилъ ихъ на голову ([51]). Хотя Исламъ, осыпанный Королевскими дарами, примирился-было съ Саипъ-Гиреемъ, чтобы вмѣстѣ тревожить Россію нападеніями: однакожь, уступая ему имя Царя, не уступалъ власти; началась новая ссора между ими, и вѣроломный Исламъ отправлялъ въ Москву гонца за гонцемъ съ дружескими письмами, изъявляя ненависть къ Саипу и къ Царю Казанскому Сафа-Гирею ([52]).

Уже Сигизмундъ — видя, что Россія и

съ Государемъ-младенцемъ сильнѣе Литвы — думалъ о мирѣ; изъявлялъ негодованіе нашимъ измѣнникамъ: держалъ Лятцкаго подъ стражею (53), и столь немилостиво обходился съ Княземъ Симеономъ Бѣльскимъ, что онъ, пылая ненавистію къ Россіи, съ досады уѣхалъ въ Константинополь, искать защиты и покровительства Султанова. Еще въ Февралѣ 1536 года Королевскій Вельможа, Панъ Юрій Радзивилъ, писалъ къ любимцу Елены, Князю Телепневу (чрезъ его брата, бывшаго Литовскимъ плѣнникомъ) о пользѣ мира для обѣихъ Державъ: Телепневъ отвѣтствовалъ, что Іоаннъ не врагъ тишины (54). Но долго спорили о мѣстѣ переговоровъ. Сигизмундъ, приславъ знатнаго чиновника поздравить Іоанна съ восшествіемъ на тронъ, желалъ, чтобы онъ, будучи юнѣйшимъ, изъ уваженія къ его лѣтамъ отправилъ своихъ Вельможъ въ Литву для заключенія мира; а Бояре Московскіе считали то несогласнымъ съ нашимъ государственнымъ достоинствомъ. Сигизмундъ долженъ былъ уступить, и въ началѣ 1537 года пріѣхалъ въ Москву Янъ Глѣбовичь, Полоцкій Воевода, съ четырмя стами знатныхъ Дворянъ и слугъ. Слѣдуя обыкновенію, обѣ стороны требовали невозможнаго: Литовцы Новагорода и Смоленска, мы Кіева и всей Бѣлоруссіи; не только спорили, но и бранились; устали, и

Перемиріе съ Литвою.

г. 1537.

рѣшились заключить единственно перемиріе на пять лѣтъ, съ условіемъ, чтобы мы владѣли новыми крѣпостями, Себежемъ и Заволочьемъ, а Литва Гомелемъ (55). Слѣдственно война кончилась уступкою и пріобрѣтеніемъ съ обѣихъ сторонъ, хотя и неважнымъ. Бояринъ Морозовъ и Князь Палецкій отвезли перемирную грамоту къ Сигизмунду. Они не могли склонить его къ освобожденію плѣнныхъ Россіянъ. Дозволивъ Великокняжескимъ Посламъ свободно ѣздить чрезъ Литву къ Императору и Королю Венгерскому, Сигизмундъ не согласился пропустить Молдавскаго чиновника къ намъ, сказавъ, что Воевода Петръ есть мятежникъ и злодѣй Польши (56).

Дѣла Крымскія. Если Политика Великихъ Князей не терпѣла согласія Литвы съ Ханами Крымскими, всячески питая вражду между ими: то и Крымцы не любили видѣть насъ въ мирѣ съ Литвою, ибо война представляла имъ удобность къ грабежу въ нашихъ и Королевскихъ областяхъ. Исламъ, съ неудовольствіемъ свѣдавъ о мирныхъ переговорахъ, увѣрялъ Іоанна въ своей готовности наступить на Короля всѣми силами, и, въ доказательство ревностной къ намъ дружбы, увѣдомлялъ, что Князь Симеонъ Бѣльскій, пріѣхавъ изъ Константинополя въ Тавриду, хвалится съ помощію Султана завоевать Россію (57). «Остерегись,» писалъ

Исламъ: «властолюбіе и коварство Солимана мнѣ извѣстны: ему хочется поработить «и Сѣверныя земли Христіанскія, твою и «Литовскую. Онъ велѣлъ Пашамъ и Саипъ-Гирею собирать многочисленное войско, «чтобы измѣнникъ твой, Бѣльскій, шелъ «съ нимъ на Россію. Одинъ я стою въ друж«бѣ къ тебѣ и мѣшаю ихъ замыслу.» Бѣльскій дѣйствительно искалъ гибели отечества, и чтобы злодѣйствовать тѣмъ безопаснѣе, хотѣлъ усыпить Правительницу увѣреніями въ его раскаяніи: писалъ къ ней и требовалъ себѣ *опасной грамоты*, обѣщаясь немедленно быть въ Москвѣ, чтобы загладить вину своего бѣгства усердною службою. Могъ ли такой преступникъ ждать милосердія отъ Елены? Сіе мнимое раскаяніе было новымъ коварствомъ, и Правительство наше не усомнилось также прибѣгнуть къ обману, чтобы наказать злодѣя. Именемъ Іоанновымъ Бояре отвѣтствовали ему, что преступленіе его, извиняемое юностію лѣтъ, забывается навѣки; что и въ древнія времена многіе знаменитые люди уходили въ чужія земли, возвращались и снова пользовались милостію Великихъ Князей; что Іоаннъ съ любовію встрѣтитъ родственника, исправленнаго лѣтами и опытностію (58). Въ то же время послали изъ Москвы гонца и дары къ Исламу, съ убѣдительнымъ требованіемъ, Смерть Ислама.

чтобы онъ выдалъ намъ или умертвилъ сего измѣнника. Но Ислама не стало: одинъ изъ Князей Ногайскихъ, Багый, другъ Саипъ-Гиреевъ, въ нечаянномъ нападеніи убилъ его, и плѣнивъ многихъ Крымцевъ, захватилъ между ими и Бѣльскаго, спасеннаго Судьбою для новыхъ преступленій: ибо Елена и Бояре тщетно хотѣли выкупить его, посылая деньги въ Ногайскіе Улусы будто бы отъ матери и братьевъ Симеоновыхъ: Князь Багый, въ угодность Хану, отослалъ къ нему сего важнаго плѣнника какъ его друга (59).

Смерть Исламова и возстановленное тѣмъ единовластіе Саипъ-Гирея въ Тавридѣ были для насъ весьма непріятны. Исламъ вѣроломствовалъ, но будучи врагомъ сверженнаго имъ Хана и Казанскаго Царя, находилъ собственныя выгоды въ союзѣ съ Россіею; а Саипъ-Гирей, покровительствуемый Султаномъ, имѣлъ тѣсную связь съ мятежною Казанью, и не безъ досады видѣлъ нашу дружбу къ Исламу, хотя мы, болѣе уважая послѣдняго какъ сильнѣйшаго, отъ времени до времени писали ласковыя грамоты и къ Саипу (60). Ханъ не замедлилъ оскорбить Великаго Князя: ограбилъ Посла Московскаго въ Тавридѣ; однакожь, какъ бы удовольствованный сею мес-
Угрозы стію, извѣстилъ насъ о гибели своего зло-
Саипъ- дѣя и предлагалъ Іоанну братство, желая

даровъ и *запрещая* ему тревожить Казань. Гирея.
«Я готовъ жить съ тобою въ любви» — велѣлъ онъ сказать Великому Князю — «и г. 1538.
«прислать въ Москву одного изъ знатнѣйшихъ Вельможъ своихъ, если ты пришлешь ко мнѣ или Князя Василія Шуйскаго, или Конюшаго Телепнева, примиришься «съ *моею* Казанью и не будешь требовать «дани съ ея народа; но если дерзнешь воевать, то не хотимъ видѣть ни Пословъ, ни «гонцевъ твоихъ: мы непріятели; вступимъ «въ землю Русскую, и все будетъ въ ней «прахомъ» ([61])!

Въ сіе время полки наши готовились итти на Казань. Ея хищники, разсѣянные близъ Волги вѣрными Мещерскими Козаками, одержали верхъ надъ двумя Воеводами Московскими, Сабуровымъ и Княземъ Засѣкинымъ Пестрымъ, убитымъ въ сраженіи между Галичемъ и Костромою; а въ Генварѣ 1537 года самъ Царь Казанскій нечаянно подступилъ къ Мурому, сжегъ предмѣстіе, не взялъ города и бѣжалъ, увидѣвъ вдали наши знамена ([62]). Елена и Бояре, уже не опасаясь Литвы, хотѣли сильно дѣйствовать противъ Казани, отвергнувъ всѣ мирныя предложенія Сафа-Гирея; но угрозы Хана казались столь важными, что Государственный нашъ Совѣтъ рѣшился отложить войну, извѣстивъ Саипъ-Гирея и Казанскаго Царя о согласіи Великаго Кня-

зя на миръ, съ условіемъ, чтобы Сафа-Гирей остался присяжникомъ Россіи. Бояре отвѣтствовали Хану именемъ Іоанна: «Ты «называешь Казань *своею;* но загляни въ «*старыя лѣтописи:* не тому ли всегда при«надлежитъ Царство, кто завоевалъ его? «Можно отдать оное другому; но сей бу«детъ уже подданнымъ перваго, какъ вер«ховнаго Владыки. Говоря о твоихъ мни«мыхъ правахъ, молчишь о существенныхъ «правахъ Россіи. Казань наша, ибо дѣдъ «мой покорилъ ее; а вы только обманомъ и «коварствомъ присвоивали себѣ временное «господство надъ нею. Да будетъ все по «старому, и мы останемся въ братствѣ съ «тобою, забывая вины Сафа-Гиреевы. От«правимъ къ тебѣ знатнаго Посла, но не «Шуйскаго и не Телепнева, которые по «моей юности необходимы въ Государствен«ной Думѣ (63).»

Симъ заключились дѣла внѣшней Политики Еленина правленія, ознаменованнаго и нѣкоторыми внутренними полезными учрежденіями, въ особенности строеніемъ новыхъ крѣпостей, нужныхъ для безопасности Россіи.

Строеніе Китая города и новыхъ крѣпостей.

Еще Великій Князь Василій, находя Кремль тѣснымъ для многолюдства Московскаго и недостаточнымъ для защиты онаго въ случаѣ непріятельскаго нашествія, хотѣлъ оградить столицу новою, об-

ширнѣйшею стѣною. Елена исполнила его намѣреніе, и въ 1534 году, Маія 20, начали копать глубокій ровъ отъ Неглинной вокругъ посада, (гдѣ были всѣ купеческія лавки и торги) къ Москвѣ-рѣкѣ черезъ площадь Троицкую (мѣсто судныхъ поединковъ) и Васильевскій лугъ. Работали слуги придворные, Митрополитовы, Боярскіе и всѣ жители безъ исключенія, кромѣ чиновниковъ или знатныхъ гражданъ, и въ Іюнѣ кончили; а въ слѣдующемъ году, Маія 16, послѣ крестнаго хода и молебна, отпѣтаго Митрополитомъ, Петрокъ Малой, *новокрещеный* Италіянецъ, заложилъ около рва каменную стѣну и четыре башни съ воротами Срѣтенскими (Никольскими), Троицкими (Ильинскими), Всесвятскими (Варварскими) и Козмодемьянскими на Великой улицѣ (64). Сей городъ былъ названъ по-Татарски *Китаемъ* или *среднимъ*, какъ изъясняютъ (65). — Кромѣ двухъ крѣпостей на Литовской границѣ, Елена основала 1) въ Мещерѣ городъ Мокшанъ, на мѣстѣ издревле именуемомъ *Мурунза;* 2) Буйгородъ въ Костромскомъ Уѣздѣ; 3) крѣпость Балахну у *Соли*, гдѣ прежде находился посадъ; 4) Пронскъ на старомъ городищѣ. Владиміръ, Ярославль, Тверь, пожаромъ обращенные въ пепелъ, были снова выстроены; Темниковъ перенесенъ на удобнѣйшее мѣсто; Устюгъ и Софійскую сторону въ Новѣгородѣ окружили стѣнами; Вологду укрѣпили и распространили. Правительница, зная главную потребность Государства столь обширнаго и столь мало населеннаго, вы-

зывала жителей изъ Литвы, давала имъ земли, преимущества, льготу, и не жалѣла казны для искупленія многихъ Россіянъ, увлекаемыхъ Татарами въ плѣнъ: для чего требовала вспоможенія отъ Духовенства и богатыхъ монастырей. На примѣръ, Архіепископъ Макарій (въ 1534 году) послалъ ей съ своей Епархіи 700 рублей, говоря: «душа человѣческая дороже золота.» Сей умный Владыка Новогородскій, пользуясь уваженіемъ Двора, ѣздилъ въ Москву не только молиться съ Митрополитомъ о благоденствіи Россіи, но и способствовать оному мудрыми совѣтами въ Государственной Думѣ ([66]).

Перемѣна въ цѣнѣ монеты. Къ чести Еленина правленія Лѣтописцы относятъ еще перемѣну въ цѣнѣ государственной монеты, вынужденную обстоятельствами. Изъ фунта серебра дѣлали прежде обыкновеннно *пять рублей и двѣ гривны;* но корыстолюбіе изобрѣло обманъ: стали обрѣзывать и переливать деньги для подмѣси, такъ, что изъ фунта серебра выходило уже десять рублей. Многіе люди богатѣли симъ ремесломъ и произвели безпорядокъ въ торговлѣ: цѣны измѣнились, возвысились; продавецъ боялся обмана, вѣсилъ, испытывалъ монету, или требовалъ клятвы отъ купца, что она не поддѣльная. Елена запретила ходъ обрѣзныхъ, нечистыхъ и всѣхъ старыхъ денегъ; ука-

зала перелить ихъ и чеканить изъ фунта *шесть рублей* безъ всякаго примѣса; а *поддѣльщиковъ* и *обрѣзчиковъ* велѣла казнить (имъ лили растопленное олово въ ротъ и отсѣкали руки). — Изображеніе на монетахъ осталось прежнее: Великій Князь на конѣ, но не съ мечемъ въ рукѣ, какъ дотолѣ, а съ *копіемъ*: отъ чего стали онѣ именоваться *копейками* (67).

Общая нелюбовь къ Еленѣ.

Но Елена ни благоразуміемъ своей внѣшней Политики, ни многими достохвальными дѣлами внутри Государства не могла угодить народу: тиранство и беззаконная, уже всѣмъ явная любовь ея къ Князю Ивану Телепневу-Оболенскому возбуждали къ ней ненависть и даже презрѣніе, отъ коего ни власть, ни строгость не спасаютъ Вѣнценосца, если святая добродѣтель отвращаетъ отъ него лице свое. Народъ безмолвствовалъ на стогнахъ: тѣмъ болѣе говорили въ тѣсномъ, для тирановъ непроницаемомъ кругу семействъ и дружества о несчастіи видѣть соблазнъ на тронѣ (68). Правительница, желая обмануть людей и совѣсть, часто ѣздила съ Великимъ Княземъ на богомолье въ монастыри (69); но лицемѣріе, хитрость слабодушныхъ, заслуживаетъ единственно хвалу лицемѣрную и бываетъ предъ неумолимымъ судилищемъ нравственности новымъ обвиненіемъ. — Ко гласу оскорбляемой добродѣтели при-

ГЛАВА II.

Продолженіе государствованія Іоанна IV.

Г. 1538—1547.

Паденіе и смерть К. Телепнева. Господство К. Василія Шуйскаго. Освобожденіе К. Ивана Бѣльскаго и Андрея Шуйскаго. Смута Боярская. К. Иванъ Бѣльскій снова заключенъ. Смерть К. Василія Шуйскаго. Господство его брата. Сверженіе Митрополита: избраніе Іоасафа. Характеръ К. Ивана Шуйскаго и грабежи внутри Государства. Набѣги внѣшнихъ непріятелей. Посольства въ Царьградъ, въ Стокгольмъ. Договоръ съ Ганзою. Союзъ съ Астраханью. Посольства Ногайскія. Заговоръ противъ Шуйскаго. Освобожденіе К. Ивана Бѣльскаго и власть его. Прощеніе К. Владиміра Андреевича и его матери. Облегчаютъ судьбу К. Димитрія Углицкаго. Прощеніе К. Симеона Бѣльскаго. Впаденіе Царя Казанскаго. Нашествіе Хана Крымскаго. Великодушіе народа и войска. Бѣгство непріятеля. Смута Бояръ: паденіе К. Ивана Бѣльскаго. Ссылка Митрополита. Новое господство К. Ивана Шуйскаго. Посвященіе Макарія. Перемиріе съ Литвою. Набѣги Крымцевъ, Ногаевъ. Дѣла Казанскія Сношенія съ Астраханью, съ Молдавіею. Перемѣна въ Правленіи. Наглость Шуйскихъ. Худое воспитаніе Іоанна. Заговоръ

противъ главныхъ Вельможъ. Паденіе Шуйскихъ. Власть Глинскихъ. Жестокость Правленія. Доброе согласіе съ Литвою. Рать на Казань. Шигъ-Алей Царемъ въ Казани и бѣжитъ оттуда. Походъ къ устью Свіяги. Путешествія Великаго Князя и неудовольствія народа.

Нѣсколько дней протекло въ неизвѣстности и въ тишинѣ для народа, въ тайныхъ совѣщаніяхъ и въ козняхъ для Вельможъ честолюбивыхъ. Доселѣ Правительница замѣняла Государя: настало время совершенной Аристократіи или Державства Бояръ при семилѣтнемъ Государѣ. Не многіе изъ нихъ смѣли желать верховнаго владычества надъ Россіею: прочіе готовились единственно взять сторону того или другаго на выгоднѣйшихъ для своей личной пользы условіяхъ. Любимецъ Еленинъ, Князь Иванъ Телепневъ, не дремалъ въ бездѣйствіи: будучи другомъ и братомъ Іоанновой надзирательницы, Боярыни Агриппины Челядниной, онъ думалъ овладѣть юнымъ Монархомъ, не отходилъ отъ него, ласкался къ нему, и надѣялся на усердіе своихъ бывшихъ друзей; но число ихъ, съ перемѣною обстоятельствъ, уменшилось и ревность охладѣла. Внезапная кончина Еленина — и не естественная, какъ мнили — предвѣщала явленіе новыхъ, сильнѣйшихъ Вастителей: чтобы узнать, кто могъ быть ея тайнымъ виновникомъ,

Г. 1538. Паденіе и смерть К. Телепнева.

любопытные ждали, кто воспользуется оною? Сіе справедливое, или, не смотря на вѣроятность (какъ часто бываетъ), ложное подозрѣніе обратилось на старѣйшаго Боярина, Василія Васильевича Шуйскаго, потомка Князей Суздальскихъ, изгнанныхъ еще сыномъ Донскаго изъ ихъ наслѣдственнаго владѣнія: злобствуя на Московскихъ Государей, они служили Новугороду, и въ послѣдній день его свободы Князь Шуйскій-Гребенка былъ тамъ главнымъ Воеводою ([72]). Видя рѣшительное торжество Самодержавія въ Россіи, сіи изгнанники, одинъ за другимъ, вступили въ службу Московскую и были знаменитѣйшими Вельможами. Князь Василій Васильевичь, занимавъ первое мѣсто въ Совѣтѣ при отцѣ Іоанновомъ ([73]), занималъ оное и при Еленѣ, и тѣмъ болѣе ненавидѣлъ ея временщика, который, уступая ему наружную честь, исключительно господствовалъ надъ Думою. Изготовивъ средства успѣха, преклонивъ къ себѣ многихъ Бояръ и чиновниковъ, сей властолюбивый Князь жестокимъ дѣйствіемъ самовольства и насилія объявилъ себя Главою Правленія: въ седьмый день по кончинѣ Елениной велѣлъ схватить любезнѣйшихъ юному Іоанну особъ: его надзирательницу, Боярыню Агриппину, и брата ея, Князя Телепнева,—оковать цѣпями, заключить въ темницу, не смотря на слезы, на вопль Державнаго, беззащитнаго отрока. Не судъ и не праведная, но беззаконная, лютая казнь была жребіемъ несчастнаго Вельможи, коему за недѣлю

предъ тѣмъ раболѣпствовали всѣ Князья и Бояре. Телепнева уморили голодомъ, какъ Правительница или самъ онъ уморилъ Глинскаго и дядей Іоанновыхъ; но злодѣйство не оправдываетъ злодѣйства, и Лѣтописцы осуждаютъ сію личную месть, внушенную завистію къ бывшему любимцу Елены, который хотѣлъ быть и любимцемъ сына ея ([74]). Телепневъ имѣлъ умъ, дѣятельность, благородное честолюбіе; не боялся оставлять Двора для войны, и еще не довольный властію, хотѣлъ славы, которую даютъ дѣла, а не милость Государей. Сестру его, Боярыню Агриппину, сослали въ Каргополь и постригли въ Монахини. Дума, Государство и самъ Государь сдѣлались подвластны Василію Шуйскому и брату его, Князю Ивану, также знаменитому Члену Совѣта, гдѣ только одинъ Бояринъ могъ спорить съ ними о старѣйшинствѣ, Князь Димитрій Бѣльскій, родственникъ Іоанновъ: они искали его дружбы. Братъ Димитріевъ, Князь Иванъ Ѳедоровичь, и Шуйскій, Андрей Михайловичь, сидѣли въ темницѣ: ихъ вмѣстѣ освободили съ честію какъ невинныхъ; первый занялъ въ Думѣ свое прежнее мѣсто; втораго пожаловали въ Бояре ([75]). Ослѣпленный гордостію, Князь Василій Шуйскій хотѣлъ утвердить себя на вышней степени Трона свойствомъ съ Государемъ, и будучи вдовцемъ

Господство К. Василія Шуйскаго.

Освобожденіе К. Ивана Бѣльскаго и Андрея Шуйскаго.

лѣтъ пятидесяти или болѣе, женился на юной сестрѣ Іоанновой, Анастасіи, дочери Петра, Казанскаго Царевича ([76]). Но безпрекословное владычество сего Вельможи продолжалось только мѣсяцевъ шесть: Князь Иванъ Бѣльскій, имъ освобожденный, сдѣлался его непріятелемъ, будучи въ согласіи съ Митрополитомъ Даніиломъ, съ Дворецкимъ Михайломъ Тучковымъ и съ иными важными сановниками. Началось тѣмъ, что Бѣльскій просилъ юнаго Іоанна дать Князю Юрію Булгакову-Голицину Боярство, а сыну знаменитаго Хабара Симскаго ([77]) санъ Окольничаго, не сказавъ ни слова Шуйскимъ, которые воспылали гнѣвомъ. Вражда усилилась бранью: съ одной стороны говорили о подлой неблагодарности, о гнусныхъ козняхъ; съ другой о самовластіи, о тиранствѣ. Наконецъ Шуйскіе доказали свое могущество: снова заключили Князя Ивана Бѣльскаго въ темницу, совѣтниковъ его разослали по деревнямъ, а главному изъ нихъ, Дьяку Ѳедору Мишурину, измученному воинами, раздѣтому, обнаженному, отсѣкли голову на плахѣ предъ городскою тюрмою ([78]). Все сіе дѣлалось именемъ Шуйскихъ и Бояръ, имъ преданныхъ, а не именемъ Государя: то есть, беззаконно и нагло. Достойно замѣчанія, что старшій Князь Бѣльскій, Димитрій, опять не имѣлъ участія въ бѣд-

Смута Боярская. К. Иванъ Бѣльскій снова заключенъ.

ственной судьбѣ брата, спасаемый, какъ вѣроятно, своимъ осторожнымъ, спокойнымъ характеромъ.

Уже самовластный Вельможа, Князь Василій, считалъ себя какъ бы Царемъ Россіи: вдругъ узнали объ его болѣзни и смерти, которая могла быть естественною, но безъ сомнѣнія служила поводомъ къ разнымъ догадкамъ и заключеніямъ (79). Явивъ суетность властолюбія, она не исправила Бояръ Московскихъ, и братъ Василіевъ, Князь Иванъ Шуйскій, ставъ ихъ Главою, мыслилъ единственно о томъ, чтобы довершить месть надъ врагами и сдѣлать, чего не успѣлъ или не дерзнулъ исполнить умершій братъ его. Ни святость Сана, ни хитрость ума не спасли Митрополита Даніила: замышлявъ съ Княземъ Иваномъ Бѣльскимъ свергнуть Шуйскихъ, онъ самъ былъ сверженъ съ Митрополіи указомъ Боярскимъ и сосланъ въ монастырь Іосифовъ (80), гдѣ строгою, постною жизнію имѣлъ способъ загладить грѣхи своего придворнаго честолюбія и раболѣпства. Опасаясь упрековъ въ беззаконіи, Вельможи взяли съ Даніила запись, коею сей бывшій Архипастырь будто бы добровольно отказался отъ Святительства, чтобы молиться въ тишинѣ уединенія о Государѣ и Государствѣ. На его мѣсто Епископы поставили — *судьбами Божественными*

Смерть К. Василія Шуйскаго

г. 1539. Сверженіе Митрополита.

Избраніе Іоасафа.

Великокняжескимъ (то есть, Боярскимъ) *изволеніемъ*, какъ сказано въ лѣтописи — Іоасафа Скрыпицына, Игумена Троицкаго.

Характеръ К. Ивана Шуйскаго и грабежи внутри Государства.

Среди такихъ волненій и безпокойствъ, производимыхъ личнымъ властолюбіемъ Бояръ, Правительство могло ли имѣть надлежащую твердость, единство, неусыпность для внутренняго благоустройства и внѣшней безопасности? Главный Вельможа, Князь Иванъ Шуйскій, не оказывалъ въ дѣлахъ ни ума государственнаго, ни любви къ добру; былъ единственно грубымъ самолюбцемъ; хотѣлъ только помощниковъ, но не терпѣлъ совмѣстниковъ; повелѣвалъ въ Думѣ какъ Деспотъ, а во дворцѣ какъ хозяинъ, и величался до нахальства; на примѣръ, никогда не стоялъ предъ юнымъ Іоанномъ, садился у него въ спальнѣ, опирался локтемъ о постелю, клалъ ноги на кресла Государевы (81); однимъ словомъ, изъявлялъ всю низкую, малодушную спесь раба-господина. Упрекали Шуйскаго и въ гнусномъ корыстолюбіи; писали, что онъ расхитилъ казну и наковалъ себѣ изъ ея золота множество сосудовъ, велѣлъ вырѣзать на нихъ имена своихъ предковъ. По крайней мѣрѣ его ближніе, клевреты, угодники грабили безъ милосердія во всѣхъ областяхъ, гдѣ давались имъ нажиточныя мѣста или должности государственныя. Такъ Бояринъ Ан-

дрей Михайловичь Шуйскій и Князь Василій Рѣпнинъ-Оболенскій, будучи Намѣстниками во Псковѣ, *свирѣпствовали какъ львы*, по выраженію современника: не только угнетали земледѣльцевъ, граждан безаконными налогами, вымышляли преступленія, ободряли лживыхъ доносителей, возобновляли дѣла старыя, требовали даровъ отъ богатыхъ, безденежной работы отъ бѣдныхъ: но и въ самыхъ святыхъ Обителяхъ искали добычи съ лютостію Могольскихъ хищниковъ; жители пригородовъ не смѣли ѣздить во Псковъ какъ въ вертепъ разбойниковъ; многіе люди бѣжали въ иныя страны; торжища и монастыри опустѣли. — Къ сему ужасному бѣдствію неправосудія и насилія присоединялись частые, опустошительные набѣги внѣшнихъ разбойниковъ. Мы были — говорятъ Лѣтописцы — жертвою и посмѣшищемъ невѣрныхъ: Ханъ Крымскій давалъ намъ законы, Царь Казанскій насъ обманывалъ и грабилъ. Первый, задержавъ Великокняжескаго чиновника, посланнаго къ Господарю Молдавскому, писалъ къ Іоанну: «Я сдѣлалъ то, что вы «нѣсколько разъ дѣлали. Отецъ и мать «твоя, не разумѣя государственныхъ уста«вовъ, ловили, злодѣйски убивали моихъ «Пословъ на пути въ Казань: я также «имѣю право мѣшать твому сообщенію съ

Набѣги внѣшнихъ непріятелей.

«моимъ недругомъ Молдавскимъ. Ты хочешь «отъ меня пріязни: для чего же изъясняешься «грубо? Знаешь ли, что у меня болѣе ста ты-«сячь воиновъ? Если каждый изъ нихъ плѣнитъ «хотя одного Русскаго, сколько тебѣ убытка, а «мнѣ прибыли? Не таюсь, ибо чувствую силу «свою; все объявляю напередъ, ибо сдѣлаю, что «говорю. Гдѣ желаешь видѣться со мною? въ «Москвѣ, или на берегахъ Оки? Знай, что буду «къ тебѣ не одинъ, но съ Великимъ Султаномъ, «который покорилъ вселенную отъ Востока до «Запада. Укажу ему путь къ твоей столицѣ. Ты «же что мнѣ сдѣлаешь? Злобствуй какъ хочешь, «а въ моей землѣ не будешь» (82). Не только Іоаннъ III и Василій, но и Правительница, отъ времени до времени удовлетворяя корыстолюбію Хановъ, изъявляли по крайней мѣрѣ благородную гордость въ перепискѣ съ ними и не дозволяли имъ забываться. Владычество Шуйскихъ ознаменовалось слабостію и робкимъ малодушіемъ въ Политикѣ Московской: Бояре даже не смѣли отвѣтствовать Саипъ-Гирею на его угрозы; спѣшили отправить въ Тавриду знатнаго Посла и купить вѣроломный союзъ варвара обязательствомъ не воевать Казани (83); а Царь Казанскій, увѣряя насъ въ своемъ миролюбіи, хотѣлъ, чтобы мы ежегодно присылали ему дары въ знакъ уваженія. Напрасно ждали его уполномоченныхъ въ Москву: они не ѣхали, а Казанцы два года непрестанно злодѣйствовали въ областяхъ Нижняго, Балахны, Мурома, Мещеры,

Гороховца, Владиміра, Шуи, Юрьевца, Костромы, Кинешмы, Галича, Тотьмы, Устюга, Вологды, Вятки, Перми ([84]); являлись единственно толпами, жгли, убивали, плѣнили, такъ, что одинъ изъ Лѣтописцевъ сравниваетъ бѣдствія сего времени съ Батыевымъ нашествіемъ, говоря: «Батый протекъ молніею Русскую землю: «Казанцы же не выходили изъ ея предѣловъ, и «лили кровь Христіанъ какъ воду. Беззащитные «укрывались въ лѣсахъ и въ пещерахъ; мѣста «бывшихъ селеній заросли дикимъ кустарни«комъ. Обративъ монастыри въ пепелъ, невѣр«ные жили и спали въ церквахъ, пили изъ свя«тыхъ сосудовъ, обдирали иконы для украшенія «женъ своихъ усерязами и монистами; сыпали «горящіе уголья въ сапоги Инокамъ и застав«ляли ихъ плясать; оскверняли юныхъ Мона«хинь; кого не брали въ плѣнъ, тѣмъ выкалы«вали глаза, обрѣзывали уши, носъ; отсѣкали «руки, ноги и — что всего ужаснѣе — многихъ «приводили въ Вѣру свою, а сіи несчастные «сами гнали Христіанъ какъ лютые враги ихъ. «Пишу не по слуху, но видѣнное мною, и че«го никогда забыть не могу» ([85]). Что дѣлали Правители Государства, Бояре? Хвалились своимъ терпѣніемъ предъ Ханомъ Саипъ-Гиреемъ, изъяснялись, что Казанцы терзаютъ Россію, а мы, въ угодность ему, *не двигаемъ ни волоса* для защиты своей земли ([86])! Бояре хотѣли единственно мира, и не имѣли его; заключили союзъ съ Ханомъ Саипъ-Гиреемъ ([87]), и видѣли безпо-

лезность онаго. Послы Ханскіе были въ Москвѣ, а сынъ его, Иминь, съ шайками своихъ разбойниковъ грабилъ въ Коширскомъ Уѣздѣ (88). Мы удовольствовались извиненіемъ, что Иминь не слушается отца и поступаетъ самовольно.

Посольства въ Царьградъ, въ Стокгольмъ. Договоръ съ Ганзою, съ Астраханью. Посольства Ногайскія.

Другія внѣшнія дѣйствія Россіи болѣе соотвѣтствовали ея государственному достоинству. Чиновникъ Адашевъ ѣздилъ изъ Москвы съ дружественными письмами къ Султану и къ Патріарху, Замыцкій изъ Новагорода къ Королю Шведскому: въ Константинополѣ и въ Стокгольмѣ оказали великую честь нашимъ Посланникамъ. Бояре подтвердили купеческій договоръ съ Ганзою и возобновили союзъ съ Астраханью, гдѣ опять царствовалъ Абдылъ-Рахманъ. Послы Ногайскіе одни за другими являлись въ Москвѣ, предлагая намъ свои услуги и требуя единственно свободной торговли какъ милости. Литва, соблюдая перемиріе, не тревожила Россіи: старецъ Сигизмундъ въ покоѣ доживалъ вѣкъ свой (89).

Г. 1540. Заговоръ противъ Шуйскаго; освобожденіе К. Ивана

Въ сіе время сдѣлалась перемѣна въ нашей Аристократіи. Свергнувъ Митрополита Даніила, Князь Иванъ Шуйскій считалъ новаго Первосвятителя другомъ своимъ, но обманулся. Руководствуясь, можетъ быть, любовію къ добродѣтели, усердіемъ къ отечеству, и видя неспособ-

ность Шуйскаго управлять Державою, или по инымъ, менѣе достохвальнымъ причинамъ, Митрополитъ Іоасафъ осмѣлился ходатайствовать у юнаго Государя и въ Думѣ за Князя Ивана Бѣльскаго. Многіе Бояре пристали къ нему: одни говорили только о милосердіи, другіе о справедливости, и вдругъ именемъ Іоанновымъ, съ торжествомъ вывели Бѣльскаго изъ темницы, посадили въ Думу; а Шуйскій, изумленный дерзостію Митрополита и Бояръ, не успѣлъ отвратить удара: трепеталъ въ злобѣ, клялся отмстить имъ за измѣну, и съ того дня не хотѣлъ участвовать въ дѣлахъ, ни присутствовать въ Думѣ (90), гдѣ сторона Бѣльскихъ, одержавъ верхъ, начала господствовать съ умѣренностію и благоразуміемъ. Не было ни опалъ, ни гоненія. Правительство стало попечительнѣе, усерднѣе къ общему благу. Злоупотребленія власти уменьшились. Смѣнили нѣкоторыхъ худыхъ Намѣстниковъ, и Псковитяне освободились отъ насилій Князя Андрея Шуйскаго, отозваннаго въ Москву. Дума сдѣлала для нихъ то же, что Василій сдѣлалъ для Новогородцевъ: возвратила имъ судное право. *Цѣловальники* или Присяжные, избираемые гражданами, начали судить всѣ уголовныя дѣла независимо отъ Намѣстниковъ, къ великой досадѣ сихъ послѣднихъ, лишенныхъ

Бѣльскаго и власть его.

тѣмъ способа беззаконствовать и наживаться. Народъ отдохнулъ во Псковѣ; славилъ милость Великаго Князя и добродѣтель Бояръ (91). — Правительство заслужило еще хвалу освобожденіемъ двоюроднаго брата Іоаннова, юнаго Князя Владиміра Андреевича, и матери его, заключенныхъ Еленою: они переѣхали въ свой домъ и жили уединенно; а чрезъ годъ, въ день Рождества Христова, мать и сынъ были представлены Іоанну. Имъ возвратили богатыя помѣстья Андреевы и дозволили имѣть Дворъ, Бояръ и слугъ Княжескихъ (92). — Назовемъ ли милостію скудное, жалостное благодѣяніе, оказанное тогда же другому родственнику Іоаннову? Внукъ Василія Темнаго, сынъ Андрея Углицкаго, именемъ Димитрій, еще находился въ числѣ живыхъ (93), забвенный всѣми, и сорокъ-девять ужасныхъ лѣтъ, отъ нѣжной юности до глубокой старости, сидѣлъ въ темницѣ, въ узахъ, одинъ съ Богомъ и мирною совѣстію, не оскорбивъ никого въ жизни, не нарушивъ никакого устава человѣческаго, только за вины отца своего, имѣвъ несчастіе родиться племянникомъ Самодержца, коему надлежало истребить въ Россіи вредную Систему Удѣловъ, и который любилъ Единовластіе болѣе, нежели единокровныхъ. Правители, желая быть

Прощеніе Князя Владиміра Андреевича и матери его.

Облегчаютъ судьбу К. Димитрія Углицкаго.

милосердыми, не рѣшились возвратить Димитрія, какъ бы изъ могилы, чуждому для него міру (94): велѣли только освободить его отъ тягости цѣпей, впустить къ нему въ темницу болѣе свѣта и воздуха! Ожесточенный бѣдствіемъ, Димитрій, можетъ быть, въ первый разъ смягчился тогда душею и пролилъ слезы благодарности, уже не гнетомый, не язвимый оковами, видя солнце и дыша свободнѣе. Онъ содержался въ Вологдѣ: тамъ и кончилъ жизнь. Братъ его, Князь Иванъ, умеръ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ Монашествѣ. Оба лежатъ вмѣстѣ въ Вологдской церкви Спаса на Прилукѣ (95).

Милуя или облегчая судьбу гонимыхъ, первый Вельможа, Князь Иванъ Бѣльскій, хотѣлъ и виновнаго брата своего, Симеона, возвратить отечеству и добродѣтели. Митрополитъ Іоасафъ взялся быть ходатаемъ. Извиняли преступника, чѣмъ только могли: юностію его лѣтъ, несноснымъ тиранствомъ и самовластіемъ Еленина любимца. Государь простилъ: одно дѣйствіе, коимъ Исторія упрекаетъ Князя Ивана Бѣльскаго! Измѣнникъ, предатель, наводивъ враговъ на отечество, явился бы снова при Дворѣ и въ Думѣ съ почестями опредѣленными для вѣрныхъ, знаменитыхъ слугъ Государства! Но Симеонъ не воспользовался милосердіемъ, противнымъ уставу справед-

г. 1540-1541.

Прощеніе К. Симеона Бѣльскаго.

ливости и блага гражданскихъ обществъ. Гонецъ Московскій уже не нашелъ Бѣльскаго въ Тавридѣ (96): сей измѣнникъ былъ въ полѣ съ Ханомъ, замышляя гибель России: ибо Саипъ-Гирей клялся въ дружбѣ къ Великому Князю единственно для того, чтобы произвести въ насъ оплошность и нечаянностію впаденія открыть себѣ путь въ сердце Московскихъ владѣній. Но Дума, подъ начальствомъ Князя Ивана Бѣльскаго, радѣя о внутреннемъ благоустройствѣ, не выпускала изъ виду и внѣшней безопасности.

Тайно готовясь къ войнѣ, Ханъ приглашалъ и Царя Казанскаго итти на Россію: къ счастію нашему, имъ неудобно было дѣйствовать въ одно время: первый ждалъ весны и подножнаго корма въ степяхъ; а вторый, не имѣя сильной рати судовой, боялся лѣтомъ оставить за спиною Волгу, гдѣ, въ случаѣ его бѣгства, Россіяне могли бы утопить Казанцевъ. Ободряемый нашимъ долговременнымъ терпѣніемъ и бездѣйствіемъ, Сафа-Гирей, въ Декабрѣ 1540 года миновавъ Нижній Новгородъ, успѣлъ безпрепятственно достигнуть Мурома, но далѣе не могъ ступить ни шага: воины и граждане бились мужественно на стѣнахъ и въ вылазкахъ; Князь Димитрій Бѣльскій шелъ изъ Владиміра, а Царь Алей съ своими вѣрными Татарами изъ Касимова,

Впаденіе Казанскаго Царя.

истребляя разсѣянныя толпы непріятелей въ Мещерской землѣ и въ селахъ Муромскихъ. Сафа-Гирей бѣжалъ назадъ, и такъ скоро, что Воеводы Московскіе не догнали его (97). — Сей не весьма удачный походъ умножилъ число недовольныхъ въ Казани: тамошніе Князья и знатнѣйшій изъ нихъ, Булатъ, тайно писали въ Москву, чтобы Государь послалъ къ нимъ войско; что они готовы убить или выдать намъ Сафа-Гирея, который, отнимая собственность у Вельможъ и народа, шлетъ казну въ Тавриду. Бояре велѣли немедленно соединиться полкамъ изъ семнадцати городовъ въ Владимірѣ, подъ начальствомъ Князя Ивана Васильевича Шуйскаго; отвѣтствовали Булату ласково, обѣщая ему милость и забвеніе прошедшаго; но ждали дальнѣйшихъ вѣстей изъ Казани, чтобы послать туда войско (98).

Еще Ханъ Саипъ-Гирей скрывалъ свои замыслы: Посолъ Іоанновъ, Князь Александръ Кашинъ, жилъ въ Тавридѣ, а Ханскій, именемъ Тагалдый, въ Москвѣ; но Бояре угадывали, что Царь Казанскій дѣйствовалъ по согласію съ Крымомъ, и для того, на всякій случай, собрали войско въ Коломнѣ, гдѣ самъ юный Іоаннъ осмотрѣлъ его станъ. Весною узнали въ Москвѣ (чрезъ плѣнниковъ, ушедшихъ изъ Тавриды) что Ханъ двинулся къ предѣламъ Россіи со

Г. 1541.

Нашествіе Хана

Крымскаго. всею Ордою, не оставивъ дома никого, кромѣ женъ, дѣтей и старцевъ; что у него дружина Султанова съ огнестрѣльнымъ снарядомъ; что къ нему присоединились еще толпы изъ Ногайскихъ Улусовъ, изъ Астрахани, Кафы, Азова; что Князь Симеонъ Бѣльскій взялся быть его путеводителемъ ([99]). Намѣстнику Путивльскому, Ѳедору Плещееву, велѣно было удостовѣриться въ истинѣ сего извѣстія: люди, посланные имъ въ степи, видѣли тамъ слѣды прошедшаго войска, тысячь ста или болѣе. Тогда Князь Димитрій Бѣльскій, въ санѣ главнаго Воеводы, прибылъ въ Коломну и вывелъ рать въ поле. Князь Иванъ Васильевичь Шуйскій остался въ Владимірѣ съ Царемъ Шигъ-Алеемъ; многочисленныя дружины шли отовсюду къ Серпухову, Калугѣ, Тулѣ, Рязани. Наши смѣлые лазутчики встрѣтили Хана близъ Дона: они смотрѣли на полки его и не видали имъ конца въ степяхъ открытыхъ. Уже Саипъ-Гирей былъ на сей
Іюля 28. сторонѣ Дона; приступалъ къ Зарайску и не могъ взять крѣпости, отраженный славнымъ мужествомъ ея Воеводы, Назара Глѣбова ([100]).

Между тѣмъ, какъ наши полки располагались станомъ близъ Оки, Москва умилялась зрѣлищемъ, дѣйствительно трогательнымъ: десятилѣтній Государь съ братомъ своимъ, Юріемъ, молился Всевышнему въ

Успенскомъ храмѣ, предъ Владимірскою иконою Богоматери и гробомъ Св. Петра Митрополита о спасеніи отечества; плакалъ и въ слухъ народа говорилъ (101): «Боже! Ты защитилъ моего пра-«дѣда въ нашествіе лютаго Темиръ-Аксака: за-«щити и насъ, юныхъ, сирыхъ! Не имѣемъ ни «отца, ни матери, ни силы въ разумѣ, ни крѣпо-«сти въ десницѣ; а Государство требуетъ отъ «насъ спасенія!» Онъ повелъ Митрополита въ Думу, гдѣ сидѣли Бояре, и сказалъ имъ: «Врагъ «идетъ: рѣшите, здѣсь ли мнѣ быть, или уда-«литься?» Бояре разсуждали тихо и спокойно. Одни говорили, что Великіе Князья въ случаѣ непріятельскихъ нашествій никогда не заключались въ Москвѣ. Другіе такъ отвѣтствовали: «Когда Едигей шелъ къ столицѣ (102), Василій «Димитріевичь удалился, чтобы собирать войско «въ областяхъ Россійскихъ, но въ Москвѣ оста-«вилъ Князя Владиміра Андреевича и своихъ «братьевъ. Нынѣ Государь у насъ отрокъ, а «братъ его еще малолѣтнѣе: дѣтямъ ли скакать «изъ мѣста въ мѣсто и составлять полки? Не «скорѣе ли впадутъ они въ руки невѣрныхъ, ко-«торые безъ сомнѣнія разсѣются и по инымъ «областямъ, ежели достигнутъ Москвы?» Митрополитъ соглашался съ послѣдними и говорилъ: «Гдѣ искать безопасности Великому Князю? Нов-«городъ и Псковъ смежны съ Литвою и съ Нѣм-«цами; Кострома, Ярославль, Галичь, подверже-«ны набѣгамъ Казанцевъ; и на кого оставить «Москву, гдѣ лежатъ Святые Угодники? Дими-

«трій Іоанновичь оставилъ ее безъ Воево«ды сильнаго: что же случилось? Господь «да сохранитъ насъ отъ такого бѣдствія! «Нѣтъ нужды собирать войско: одно сто«итъ на берегахъ Оки, другое въ Владимі«рѣ съ Царемъ Шигъ-Алеемъ, и защитятъ «Москву. Имѣемъ силу, имѣемъ Бога и «Святыхъ, коимъ отецъ Іоанновъ пору«чилъ возлюбленнаго сына: не унывайте!» Всѣ Бояре единодушно сказали: «Государь! «останься въ Москвѣ!» и Великій Князь изустно далъ повелѣніе Градскимъ Приказщикамъ готовиться къ осадѣ. Ревность, усердіе оживляли воиновъ и народъ. Всѣ клялись умереть за Іоанна, стоять твердо за святыя церкви и домы свои. Людей расписали на дружины для защиты стѣнъ, воротъ и башенъ; вездѣ разставили пушки; укрѣпили посады надолбами (103). Никто не мыслилъ о бѣгствѣ, и Лѣтописцы удивляются сему общему вдохновенію мужества какъ бы дѣйствію сверхъестественному.

Великодушіе народа и войска.

То же было и въ войскѣ. Полководцы обыкновенно считались тогда въ старѣйшинствѣ или въ знатности родовъ между собою и не хотѣли зависѣть отъ младшихъ, ни отъ равныхъ, вопреки Государеву назначенію. Василій и отецъ его умѣли обуздывать ихъ *мѣстничество;* но юность Іоаннова, вселяя безстрашіе и дерзость въ глав-

ныхъ чиновниковъ, довела сіе зло до крайности. Пренія и вражда господствовали въ станахъ (104). Великій Князь послалъ Дьяка своего, Ивана Курицына, съ письмомъ къ Димитрію Бѣльскому и къ его знаменитымъ сподвижникамъ; убѣждалъ ихъ оставить всѣ личности, всѣ несогласія и свары,— соединиться духомъ и сердцемъ за отечество, за Вѣру и Государя юнаго, который уповаетъ единственно на Бога и на ихъ оружіе. «Ока да будетъ неодолимою преградою для Хана!» писалъ Іоаннъ: «а если не удержитъ врага, то заградите ему путь къ Москвѣ своею «грудью (105). Сразитесь крѣпко во имя Бога «всемогущаго! Обѣщаю любовь и милость не «только вамъ, но и дѣтямъ вашимъ. Кто падетъ «въ битвѣ, того имя велю вписать въ *Книги Жи«вотныя* (106); того жена и дѣти будутъ моими «ближними.» Воеводы слушали грамоту съ умиленіемъ. «Такъ!» говорили они: «забудемъ враж«ду и самихъ себя; вспомнимъ милость Великаго «Князя Василія; послужимъ Іоанну, коего слабая «рука еще не владѣетъ оружіемъ; послужимъ «*малому*, да отъ *великаго* честь пріимемъ! Если «исполнится наше ревностное желаніе; если по«бѣдимъ, то не въ одной Русской, но и въ чуж«дыхъ, отдаленныхъ земляхъ прославимся. Мы «не безсмертны: умремъ же за отечество! Богъ «и Государь не забудутъ насъ.» Сіи, дотолѣ сварливые, упрямые Воеводы плакали, обнимали другъ друга въ восторгѣ великодушія; назывались братьями; клялися вмѣстѣ побѣдить или

оставить кости свои на берегу Оки. Они вышли изъ шатра, читали войску письмо Іоанново, говорили рѣчи сильныя глубокимъ, добродѣтельнымъ чувствомъ. Дѣйствіе было неописанное. Воины кричали: «Хотимъ, хотимъ пить смертную чашу съ «Татарами за Государя юнаго! Когда вы, «отцы наши, согласны между собою, идемъ «съ радостію на враговъ невѣрныхъ!» И всѣ полки двинулись впередъ, многочисленные, стройные и бодрые.

Уже Ханъ пришелъ къ Окѣ и сталъ на
Іюля 30. высотахъ. Другой берегъ ея былъ занятъ Московскою передовою дружиною, подъ начальствомъ Князей Ивана Турунтая-Пронскаго и Василія Охлябина-Ярославскаго. Татары — думая, что у насъ нѣтъ болѣе войска — спустили плоты на рѣку и хотѣли переправиться; а Турки стрѣляли изъ пушекъ, изъ пищалей, чтобы отбить Россіянъ, которые, дѣйствуя однѣми стрѣлами, сперва было дрогнули и замѣшались... Но приспѣли Князья Пунковъ-Микулинскій и Серебряный-Оболенскій съ полками: Россіяне стали твердо. Скоро явились новыя, густыя толпы ихъ и ряды необозримые: Князья Михайло Кубенскій, Иванъ Михайловичь Шуйскій и самъ Димитрій Бѣльскій водрузили на берегу свои знамена. Съ правой и лѣвой стороны еще шло войско; вдали показалась многочисленная Запасная

Стража. Ханъ видѣлъ, изумлялся, и съ гнѣвомъ сказалъ измѣннику нашему, Симеону Бѣльскому, и Вельможамъ: «Вы обманули «меня, увѣривъ, что Россія не въ силахъ «бороться въ одно время съ Казанью и со «мною.» Какое войско! Ни я, ни опытные «старцы мои не видывали подобнаго» (107). Объятый ужасомъ, онъ хотѣлъ бѣжать: Мурзы удержали его. Съ обѣихъ сторонъ летали ядра, пули и стрѣлы; ввечеру Татары отступили къ высотамъ, а Россіяне, одушевленные мужествомъ, кричали имъ: «идите сюда; мы васъ ожидаемъ!»

Наступила ночь: Воеводы Іоанновы, по словамъ Лѣтописцевъ, *пировали духомъ*, готовясь къ рѣшительной битвѣ слѣдующаго дня. Не было ни страха, ни сомнѣнія; не хотѣли отдыха; стукъ оружія и шумъ людей не умолкали въ станѣ; приходили новыя дружины одна за другою съ тяжелымъ огнестрѣльнымъ снарядомъ. Ханъ непрестанно слышалъ издали радостные клики въ нашемъ войскѣ; видѣлъ при свѣтѣ огней, какъ мы ставили пушки на холмахъ берега — и не дождался утра: терзаемый страхомъ, злобою, стыдомъ, ускакалъ въ телегѣ; за нимъ побѣжало и войско, истребивъ часть обоза, другую же и нѣсколько пушекъ Султановыхъ оставивъ намъ въ добычу. Тогда въ первый разъ мы увидѣли въ рукахъ своихъ Оттоманскіе Трофеи! — Бѣгство непріятеля.

Съ сею счастливою вѣстію Димитрій Бѣльскій послалъ въ Москву Князя Ивана Кашина, а Князей Микулинскаго и Серебрянаго въ слѣдъ за Ханомъ. Они плѣнили отсталыхъ, которые извѣстили ихъ, что Саипъ-Гирей идетъ къ Пронску. Хвалившись стать на Воробьевыхъ горахъ и разорить всѣ области Московскія, онъ думалъ уменьшить стыдъ свой взятіемъ сей маловажной крѣпости, подобно Тамерлану, не завоевавшему въ Россіи ничего, кромѣ Ельца. Тогда главный нашъ Воевода отрядилъ впередъ новые полки, чтобы скорѣе выгнать Хана изъ предѣловъ Россіи.

3 Августа Саипъ-Гирей обступилъ Пронскъ, гдѣ начальствовалъ Василій Жулебинъ ([108]), у коего было не много людей, но много смѣлости: онъ пушками, кольями и каменьями отбилъ непріятеля. Мурзы хотѣли говорить съ нимъ: Жулебинъ явился на стѣнѣ. «Сдайся», сказали они: «Царь обѣщаетъ тебѣ милость, или будетъ сто«ять здѣсь, пока возметъ городъ.» Витязь отвѣтствовалъ: «Божіею волею ставится градъ, и ни«кто не возметъ его безъ воли Божіей. Пусть «Царь стоитъ: увидитъ скоро Воеводъ Москов«скихъ.» Саипъ-Гирей велѣлъ готовить туры для новаго, сильнѣйшаго приступа; а Жулебинъ вооружилъ не только всѣхъ гражданъ, но и самыхъ женъ. Груды камней и кольевъ лежали на стѣнѣ; котлы кипѣли съ водою; надъ заряженными пушками горѣли фитили. Тогда осажденные получили вѣсть, что Князья Микулинскій и

Серебряный уже близко ([109]): клики веселія раздались въ городѣ. Ханъ узналъ о томъ: сжегъ туры, и 6 Августа удалился отъ Пронска, гонимый нашими Воеводами до самаго Дона; а Князь Воротынскій разбилъ Царевича Иминя, который было-остановился для грабежа въ Одоевскомъ Уѣздѣ ([110]).

Вся Россія торжествовала сіе счастливое изгнаніе сильнаго врага изъ нѣдръ ея; славила Государя и Полководцевъ. Юность Іоаннова, умилительная для сердецъ во дни страха, была особенною прелестію и торжества народнаго, когда Державный отрокъ въ храмѣ Всевышняго благодарилъ Небо за спасеніе Россіи; когда именемъ отечества изъявлялъ признательность Воеводамъ, и когда они, тронутые его милостію, съ радостными слезами отвѣчали ему: «Государь! «мы побѣдили твоими Ангельскими молитвами и «твоимъ *счастіемъ*» ([111])! Народъ всего болѣе вѣритъ *счастію*, и младыя лѣта Іоанновы открывали неизмѣримое поле для надежды. — Такъ чувствовали современники, которые видѣли въ Саипъ-Гиреѣ новаго Мамая или Тамерлана, и хвалились его бѣгствомъ какъ славнымъ для Россіи происшествіемъ. Они не думали о будущемъ. Что случилось, могло и впредь случиться. Россія, уже дѣйствительно сильная, оставалась еще жертвою *внезапныхъ* нападеній: мы хотѣли, чтобы непріятель давалъ намъ время изготовиться къ оборонѣ; выгоняли его, но села наши пустѣли, и Государство лишалось главной своей

драгоцѣнности: людей! Только опыты вѣковъ приводятъ истинныя мѣры государственной безопасности въ твердую систему.

Князь Иванъ Бѣльскій, будучи душею Правительства, стоялъ на вышней степени счастія, опираясь на личную милость Державнаго отрока, уже зрѣющаго душею, — на ближнее съ нимъ родство, на успѣхи оружія, на дѣла человѣколюбія и справедливости. Совѣсть его была спокойна, народъ доволенъ... и втайнѣ кипѣла злоба, коварствовала зависть, неусыпная въ свѣтѣ, особенно дѣятельная при Дворѣ. Здѣсь Исторія наша представляетъ опасность великодушія, какъ бы въ оправданіе жестокихъ, мстительныхъ властолюбцевъ, дающихъ миръ врагамъ только въ могилѣ. Князь Иванъ Бѣльскій, освобожденный Митрополитомъ и Боярами, могъ бы помѣняться темницею съ Шуйскимъ; могъ бы отнять у него и свободу и жизнь: но презрѣлъ безсильную злобу, и сдѣлалъ еще болѣе: оказалъ уваженіе къ его ратнымъ способностямъ и далъ ему Воеводство: что назвали бы мы ошибкою великодушія, если бы оно имѣло цѣлію не внутреннее удовольствіе сердца, не добродѣтель, а выгоды страстей. Шуйскій, съ гнѣвомъ уступивъ власть своему неосторожному противнику, думалъ единственно о мести, и знаменитые Бояре, Князья Михайло, Иванъ Кубенскіе, Димитрій Палецкій, Казначей Третьяковъ, вошли съ нимъ въ заговоръ, чтобы погубить Бѣльскаго и Митрополита, связанныхъ дружбою и, какъ вѣроятно,

усердною любовію къ отечеству. Не было, кажется, и предлога благовиднаго: заговорщики хотѣли просто, низвергнувъ властелина, занять его мѣсто, и доказать не правость, а силу свою. Они преклонили къ себѣ многихъ Дворянъ, Дѣтей Боярскихъ, не только въ Москвѣ, но и въ разныхъ областяхъ, особенно въ Новѣгородѣ (112). Шуйскій, находясь съ полками въ Владиміръ, чтобы итти на Казань, обѣщаніями и ласками умножилъ число своихъ единомышленниковъ въ войскѣ; взялъ съ нихъ тайную присягу, далъ знать Московскимъ клевретамъ, что время приступить къ дѣлу, и послалъ къ нимъ изъ Владиміра съ сыномъ, Княземъ Петромъ, триста надежныхъ всадниковъ (113). Ночью, 3 Генваря, сдѣлалась ужасная тревога въ Кремлѣ: заговорщики схватили Князя Ивана Бѣльскаго въ его домѣ и посадили въ темницу; также вѣрныхъ ему друзей, Князя Петра Щенятева и знатнаго сановника Хабарова: перваго извлекли задними дверьми изъ самой комнаты Государевой; окружили Митрополитовы келліи, бросали каменьями въ окна, и едва не умертвили Іоасафа, который бѣжалъ отъ нихъ на Троицкое подворье: Игуменъ Лавры и Князь Димитрій Палецкій только именемъ Св. Сергія могли удержать неистовыхъ Дѣтей Боярскихъ (114), поднявшихъ руку на Архипастыря. Ми-

Г. 1542. Смута Бояръ. Паденіе К. Ивана Бѣльскаго.

трополитъ искалъ безопасности во дворцѣ, въ присутствіи юнаго Іоанна; но Государь, пробужденный свирѣпымъ воплемъ мятежниковъ, самъ трепеталъ какъ несчастная жертва. Бояре съ шумомъ вошли за Іоасафомъ въ комнату Великаго Князя; взяли, отправили Митрополита въ ссылку, въ монастырь Кирилловъ на Бѣлѣозерѣ; велѣли придворнымъ Священникамъ, за три часа до свѣта, пѣть заутреню ([115]); кричали, господствовали, какъ бы завоевавъ Престолъ и Церковь; не думали о соблюденіи ни малѣйшей пристойности; дѣйствовали въ видѣ бунтовщиковъ; устрашили столицу. Никто въ сію ужасную ночь не смыкалъ глазъ въ Москвѣ. На разсвѣтѣ прискакалъ Шуйскій изъ Владиміра и сдѣлался вторично Главою Бояръ. Князя Ивана Бѣльскаго послали въ заточеніе на Бѣлоозеро, Щенятева въ Ярославль, Хабарова въ Тверь. Тишина и спокойствіе возстановились. Но Шуйскій еще не былъ доволенъ: опасаясь перемѣны, добродѣтели Князя Ивана Бѣльскаго и общей къ нему любви, онъ велѣлъ убить его, по согласію съ Боярами, безъ вѣдома Государева ([116]). Три злодѣя умертвили сего несчастнаго Князя въ темницѣ: Вельможу благодушнаго, воина мужественнаго, Христіанина просвѣщеннаго, какъ пишутъ современники ([117]). Нѣкогда подозрѣваемый въ тайномъ лихоимствѣ, за из-

Ссылка Митрополита.

Новое господство К. Ивана Шуйскаго.

іишнее миролюбіе, оказанное имъ въ двухъ войнахъ Казанскихъ ([118]), онъ славою послѣднихъ лѣтъ своей жизни оправдался въ народномъ мнѣніи.

Россія уже знала Шуйскаго и не могла ожидать отъ его правленія ни мудрости, ни чистаго усердія къ государственному благу; могла единственно надѣяться, что власть сего человѣка, снисканная явнымъ беззаконіемъ, не продолжится. Дума осталась, какъ была: только нѣкоторые Члены ея, смотря по ихъ отношеніямъ къ главному Вельможѣ, утратили силу свою или пріобрѣли новую. Князь Димитрій Бѣльскій оплакивалъ брата и сидѣлъ на первомъ мѣстѣ въ Совѣтѣ, какъ старшій именемъ Бояринъ. Надлежало избрать Митрополита: малолѣтство Іоанново давало Архипастырю Церкви еще болѣе важности; онъ имѣлъ свободный доступъ къ юному Государю, могъ совѣтовать ему, смѣло противорѣчить Боярамъ и дѣйствовать на умы гражданъ Христіанскими увѣщаніями. Шуйскій и друзья его не хотѣли вторично ошибиться въ семъ выборѣ, медлили около двухъ мѣсяцевъ, и призвали Архіепископа Макарія, славнаго умомъ, дѣятельностію, благочестіемъ: любя и мірскую честь, онъ, можетъ быть, оказалъ имъ услуги въ Новѣгородѣ и склонилъ жителей онаго на ихъ сторону ([119]), въ надеждѣ заступить мѣсто

Посвященіе Макарія. Іоасафа. Чрезъ семь дней нарекли Макарія Первосвятителемъ и возвели на Дворъ Митрополичій, а чрезъ десять дней посвятили ([120]). Такимъ образомъ Князь Иванъ Шуйскій самовластно свергнулъ двухъ Митрополитовъ единственно по личной къ нимъ ненависти, безъ всякаго суда и законнаго предлога. Духовенство молчало и повиновалось. — Всѣ прежнія насилія, несправедливости возобновились. Льгота и права, данныя областнымъ жителямъ въ благословенное господствованіе Князя Бѣльскаго, уничтожились происками Намѣстниковъ ([121]). Россія сдѣлалась опять добычею клевретовъ, ближнихъ и слугъ Шуйскаго. Но Іоаннъ возросталъ!

Перемиріе съ Литвою. Важнѣйшимъ дѣломъ внѣшней Политики сего времени было новое перемиріе съ Литвою на семь лѣтъ, заключенное въ Москвѣ Королевскими Панами, Яномъ Глѣбовичемъ и Никодимомъ ([122]). Хотѣли и вѣчнаго мира съ обѣихъ сторонъ, но не согласились, какъ и прежде, въ условіяхъ. Бояре домогались размѣна плѣнныхъ: Король требовалъ за то Чернигова и шести другихъ городовъ, боясь, кажется, чтобы Литовскіе плѣнники не возвратились къ нему съ измѣною въ сердцѣ, и чтобы Россійскіе не открыли намъ новыхъ способовъ побѣды. Наконецъ положили единственно не воевать другъ друга и купцамъ торговать сво-

бодно. Сигизмундъ уже слабѣлъ: Паны договаривались именемъ его сына и наслѣдника, Августа. Въ присутствіи юнаго Іоанна читали грамоты: Великій Князь цѣловалъ крестъ и далъ руку Посламъ (123); а Бояринъ Морозовъ ѣздилъ въ Литву для размѣна грамотъ. Ему велѣно было предстательствовать за нашихъ плѣнниковъ, чтобы ихъ не держали въ узахъ и дозволяли имъ ходить въ церковь: послѣднее утѣшеніе для злосчастныхъ, осужденныхъ умереть въ странѣ непріятельской! — Между тѣмъ спорили о земляхъ Себежскихъ и другихъ; хотѣли и не могли размежеваться. Чиновникъ Сукинъ, посыланный для того въ Литву, долженъ былъ въ тайной бесѣдѣ съ ея Вельможами сказать имъ, что Іоаннъ уже ищетъ себѣ невѣсты, и что Бояре Московскіе желаютъ знать ихъ мысли о пользѣ родственнаго союза между Государями обѣихъ Державъ. Въ донесеніи Сукина не находимъ отвѣта на сіе предложеніе (124).

Испытавъ неудачу, Ханъ Саипъ-Гирей согласился быть въ дружбѣ съ нами, отпустилъ Іоаннова Посла, Князя Александра Кашина, въ Москву, и далъ ему новую *шертную грамоту*; но сынъ Ханскій, Иминь, и хищные Мурзы тревожили набѣгами Сѣверскую область и Рязань (125). Воеводы Московскіе встрѣтили ихъ; побили Крымцевъ на славномъ полѣ Куликовѣ

Набѣги Крымцевъ, Ногаевъ. Дѣла Казанскія. Сношенія съ

Астраханью, съ Молдавіею.

и гнали до рѣки Мечи ([126]). — Казанцы требовали мира; но Князь Булатъ уже не хотѣлъ свергнуть Сафа-Гирея, и писалъ о томъ къ Боярину, Димитрію Бѣльскому, а Царевна Горшадна къ самому Іоанну. Сія Царевна славилась ученостію и волхвованіемъ. Лѣтописцы увѣряютъ, что она торжественно предсказывала скорую гибель Казани и величіе Россіи. Дума Боярская не отвергала мира; но Сафа-Гирей медлилъ и не заключалъ онаго ([127]).— Дружественныя сношенія продолжались съ Астраханью и съ Молдавіею. Царевичь Астраханскій, Едигеръ, пріѣхалъ служить въ Россію ([128]). Воевода Молдавскій, Иванъ Петровичь, внукъ Стефановъ, писалъ къ Великому Князю, что Солиманъ, изгнавъ его, умилостивился и возвратилъ ему Молдавію, но требуетъ, сверхъ ежегодной дани, около трехъ-сотъ-тысячь золотыхъ, коихъ не льзя собрать въ землѣ опустошенной ([129]). Господарь молилъ Іоанна о денежномъ вспоможеніи, которое и было послано.

Но смуты и козни придворныя занимали Думу болѣе, нежели внутреннія и внѣшнія дѣла государственныя. Не долго Князь Иванъ Васильевичь Шуйскій пользовался властію: болѣзнь, какъ надобно думать, заставила его отказаться отъ Двора. Онъ жилъ еще года два или три ([130]), не участвуя въ правленіи, но сдавъ оное своимъ

Перемѣна въ Правленіи.

ближнимъ родственникамъ, тремъ Шуйскимъ: Князьямъ Ивану и Андрею Михайловичамъ и Ѳедору Ивановичу Скопину, которые, не имѣя ни великодушія, ни ума выспренняго, любили только господствовать и не думали заслуживать любви сограждан, ни признательности юнаго Вѣнценосца истиннымъ усердіемъ къ отечеству. Искусство сихъ Олигарховъ состояло въ томъ, чтобы не терпѣть противорѣчія въ Думѣ и допускать до Государя единственно преданныхъ имъ людей, удаляя всѣхъ, кто могъ быть для нихъ опасенъ или смѣлостію, или разумомъ, или благородными качествами сердца. Но Іоаннъ, приходя въ смыслъ, уже чувствовалъ тягость беззаконной опеки, ненавидѣлъ Шуйскихъ, особенно Князя Андрея, наглаго, свирѣпаго, и склонялся душею къ ихъ явнымъ или тайнымъ недоброхотамъ, въ числѣ коихъ былъ Совѣтникъ Думы, Ѳедоръ Семеновичь Воронцовъ ([131]). Олигархи желали пристойнымъ образомъ удалить его, и не могли; злобствовали, и видя возрастающую къ нему любовь Іоаннову, рѣшились прибѣгнуть къ насилію: во дворцѣ, въ торжественномъ засѣданіи Думы, въ присутствіи Государя и Митрополита, Шуйскіе съ своими единомышленниками, Князьями Кубенскими, Палецкимъ, Шкурлятевымъ, Пронскими и Алексѣемъ Басмановымъ,

г. 1543.

Наглость Шуйскихъ.

послѣ шумнаго прѣнія о мнимыхъ винахъ сего любимца Іоаннова, вскочили какъ неистовые, извлекли Воронцова силою въ другую комнату, мучили, хотѣли умертвить. Юный Государь въ ужасѣ молилъ Митрополита спасти несчастнаго: Первосвятитель и Бояре Морозовы говорили именемъ Великаго Князя, и Шуйскіе, какъ бы изъ милости къ нему, дали слово оставить Воронцова живаго, но били, толкали его, вывели на площадь и заключили въ темницу. Іоаннъ вторично отправилъ къ нимъ Митрополита и Бояръ съ убѣжденіемъ, чтобы они послали Воронцова на службу въ Коломну, если не льзя ему быть при Дворѣ и въ Москвѣ. Шуйскіе не согласились: Государь долженъ былъ утвердить ихъ приговоръ, и Воронцова съ сыномъ отвезли въ Кострому (132). Изображая тогдашнюю наглость Вельможъ, Лѣтописецъ сказываетъ, что одинъ изъ ихъ клевретовъ, Ѳома Головинъ, въ спорѣ съ Митрополитомъ наступивъ на его мантію, изорвалъ оную въ знакъ презрѣнія.

Сіи крайности беззаконнаго, грубаго самовластія и необузданныхъ страстей въ Правителяхъ Государства ускорили перемѣну, желаемую народомъ и непріятелями Шуйскихъ. Іоанну исполнилось тринадцать лѣтъ. Рожденный съ пылкою душею, рѣд-
Худое кимъ умомъ, особенною силою воли, онъ

имѣлъ бы всѣ главныя качества великагѡ Монарха, если бы воспитаніе образовало или усовершенствовало въ немъ дары Природы; но рано лишенный отца, матери, и преданный въ волю буйныхъ Вельможъ, ослѣпленныхъ безразсуднымъ, личнымъ властолюбіемъ, былъ на престолѣ несчастнѣйшимъ сиротою Державы Россійской: ибо не только для себя, но и для милліоновъ готовилъ несчастіе своими пороками, легко возникающими при самыхъ лучшихъ естественныхъ свойствахъ, когда еще умъ, исправитель страстей, нѣмъ въ юной душѣ, и если, вмѣсто его, мудрый пѣстунъ не изъясняетъ ей законовъ нравственности. Одинъ Князь Иванъ Бѣльскій могъ быть наставникомъ и примѣромъ добродѣтели для отрока Державнаго; но Шуйскіе, отнявъ достойнаго Вельможу у Государя и Государства, старались привязать къ себѣ Іоанна исполненіемъ всѣхъ его дѣтскихъ желаній: непрестанно забавляли, тѣшили во дворцѣ шумными играми, въ полѣ звѣриною ловлею; питали въ немъ наклонность къ сластолюбію и даже къ жестокости, не предвидя слѣдствій. На примѣръ, любя охоту, онъ любилъ не только убивать дикихъ животныхъ, но и мучить домашнихъ, бросая ихъ съ высокаго крыльца на землю; а Бояре говорили: «пусть Державный веселится!» Окруживъ воспитаніе Іоанна.

Іоанна толпою молодыхъ людей, смѣялись, когда онъ безчинно рѣзвился съ ними или скакалъ по улицамъ, давилъ женъ и старцевъ, веселился ихъ крикомъ. Тогда Бояре хвалили въ немъ смѣлость, мужество, проворство ([133])! Они не думали толковать ему святыхъ обязанностей Вѣнценосца, ибо не исполняли своихъ; не пеклись о просвѣщеніи юнаго ума, ибо считали его невѣжество благопріятнымъ для ихъ властолюбія; ожесточали сердце, презирали слезы Іоанна о Князѣ Телепневѣ, Бѣльскомъ, Воронцовѣ, въ надеждѣ загладить свою дерзость угожденіемъ его вреднымъ прихотямъ, въ надеждѣ на вѣтреность отрока, развлекаемаго ежеминутными утѣхами. Сія безумная система обрушилась надъ главою ея виновниковъ. Шуйскіе хотѣли, чтобы Великій Князь помнилъ ихъ угожденія и забывалъ досады: онъ помнилъ только досады и забывалъ угожденія, ибо уже зналъ, что власть принадлежитъ ему, а не имъ. Каждый день, приближая его къ совершенному возрасту, умножалъ козни въ Кремлевскомъ дворцѣ, затрудненія господствующихъ Бояръ и число ихъ враговъ, между коими сильнѣйшіе были Глинскіе, Государевы дяди, Князья Юрій и Михайло Васильевичи, мстительные, честолюбивые ([134]): первый засѣдалъ въ Думѣ; вторый имѣлъ знатный санъ Конюшаго. Они, не смотря на бди-

Заговоръ противъ

тельность Шуйскихъ, внушали тринадцатилѣтнему племяннику, оскорбленному ссылкою Воронцова, что ему время объявить себя дѣйствительнымъ Самодержцемъ и свергнуть хищниковъ власти, которые, угнетая народъ, тиранятъ Бояръ и ругаются надъ самимъ Государемъ, угрожая смертію всякому, кого онъ любитъ; что ему надобно только вооружиться мужествомъ и повелѣть; что Россія ожидаетъ его слова. Вѣроятно, что и благоразумный Митрополитъ, недовольный дерзкимъ насиліемъ Шуйскихъ, оставилъ ихъ сторону и то же совѣтовалъ Іоанну. Умѣли скрыть важный замыселъ: Дворъ казался совершенно спокойнымъ. Государь, слѣдуя обыкновенію, ѣздилъ осенью молиться въ Лавру Сергіеву и на охоту въ Волокъ Ламскій съ знатнѣйшими сановниками, весело праздновалъ Рождество въ Москвѣ, и вдругъ, созвавъ Бояръ, въ первый разъ явился повелительнымъ, грознымъ; объявилъ съ твердостію, что они, употребляя во зло юность его, беззаконствуютъ, самовольно убиваютъ людей, грабятъ землю; что многіе изъ нихъ виновны, но что онъ казнитъ только виновнѣйшаго: Князя Андрея Шуйскаго, главнаго совѣтника тиранства. Его взяли и предали въ жертву псарямъ, которые на улицѣ истерзали, умертвили сего знатнѣйшаго Вельможу ([135]). Шуйскіе и друзья ихъ

Главныхъ Вельможъ.

Декабря 29.

Паденіе Шуйскихъ.

своимъ Дворянамъ разогнать ихъ. Новогородцы противились: началась битва; стрѣляли изъ ружей, сѣклись мечами, умертвили съ обѣихъ сторонъ человѣкъ десять. Государь возвратился въ станъ (145), и велѣлъ ближнему Дьяку, Василію Захарову, узнать, кто подучилъ Новогородцевъ къ дерзости и мятежу? Захаровъ, можетъ быть по согласію съ Глинскими, донесъ ему, что Бояре, Князь Иванъ Кубенскій и Воронцовы, Өедоръ и Василій, суть тайные виновники мятежа. Сего было довольно: безъ всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія, гнѣвный Іоаннъ велѣлъ отрубить имъ головы, объявивъ, что они заслужили казнь и прежними своими беззаконіями во время Боярскаго правленія (146)! Лѣтописцы свидѣтельствуютъ ихъ невинность, укоряя Өедора Воронцова единственно тѣмъ, что онъ желалъ исключительнаго первенства между Боярами, и досадовалъ, когда Государь безъ его вѣдома оказывалъ другимъ милости. Способствовавъ паденію Шуйскихъ, и бывъ врагомъ Кубенскаго, сей несчастный любимецъ положилъ голову на одной съ нимъ плахѣ!.. Такъ новые Вельможи, наставники или совѣтники Іоанновы, пріучали юношу-Монарха къ ужасному легкомыслію въ дѣлахъ правосудія, къ жестокости и тиранству! Подобно Шуйскимъ, они готовили себѣ гибель: подобно имъ, не удерживали, но стремили Іоанна на пути къ разврату, и пеклись не о томъ, чтобы сдѣлать верховную власть благотворною, но чтобы утвердить ее въ рукахъ собственныхъ.

Въ отношеніи къ инымъ Державамъ мы дѣйствовали съ успѣхомъ и съ честію. Король Польскій сдалъ правленіе сыну, Сигизмунду-Августу, который, извѣстивъ о томъ Великаго Князя, увѣрялъ Россію въ своемъ миролюбіи и въ твердомъ намѣреніи исполнять заключенный съ нею договоръ ([147]). — Обманы Царя и Вельможъ Казанскихъ вывели Іоанна изъ терпѣнія. Двѣ рати, одна изъ Москвы, другая изъ Вятки, въ одинъ день и часъ сошлися подъ стѣнами Казани, обратили въ пепелъ окрестности и *кабаки Царскіе*, убили множество людей близъ города и на берегахъ Свіяги, взяли знатныхъ плѣнниковъ и благополучно возвратились ([148]). Сіе внезапное нашествіе Россіянъ заставило думать Царя, что Казанскіе Вельможи тайно подвели ихъ: онъ хотѣлъ мстить; умертвилъ нѣкоторыхъ Князей, иныхъ выгналъ ([149]), и произвелъ всеобщее озлобленіе, коего слѣдствіемъ было то, что Казанцы, требуя войска отъ Іоанна, желали выдать ему Сафа-Гирея съ тридцатью Крымскими сановниками. Государь обѣщалъ послать войско, но хотѣлъ, чтобы они прежде свергнули и заключили Царя. Бунтъ дѣйствительно открылся: Сафа-Гирей бѣжалъ, и многіе изъ Крымцевъ были истерзаны народомъ. Сеитъ, Уланы, Князья, всѣ чиновники Казанскіе, далъ клятву быть вѣрными

Доброе согласіе съ Литвою.

Рать на Казань.

г. 1546.

Шигъ-Алей Царемъ

въ Казани, и бѣжитъ оттуда. Россія, снова приняли къ себѣ Царя Шигъ-Алея, торжественно возведеннаго на престолъ Князьями Димитріемъ Бѣльскимъ и Палецкимъ; веселились, праздновали, и снова измѣнили. Какъ бы въ предчувствіи неминуемаго, скораго конца Державы ихъ, они сами не знали, чего хотѣли, волнуемые страстями, и въ затмѣніи ума; взяли Царя не для того, чтобы повиноваться, но чтобы его именемъ управлять землею; держали какъ плѣнника, не дозволяли ему выѣзжать изъ города, ни показываться народу; пировали во дворцѣ и гремѣли оружіемъ; пили изъ златыхъ сосудовъ Царскихъ и брали оные себѣ; вѣрныхъ слугъ Алеевыхъ заключили въ темницу, даже умертвили нѣкоторыхъ и требовали, чтобы Царь въ письмахъ къ Іоанну хвалился ихъ усердіемъ! Лѣтописецъ сказываетъ, что Шигъ-Алей предвидѣлъ свою участь, и только изъ повиновенія къ Великому Князю согласился ѣхать въ Казань ([150]). Онъ терпѣлъ мѣсяцъ въ безмолвіи, имѣя довѣренность къ одному изъ знатнѣйшихъ Князей, именемъ Чурѣ, преданному Россіи. Сей добрый Вельможа не могъ усовѣстить Властителей Казанскихъ, тщетно грозивъ имъ пагубными слѣдствіями безумнаго непостоянства: раздраживъ Шигъ-Алея и боясь мести Іоанновой, они вздумали опять призвать Сафа-Гирея, который

съ толпами Ногайскими уже былъ въ Камѣ. Князь Чура извѣстилъ Алея о семъ заговорѣ, совѣтовалъ ему бѣжать, и приготовилъ суда. Насталъ какой-то праздникъ: Вельможи и народъ пили до ночи, заснули глубокимъ снóмъ и не видали, какъ Царь вышелъ изъ дворца, и благополучно уѣхалъ Волгою въ Россію ([181]); а Сафа-Гирей, въ третій разъ сѣвъ на престолѣ Казанскомъ, началъ царствовать ужасомъ: убилъ Князя Чуру и многихъ знатныхъ людей, окружилъ себя Крымцами, Ногаями, и ненавидя своихъ подданныхъ, хотѣлъ только держать ихъ въ страхѣ. Семдесятъ-шесть Князей и Мурзъ, братья Чурины, вѣрные Алею, и самые неистовые злодѣи его, обманутые Сафа-Гиреемъ, искали убѣжища въ Москвѣ. Въ слѣдъ за ними явились и Послы Горной Черемисы, съ увѣреніемъ, что ихъ народъ весь готовъ присоединиться къ нашему войску, если оно вступитъ въ Казанскіе предѣлы. Тогда была зима: отложивъ полную месть до лѣта, но желая удостовѣриться въ благопріятномъ для насъ расположеніи дикарей Черемисскихъ, Іоаннъ отрядилъ нѣсколько полковъ къ устью Свіяги. Князь Александръ Горбатый предводительствовалъ ими, и сражался единственно съ зимними вьюгами, нигдѣ ненаходя сопротивленія. Ему не велѣно было осаждать Казани: онъ удовольство-

Походъ къ устью Свіяги.

валея добычею, и привелъ съ собою въ Москву сто воиновъ Черемисскихъ, которые служили намъ залогомъ въ вѣрности ихъ народа (152).

Путешествіе Великаго К. и неудовольствія народа.

Между тѣмъ Великій Князь ѣздилъ по разнымъ областямъ своей Державы, но единственно для того, чтобы видѣть славные ихъ монастыри и забавляться звѣриною ловлею въ дикихъ лѣсахъ: не для наблюденій государственныхъ, не для защиты людей отъ притѣсненія корыстолюбивыхъ Намѣстниковъ. Такъ онъ былъ съ братьями Юріемъ Василіевичемъ и Владиміромъ Андреевичемъ въ Владимірѣ, Можайскѣ, Волокѣ, Ржевѣ, Твери, Новѣгородѣ, Псковѣ, гдѣ, окруженный сонмомъ Бояръ и чиновниковъ, не видалъ печалей народа, и въ шумѣ забавъ не слыхалъ стенаній бѣдности; скакалъ на борзыхъ ишакахъ, и оставлялъ за собою слезы, жалобы, новую бѣдность: ибо сіи путешествія Государевы, не принося ни малѣйшей пользы Государству, стоили денегъ народу: Дворъ требовалъ угощенія и даровъ (153). — Однимъ словомъ, Россія еще не видала отца-Монарха на престолѣ, утѣшаясь только надеждою, что лѣта и зрѣлый умъ откроютъ Іоанну святое искусство царствовать для блага людей.

ГЛАВА III.

Продолженіе государствованія Іоанна IV.

Г. 1546 — 1552.

Царское вѣнчаніе Іоанна. Бракъ Государевъ. Добродѣтели Анастасіи. Пороки Іоанновы и худое правленіе. Пожары въ Москвѣ. Бунтъ черни. Чудное исправленіе Іоанна. Сильвестръ и Адашевъ. Рѣчь Государева на лобномъ мѣстѣ. Перемѣна Двора и властей. Кротость Правленія. Судебникъ. Обузданіе Мѣстничества. Стоглавъ. Уставныя грамоты. Избраніе Присяжныхъ. Учрежденія Церковныя. Намѣреніе просвѣтить Россію. Воинскія дѣянія. Походъ на Казань. Перемиріе съ Литвою. Дѣла Крымскія. Смерть Царя Казанскаго. Походъ на Казань. Избраніе мѣста для новой крѣпости. Впаденіе Ногаевъ. Основаніе Свіяжска. Покореніе Горной Стороны. Ужасъ Казанцевъ. Мирныя условія съ ними. Сююнбека. Новое воцареніе Шигъ-Алея. Освобожденіе плѣнниковъ. Невѣрность Казанцевъ и жестокость ихъ Царя. Переговоры съ Алеемъ. Царь оставляетъ Казань. Послѣдняя измѣна Казанцевъ.

Великому Князю исполнилось 17 лѣтъ отъ рожденія. Онъ призвалъ Митрополита и долго говорилъ съ нимъ на-единѣ. Митрополитъ вышелъ отъ него съ лицемъ веселымъ, отпѣлъ молебенъ въ храмѣ Успенія, послалъ за Боярами — даже и за тѣми,

Г. 1546. Царское вѣнчаніе Іоанна.

которые находились въ опалѣ, — и вмѣстѣ съ ними былъ у Государя. Еще народъ ничего не вѣдалъ; но Бояре, подобно Митрополиту, изъявляли радость. Любопытные угадывали причину, и съ нетерпѣніемъ ждали открытія счастливой тайны.

Декабря 17. Прошло три дни ([154]). Велѣли собраться Двору: Первосвятитель, Бояре, всѣ знатные сановники окружали Іоанна, который, помолчавъ, сказалъ Митрополиту: «Уповая «на милость Божію и на Святыхъ заступ«никовъ земли Русской, имѣю намѣреніе «жениться: ты, отче, благословилъ меня. «Первою моею мыслію было искать невѣ«сты въ иныхъ Царствахъ; но, разсудивъ «основательнѣе, отлагаю сію мысль. Во «младенчествѣ лишенный родителей и вос«питанный въ сиротствѣ, могу не сойтися «нравомъ съ иноземкою: будетъ ли тогда «супружество счастіемъ? Желаю найти не«вѣсту въ Россіи, по волѣ Божіей и твоему «благословенію.» Митрополитъ съ умиленіемъ отвѣтствовалъ: «Самъ Богъ внушилъ «тебѣ намѣреніе столь вождѣленное для «твоихъ подданныхъ! Благословляю оное «именемъ Отца небеснаго.» Бояре плакали отъ радости, какъ говоритъ Лѣтописецъ, и съ новымъ восторгомъ прославили мудрость Державнаго, когда Іоаннъ объявилъ имъ другое намѣреніе: «еще до своей же«нитьбы исполнить древній обрядъ пред-

«ковъ его и *вѣнчаться на Царство*» (155). Онъ велѣлъ Митрополиту и Боярамъ готовиться къ сему великому торжеству, какъ бы утверждающему печатію Вѣры святый союзъ между Государемъ и народомъ. Оно было не новое для Московской Державы: Іоаннъ III *вѣнчалъ* своего внука *на Царство;* но совѣтники Великаго Князя — желая или дать болѣе важности сему обряду, или удалить отъ мыслей горестное воспоминаніе о судьбѣ Димитрія Іоанновича — говорили единственно о древнѣйшемъ примѣрѣ Владиміра Мономаха, на коего Митрополитъ Ефесскій возложилъ вѣнецъ, златую цѣпь и Бармы Константиновы (156). Писали и разсказывали, что Мономахъ, умирая, отдалъ Царскую утварь шестому сыну своему, Георгію; велѣлъ только хранить ее какъ зѣницу ока и передавать изъ рода въ родъ безъ употребленія, доколѣ Богъ не умилостивится надъ бѣдною Россіею и не воздвигнетъ въ ней истиннаго Самодержца, достойнаго украситься знаками могущества (157). Сіе преданіе вошло въ лѣтописи XVI вѣка, когда Россія дѣйствительно увидѣла Самодержца на тронѣ, и Греція, издыхая въ бѣдствіи, отказала намъ величіе своихъ Царей.

Генваря 16, утромъ, Іоаннъ вышелъ въ столовую комнату, гдѣ находились всѣ Бояре; а Воеводы, Князья и чиновники, богато г. 1547.

одѣтые, стояли въ сѣняхъ. Духовникъ Государевъ, Благовѣщенскій Протоіерей, взявъ изъ рукъ Іоанновыхъ, на златомъ блюдѣ, Животворящій Крестъ, вѣнецъ и Бармы ([158]), отнесъ ихъ (провождаемый Конюшимъ, Княземъ Михайломъ Глинскимъ, Казначеями и Дьяками) въ храмъ Успенія. Скоро пошелъ туда и Великій Князь: передъ нимъ Духовникъ съ крестомъ и Святою водою, кропя людей на обѣихъ сторонахъ; за нимъ Князь Юрій Васильевичь, Бояре, Князья и весь Дворъ. Вступивъ въ церковь, Государь приложился къ иконамъ: священные лики возгласили ему многолѣтіе; Митрополитъ благословилъ его ([159]). Служили молебенъ. Посреди храма, на амвонѣ съ двѣнадцатью ступенями, были изготовлены два мѣста, одѣтыя златыми паволоками; въ ногахъ лежали бархаты и камки: тамъ сѣли Государь и Митрополитъ. Предъ амвономъ стоялъ богато-украшенный налой съ Царскою утварію: Архимандриты взяли и подали ее Макарію: онъ всталъ вмѣстѣ съ Іоанномъ, и возлагая на него крестъ, Бармы, вѣнецъ, громогласно молился, чтобы Всевышній оградилъ сего Христіанскаго Давида силою Св. Духа, посадилъ на престолъ добродѣтели, даровалъ ему ужасъ для строптивыхъ и *милостивое око* для послушныхъ. Обрядъ заключился возглашеніемъ новаго многолѣтія Государю. Принявъ поздравленіе отъ Духовенства, Вельможъ, гражданъ, Іоаннъ слушалъ Литургію, возвратился во дворецъ, ступая съ бархата на камку, съ камки на бархатъ. Князь

Юрій Василіевичь осыпалъ его въ церковныхъ дверяхъ и на лѣстницѣ золотыми деньгами, изъ мисы, которую несъ за нимъ Михайло Глинскій ([100]). Какъ скоро Государь вышелъ изъ церкви, народъ, дотолѣ неподвижный, безмолвный, съ шумомъ кинулся обдирать *Царское мѣсто;* всякой хотѣлъ имѣть лоскутъ паволоки, на память великаго дня для Россіи.

Однимъ словомъ, сіе торжественное вѣнчаніе было повтореніемъ Димитріева, съ нѣкоторою перемѣною въ словахъ молитвъ, и съ тою разностію, что Іоаннъ III самъ (а не Митрополитъ) надѣлъ вѣнецъ на главу юнаго Монарха. *Современныя* Лѣтописцы не упоминаютъ о *скипетрѣ*, ни о *мѵропомазаніи*, ни о *причащеніи* ([161]); не сказываютъ также, чтобы Макарій говорилъ Царю поученіе: самое умное, краснорѣчивое не могло быть столь дѣйствительно и сильно, какъ искреннее, умилительное воззваніе къ Богу Вседержителю, дающему и Властителей народамъ и добродѣтель Властителямъ! Съ сего времени Россійскіе Монархи начали уже не только въ сношеніяхъ съ иными Державами, но и внутри Государства, во всѣхъ дѣлахъ и бумагахъ, именоваться *Царями*, сохраняя и титулъ *Великихъ Князей*, освященный древностію; а книжники Московскіе объявили народу, что симъ исполнилось пророчество Апокалипсиса о *шестомъ Царствѣ*, которое есть Россійское ([162]). Хотя титло не придаетъ естественнаго могущества, но дѣйствуетъ на воображеніе людей, и Библейское имя

Царя, напоминая Ассирійскихъ, Египетскихъ, Іудейскихъ, наконецъ православныхъ Греческихъ Вѣнценосцевъ, возвысило въ глазахъ Россіянъ достоинство ихъ Государей. «Смирились» — говорятъ Лѣтописцы — «враги наши, Цари невѣрные «и Короли нечестивые: Іоаннъ сталъ на «первой степени Державства между ими!» Достойно примѣчанія, что Константинопольскій Патріархъ Іоасафъ, въ знакъ своего усердія къ Вѣнценосцу Россіи, въ 1561 году Соборною грамотою утвердилъ его въ санѣ Царскомъ, говоря въ ней: «Не только «преданіе людей достовѣрныхъ, но и самыя лѣтописи свидѣтельствуютъ, что ны«нѣшній Властитель Московскій происхо«дитъ отъ незабвенной Царицы Анны, се«стры Императора Багрянороднаго, и что «Митрополитъ Ефесскій, уполномоченный «для того Соборомъ Духовенства Византій«скаго, вѣнчалъ Россійскаго Великаго Кня«зя, Владиміра, на Царство.» Сія грамота подписана тридцатью-шестью Митрополитами и Епископами Греческими ([163]).

Бракъ Государевъ.

Между тѣмъ знатные сановники, Окольничіе, Дьяки, объѣзжали Россію, чтобы видѣть *всѣхъ* дѣвицъ благородныхъ, и представить лучшихъ невѣстъ Государю: онъ избралъ изъ нихъ юную Анастасію, дочь вдовы Захарьиной ([164]), которой мужъ, Романъ Юрьевичь, былъ Окольничимъ, а све-

коръ Бояриномъ Іоанна III. Родъ ихъ происходилъ отъ Андрея Кобылы, выѣхавшаго къ намъ изъ Пруссіи въ XIV вѣкѣ. Но не знатность, а личныя достоинства невѣсты оправдывали сей выборъ, и современники, изображая свойства ея, приписываютъ ей всѣ женскія добродѣтели, для коихъ только находили они имя въ языкѣ Русскомъ (185): цѣломудріе, смиреніе, набожность, чувствительность, благость, соединенныя съ умомъ основательнымъ; не говорятъ о красотѣ: ибо она считалась уже необходимою принадлежностію счастливой Царской невѣсты. Совершивъ обрядъ вѣнчанія въ храмѣ Богоматери, Митрополитъ сказалъ новобрачнымъ: «Днесь таинствомъ «Церкви соединены вы навѣки, да вмѣстѣ «покланяетесь Всевышнему и живете въ «добродѣтели; а добродѣтель ваша есть «правда и милость. Государь! люби и чти «супругу; а ты, христолюбивая Царица, по«винуйся ему. Какъ святый крестъ глава «церкви, такъ мужъ глава жены. Исполняя «усердно всѣ заповѣди Божественныя, узри«те благая Іерусалима и миръ во Израилѣ.» Юные супруги явились глазамъ народа: благословенія гремѣли на стогнахъ Кремля. Дворъ и Москва праздновали нѣсколько дней. Царь сыпалъ милости на богатыхъ: Царица питала нищихъ. Воспитанная безъ отца въ тишинѣ уединенія, Анастасія уви-

Добродѣтель Анастасіи.

Февраля 13.

дѣла себя какъ бы дѣйствіемъ сверхъестественнымъ пренесенную на театръ мірскаго величія и славы; но не забылась, не измѣнилась въ душѣ съ обстоятельствами, и все относя къ Богу, покланялась Ему и въ Царскихъ чертогахъ такъ же усердно, какъ въ смиренномъ, печальномъ домѣ своей вдовы-матери. Прервавъ веселые пиры Двора, Іоаннъ и супруга его ходили пѣшкомъ, зимою, въ Троицкую Сергіеву Лавру и провели тамъ первую недѣлю Великаго поста, ежедневно моляся надъ гробомъ Св. Сергія.

Пороки Іоанновы и худое правленіе.

Сія набожность Іоаннова, ни искренняя любовь къ добродѣтельной супругѣ, не могли укротить его пылкой, безпокойной души, стремительной въ движеніяхъ гнѣва, пріученной къ шумной праздности, къ забавамъ грубымъ, неблагочиннымъ. Онъ любилъ показывать себя Царемъ, но не въ дѣлахъ мудраго правленія, а въ наказаніяхъ, въ необузданности прихотей; игралъ, такъ сказать, милостями и опалами; умножая число любимцевъ, еще болѣе умножалъ число отверженныхъ; своевольствовалъ, чтобы доказывать свою независимость, и еще зависѣлъ отъ Вельможъ, ибо не трудился въ устроеніи Царства и не зналъ, что Государь истинно-независимый есть только Государь добродѣтельный. Никогда Россія не управлялась хуже: Глинскіе, подобно Шуйскимъ, дѣлали, что хотѣли именемъ

юноши-Государя; наслаждались почестями, богатствомъ, и равнодушно видѣли невѣрность частныхъ властителей; требовали отъ нихъ раболѣпства, а не справедливости. Кто уклонялся предъ Глинскими, тотъ могъ смѣло давить пятою народъ, и быть ихъ слугою значило быть господиномъ въ Россіи ([166]). Намѣстники не знали страха — и горе угнетеннымъ, которые мимо Вельможъ шли ко Трону съ жалобами! Такъ граждане Псковскіе, послѣдніе изъ присоединенныхъ къ Самодержавію и смѣлѣйшіе другихъ, (весною въ 1547 году) жаловались новому Царю на своего Намѣстника, Князя Турунтая-Пронскаго, угодника Глинскихъ. Іоаннъ былъ тогда въ селѣ Островкѣ: семьдесятъ челобитчиковъ стояло передъ нимъ съ обвиненіями и съ уликами. Государь не выслушалъ: закипѣлъ гнѣвомъ; кричалъ, топалъ; лилъ на нихъ горящее вино; палилъ имъ бороды и волосы; велѣлъ ихъ раздѣть и положить на землю. Они ждали смерти. Въ сію минуту донесли Іоанну о паденіи большаго колокола въ Москвѣ; онъ ускакалъ въ столицу, и бѣдные Псковитяне остались живы ([167]).— Честные Бояре съ потупленнымъ взоромъ безмолвствовали во дворцѣ: шуты, скоморохи забавляли Царя, а льстецы славили его мудрость ([168]). Добродѣтельная Анастасія молилась, вмѣстѣ съ Россіею, и Богъ услышалъ ихъ. Характеры сильные требуютъ сильнаго потрясенія, чтобы свергнуть съ себя иго злыхъ страстей и съ живою ревностію устремиться на путь добродѣтели. Для

исправленія Іоаннова надлежало сгорѣть Москвѣ!

Пожары въ Москвѣ.

Сія столица ежегодно возрастала своимъ пространствомъ и числомъ жителей. Дворы болѣе и болѣе стѣснялись въ Кремлѣ, въ Китаѣ; новыя улицы примыкали къ старымъ въ посадахъ; домы строились лучше для глазъ, но не безопаснѣе прежняго: тлѣнныя громады зданій, гдѣ-гдѣ раздѣленныя садами, ждали только искры огня, чтобы сдѣлаться пепломъ. Лѣтописи Москвы часто говорятъ о пожарахъ, называя иные *великими* ([169]); но никогда огонь не свирѣпствовалъ въ ней такъ ужасно, какъ въ 1547 году. 12 Апрѣля сгорѣли лавки въ Китаѣ съ богатыми товарами ([170]), гостиные казенные дворы, Обитель Богоявленская и множество домовъ отъ Ильинскихъ воротъ до Кремля и Москвы-рѣки. Высокая башня, гдѣ лежалъ порохъ, взлетѣла на воздухъ съ частію городской стѣны, пала въ рѣку и запрудила оную кирпичами. 20 Апрѣля обратились въ пепелъ за Яузою всѣ улицы, гдѣ жили гончары и кожевники ([171]); а 24 Іюня, около полудня, въ страшную бурю, начался пожаръ за Неглинною, на Арбатской улицѣ, съ церкви Воздвиженія; огонь лился рѣкою, и скоро вспыхнулъ Кремль, Китай, Большой посадъ. Вся Москва представила зрѣлище огромнаго пылающаго костра подъ тучами густаго дыма. Дере-

вянныя зданія исчезали, каменныя распадались, желѣзо рдѣло какъ въ горнилѣ, мѣдь текла. Ревъ бури, трескъ огня и вопль людей отъ времени до времени былъ заглушаемъ взрывами пороха, хранившагося въ Кремлѣ и въ другихъ частяхъ города. Спасали единственно жизнь: богатство, праведное и неправедное, гибло. Царскія палаты, казна, сокровища, оружіе, иконы, древнія хартіи, книги, даже мощи Святыхъ истлѣли ([172]). Митрополитъ молился въ храмѣ Успенія, уже задыхаясь отъ дыма: силою вывели его оттуда и хотѣли спустить на веревкѣ съ тайника къ Москвѣ-рѣкѣ: онъ упалъ, расшибся и едва живый былъ отвезенъ въ Новоспасскій монастырь. Изъ Собора вынесли только образъ Маріи, писанный Св. Петромъ Митрополитомъ, и *Правила Церковныя*, привезенныя Кипріаномъ изъ Константинополя. Славная Владимірская икона Богоматери оставалась на своемъ мѣстѣ: къ счастію, огонь, разрушивъ кровлю и паперти, не проникъ во внутренность церкви. — Къ вечеру затихла буря, и въ три часа ночи угасло пламя; но развалины курились нѣсколько дней, отъ Арбата и Неглинной до Яузы и до конца Великой улицы, Варварской, Покровской, Мясницкой, Дмитровской, Тверской ([173]). Ни огороды, ни сады не уцѣлѣли: дерева обратились въ уголь, трава въ золу. Сгорѣло 1700 человѣкъ, кромѣ младенцевъ. Не льзя, по сказанію современниковъ, ни описать, ни вообразить сего бѣдствія. Люди съ опаленными волосами, съ черными лицами, бродили

какъ тѣни среди ужасовъ обширнаго пепелища: искали дѣтей, родителей, остатковъ имѣнія; не находили, и выли какъ дикіе звѣри. «Счастливъ» — говоритъ Лѣтописецъ — «кто, умиляясь душею, могъ плакать и смотрѣть на небо!» Утѣшителей не было: Царь съ Вельможами удалился въ село Воробьево, какъ бы для того, чтобы не слыхать и не видать народнаго отчаянія. Онъ велѣлъ немедленно возобновить Кремлевскій дворецъ; богатые также спѣшили строиться; о бѣдныхъ не думали. Симъ воспользовались непріятели Глинскихъ: Духовникъ Іоанновъ, Протоіерей Ѳеодоръ, Князь Скопинъ-Шуйскій, Бояринъ Иванъ Петровичь Ѳедоровъ, Князь Юрій Темкинъ, Нагой и Григорій Юрьевичь Захарьинъ, дядя Царицы: они составили заговоръ; а народъ, несчастіемъ расположенный къ изступленію злобы и къ мятежу, охотно сдѣлался ихъ орудіемъ.

Въ слѣдующій день Государь поѣхалъ съ Боярами навѣстить Митрополита въ Новоспасской Обители. Там Духовникъ его, Скопинъ-Шуйскій и знатные ихъ единомышленники объявили Іоанну, что Москва сгорѣла отъ волшебства нѣкоторыхъ злодѣевъ. Государь удивился, и велѣлъ изслѣдовать сіе дѣло Боярамъ, которые, чрезъ два дни пріѣхавъ въ Кремль, собрали гражданъ на площади и спрашивали, кто жегъ

Буитъ черни.

столицу? Въ нѣсколько голосовъ отвѣчали имъ: «Глинскіе! Глинскіе! Мать ихъ, Кня«гиня Анна, вынимала сердца изъ мерт«выхъ, клала въ воду, и кропила ею всѣ «улицы, ѣздя по Москвѣ. Вотъ, отъ чего «мы сгорѣли!» Сію басню выдумали и разгласили заговорщики. Умные люди не вѣряли ей, однакожь молчали: ибо Глинскіе заслужили общую ненависть. Многіе поджигали народъ, и самые Бояре. Княгиня Анна, бабка Государева, съ сыномъ Михайломъ находилась тогда во Ржевскомъ своемъ помѣстьѣ. Другой сынъ ея, Князь Юрій, стоялъ на Кремлевской площади въ кругу Бояръ: изумленный нелѣпымъ обвиненіемъ, и видя ярость черни, онъ искалъ безопасности въ церкви Успенія, куда вломился за нимъ и народъ. Совершилось дотолѣ неслыханное въ Москвѣ злодѣйство: мятежники въ святомъ храмѣ убили роднаго дядю Государева (174), извлекли его тѣло изъ Кремля и положили на лобномъ мѣстѣ; разграбили имѣніе Глинскихъ, умертвили множество ихъ слугъ и Дѣтей Боярскихъ (175). Никто не унималъ беззаконія: Правительства какъ бы не было....

Чудное исправленіе Іоанна. Сильвестръ и Адашевъ.

Въ сіе ужасное время, когда юный Царь трепеталъ въ Воробьевскомъ дворцѣ своемъ, а добродѣтельная Анастасія молилась, явился тамъ какой-то удивительный мужъ, именемъ Сильвестръ, саномъ Іерей, родомъ

изъ Новагорода ([176]); приближился къ Іоанну съ подъятымъ, угрожающимъ перстомъ, съ видомъ Пророка, и гласомъ убѣдительнымъ возвѣстилъ ему, что судъ Божій гремитъ надъ главою Царя легкомысленнаго и злострастнаго; что огнь Небесный испепелилъ Москву; что сила Вышняя волнуетъ народъ и лiетъ фiалъ гнѣва въ сердца людей. Раскрывъ Святое Писаніе, сей мужъ указалъ Іоанну правила, данныя Вседержителемъ сонму Царей земныхъ; заклиналъ его быть ревностнымъ исполнителемъ сихъ уставовъ; представилъ ему даже какія-то страшныя видѣнія ([177]), потрясъ душу и сердце, овладѣлъ воображеніемъ, умомъ юноши, и произвелъ чудо: Іоаннъ сдѣлался инымъ человѣкомъ; обливаясь слезами раскаянія, простеръ десницу къ наставнику вдохновенному; требовалъ отъ него силы быть добродѣтельнымъ — и пріялъ оную ([178]). Смиренный Іерей, не требуя ни высокаго имени, ни чести, ни богатства, сталъ у трона, чтобы утверждать, ободрять юнаго Вѣнценосца на пути исправленія, заключивъ тѣсный союзъ съ однимъ изъ любимцевъ Іоанновыхъ, Алексѣемъ Өедоровичемъ Адашевымъ, прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, коего описываютъ земнымъ Ангеломъ ([179]): имѣя нѣжную, чистую душу, нравы благіе, разумъ пріятный, основательный и безкорыстную любовь къ добру, онъ искалъ Іоанновой милости не для своихъ личныхъ выгодъ, а для пользы отечества, и Царь нашелъ въ немъ рѣдкое сокровище, друга, необходимо

нужнаго Самодержцу, чтобы лучше знать людей, состояніе Государства, истинныя потребности онаго: ибо Самодержецъ съ высоты престола видитъ лица и вещи въ обманчивомъ свѣтѣ отдаленія; а другъ его какъ подданный стоитъ на ряду со всѣми, смотритъ прямѣе въ сердца и вблизи на предметы. Сильвестръ возбудилъ въ Царѣ желаніе блага: Адашевъ облегчилъ Царю способы благотворенія. — Такъ повѣствуетъ умный современникъ, Князь Андрей Курбскій, бывшій тогда уже знатнымъ сановникомъ Двора. По крайней мѣрѣ здѣсь начинается эпоха Іоанновой славы, новая, ревностная дѣятельность въ Правленіи, ознаменованная счастливыми для Государства успѣхами и великими намѣреніями.

Во первыхъ, обуздали мятежную чернь, которая, на третій день по убіеніи Глинскаго, явилась шумною толпою въ Воробьевѣ, окружила дворецъ и кричала, чтобы Государь выдалъ ей свою бабку, Княгиню Анну, и сына ея, Михайла (180). Іоаннъ велѣлъ стрѣлять въ бунтовщиковъ: толпу разсѣяли; схватили и казнили нѣкоторыхъ; многіе ушли; другіе пали на колѣна и винились. Порядокъ возстановился. Тогда Государь изъявилъ попечительность отца о бѣдныхъ: взяли мѣры, чтобы никто изъ нихъ не остался безъ крова и хлѣба.

Во вторыхъ, истинные виновники бунта, подстрекатели черни, Князь Скопинъ-Шуйскій съ клевретами обманулись, если имѣли надежду,

свергнувъ Глинскихъ, овладѣть Царемъ. Хотя Іоаннъ пощадилъ ихъ, изъ уваженія ли къ своему Духовнику и къ дядѣ Царицы, или за недостаткомъ ясныхъ уликъ, или предавъ одному суду Божію такое дѣло, которое, не смотря на беззаконіе способовъ, удовлетворяло общей, справедливой ненависти къ Глинскимъ: но мятежное господство Бояръ рушилось совершенно, уступивъ мѣсто единовластію Царскому, чуждому тиранства и прихотей. Чтобы торжественнымъ дѣйствіемъ Вѣры утвердить благословенную перемѣну въ Правленіи и въ своемъ сердцѣ, Государь на нѣсколько дней уединился для поста и молитвы; созвалъ Святителей, умиленно каялся въ грѣхахъ, и разрѣшенный, успокоенный ими въ совѣсти, причастился Святыхъ Таинъ (181).

Рѣчь Государева на лобномъ мѣстѣ. Г. 1547-1550.

Юное, пылкое сердце его хотѣло открыть себя предъ лицемъ Россіи: онъ велѣлъ, чтобы изъ всѣхъ городовъ прислали въ Москву людей избранныхъ, всякаго чина или состоянія, для важнаго дѣла государственнаго. Они собралися — и въ день Воскресный, послѣ Обѣдни, Царь вышелъ изъ Кремля съ Духовенствомъ, съ Крестами, съ Боярами, съ дружиною воинскою, на лобное мѣсто, гдѣ народъ стоялъ въ глубокомъ молчаніи. Отслужили молебенъ. Іоаннъ обра-

тился къ Митрополиту и сказалъ ([182]): «Святый Владыко! знаю усердіе твое ко благу и «любовь къ отечеству: будь же мнѣ поборникомъ въ моихъ благихъ намѣреніяхъ. Рано Богъ лишилъ меня отца и матери; а «Вельможи не радѣли о мнѣ: хотѣли быть «самовластными; моимъ именемъ похитили «саны и чести, богатѣли неправдою, тѣснили народъ — и никто не претилъ имъ. «Въ жалкомъ дѣтствѣ своемъ я казался глухимъ и нѣмымъ: не внималъ стенанію бѣдныхъ, и не было обличенія въ устахъ моихъ! Вы, вы дѣлали, что хотѣли, злые «крамольники, судіи неправедные! Какой отвѣтъ дадите намъ нынѣ? Сколько слезъ, сколько крови отъ васъ пролилося? Я чистъ отъ «сея крови! А вы ждите суда Небеснаго!».... Тутъ Государь поклонился на всѣ стороны, и продолжалъ: «Люди Божіи и намъ Богомъ «дарованные! молю вашу вѣру къ Нему и любовь ко мнѣ: будьте великодушны! Не льзя «исправить *минувшаго* зла: могу только *впредь* «спасать васъ отъ подобныхъ притѣсненій и «грабительствъ. Забудьте, чего уже нѣтъ и «не будетъ! Оставьте ненависть, вражду; соединимся всѣ любовію Христіанскою. Отнынѣ я судія вашъ и защитникъ.» Въ сей великій день, когда Россія въ лицѣ своихъ повѣренныхъ присутствовала на лобномъ мѣстѣ, съ благоговѣніемъ внимая искренному обѣту юнаго Вѣнценосца жить для ея счастія, Іоаннъ

въ восторгѣ великодушія объявилъ искреннее прощеніе виновнымъ Боярамъ; хотѣлъ, чтобы Митрополитъ и Святители также ихъ простили именемъ Судіи Небеснаго; хотѣлъ, чтобы всѣ Россіяне братски обнялися между собою; чтобы всѣ жалобы и тяжбы прекратились миромъ до назначеннаго имъ срока ([183]). — Въ тотъ же день онъ поручилъ Адашеву принимать челобитныя отъ бѣдныхъ, сиротъ, обиженныхъ, и сказалъ ему торжественно: «Алексій! ты не знатенъ и не «богатъ, но добродѣтеленъ. Ставлю тебя на мѣсто высокое, не по твоему «желанію, но въ помощь душѣ моей, ко«торая стремится къ такимъ людямъ, да «утолите ея скорбь о несчастныхъ, ко«ихъ судьба мнѣ ввѣрена Богомъ! Не бой«ся ни сильныхъ, ни славныхъ, когда «они, похитивъ честь, беззаконствуютъ. «Да не обманутъ тебя и ложныя слезы «бѣднаго, когда онъ въ зависти клеве«щетъ на богатаго! Все рачительно испы«тывай, и доноси мнѣ истину, страшася «единственно суда Божія» ([184]). Народъ плакалъ отъ умиленія вмѣстѣ съ юнымъ своимъ Царемъ.

Царь говорилъ и дѣйствовалъ, опираясь на чету избранныхъ, Сильвестра и Адашева, которые приняли въ священный союзъ свой не только благоразумнаго Митропо-

лита, но и всѣхъ мужей добродѣтельныхъ, опытныхъ, въ маститой старости еще усердныхъ къ отечеству ([185]) и прежде отгоняемыхъ отъ трона, гдѣ вѣтреная юность не терпѣла ихъ угрюмаго вида. Ласкатели и шуты онѣмѣли при Дворѣ; въ Думѣ заграждались уста навѣтникамъ и кознодѣямъ, а правда могла быть откровенною. Не смотря на довѣренность, которую Іоаннъ имѣлъ къ Совѣту, онъ самъ входилъ и въ государственныя и въ важнѣйшія судныя дѣла, чтобы исполнить обѣтъ, данный имъ Богу и Россіи. Вездѣ народъ благословилъ усердіе Правительства къ добру общему; вездѣ смѣняли недостойныхъ властителей: наказывали презрѣніемъ или темницею ([186]), но безъ излишней строгости; хотѣли ознаменовать счастливую государственную перемѣну не жестокою казнію худыхъ старыхъ чиновниковъ, а лучшимъ избраніемъ новыхъ, какъ бы объявляя тѣмъ народу, что злоупотребленія частной власти бываютъ обыкновеннымъ, неминуемымъ слѣдствіемъ усыпленія или разврата въ главномъ Начальствѣ: гдѣ оно терпитъ грабежъ, тамъ грабители почти невинны, пользуясь дозволяемымъ. Только въ однихъ Самодержавныхъ Государствахъ видимъ сіи легкіе, быстрые переходы отъ зла къ добру: ибо все зависитъ отъ воли Самодержца, который, подобно искусному

Перемѣна Двора и властей.

Механику, движеніемъ перста даетъ ходъ громадамъ, вращаетъ махину неизмѣримую, и влечетъ ею милліоны ко благу или бѣдствію.

Кротость правленія.

Вообще мудрая умѣренность, человѣколюбіе, духъ кротости и мира сдѣлались правиломъ для Царской власти. Весьма не многіе изъ прежнихъ Царедворцевъ — и самые злѣйшіе — были удалены; другихъ обуздали или исправили, какъ пишутъ (187). Духовникъ Іоанновъ, Протоіерей Ѳеодоръ, одинъ изъ главныхъ виновниковъ бывшаго мятежа, терзаемый совѣстію, заключился въ монастырѣ (188). Въ Думу поступили новые Бояре: дядя Царицы, Захарьинъ, Хабаровъ (вѣрный другъ несчастнаго Ивана Бѣльскаго), Князья Куракинъ Булгаковъ, Данило Пронскій и Дмитрій Палецкій, коего дочь, Княжна Іуліанія, удостоилась тогда чести быть супругою шестнадцати-лѣтняго брата Государева, Князя Юрія Василіевича (189). Отнявъ у ненавистнаго Михайла Глинскаго знатный санъ Конюшаго (190), оставили ему Боярство, помѣстья и свободу жить, гдѣ хочетъ; но сей Вельможа, устрашенный судьбою брата, вмѣстѣ съ другомъ своимъ, Княземъ Турунтаемъ-Пронскимъ, бѣжалъ въ Литву. За ними гнался Князь Петръ Шуйскій: видя, что имъ не льзя уйти, они возвратились въ Москву, и взятые подъ стражу, кля-

лися, что ѣхали не въ Литву, а на богомолье въ Оковецъ. Несчастныхъ уличили во лжи, но милостиво простили, извинивъ бѣгство ихъ страхомъ ([191]). — Въ самомъ семействѣ Государскомъ, гдѣ прежде обитали холодность, недовѣріе, зависть, вражда ([192]), Россія увидѣла миръ и тишину искренней любви. Узнавъ счастіе добродѣтели, Іоаннъ еще болѣе узналъ цѣну супруги добродѣтельной: утверждаемой прелестною Анастасіею во всѣхъ благихъ мысляхъ и чувствахъ, онъ былъ и добрымъ Царемъ и добрымъ родственникомъ: женивъ Князя Юрія Василіевича, избралъ супругу и для Князя Владиміра Андреевича, дѣвицу Евдокію, изъ рода Нагихъ ([193]); жилъ съ первымъ въ одномъ дворцѣ; ласкалъ, чтилъ обоихъ; присоединяя имена ихъ къ своему въ государственныхъ указахъ, писалъ: «Мы уложили съ братьями и съ Боярами» ([194]).

Желая уподобиться во всемъ Великому Іоанну III — желая, по его собственному слову, быть *Царемъ правды* ([195]) — онъ не только острилъ мечь на враговъ иноплеменныхъ, но, въ цвѣтущей юности лѣтъ, занялся и тѣмъ важнымъ дѣломъ государственнымъ, для коего въ самыя просвѣщенныя времена требуется необыкновенныхъ усилій разума, и коимъ немногіе Вѣнценосцы пріобрѣли истинную, без- Судебникъ.

смертную славу: *законодательствомъ.* Окруженный сонмомъ Бояръ и другихъ мужей свѣдущихъ въ искусствѣ гражданскомъ, Царь предложилъ имъ разсмотрѣть, дополнить Уложеніе Іоанна III согласно съ новыми опытами, съ новыми потребностями Россіи въ ея гражданской и государственной дѣятельности. Вышелъ *Судебникъ* (въ 1550 году) или *вторая Русская Правда*, вторая полная система нашихъ древнихъ законовъ, достойная подробнаго изложенія въ статьѣ особенной, гдѣ будемъ говорить вообще о тогдашнемъ состояніи Россіи. Здѣсь скажемъ единственно, что Іоаннъ и добрые его совѣтники искали въ трудѣ своемъ не блеска, не суетной славы, а вѣрной, явной пользы, съ ревностною любовію къ справедливости, къ благоустройству; не дѣйствовали воображеніемъ, умомъ не обгоняли настоящаго порядка вещей, не терялись мыслями въ возможностяхъ будущаго, но смотрѣли вокругъ себя, исправляли злоупотребленія, не измѣняя главной, древней основы законодательства; все оставили, какъ было и чѣмъ народъ казался довольнымъ: устраняли только причину извѣстныхъ жалобъ; хотѣли лучшаго, не думая о совершенствѣ — и безъ учености, безъ Ѳеоріи, не зная ничего, кромѣ Россіи, но зная хорошо Россію, написали книгу, которая будетъ всегда любопытною, доколѣ стоитъ наше отечество: ибо она есть вѣрное зерцало нравовъ и понятій вѣка.— Въ прибавленіяхъ къ Судебнику

находится и важный по тогдашнему времени указъ о *мѣстничествѣ:* Государь еще не могъ совершенно искоренить сего великаго зла, а хотѣлъ единственно умѣрить оное, запретивъ Дѣтямъ Боярскимъ и Княжатамъ считаться родомъ съ Воеводами; уставилъ также, что Воевода Большаго Полку долженъ быть всѣхъ знатнѣе; что начальники Передоваго и Сторожеваго Полку ему одному уступаютъ въ старѣйшинствѣ и не считаются съ Воеводами Правой и Лѣвой Руки; что Государю принадлежитъ судить о родахъ и достоинствахъ; что кто съ кѣмъ посланъ, тому тотъ и повинуется (196). Обузданіе мѣстничества.

Одобривъ Судебникъ, Іоаннъ назначилъ быть въ Москвѣ *Собору слугъ Божіихъ*, и въ 1551 году, 23 Февраля, дворецъ Кремлевскій наполнился знаменитѣйшими мужами Русскаго Царства, духовными и мірскими. Митрополитъ, девять Святителей, всѣ Архимандриты, Игумены, Бояре, сановники первостепенные сидѣли въ молчаніи (197), устремивъ взоръ на Царя-юношу, который съ силою ума и краснорѣчія говорилъ имъ о возвышеніи и паденіи Царствъ отъ мудрости или буйства властей, отъ благихъ или злыхъ обычаевъ народныхъ; описалъ все претерпѣнное *вдовствующею* Россіею во дни его сиротства и юности, сперва невинной, а послѣ развратной; упо- Стоглавъ.

мянулъ о слезной кончинѣ дядей своихъ, о безпорядкахъ Вельможъ, коихъ худые примѣры испортили въ немъ сердце ([198]) ; но повторилъ, что все минувшее предано имъ забвенію. Тутъ Іоаннъ изобразилъ бѣдствіе Москвы, обращенной въ пепелъ, и мятежъ народа. «Тогда» — сказалъ онъ — «ужас«нулась душа моя и кости во мнѣ затрепе«тали ; духъ мой смирился , сердце умили«лось. Теперь ненавижу зло и люблю до«бродѣтель. Отъ васъ требую ревностнаго «наставленія, Пастыри Христіанъ, учители «Царей и Вельможъ , достойные Святители «Церкви! Не щадите меня въ преступле«ніяхъ ; смѣло упрекайте мою слабость; «гремите Словомъ Божіимъ , да жива бу-

г. 1547-1551. «детъ душа моя» ([199])! Далѣе , изъяснивъ свое благодѣтельное намѣреніе устроить счастіе Россіи всѣми данными ему отъ Бога способами, и доказавъ необходимость исправленія законовъ для внутренняго порядка , Царь предложилъ Святителямъ Судебникъ на разсмотрѣніе, и Грамоты Уставныя, по коимъ во всѣхъ городахъ и волостяхъ надлежало избрать Старостъ и Цѣловальниковъ или Присяжныхъ, чтобы они судили дѣла вмѣстѣ съ Намѣстниками или съ ихъ Тіунами, какъ дотолѣ было въ одномъ Новѣгородѣ и Псковѣ ([200]); а Сотскіе и Пятидесятники, также избираемые общею довѣренностію, долженствовали за-

Уставныя грамоты. Избраніе Присяжныхъ.

ниматься земскою исправою, дабы чиновники Царскіе не могли дѣйствовать самовластно и народъ не былъ безгласнымъ ([201]). — Соборъ утвердилъ всѣ новыя, мудрыя постановленія Іоанновы.

Но симъ не кончилось его дѣйствіе: Государь, устроивъ Державу, предложилъ Святителямъ устроить Церковь: исправить не только обряды ея, книги, искажаемыя писцами-невѣждами, но и самые нравы Духовенства въ примѣръ мірянамъ; ученіемъ образовать достойныхъ служителей Олтаря; уставить правила благочинія, которое должно быть соблюдаемо въ храмахъ Божіихъ; искоренить соблазнъ въ монастыряхъ, очистить Христіанство Россійское отъ всѣхъ остатковъ древняго язычества, и проч. Самъ Іоаннъ именно означилъ всѣ болѣе или менѣе важные предметы для вниманія Отцевъ Собора, который назвали *Стоглавнымъ* по числу законныхъ статей, имъ изданныхъ ([202]). Однимъ изъ полезнѣйшихъ дѣйствій онаго было заведеніе училищъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, чтобы Іереи и Діаконы, извѣстные умомъ и добрыми свойствами, наставляли тамъ дѣтей въ грамотѣ и страхѣ Божіемъ: учрежденіе тѣмъ нужнѣйшее, что многіе Священники въ Россія едва умѣли тогда разбирать буквы, вытверживая наизусть службу церковную ([203]). Же-

Учрежденія церковныя.

лая укоренить въ сердцахъ истинную Вѣру, Отцы Собора взяли мѣры для обузданія суевѣрія и пустосвятства: запретили тщеславнымъ строить безъ всякой нужды новыя церкви, а бродягамъ-тунеядцамъ келліи въ лѣсахъ и въ пустыняхъ; запретили также, исполняя волю Государя, Епископамъ и монастырямъ покупать отчины безъ вѣдома и согласія Царскаго (204): ибо Государь благоразумно предвидѣлъ, что они могли бы сею куплею присвоить себѣ наконецъ большую часть недвижимыхъ имѣній въ Россіи, ко вреду общества и собственной ихъ нравственности. Однимъ словомъ, сей достопамятный Соборъ, по важности его предмета, знаменитѣе всѣхъ иныхъ, бывшихъ въ Кіевѣ, Владимірѣ и Москвѣ.

Намѣреніе просвѣтить Россію.

Къ симъ, можно сказать, великимъ намѣреніямъ Іоанна принадлежитъ и замыслъ его обогатить Россію плодами Искусствъ чужеземныхъ. Саксонецъ Шлиттъ въ 1547 году былъ въ Москвѣ, выучился языку нашему, имѣлъ доступъ къ Царю и говорилъ съ нимъ объ успѣхахъ художествъ, Наукъ въ Германіи, неизвѣстныхъ Россіянамъ. Іоаннъ слушалъ, распрашивалъ его съ любопытствомъ, и предложилъ ему ѣхать отъ насъ Посланникомъ въ Нѣмецкую землю, чтобы вывезти оттуда въ Москву не только ремесленниковъ, художниковъ, лекарей,

Аптекарей, Типографщиковъ, но и людей искусныхъ въ древнихъ и въ новыхъ языкахъ — даже Θеологовъ ([205])! Шлиттъ охотно взялся услужить тѣмъ Государю и Россіи; нашелъ Императора, Карла V, въ Аугсбургѣ, на Сеймѣ, и вручилъ ему Іоанновы письма о своемъ дѣлѣ. Императоръ хотѣлъ знать мнѣніе Сейма: долго разсуждали, и согласились исполнить желаніе Царя, но съ условіемъ, чтобы Шлиттъ именемъ Іоанновымъ обязался клятвенно не выпускать Ученыхъ и художниковъ изъ Россіи въ Турцію, и вообще не употреблять ихъ способностей ко вреду Нѣмецкой Имперіи. Карлъ V далъ нашему Посланнику грамоту, съ дозволеніемъ искать въ Германіи людей годныхъ для службы Царя; а Шлиттъ набралъ болѣе ста-двадцати человѣкъ ([206]), и готовился плыть съ ними изъ Любека въ Ливонію. Но все разрушилось отъ низкой, завистливой Политики Ганзы и Ливонскаго Ордена. Они боялись нашего просвѣщенія; думали, что Россія сдѣлается отъ того еще сильнѣе, опаснѣе для сосѣдственныхъ Державъ; и своими коварными представленіями заставили Императора думать такъ же: въ слѣдствіе чего Сенаторы Любекскіе беззаконно посадили Шлитта въ темницу; многочисленные сопутники его разсѣялись, и долго Іоаннъ не зналъ о несчастной судьбѣ своего Посланника, который, бѣжавъ наконецъ изъ заключенія, уже въ 1557 году возвратился въ Москву, одинъ, безъ денегъ, съ долгами и съ разными легкомысленными предло-

женіями: на примѣръ, чтобы Царь помогалъ Императору людьми и деньгами въ войнѣ Турецкой, далъ ему аманатовъ (двадцать-пять Князей и Бояръ) въ залогъ вѣрности, обѣщался соединить Церковь нашу съ Латинскою, имѣлъ всегдашняго Посла при Дворѣ Карловомъ, основалъ Орденъ для Россіянъ и чужестранцевъ, нанялъ 6000 Нѣмецкихъ воиновъ, учредилъ почту отъ Москвы до Аугсбурга, и проч. (207). Хотя благое намѣреніе Царя не исполнилось совершенно, отъ недоброжелательства Любчанъ и Правительства Ливонскаго, послѣ имъ жестоко наказаннаго: однакожь многіе изъ Нѣмецкихъ художниковъ, остановленныхъ въ Любекѣ, вопреки запрещенію Императора и Магистра Ливонскаго умѣли тайно проѣхать въ Россію и были ей полезными въ важномъ дѣлѣ гражданскаго образованія (208).

Воинскія дѣянія. Сіе истинно Царское дѣло совершалось подъ звукомъ оружія и побѣдъ, тогда необходимыхъ для благоденствія Россіи. Надлежало унять варваровъ, которые, пользуясь юностію Вѣнценосца и смутами Бояръ, столь долго свирѣпствовали въ нашихъ предѣлахъ, такъ, что за 200 верстъ отъ Москвы, къ Югу и Сѣверо-Востоку, земля была усѣяна пепломъ и костями Россіянъ (209). Не оставалось ни селенія, ни семейства цѣлаго! Чтобы начать съ

ближайшаго, зловреднѣйшаго непріятеля, семнадцати-лѣтній Іоаннъ, пылая ревностію славы, хотѣлъ самъ вести рать къ Казани, и выѣхалъ изъ Москвы въ Декабрѣ мѣсяцѣ; но судьба искусила его твердость неудачею. Презирая нѣгу, онъ готовился терпѣть въ походѣ холодъ и мятели, обыкновенныя въ сіе время года: вмѣсто снѣга шелъ непрестанно дождь; обозы и пушки тонули въ грязи. 2 Февраля, когда Царь, ночевавъ въ Ельнѣ, въ 15 верстахъ отъ Нижняго, прибылъ на островъ Роботку, вся Волга покрылась водою: ледъ треснулъ; снарядъ огнестрѣльный провалился, и множество людей погибло. Три дни Государь жилъ на островѣ и тщетно ждалъ пути: наконецъ, какъ бы устрашенный худымъ предзнаменованіемъ, возвратился съ печалію въ Москву (210); однакожь велѣлъ Князю Димитрію Бѣльскому итти съ полками къ Казани, не для ея завоеванія, но чтобы нанести ей чувствительный ударъ. Царь Шигъ-Алей и другіе Воеводы шли изъ Мещеры къ устью Цивили и соединились тамъ съ Бѣльскимъ (211): Сафа-Гирей ждалъ ихъ на Арскомъ полѣ, гдѣ одинъ Князь Симеонъ Микулинскій съ передовою дружиною разбилъ его на голову и *втоптал*ъ въ городъ, плѣнивъ богатыря Азика и многихъ знатныхъ людей. Татары отмстили намъ разореніемъ Галицкихъ

Походъ на Казань.

селъ; но Костромскій Воевода, Яковлевъ, истребилъ всю толпу сихъ хищниковъ на берегахъ рѣчки Еговки, на Гусевѣ полѣ, убивъ ихъ предводителя, богатыря Арака (212).

Не довольный сими легкими дѣйствіями нашей силы, Іоаннъ готовился къ предпріятію рѣшительному: для того желалъ мира съ Литвою, гдѣ ветхій Сигизмундъ кончилъ дни свои, а юный его наслѣдникъ, Августъ, занимался болѣе любовными, нежели государственными дѣлами, и не имѣлъ въ теченіе пяти лѣтъ никакого сношенія съ Москвою. Сигизмундъ умеръ въ 1548 году. Уже срокъ перемирія исходилъ, а новый Король молчалъ, и даже не извѣстилъ Іоанна о смерти отца. Бояре наши, Князь Димитрій Бѣльскій и Морозовъ, писали о томъ къ Литовскимъ Вельможамъ и дали имъ знать, что мы ждемъ ихъ Пословъ для мирнаго дѣла. Въ Генварѣ 1549 года Воевода Витебскій, Станиславъ Кишка, и Маршалокъ Комаевскій пріѣхали въ Москву; вступили въ переговоры о вѣчномъ мирѣ; требовали, какъ обыкновенно, Новагорода, Пскова, Смоленска, городовъ Сѣверскихъ, и въ извиненіе сихъ нелѣпыхъ предложеній твердили Боярамъ: «*Посолъ какъ мѣхъ: что въ него вложишь, то «и несетъ*. Исполняемъ данное намъ отъ «Короля и Думы повелѣніе.» Бояре отвѣтствовали: «И такъ будемъ говорить един-

Перемиріе съ Литвою.

«ственно о перемиріи.» Заключили его на старыхъ условіяхъ. Но Паны Литовскіе не согласились внести новаго Царскаго титула въ грамоту. Съ обѣихъ сторонъ упрямились, такъ, что Послы было-уѣхали изъ Москвы (213): ихъ воротили — и, соблюдая перемиріе, спорили о титулѣ. Августъ признавалъ Іоанна только Великимъ Княземъ, а мы съ досады уже не называли Августа Королемъ. Были и другія неудовольствія. Государь, предлагая 2000 рублей выкупа за нашихъ знатныхъ плѣнниковъ, Князей Ѳедора Оболенскаго и Михайла Голицу, получилъ отказъ, и самъ отказалъ Королю въ его требованіи, чтобы Евреи Литовскіе могли свободно торговать въ Россіи, согласно съ прежними договорами. «Нѣтъ,» отвѣчалъ Іоаннъ: «сіи люди привозили къ намъ отраву тѣлесную и душевную: продавали у насъ смертоносныя «зелія и злословили Христа Спасителя; не «хочу объ нихъ слышать» (214). — Но ни Россія, ни Литва не желала войны.

Одинъ Ханъ Саипъ-Гирей грозилъ мечемъ Іоанну, и былъ тѣмъ надменнѣе, что ему удалось тогда завоевать Астрахань, богатую купечествомъ, но скудную войскомъ и беззащитную, не смотря на пышное имя Царства, ею носимое. Взявъ сей городъ, Ханъ разорилъ его до основанія, вывелъ многихъ жителей въ Крымъ и счи- Дѣла Крымскія.

талъ себя законнымъ властелиномъ единоплеменныхъ съ ними Ногаевъ (215). Онъ самъ писалъ о томъ къ Іоанну; сказывалъ, что Кабардинцы и горные Кайтаки платятъ ему дань; хвалился своимъ могуществомъ, и говорилъ: «Ты былъ молодъ, а «нынѣ уже въ разумѣ: объяви, чего хо«чешь? любви или крови? Ежели хочешь «любви, то присылай не бездѣлицы, а да«ры знатные, подобно Королю, дающему «намъ 15,000 золотыхъ ежегодно. Когда «же угодно тебѣ воевать, то я готовъ итти «къ Москвѣ, и земля твоя будетъ подъ но«гами коней моихъ» (216). Зная, что Саипъ-Гирей возметъ дары, но не отступится отъ Казани, и что война съ нею должна быть и войною съ Крымомъ, Государь уже презиралъ гнѣвъ Хана, и засадилъ его Пословъ въ темницу, свѣдавъ, что онъ беретъ къ себѣ Московскихъ купцевъ въ домашнюю услугу какъ невольниковъ, и что въ Тавридѣ обезчестили нашего гонца (217). Однимъ словомъ, мы чувствовали силу свою и надѣялись управиться со всѣмъ Батыевымъ потомствомъ.

Смерть Царя Казанскаго.

Въ сіе время (въ Мартѣ 1549 года) Казань лишилась Царя: Сафа-Гирей пьяный убился во дворцѣ и кончилъ жизнь внезапно, оставивъ двулѣтняго сына, именемъ Утемишъ-Гирея, коего мать, прекрасная Сююнбека, дочь Князя Ногайскаго

Юсуфа, была ему любезнѣе всѣхъ иныхъ женъ (218): Вельможи возвели младенца Утемишъ-Гирея на престолъ, но искали лучшаго Властителя, и хотѣли, чтобы Ханъ Крымскій далъ имъ своего сына защитить ихъ отъ Россіянъ; а въ Москву прислали гонца съ письмомъ отъ юнаго Царя, требуя мира (219). Іоаннъ отвѣтствовалъ, что о мирѣ говорятъ только съ Послами; спѣшилъ воспользоваться мятежнымъ безначаліемъ Казани, и велѣлъ собираться полкамъ: Большому въ Суздалѣ, Передовому въ Шуѣ и въ Муромѣ, Сторожевому въ Юрьевѣ, Правому въ Костромѣ, Лѣвому въ Ярославлѣ (220). 24 Ноября самъ Государь выѣхалъ изъ Москвы въ Владиміръ, гдѣ Митрополитъ, благословивъ его, убѣждалъ Воеводъ служить великодушно отечеству и Царю въ духѣ любви и братства, забыть гордость и мѣстничество, терпимое въ мирные дни, а на войнѣ преступное. Начальникомъ въ Москвѣ остался Князь Владиміръ Андреевичъ. Іоаннъ взялъ съ собою меньшаго брата, Князя Юрія, Царя Шигъ-Алея и всѣхъ знатныхъ Казанскихъ бѣглецовъ. Зима была ужасная: люди падали мертвые на пути отъ несноснаго холода. Государь все терпѣлъ и всѣхъ ободрялъ, забывъ нѣгу, раскошь Двора и ласки прелестной супруги (221). Въ Нижнемъ Новѣгородѣ соединились полки, и 14 Фе-

Походъ на Казань.

враля стали подъ Казанью: Іоаннъ съ Дворянами на берегу озера Кабана, Шигъ-Алей и Князь Димитрій Бѣльскій съ главною силою на Арскомъ полѣ, другая часть войска за рѣкою Казанкою, снарядъ огнестрѣльный на устьѣ Булака и Поганомъ озерѣ. Изготовили туры и приступили къ городу. Дотолѣ Государи наши не бывали подъ стѣнами сей мятежной столицы, посылая единственно Воеводъ для наказанія вѣроломныхъ ея жителей: тутъ юный, бодрый, любимый Монархъ самъ обнажилъ мечь; все видѣлъ, распоряжалъ, своимъ голосомъ и мужествомъ призывалъ воиновъ ко славѣ и побѣдѣ легкой. Царь Казани былъ въ пеленахъ, ея знатнѣйшіе Вельможи погибли въ крамолахъ или передались къ намъ, окружали Іоанна и чрезъ своихъ тайныхъ друзей склоняли единоземцевъ покориться его великодушію. 60,000 Россіянъ стремилось къ крѣпости деревянной, сокрушаемой ужаснымъ громомъ стѣнобитныхъ орудій. Но послѣдній часъ для Казани еще не насталъ; сражались цѣлый день. Россіяне убили множество людей въ городѣ, Князя Крымскаго, Челбака, и сына одной изъ женъ Сафа-Гиреевыхъ, но не могли овладѣть крѣпостію. Въ слѣдующіе дни сдѣлалась оттепель; шли сильные дожди, пушки не стрѣляли, ледъ на рѣкахъ
г. 1550. взломало, дороги испортились, и войско,

не имѣя подвозовъ, боялось голода. Надлежало уступить необходимости и съ величайшимъ трудомъ итти назадъ. Отправивъ впередъ Большой полкъ и тяжелый снарядъ, Государь самъ шелъ за ними съ легкою конницею, чтобы спасти пушки и удерживать напоръ непріятеля (222); изъявлялъ твердость, не унывалъ, и занимаясь только одною мыслію, низложеніемъ сего зловреднаго, ненавистнаго для Россіи Царства, внимательно наблюдалъ мѣста; остановился при устьѣ Свіяги, увидѣлъ высокую гору, называемую Круглою; и взявъ съ собою Царя Шигъ-Алея, Князей Казанскихъ, Бояръ, взъѣхалъ на ея вершину... Открылся видъ неизмѣримый во всѣ стороны: къ Казани, къ Вяткѣ, къ Нижнему и къ пустынямъ нынѣшней Симбирской Губерніи. Удивленный красотою мѣста, Іоаннъ сказалъ: «Здѣсь будетъ городъ «Христіанскій; стѣснимъ Казань: Богъ «вдастъ ее намъ въ руки.» Всѣ похвалили его счастливую мысль, а Шигъ-Алей и Вельможи Татарскіе описали ему богатство, плодородіе окрестныхъ земель — и Государь, въ надеждѣ на будущіе успѣхи, возвратился въ Москву съ лицемъ веселымъ.

25 Февраля.

Избраніе мѣста для новой крѣпости.

23 Марта.

Но всякая неудача кажется народу виною: извиняя юность Царя, упрекали главнаго Воеводу, Князя Димитрія Бѣльскаго;

говорили, что имя Бѣльскихъ несчастливо въ Казанскихъ походахъ; разсказывали, что будто бы Казанцы въ своихъ набѣгахъ явно щадили помѣстья сего Боярина, изъ благодарности за его малодушіе или самую измѣну ([225]). Онъ въ тотъ же годъ умеръ, не бывъ конечно ни предателемъ, ни искуснымъ Полководцемъ, ни властолюбивымъ Вельможею: иначе Шуйскіе не дали бы ему спокойно засѣдать въ Думѣ на первомъ мѣстѣ, свергнувъ и погубивъ его брата, незабвеннаго Князя Ивана ([224]).

Ни Государь, ни войско не успѣли еще отдохнуть, когда пришла въ Москву вѣсть о замыслѣ Хана Саипъ-Гирея итти на Россію: немедленно полки двинулись къ границамъ, и самъ Іоаннъ осмотрѣлъ ихъ въ Коломнѣ, въ Рязани; но чрезъ мѣсяцъ возвратился въ Москву, ибо осень наступала, а непріятеля не было ([225]). — Зимою, вмѣсто Хана, явились другіе разбойники, Ногайскіе Мурзы, въ Мещерѣ и близъ Старой Рязани. Воеводы Іоанновы били ихъ вездѣ, гдѣ находили; гнали до воротъ Шацкихъ; взяли много плѣнниковъ, и съ ними Мурзу Теляка: холодъ истребилъ остальныхъ, и едва 50 человѣкъ спаслося ([226]). За то Государь милостиво угостилъ Воеводъ въ Кремлевской набережной палатѣ, и *жаловалъ* всѣхъ Дѣтей Боярскихъ *великимъ жалованьемъ*.

Впаденіе Ногаевъ.

Еще Казанцы надѣялись обмануть Іоанна, и писали къ нему о мирѣ. Ходатаемъ за нихъ былъ Князь Ногайскій Юсуфъ, тесть Сафа-Гирея, Властитель знаменитый умомъ и силою, такъ, что Султанъ Турецкій писалъ къ нему ласковыя грамоты, называя его *Княземъ Князей* (227). Юсуфъ хотѣлъ выдать дочь свою, вдову Сююнбеку, за Шигъ-Алея, чтобы согласить волю Іоаннову съ желаніемъ народа Казанскаго; представлялъ суету міра и земнаго величія, ссылался на Алкоранъ и на Евангеліе, убѣждая Государя не проливать крови и быть ему истиннымъ другомъ; винилъ умершаго зятя въ невѣрности, кровопійствѣ; винилъ и Казанскихъ чиновниковъ въ духѣ мятежномъ, но стоялъ за дочь и за внука. Іоаннъ сказалъ, что объявитъ условія міра, если Казанцы пришлютъ въ Москву пять или шесть знатнѣйшихъ Вельможъ — и, не теряя времени, въ самомъ началѣ весны — послѣ многихъ совѣщаній съ Думными Боярами и съ Казанскими изгнанниками, послѣ торжественнаго молебствія въ церквахъ, принявъ благословеніе отъ Митрополита — отпустилъ Шигъ-Алея съ пятью стами знатныхъ Казанцевъ и съ сильнымъ войскомъ къ устью Свіяги, гдѣ надлежало имъ *во имя Іоанново* поставить городъ, для коего стѣны и церкви, срубленныя въ лѣсахъ Углицкихъ, были по-

Г. 1551.

Основаніе Свіяжска.

отечествомъ. Государь сыпалъ тогда серебро и золото, не жалѣя казны для исполненія великихъ намѣреній. Довольный успѣхомъ Воеводъ, онъ присылалъ къ Шигъ-Алею множество золотыхъ медалей, чтобы раздать оныя войску.

Ужасъ Казанцевъ. Между тѣмъ ужасъ и смятеніе господствовали въ Казани, гдѣ не было ни двадцати тысячь воиновъ. Подданные измѣняли ей, Князья и Мурзы тайно уходили къ Шигъ-Алею (233), а Россіяне опустошали ея ближайшія села, и никого не пускали въ городъ: отъ устья Суры до Камы и Вятки стояли наши отряды. На престолѣ Казанскомъ игралъ невинный, безсловесный младенецъ; вдовствующая Царица, Сююнбека, то плакала надъ нимъ, то веселилась съ своимъ любовникомъ, Крымскимъ Уланомъ Кощакомъ, ненавистнымъ народу; граждане укоряли Вельможъ, Вельможи другъ друга. Казанскіе чиновники желали покориться Іоанну: Крымскіе гнушались симъ малодушіемъ; ждали войска изъ Тавриды, изъ Астрахани, изъ Ногайскихъ Улусовъ — и надменный Кощакъ, гремя саблею, обѣщалъ побѣду Царицѣ: пишутъ, что онъ думалъ жениться на ней, умертвить ея сына и быть Царемъ. Но сдѣлался бунтъ (234): Крымцы, видя, что народъ готовъ выдать ихъ Московскимъ Воеводамъ, бѣжали, числомъ болѣе трехъ

с во. ства

сотъ, Князей и сановниковъ. Они не могли спастися, вездѣ находили Россіянъ, и положили свои головы на берегу Вятки; а гордый Кощакъ и сорокъ-пять знатнѣйшихъ его единоземцовъ были взяты въ плѣнъ и казнены въ Москвѣ (235).

Тогда Казанцы, немедленно заключивъ перемиріе съ нашими Воеводами, отправили Пословъ къ Іоанну (236): молили, чтобы онъ снова далъ имъ Шигъ-Алея въ Цари; обязываясь прислать къ нему младенца Утемишъ-Гирея, Царицу Сююнбеку, женъ и дѣтей оставленныхъ у нихъ Крымцами; хотѣли также освободить всѣхъ Россійскихъ плѣнниковъ. Іоаннъ согласился, вспомнивъ осторожную Политику своего дѣда, которая состояла въ томъ, чтобы не доводить врага до крайности, изнурять въ немъ силы, губить его безъ спѣха, но вѣрно; зависѣть отъ случая какъ можно менѣе, беречь людей какъ можно болѣе, и въ неудачахъ войны оправдываться ея необходимостію. Но дѣдъ Іоанновъ, наблюдая умѣренность, наблюдалъ и другое правило: *удерживать взятое*. Пославъ Адашева къ Воеводамъ, чтобы исполнить условія мира и объявить Шигъ-Алея Царемъ Казанскимъ, онъ велѣлъ отдать ему единственно Луговую Сторону, а Горную, завоеванную мечемъ Россіи, приписать къ Свіяжску. Сія мысль, раздѣлить владѣнія

Мирныя условія съ ними.

Казани, огорчила и народъ ея и самого Шигъ-Алея. «Чтожь будетъ мое Царство?» говорилъ онъ: «могу ли требовать любви «отъ подданныхъ, уступивъ Россіи знат-«ную часть земли ихъ?» Воеводы отвѣтствовали, что такъ угодно Іоанну. Тщетно Казанцы думали лукавствовать, отрицались отъ условій, не хотѣли выдать ни Царицы, ни плѣнниковъ. Воеводы сказали имъ рѣшительно: «или они будутъ въ рукахъ на-«шихъ, или Государь въ началѣ осени бу-«детъ здѣсь съ огнемъ и мечемъ для истре-«бленія вѣроломныхъ.» Надлежало повиноваться, и Казанцы извѣстили Шигъ-Алея, что Царица съ сыномъ уже ѣдетъ въ Свіяжскъ.

Царица Сююнбека. Не только Сююнбека, но и вся Казань проливала слезы, узнавъ, что сію несчастную какъ плѣнницу выдаютъ Государю Московскому. Не укоряя ни Вельможъ, ни гражданъ, Сююнбека жаловалась только на судьбу: въ отчаяніи лобызала гробъ Сафа-Гиреевъ и завидовала его спокойствію. Народъ печально безмолвствовалъ: Вельможи утѣшали ее и говорили, что Іоаннъ милостивъ; что многіе Цари Мусульманскіе служатъ ему; что онъ изберетъ ей достойнаго между ими супруга и дастъ владѣніе. Весь городъ шелъ за нею до рѣки Казанки, гдѣ стояла богато-украшенная ладія. Сююнбека тихо ѣхала въ колесницѣ;

пѣстуны несли ея сына. Блѣдная, слабая, она едва могла сойти на пристань, и входя въ ладію, съ умиленіемъ поклонилась народу, который палъ ницъ, горько плакалъ, желалъ счастія бывшей своей Царицѣ (237). Князь Оболенскій встрѣтилъ ее на берегу Волги, привѣтствовалъ именемъ Государя и повезъ на судахъ въ Москву съ Утемишъ-Гиреемъ и съ семействами знатныхъ Крымцевъ.

Такъ исполнилось первое условіе мира: Воеводы требовали еще свободы нашихъ плѣнниковъ и присяги всѣхъ Казанцевъ въ вѣрности къ Россіи; назначили день и стали у Казани, отъ Волги до Царева луга. Алей послалъ своихъ Вельможъ въ городъ, чтобы очистить дворецъ, и ночевалъ въ шатрѣ. Въ слѣдующее утро всѣ сановники и граждане собралися на лугу: выслушали написанную для нихъ клятвенную грамоту; благодарили Іоанна за даннаго имъ Царя, но долго не хотѣли уступить Горной Стороны. «И вы думаете»—сказали Бояре—«что «Іоаннъ подобно вамъ легкомысленъ? Взгляните на устье Свіяги: тамъ городъ Христіанскій! Жители окрестныхъ земель торжественно поддалися намъ и воевали Казань: «могутъ ли снова принадлежать ей? Забудьте старое: оно не возвратится.» Наконецъ *шертныя* грамоты были утверждены печатію Царскою, и подписью всѣхъ знатныхъ людей. Народъ присягалъ три дни, толпа за

Новое воцареніе Шигъ-Алея. Освобожденіе плѣнниковъ.

толпою (238). Шигъ-Алей въѣхалъ въ столицу. Бояре, Князь Юрій Булгаковъ и Хабаровъ, посадили его на тронъ — и дворъ Царскій наполнился Россійскими плѣнниками, изъ коихъ многіе лѣтъ двадцать страдали въ неволѣ. Алей объявилъ имъ свободу: они едва вѣрили своему счастію; обливались слезами, воздѣвали руки къ небу, славили Бога. «Іоаннъ царствуетъ въ Россіи!» говорили имъ Бояре: «идите въ «отечество, и впредь уже не бойтеся плѣ-«на!» Въ Свіяжскѣ надѣлили ихъ всѣмъ нужнымъ, одеждою, съѣстными припасами и послали Волгою вверхъ, числомъ 60,000 кромѣ жителей Вятскихъ и Пермскихъ, отправленныхъ инымъ путемъ. «Никогда» — пишутъ современники — «Россія не видала «пріятнѣйшаго зрѣлища: то былъ новый «исходъ Израиля!» Освобожденіе столь многихъ людей, основаніе Свіяжска, взятіе знатной части Казанскихъ владѣній и воцареніе Алея не стоили Іоанну ни одного человѣка: Россіяне вездѣ гнали, били непріятелей въ маловажныхъ встрѣчахъ, на берегахъ Камы, Волги, и только ихъ кровію обагрялись. — Князь Булгаковъ поѣхалъ къ Государю съ счастливою вѣстію. Бояринъ Данило Романовичь и Князь Хилковъ также возвратились. Хабаровъ съ пятью стами Московскихъ Стрѣльцовъ остался у Шигъ-Алея, а Князь Симеонъ

Микулинскій, мужъ извѣстный умомъ и храбростію, въ Свіяжскѣ (239).

Еще Казань тишиною и вѣрностію къ Россіи могла бы продлить бытіе свое въ видѣ особеннаго Мусульманскаго Царства; но Рокъ стремилъ ее къ паденію. Напрасно Іоаннъ изъявлялъ милость и ласку къ ея Царю и Вельможамъ: дарилъ перваго богатыми одеждами, сосудами, деньгами — также и Царицу его, одну изъ бывшихъ женъ Сафа-Гиреевыхъ; дарилъ и всѣхъ знатныхъ Казанцевъ, предостерегалъ ихъ отъ гибельныхъ слѣдствій новой измѣны (240). Шигъ-Алей непрестанно докучалъ ему о Горной Сторонѣ, желая, чтобы онъ возвратилъ хотя половину или часть ея, и недовольный рѣшительными отказами, равнодушно видѣлъ, что Казанцы укрываютъ еще многихъ плѣнниковъ Россійскихъ, сажаютъ въ ямы, заключаютъ въ цѣпи; не хотѣлъ никого наказывать за то, и говорилъ нашимъ сановникамъ: «боюсь мятежа!» Но свѣдавъ, что нѣкоторые Вельможи, по старому обычаю, втайнѣ крамольствуютъ, пересылаются съ Ногаями, замышляютъ убить его и всѣхъ Россіянъ, Алей не усомнился прибѣгнуть къ жестокимъ мѣрамъ: далъ пиръ во дворцѣ и велѣлъ рѣзать гостей, уличенныхъ или только подозрѣваемыхъ въ измѣнѣ: однихъ умертвили въ его столовой комнатѣ, дру-

Невѣрность Казанцевъ и жестокость ихъ Царя.

гихъ на дворѣ Царскомъ, всего семдесятъ человѣкъ, самыхъ знатнѣйшихъ; палачами служили собственные Алеевы Князья и Стрѣльцы Московскіе. Два дни лилася кровь: народъ оцѣпенѣлъ; виновные и невинные разбѣжались отъ страха ([241]).

Переговоры съ Алеемъ.

Сіе ужасное происшествіе открыло Іоанну необходимость искать иныхъ способовъ для усмиренія Казани. Онъ послалъ туда Адашева, который объявилъ Алею, что Государь не можетъ долѣе терпѣть злодѣйствъ Казанскихъ; что время успокоить сіе несчастное Царство и Россію; что Московскіе полки вступятъ въ его столицу, защитятъ Царя и народъ, утвердятъ ихъ и нашу безопасность. «Вижу самъ» — отвѣтствовалъ Алей съ горестію — «что мнѣ не льзя «здѣсь царствовать: Князья и народъ ненавидятъ меня; но кто виною? Пусть Іоаннъ «отдастъ намъ Горную Сторону: тогда поручусь за вѣрность Казани; иначе добро«вольно схожу со трона и ѣду къ Государю, не имѣя другаго убѣжища въ свѣтѣ. «Но я Мусульманинъ, и не введу сюда Хри«стіанъ; впрочемъ могу оказать вамъ услу«гу, если Государь удостовѣритъ меня въ «своей милости: до отъѣзда моего изъ Ка«зани погублю остальныхъ злыхъ Вель«можъ, испорчу весь снарядъ огнестрѣль«ный и приготовлю легкую для васъ побѣ«ду» ([242]). Съ симъ отвѣтомъ Адашевъ воз-

вратился въ Москву, гдѣ находились Послы Казанскіе, Муралей Князь, Костровъ, Алимердинъ, личные непріятели Шигъ-Алея. Угадывая мысль Государеву, они — г. 1552. или съ общаго согласія единоземцевъ своихъ, или сами собою — донесли Іоанну, что ихъ Царь есть кровожадный убійца и наглый грабитель; что Казань желаетъ единственно избавиться отъ тирана и готова *повиноваться Намѣстнику Московскому*. «Если не исполнишь воли народа» — сказали Послы — «то откроется бунтъ, неми«нуемо и скоро. Удали бѣдствіе; удали не«навистнаго злодѣя. Пусть Россіяне зай«мутъ нашу столицу: мы выѣдемъ въ пред«мѣстія или въ села; хотимъ во всемъ за«висѣть отъ воли твоей; будемъ тебѣ усерд«ными слугами; а если обманемъ, то наши «головы да падутъ въ Москвѣ!» Не теряя времени, Іоаннъ снова послалъ Адашева въ Казань, чтобы *свести Царя съ престола въ угодность народу;* обѣщалъ Алею милость и жалованье, требуя, чтобы онъ безъ сопротивленія впустилъ наше войско въ городъ. Тутъ Алей вторично изъявилъ благородную твердость. «Не жалѣю о престолѣ», говорилъ онъ Адашеву: «я не могъ или не «умѣлъ быть на немъ счастливъ. Самая «жизнь моя здѣсь въ опасности. Пови«нуюсь Государю: да не требуетъ только, «чтобы я измѣнилъ Правовѣрію. Возьмите

«Казань, но безъ меня; возьмите силою или «договоромъ, но не изъ рукъ моихъ.» Ни ласкою, ни угрозами Адашевъ не могъ склонить его къ тому, чтобы онъ сдалъ Царство Намѣстнику Государеву. Тайно заколотивъ нѣсколько пушекъ, и пищали съ порохомъ отправивъ въ Свіяжскъ ([243]), Алей выѣхалъ ловить рыбу на озеро со многими Уланами и Князьями; велѣлъ Московскимъ Стрѣльцамъ окружить ихъ и сказалъ симъ изумленнымъ чиновникамъ: «Вы думали убить меня, обносили въ Москвѣ, не хотѣли имѣть Царемъ, и требо«вали Намѣстниковъ отъ Іоанна: станемъ «же вмѣстѣ предъ его судилищемъ!» Алей пріѣхалъ съ ними въ Свіяжскъ.

Царь оставляетъ Казань.

Тогда Князь Симеонъ Микулинскій, назначенный управлять Казанью, далъ знать ея жителямъ, что воля ихъ исполнилась; что Алей сведенъ съ Царства, и что они должны присягнуть Государю Московскому. Казанцы соглашались: желали только, чтобы Микулинскій отпустилъ къ нимъ двухъ Свіяжскихъ Князей, Чапкуна и Бурнаша, которые, будучи уже подданными Россіи, могли бы успокоить народъ своимъ ручательствомъ въ Іоанновой милости ([244]). Сіи Князья поѣхали туда съ нашими чиновниками. Тишина царствовала въ Казани. Вельможи, граждане и самые сельскіе жители дали клятву въ вѣрности; очистили

дворы для Намѣстника и войска; прислали въ Свіяжскъ жену Шигъ-Алееву; звали Князя Микулинскаго: встрѣтили его на берегу Волги, и били ему челомъ какъ усердные *холопи* Государевы. Онъ шелъ съ полками. Воеводы уже отправили легкій обозъ въ Казань и готовились съ торжествомъ вступить въ ея стѣны. Безъ важныхъ усилій, безъ кровопролитія Іоаннъ пріобрѣталъ знаменитое Царство: брался, такъ сказать, рукою за вѣнецъ онаго.... Вдругъ все перемѣнилось.

Последняя измѣна Казанцевъ.

Трое изъ Вельможъ Казанскихъ (245), отпущенные Княземъ Микулинскимъ въ городъ къ ихъ семействамъ, возмутили народъ ложною вѣстію, что Россіяне идутъ къ нимъ съ намѣреніемъ истребить всѣхъ жителей. Распространился ужасъ, сдѣлалось общее смятеніе; затворили крѣпость; начали вооружаться. Многіе Князья старались разувѣрить народъ, представляя, что Бояре Іоанновы торжественно клялися не трогать ни одного человѣка, ни въ городѣ, ни въ селахъ: обѣщались властвовать по законамъ, безъ насилія; оставить все, какъ было. Ихъ не слушали и кричали, что клятва Бояръ есть обманъ; что самъ Алей за тайну сказывалъ то своимъ ближнимъ людямъ. Узнавъ о семъ волненіи, Князь Микулинскій, Оболенскій, Адашевъ оставили войско на Булакѣ и съ малочисленною

дружиною подъѣхали къ городу [246]: *ворота Царскія* были заперты, а стѣны покрыты людьми вооруженными. Вышли нѣкоторые чиновники, извиняли народъ, обѣщались усмирить его, но не сдержали слова: граждане никакъ не хотѣли впустить Россіянъ, захватили нашъ обозъ, многихъ Дѣтей Боярскихъ, и приказывали грубыя рѣчи къ Московскимъ Воеводамъ, которые узнали, что Князь Чапкунъ, посланный ими въ лицѣ усерднаго слуги Государева изъ Свіяжска въ Казань для успокоенія жителей, обманулъ насъ и сдѣлался тамъ Главою мятежниковъ. Воеводы ночевали въ предмѣстіи: видя, что всѣ убѣжденія безплодны, они могли бы обратить его въ пепелъ и осадить городъ, но ждали Государева указа; мирно отступили къ Свіяжску, заключили всѣхъ бывшихъ съ ними Казанскихъ сановниковъ въ темницу, и немедленно отправили въ Москву Боярина Шереметева съ донесеніемъ о сей новой измѣнѣ. Она была послѣднею.

ГЛАВА IV.

Продолженіе государствованія Іоаннова.

Г. 1552.

Приготовленія къ походу Казанскому. Отношенія Россіи къ Западнымъ Державамъ. Освобожденіе старца, К. Булгакова. Строеніе новыхъ крѣпостей. Начало Донскихъ Козаковъ. Новый Ханъ въ Тавридѣ. Дѣла Астраханскія. Болѣзнь въ Свіяжскѣ. Едигеръ Царь въ Казани. Посланіе Митрополита къ Свіяжскому войску. Совѣтъ о Казани. Выѣздъ Государевъ. Нашествіе Хана Крымскаго. Приступъ къ Тулѣ. Бѣгство Хана. Наши трофеи. Ропотъ въ войскѣ. Походъ. Осада. Первая битва. Буря. Ставятъ туры. Сильная вылазка. Дѣйствіе бойницъ Наѣздникъ Князь Япанча. Утомленіе воиновъ. Раздѣленіе полковъ. Истребленіе Япанчина войска. Ожесточеніе Казанцевъ. Взорваніе тайника. Уныніе Казанцевъ. Дѣятельность Іоаннова. Взятіе острога и города Арскаго. Нападенія Луговой Черемисы. Мнимыя чародѣйства. Построеніе высокой башни. Предложенія Казанцамъ. Кровопролитное дѣло. Взорваніе тарасъ. Занятіе Арской башни. Послѣднее предложеніе Казанцамъ. Устроеніе войска для приступа. Взорваніе подкоповъ и приступъ. Геройство съ обѣихъ сторонъ. Корыстолюбіе многихъ воиновъ. Великодушіе Іоанна и Бояръ. Доблесть К. Курбскаго. Взятіе Казани. Водруженіе креста у воротъ Царскихъ. Въѣздъ Государевъ въ Казань. Освобожденіе Россійскихъ плѣнниковъ. Рѣчь Іоанна къ войску. Пиръ въ

станѣ. Подданство Арской области и Луговой Черемисы. Торжественное вступленіе въ Казань. Зрѣлище Казани. Учрежденіе Правительства. Совѣтъ Вельможъ. Возвратный путь Государя въ Москву. Рожденіе Царевича. Встрѣча Іоанну. Рѣчь Государева къ Духовенству. Отвѣтъ Митрополитовъ. Пиръ во дворцѣ и дары Іоанновы.

г. 1552. Приготовленіе къ походу Казанскому.

24 Марта узналъ Государь о происшествіяхъ Казанскихъ: велѣлъ Шигъ-Алею ѣхать въ Касимовъ, а шурину своему, Данилу Романовичу, итти съ пѣхотною дружиною въ Свіяжскъ, объявивъ въ торжественномъ засѣданіи Думы, что настало время сразить главу Казани. «Богъ видитъ «мое сердце,» говорилъ онъ: «хочу не земной славы, а покоя Христіанъ. Могу ли «нѣкогда безъ робости сказать Всевышнему: *се я и люди, Тобою мнѣ данные*, если «не спасу ихъ отъ свирѣпости вѣчныхъ «враговъ Россіи, съ коими не можетъ быть «ни мира, ни отдохновенія?» Бояре хвалили рѣшительность Іоаннову, но совѣтовали ему остаться въ Москвѣ и послать Воеводъ на Казань: ибо Россія имѣетъ не одного врага: «если Крымцы, Ногаи въ отсутствіе «Государя нападутъ на ея предѣлы, кто защититъ оные?» Іоаннъ отвѣтствовалъ, что возьметъ мѣры для безопасности Государства и *пойдетъ на свое дѣло*. Велѣли *собираться* войску, изъ дальнихъ мѣстъ въ Ко-

ломнѣ и Коширѣ, изъ ближайшихъ въ Муромѣ. Князья Александръ Борисовичь Горбатый и Петръ Ивановичь Шуйскій должны были вести Московскіе полки въ Нижній Новгородъ, Михайло Глинскій расположиться станомъ на берегахъ Камы съ Дѣтьми Боярскими, Стрѣльцами, Козаками, Устюжанами и Вятчанами, а Свіяжскіе Воеводы занять легкими отрядами перевозы на Волгѣ и ждать Іоанна (247).

Отношенія Россіи къ Западнымъ Державамъ.

Готовясь къ знаменитому подвигу, юный Царь могъ быть увѣренъ въ миролюбіи Западныхъ Державъ сосѣдственныхъ. Швеція и Ливонія не требовали ничего, кромѣ свободной у насъ торговли. Съ Королемъ Польскимъ мы спорили о титулѣ и земляхъ Себежскихъ; грубили словами другъ другу, но съ обѣихъ сторонъ удалялись отъ войны. Августъ оказалъ даже ласку Іоанну, и не хотѣвъ прежде за деньги освободить Князя Михайла Булгакова-Голицу, освободилъ его даромъ; прислалъ въ Москву вмѣстѣ съ другимъ сановникомъ, Княземъ Сеховскимъ, и писалъ къ Царю: «Думая, «что мы обязаны уважать вѣрность не толь«ко въ своихъ, но и въ чужихъ слугахъ, «умирающихъ за Государя, даю свободу Ве«ликому Воеводѣ отца твоего. Всѣ иные «знатные плѣнники Московскіе, взятые на«ми въ славной Оршинской битвѣ, уже во «гробѣ.» Царь изъявилъ Августу искрен-

Освобожденіе старца К. Булгакова.

нюю благодарность, и съ живѣйшею любовію принялъ старца Булгакова, 38 лѣтъ страдавшаго въ неволѣ; выслалъ ему богатую шубу, украсилъ его грудь золотою медалью, обнялся съ нимъ какъ съ другомъ. Изнуренный долговременнымъ несчастіемъ, утомленный дальнимъ путемъ, старецъ не могъ обѣдать съ Государемъ: плакалъ и благословлялъ милостиваго, Державнаго сына Василіева (248).

Не опасаясь ничего со стороны образованныхъ Державъ Европейскихъ, Іоаннъ тѣмъ болѣе занимался безопасностію нашихъ юговосточныхъ предѣловъ. Двѣ вновь построенныя крѣпости — Михайловъ на Пронѣ, Шатскъ на Цнѣ — служили оградою для Рязани и Мещеры (249). Но важнѣйшимъ страшилищемъ для варваровъ и защитою для Россіи, между Азовскимъ и Каспійскимъ моремъ, сдѣлалась новая воинственная Республика, составленная изъ людей говорящихъ нашимъ языкомъ, исповѣдующихъ нашу Вѣру, а въ лицѣ своемъ представляющихъ смѣсь Европейскихъ съ Азіатскими чертами; людей неутомимыхъ въ ратномъ дѣлѣ, природныхъ конниковъ и наѣздниковъ, иногда упрямыхъ, своевольныхъ, хищныхъ, но подвигами усердія и доблести изгладившихъ вины свои — говоримъ о славныхъ Донскихъ Козакахъ, выступившихъ тогда на ѳеатръ Исторіи.

Строеніе новыхъ крѣпостей.

Начало Донскихъ Козаковъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что они же назывались прежде *Азовскими*, которые въ теченіе XV вѣка ужасали всѣхъ путешественниковъ въ пустыняхъ Харьковскихъ, Воронежскихъ, въ окрестностяхъ Дона; грабили Московскихъ купцевъ на дорогѣ въ Азовъ, въ Кафу; хватали людей, посылаемыхъ нашими Воеводами въ степи для развѣдыванія о Ногаяхъ или Крымцахъ ([250]), и безпокоили набѣгами Украйну. Происхожденіе ихъ не весьма благородно: они считались Россійскими бѣглецами ([251]); искали дикой вольности и добычи въ опустѣвшихъ Улусахъ Орды Батыевой, въ мѣстахъ ненаселенныхъ, но плодоносныхъ, гдѣ Волга сближается съ Дономъ, и гдѣ издавна былъ торговый путь изъ Азіи въ Сѣверную Европу; утвердились въ нынѣшней своей области; взяли городъ Ахасъ ([252]), назвали *его*, думаю, *Черкасскимъ*, или Козачьимъ (ибо то и другое имя знаменовало одно); доставали себѣ женъ, какъ вѣроятно, изъ земли Черкесской и могли сими браками сообщить дѣтямъ нѣчто Азіатское въ наружности. Отецъ Іоанновъ жаловался на нихъ Султану, какъ Государю Азовской земли ([253]); но Козаки гнушались зависимостію отъ Магометанскаго Царства, признали надъ собою верховную власть Россіи — и въ 1549 году вождь ихъ Сарыазманъ, именуясь подданнымъ Іоанна, строилъ крѣпости на Дону: они завладѣли сею рѣкою до самаго устья, требовали дани съ Азова, воевали Ногаевъ, Астрахань, Тавриду; не щадили и Турковъ ([254]); обязывались служить вдали бди-

тельною стражею для Россіи, своего древняго отечества, и водрузивъ знаменіе Креста на предѣлахъ Оттоманской Имперіи, поставили грань Іоанновой Державы въ виду у Султана, который доселѣ мало занимался нами, но тутъ открылъ глаза, увидѣлъ опасность и хотѣлъ быть дѣятельнымъ покровителемъ Сѣверныхъ владѣній Магометанскихъ. Въ Тавридѣ господствовалъ новый Ханъ Девлетъ-Гирей, племянникъ умершаго или сверженнаго Саипа (255): онъ взялся спасти Казань. Послы Солимановы убѣждали Князей Ногайскихъ, Юсуфа и другихъ, соединиться подъ хоругвію Магомета, чтобы обуздать наше властолюбіе. «Отдаленіе» — писалъ къ нимъ Султанъ — «мѣшаетъ мнѣ помогать Азову и «Казани. Заключите тѣсный союзъ съ Ха«номъ Крымскимъ. Я велѣлъ ему отпу«стить всѣхъ Астраханскихъ жителей въ «ихъ отечество, мною возстановляемое. «Немедленно пришлю туда и Царя; дамъ «Главу и Казани изъ рода Гиреевъ; а до «того времени будьте ея защитниками (256).» Но сіи Князья, находя выгоды въ торговлѣ съ Россіею, не хотѣли войны. Астрахань, важная, необходимая для купечества Западной Азіи, возникала на развалинахъ: въ ней властвовалъ Ямгурчей (257): онъ вызвался быть усерднымъ слугою Іоанновымъ, и чиновникъ Московскій поѣхалъ

Новый Ханъ въ Тавридѣ.

Дѣла Астраханскія.

къ нему для договора. Царевичь Астраханскій, Кайбула, сынъ Аккубековъ, женился въ Россіи на племянницѣ Шигъ-Алея, дочери Еналеевой, получивъ городъ Юрьевъ во владѣніе (258). — Опасаясь единственно Хана Крымскаго, Іоаннъ ждалъ вѣстей объ его движеніяхъ, и собирая войско, готовился имѣть дѣло съ двумя непріятелями: съ Казанью и Тавридою.

Между тѣмъ мятежники Казанскіе, пославъ искать себѣ Царя въ Ногайскихъ Улусахъ, взволновали Горную Сторону (259); къ несчастію, открылась весною ужасная болѣзнь въ Свіяжскѣ, цынга, отъ коей множество людей умирало. Воеводы были въ унынiи и въ бездѣйствіи, а Казанцы тѣмъ дѣятельнѣе: отчасти силою, отчасти убѣжденіями они заставили всѣхъ своихъ бывшихъ подданныхъ отложиться отъ Россіи. Государь велѣлъ Князьямъ Горбатому и Шуйскому спѣшить туда съ полками изъ Нижняго Новагорода; но печальныя вѣсти, одна за другою, приходили въ Москву: болѣзнь усиливалась въ Свіяжскѣ; Горные жители, дѣйствуя какъ непріятели, отгоняли наши табуны (260); Казанцы побѣждали Россіянъ въ легкихъ сшибкахъ, умертвивъ всѣхъ Дѣтей Боярскихъ и Козаковъ, захваченныхъ ими въ плѣнъ. Воеводы знали, что Астраханскій Царевичь, Едигеръ Магмедъ, ѣдетъ изъ Ногайскихъ Улу-

Болѣзнь въ Свіяжскѣ.

Едигеръ Царь въ Казани.

совъ съ 500 воиновъ: стерегли и не умѣли схватить его на пути; онъ пріѣхалъ въ Казань и сѣлъ на ея престолѣ, давъ клятву быть неумолимымъ врагомъ Россіи.

Въ то же время Іоаннъ, къ прискорбію своему, узналъ, что не одна тѣлесная, но и душевная зараза господствуетъ въ Свіяжскѣ, наполненномъ людьми военными, которые думали, что они внѣ Россіи, слѣдственно и внѣ Закона, и среди ужасовъ смерти предавались необузданному, самому гнусному любострастію. Исполняя волю Іоаннову, Митрополитъ послалъ туда умнаго Архангельскаго Протоіерея Тимоѳея съ Святою водою, съ наставленіемъ словеснымъ и письменнымъ, къ начальникамъ и ко всѣмъ воинамъ ([261]). «Милостію Божіею, мудростію нашего Царя и вашимъ «мужествомъ — писалъ онъ — твердыня «Христіанская поставлена въ землѣ враждебной. Господь далъ намъ и Казань безъ «кровопролитія. Мы благоденствуемъ и «славимся. Литва, Германія ищутъ нашего «дружества. Чѣмъ же можемъ изъявить «признательность Всевышнему? исполненіемъ Его заповѣдей. А вы исполняете ли «ихъ? Молва народная тревожитъ сердце «Государево и мое. Увѣряютъ, что нѣкоторые изъ васъ, забывъ страхъ Божій, «утопаютъ въ грѣхахъ Содома и Гоморра; «что многія благообразныя дѣвы и же-

Посланіе Митрополита къ Свіяжскому войску.

«ны, освобожденныя плѣнницы Казанскія, «оскверняются развратомъ между вами; что «вы, угождая имъ, *кладете бритву на бра-«ды свои*, и въ постыдной нѣгѣ стыдитесь «быть мужами. Вѣрю сему, ибо Господь «казнитъ васъ, не только болѣзнію, но и «срамомъ. Гдѣ ваша слава? Бывъ ужасомъ «враговъ, нынѣ служите для нихъ посмѣ-«шищемъ. Оружіе тупо, когда нѣтъ добро-«дѣтели въ сердцѣ; крѣпкіе слабѣютъ отъ «пороковъ. Злодѣйство возстало; измѣна «явилась, и вы уклоняете щитъ предъ ни-«ми! Богъ, Іоаннъ и Церковь призываютъ «васъ къ раскаянію. Исправьтеся, или уви- 21 Мая.
«дите гнѣвъ Царя, услышите клятву Цер-«ковную.»

Государь то присутствовалъ въ Думѣ, то смотрѣлъ полки и снарядъ огнестрѣльный, изъявляя нетерпѣніе выступить въ поле. Бояринъ Князь Иванъ Ѳедоровичь Мстиславскій и Князь Михайло Ивановичь Воротынскій, названный тогда, въ знакъ особенной къ нему милости Іоанновой, *Слугою Государевымъ* ([262]), пошли съ главною ратію въ Коломну. Передовую дружину вели Князья Иванъ Пронскій Турунтай и Дмитрій Хилковъ, Правую Руку Бояринъ Князь Петръ Щенятевъ и Князь Андрей Михайловичь Курбскій, Лѣвую Князь Дмитрій Микулинскій и Плещеевъ, Стражу Князь Василій Оболенскій-Серебряный и Симеонъ

Шереметевъ, а собственную Царскую Дружину Князь Владиміръ Воротынскій и Бояринъ Иванъ Шереметевъ. Уже полки стояли отъ Коширы до Мурома; Окою, Волгою плыли суда съ запасами и пушками къ Нижнему-Новугороду: но въ Царскомъ Совѣтѣ было еще несогласіе: многіе думали, что лучше итти на Казань зимою, нежели лѣтомъ; такъ въ особенности мыслилъ Шигъ-Алей: Іоаннъ призвалъ его изъ Касимова въ Москву, осыпалъ милостями, далъ ему нѣсколько селъ въ Мещерѣ и дозволилъ жениться на вдовѣ Сафа-Гиреевой, Царицѣ Сюювбекѣ (263). Будучи не способенъ къ ратному дѣлу, ни духомъ слабымъ, ни тѣломъ чрезмѣрно тучнымъ, Алей славился умомъ основательнымъ (264). «Казань» — говорилъ онъ — «заграждена лѣсами, озерами и болотами: зима будетъ «вамъ мостомъ.» Іоаннъ не хотѣлъ ждать, и сказавъ: «войско готово, запасы отправлены, и съ Божіею помощію найдемъ «путь къ доброй цѣли», рѣшился ѣхать немедленно въ станъ Коломенскій.

Совѣтъ о Казани.

Выѣздъ Государевъ.

16 Іюня Государь простился съ супругою. Она была беременна: плакала, упала къ нему въ объятія. Онъ казался твердымъ; утѣшалъ ее; говорилъ, что исполняетъ долгъ Царя, и не боится смерти за отечество; поручилъ Анастасію Богу, а ей всѣхъ бѣдныхъ и несчастныхъ; сказалъ: «милуй

«и благотвори безъ меня; даю тебѣ волю «Царскую; отворяй темницы; снимай опа«лу съ самыхъ виновныхъ по твоему усмо«трѣнію, и Всевышній наградитъ меня за «мужество, тебя за благость» (265). Анастасія стала на колѣна и въ слухъ молилась о здравіи, о побѣдѣ, о славѣ супруга; укрѣпилась душею, и въ послѣднемъ нѣжномъ цѣлованіи явила примѣръ необыкновеннаго въ юной женѣ великодушія. Государь пошелъ въ церковь Успенія: долго молился (266); просилъ Митрополита и Епископовъ быть ревностными ходатаями за Россію предъ Богомъ, утѣшителями Анастасіи и совѣтниками брата его, Юрія, который оставался Главою Москвы. Святители, Бояре, народъ, проливая слезы, обнимали Государя. Вышедши изъ церкви, онъ сѣлъ на коня, и съ Дружиною Царскою поѣхалъ въ Коломенское, гдѣ обѣдалъ съ Боярами и Воеводами; былъ веселъ, ласковъ; хотѣлъ ночевать въ любимомъ селѣ своемъ Островѣ, и на семъ пути встрѣтилъ гонца, съ вѣстію изъ Путивля, что Крымцы густыми толпами идутъ отъ Малаго Дона Сѣверскаго къ нашей Украйнѣ (267). Не знали, кто предводительствуетъ ими: Ханъ или сынъ его. Государь не оказалъ ни малѣйшаго безпокойства; ободрялъ всѣхъ бывшихъ съ нимъ чиновниковъ, и говорилъ имъ: «Мы «не трогали Хана; но если онъ вздумалъ

Нашествіе Хана Крымскаго.

«поглотить Христіанство, то станемъ за «отечество: у насъ есть Богъ!» Іоаннъ спѣшилъ въ Коломну, взявъ съ собою Князя Владиміра Андреевича, коего онъ хотѣлъ-было отпустить назадъ въ Москву изъ Острова.

Іюня 19. Въ Коломнѣ ожидали Государя новыя вѣсти (268): Крымцы шли къ Рязани. Іоаннъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе: велѣлъ стать Большому Полку у Колычева, Передовому у Мстиславля, а Лѣвой Рукѣ близъ Голутвина; совѣтовался съ Шигъ-Алеемъ: отправилъ его въ Касимовъ; вмѣстѣ съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ осмотрѣлъ войско на берегахъ Оки; говорилъ рѣчи сановникамъ и рядовымъ; восхищалъ ихъ своею милостію, одушевлялъ бодростію, и вездѣ слышалъ восклицанія: «мы «готовы умереть за Вѣру и за тебя, Царя «добродѣтельнаго!» Избравъ мѣсто для битвы, онъ возвратился въ Коломну и написалъ въ Москву, къ Царицѣ и къ Митрополиту, что ждетъ Хана безъ ужаса, надѣясь на благость Всевышняго, на ихъ молитву и на мужество войска; что храмы въ Москвѣ должны быть отверсты, а сердца спокойны.

21 Іюня получили въ Коломнѣ извѣстіе, что Крымцы явились близъ Тулы. Воеводы, Князья Щенятевъ, Курбскій, Турунтай, Хилковъ, Воротынскій, спѣшили къ

сему городу; но узнали, что непріятель былъ тамъ въ малыхъ силахъ, ограбилъ нѣсколько деревень и скрылся (269). 23 Іюня, когда Іоаннъ сидѣлъ за обѣдомъ, прискакалъ гонецъ отъ Князя Григорья Темкина, Намѣстника Тульскаго, писавшаго къ Царю: «Ханъ здѣсь — осаждаетъ городъ — «имѣетъ много пушекъ и Янычаръ Султан- «скихъ.» Іоаннъ въ ту же минуту велѣлъ Царской Дружинѣ выступить изъ Коломны, а главной рати переправляться за Оку; отслушалъ молебенъ въ церкви Успенія, принялъ благословеніе отъ Епископа Ѳеодосія (270) и выѣхалъ на конѣ въ поле, гдѣ войско въ необозримыхъ рядахъ блистало, гремѣло оружіемъ — двинулось впередъ съ радостнымъ кликомъ и *шло на битву какъ на потѣху* (271). Лѣтописцы не сказываютъ числа, говоря только, что вся Россія казалась тамъ ополченною, хотя въ Свіяжскѣ, въ Муромѣ находилось еще другое, сильное войско, а Коломенское состояло единственно изъ Дворянъ, *Жильцовъ* (272) или отборныхъ Дѣтей Боярскихъ, изъ Новогородцевъ и прочихъ сѣверныхъ жителей. Ввечеру уже многіе полки были за Окою, и самъ Іоаннъ приближался къ Каширѣ. Тутъ новый гонецъ отъ Князя Темкина донесъ ему, что Тула спасена. 22 Іюня, въ первомъ часу дня, Ханъ приступилъ къ городу, стрѣляя изъ пушекъ огненными ядрами;

Приступъ къ Тулѣ.

вынести дальняго похода, для коего не имѣютъ ни силъ, ни денегъ. Іоаннъ весьма огорчился; но, скрывъ досаду, велѣлъ переписать воиновъ усердныхъ, желающихъ служить отечеству, и тѣхъ, которые по лѣности или неспособности отказываются отъ славы участвовать въ великомъ подвигѣ. «Первые» — говорилъ онъ — «будутъ «мнѣ любезны какъ дѣти; хочу знать ихъ «нужды, и все раздѣлю съ ними. Другіе же «могутъ остаться: мнѣ не надобно мало-«душныхъ!» Сіи слова произвели удивительное дѣйствіе. Всѣ сказали въ одинъ голосъ: «Идемъ, куда угодно Государю; а «послѣ онъ увидитъ нашу службу и не «оставитъ бѣдныхъ.» Самые безпомѣстные Дѣти Боярскіе молчали о своихъ недостаткахъ, въ надеждѣ на будущую милость Государеву.

Походъ. 3 Іюля тронулось все войско. Іоаннъ съ отмѣннымъ усердіемъ молился предъ иконою Богоматери, которая была съ Димитріемъ Донскимъ въ Мамаевой битвѣ и стояла въ Коломенскомъ храмѣ Успенія. На пути онъ съ умиленіемъ лобызалъ гробъ древняго Героя Россіи, Александра Невскаго, и благословилъ память Святыхъ Муромскихъ Угодниковъ, Князя Петра и Княгини Февроніи. Въ Владимірѣ донесли ему изъ Свіяжска, что болѣзнь тамъ прекратилась; что войско одушевлено ревностію;

что Князья Микулинскій, Серебряный и Бояринъ Данило Романовичь ходили на мятежниковъ Горной Стороны, смирили многихъ и новою клятвою обязали быть вѣрными подданными Россіи ([279]). Въ Муромѣ увѣдомили Государя изъ Москвы, что супруга его тверда и спокойна надеждою на Провидѣніе; что Духовенство и народъ непрестанно молятъ Всевышняго о здравіи Царя и воинства. Митрополитъ писалъ къ Іоанну съ ласкою друга и съ ревностію Церковнаго учителя. «Будь чистъ и цѣломудренъ душею,» говорилъ онъ: «смиряйся въ славѣ и бодрствуй «въ печали. Добродѣтели Царя спасительны для «Царства.» И Государь и Воеводы читали сію грамоту съ любовію. «Благодаримъ тебя» — отвѣтствовалъ Іоаннъ Митрополиту — «за Пастырское ученіе, вписанное у меня въ сердцѣ. «Помогай намъ всегда наставленіемъ и молит«вою. Идемъ далѣе. Да сподобитъ насъ Господь «возвратиться съ миромъ для Христіанъ ([280])!» Онъ не терялъ ни часа въ бездѣйствіи: пѣшій и на конѣ смотрѣлъ полки, людей, оружіе; велѣлъ расписать Дѣтей Боярскихъ на сотни и выбрать начальника для каждой изъ воиновъ знатнѣйшихъ родомъ; отпустилъ Шигъ-Алея въ судахъ къ Казани съ Княземъ Петромъ Булгаковымъ и Стрѣльцами; послалъ дружину Яртоульную ([281]) наводить мосты, и 20 Іюля, въ слѣдъ за войскомъ переѣхавъ Оку, ночевалъ въ Саканскомъ лѣсу, на рѣкѣ Велетемѣ, въ 30 верстахъ отъ Мурома. Вторый станъ былъ на Шилекшѣ, третій подъ

Сапанскимъ городищемъ. Князья Касимовскіе и Темниковскій присоединились къ войску съ своими дружинами, Татарами и Мордвою. Августа 1 Государь святилъ воду на рѣкѣ Минѣ. Въ слѣдующій день войско переправилось за Алатырь, и 4 Августа съ радостію увидѣло на берегахъ Суры полки Князей Мстиславскаго, Щенятева, Курбскаго, Хилкова. Обѣ многочисленныя рати шли дремучими лѣсами и пустынями, питаясь ловлею, ягодами и плодами. «Мы не имѣли запа«совъ съ собою», пишутъ очевидцы: «вездѣ При«рода до наступленія поста готовила для насъ «изобильную трапезу. Лоси являлись стадами, «рыбы толпились въ рѣкахъ, птицы сами пада«ли на землю предъ нами» (282).

Тутъ, у Борончеева городища, ждали Царя Послы Свіяжскіе и Черемисскіе съ донесеніемъ, что весь правый берегъ Волги ему повинуется въ тишинѣ и мирѣ (283). Мятежники раскаялись, и Царь въ знакъ милости обѣдалъ съ ихъ старѣйшинами. Они клялися загладить вину свою: очистили путь для войска въ мѣстахъ тѣсныхъ; навели мосты на рѣкахъ; хотѣли усердно служить намъ мечемъ подъ Казанью. — 6 Августа Іоаннъ на рѣчкѣ Киватѣ слушалъ Литургію и причастился Святыхъ Таинъ. 11 Августа Воеводы Свіяжскіе встрѣтили Государя съ конницею и пѣхотою; они шли тремя полками: въ первомъ Князь Александръ Горбатый и Вельможа Данило Романовичь; во второмъ Князья Симеонъ Микулинскій и Петръ Серебряный-Оболенскій съ

Дѣтьми Боярскими; въ третьемъ Козаки и Горные жители, Черемисы съ Чувашами. Царь привѣтствовалъ и Воеводъ и воиновъ, числомъ болѣе двадцати тысячь (284); звалъ ихъ къ рукѣ; говорилъ съ ними; хвалилъ за устройство и мужество; угостилъ всѣхъ на лугу Бейскомъ: сановники, рядовые обѣдали подъ наметами шатровъ. Время и мѣста были прекрасныя; съ одной стороны являлись глазамъ зеленыя равнины, холмы, рощи, лѣса темные; съ другой величественная Волга съ дикими утесами, съ картинными островами: за нею необозримые луга и дубравы. Изрѣдка показывались селенія Чувашскія, въ крутизнахъ и въ ущельяхъ. Жители давали намъ хлѣбъ и медъ: самъ Государь въ постное время не имѣлъ иной вкуснѣйшей трапезы; пили чистую воду, и никто не жаловался: трезвость и веселіе господствовали въ станѣ (285).

Августа 13 открылся Свіяжскъ: съ любопытствомъ и съ живѣйшимъ удовольствіемъ Царь увидѣлъ сей юный, его велѣніемъ созданный градъ, знаменіе побѣды и торжества Христіанъ въ предѣлахъ зловѣрія. Духовенство съ крестами, Князь Петръ Шуйскій и Бояринъ Заболоцкій съ воинскою дружиною приняли Іоанна въ вратахъ крѣпости. Онъ пошелъ въ Соборную церковь: тамъ Діаконы пѣли ему многолѣтіе, а Бояре поздравляли его какъ завоевателя и просвѣтителя земли Свіяжской. Осмотрѣвъ крѣпость, богатые запасы ея, красивыя улицы, до-

мы, Государь изъявилъ благодарность Князю Симеону Микулинскому и другимъ начальникамъ; любовался живописными видами, и говорилъ Вельможамъ, что нѣтъ въ Россіи инаго, столь счастливаго мѣстоположенія. Для него изготовили домъ. «Мы въ походѣ,» сказалъ Іоаннъ — сѣлъ на коня, выѣхалъ изъ города и сталъ въ шатрахъ на лугу Свіяги.

Войско, утружденное путемъ, надѣялось отдохнуть среди изобилія и пріятностей сего новаго мѣста, куда съѣхалось множество купцевъ изъ Москвы, Ярославля, Нижняго, со всякими товарами; суда за судами входили въ пристань; берегъ обратился въ гостиный дворъ: на пескѣ, въ шалашахъ раскладывались драгоцѣнности Европейской и Азіатской торговли. Люди знатные и богатые нашли тамъ свои запасы, доставленные Волгою. Всѣ были *какъ дома* (286): могли вкусно ѣсть и пить, угощать друзей и роскошествовать .... Но Іоаннъ, призвавъ Шигъ-Алея, Князя Владиміра Андреевича и всѣхъ Думныхъ Совѣтниковъ, положилъ съ ними немедленно итти къ Казани. Алей, будучи родственникомъ ея новаго Царя, Едигера, взялся написать къ нему убѣдительную грамоту, чтобы онъ не безумствовалъ въ надменности, не считалъ себя равносильнымъ великому Монарху Христіанскому, смирился и пріѣхалъ въ станъ къ Іоанну безъ всякой боязни. Написали и къ Вельможамъ Казанскимъ, что Государь желаетъ не гибели ихъ, а раскаянія; что если они выда-

дутъ ему виновниковъ мятежа, то всѣ иные могутъ быть спокойны подъ его счастливою Державою. Сіи грамоты были посланы съ Татариномъ 15 Августа; а въ слѣдующій день войско уже начало перевозиться за Волгу (287).

Приступая къ описанію достопамятной осады Казанской, замѣтимъ, что она, вмѣстѣ съ Мамаевою битвою, до самыхъ нашихъ временъ живетъ въ памяти народа какъ славнѣйшій подвигъ древности, извѣстный всѣмъ Россіянамъ, и въ чертогахъ и въ хижинахъ. Два обстоятельства дали ей сію чрезвычайную знаменитость: она была *первымъ* нашимъ правильнымъ опытомъ въ искусствѣ брать укрѣпленныя мѣста, и защитники ея показали мужество удивительное, рѣдкое, отчаяніе истинно великодушное, такъ, что побѣду купили мы весьма дорогою цѣною. Бывъ готовы мирно поддаться Іоанну, чтобы избавиться отъ лютости Шигъ-Алеевой, они въ теченіе пяти мѣсяцевъ имѣли время размыслить о слѣдствіяхъ. Казань съ Намѣстникомъ Іоанновымъ уже существовала бы единственно какъ городъ Московскій. Ея Вельможи и Духовенство предвидѣли конечное паденіе ихъ власти и Вѣры; народъ ужаснулся рабства. Въ душахъ вспыхнула благородная любовь къ государственной независимости, къ обычаямъ, къ законамъ отцевъ: усиленная воспоминаніями древности — раздраженная ненавистію къ Христіанамъ, прежнимъ данникамъ, тогдашнимъ угнетателямъ Батыева потомства — она преодолѣла естествен-

ную склонность людей къ мирнымъ наслажденіямъ жизни; произвела восторгъ, жажду мести и крови, рвеніе къ опасностямъ и къ великимъ дѣламъ. Въ движеніи, въ пылу геройства Казанцы не чувствовали своей слабости; а какъ въ самой отчаянной рѣшительности надежда еще таится въ сердцѣ, то они исчисляли всѣ безуспѣшные приступы наши къ ихъ столицѣ, и говорили другъ другу: «не въ первый разъ увидимъ Москвитянъ подъ стѣнами; не въ первый разъ побѣгутъ назадъ восвояси, и будемъ «смѣяться надъ ними!» Таково было расположеніе Царя и народа въ Казани; но Іоаннъ предлагалъ милость, чтобы *исполнить мѣру долготерпѣнія*, согласно съ политикою его отца и дѣда.

19 Августа Государь съ 150,000 воиновъ (288) былъ уже на Луговой сторонѣ Волги. Шигъ-Алей отправился на судахъ занять Гостиный островъ, а Бояринъ Михайло Яковлевичь Морозовъ везъ снарядъ огнестрѣльный, рубленыя башни и *тарасы* (289), чтобы дѣйствовать съ нихъ противъ крѣпости. Нѣсколько дней шли дожди; рѣки выливались изъ береговъ; низкіе луга обратились въ болота: Казанцы испортили всѣ мосты и гати. Надлежало вновь устроить дорогу. 20 Августа, на берегу Казанки, Іоаннъ получилъ отвѣтную грамоту отъ Едигера. Царь и Вельможи Казанскіе не оставили слова на миръ; поносили Государя, Россію, Христіанство; именовали Алея предателемъ и злодѣемъ; писали: «все готово: ждемъ васъ на пиръ!» —

Въ сей день войско увидѣло предъ собою Казань, и стало въ шести верстахъ отъ нее на гладкихъ, веселыхъ лугахъ, которые *подобно зеленому сукну* разстилались между Волгою и горою, гдѣ стояла крѣпость съ каменными мечетями и дворцомъ (290), съ высокими башнями и дубовыми, широкими стѣнами (набитыми внутри иломъ и хрящомъ). Два дни выгружали пушки и снаряды изъ судовъ. Тутъ явился изъ Казани бѣглецъ Мурза Камай (291), и донесъ Государю, что онъ ѣхалъ къ намъ съ 200 товарищей, но что ихъ задержали въ городѣ; что Царь Едигеръ, Кульшерифъ-Молна или Глава Духовенства, Князья Изенешъ Ногайскій, Чапкунъ, Аталыкъ, Исламъ, Аликей Нарыковъ, Кебекъ Тюменскій и Дербышъ умѣли одушевить народъ злобою на Христіанъ; что никто не мыслитъ о мирѣ; что крѣпость наполнена запасами хлѣбными и ратными; что въ ней 30,000 воиновъ и 2700 Ногаевъ (292); что Князь Япанча (293) со многочисленнымъ отрядомъ конницы посланъ въ Арскую засѣку, вооружить, собрать тамъ сельскихъ жителей и непрестанными нападеніями тревожить станъ Россіянъ. Іоаннъ принялъ Комая милостиво; совѣтовался съ Боярами; велѣлъ для укрѣпленія изготовить на каждаго воина бревно, на десять воиновъ туръ (294); Большому и Передовому Полку занять поле Арское, Правой Рукѣ берегъ Казанки, Сторожевому устье Булака, Лѣвой Рукѣ стать выше его, Алею за Булакомъ у кладбища, а Царской Дружинѣ, предводимой имъ

и Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, на Царевомъ лугу (295); строго запретилъ чиновникамъ вступать въ битву самовольно, безъ Государева слова — и 23 Августа, въ часъ разсвѣта, войско двинулось. Впереди шли Князья Юрій Шемякинъ-Пронскій и Ѳедоръ Троекуровъ съ Козаками пѣшими и Стрѣльцами; за Воеводами Атаманы, — Головы Стрѣлецкіе, Сотники, всякой по чину и въ своемъ мѣстѣ, наблюдая устройство и тишину. Солнце восходило, освѣщая Казань въ глазахъ Іоанна: онъ далъ знакъ, и полки стали; ударили въ бубны, заиграли на трубахъ, — распустили знамена и Святую хоругвь, на коей изображался Іисусъ, а вверху водруженъ былъ животворящій крестъ, бывшій на Дону съ Великимъ Княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ. Царь и всѣ Воеводы сошли съ коней, отпѣли молебенъ подъ сѣнію знаменъ, и Государь произнесъ рѣчь къ войску: ободрялъ его къ великимъ подвигамъ; славилъ Героевъ, которые падутъ за Вѣру; именемъ Россіи клялся, что вдовы и сироты ихъ будутъ призрѣны, успокоены отечествомъ; наконецъ самъ обрекалъ себя на смерть, если то нужно для побѣды и торжества Христіанъ. Князь Владиміръ Андреевичь и Бояре отвѣтствовали ему со слезами: «Дерзай, Царю! мы всѣ единою «душею за Бога и за тебя.» Духовникъ Іоанновъ, Протоіерей Андрей, благословилъ его и войско, которое изъявляло живѣйшее усердіе. Царь сѣлъ на аргамака, богато украшеннаго;

взглянулъ на Спасителевъ образъ Святой хоругви, ознаменовалъ себя крестомъ, и громко сказавъ: «о Твоемъ имени движемся!» повелъ рать прямо къ городу. Тамъ все казалось тихо и пусто ([296]); не видно было ни движенія, ни людей на стѣнахъ, и многіе изъ нашихъ радовались, думая, что Царь Казанскій съ войскомъ отъ страха бѣжалъ въ лѣса; но опытные Воеводы говорили другъ другу: «будемъ тѣмъ «осторожнѣе!»

Россіяне обступали Казань. 7000 Стрѣльцовъ и пѣшихъ Козаковъ по наведенному мосту перешли тинный Булакъ, текущій къ городу изъ озера Кабана, и видя предъ собою — не болѣе, какъ въ двухъ стахъ саженяхъ ([297]) — Царскія палаты, мечети каменныя, лѣзли на высоту, чтобы пройти мимо крѣпости къ Арскому полю... Вдругъ раздался шумъ и крикъ: заскрыпѣли, отворились ворота, и 15,000 Татаръ, конныхъ и пѣшихъ, устремились изъ города на Стрѣльцовъ: разстроили, сломили ихъ. Юные Князья, Шемякинъ и Троекуровъ, удержали бѣгущихъ: они сомкнулись. Подоспѣло нѣсколько Дѣтей Боярскихъ ([298]). Началась жестокая сѣча. Россіяне, не имѣя конницы, стояли грудью; побѣдили и гнали непріятеля до самыхъ стѣнъ, не смотря на сильную пальбу изъ города; взяли плѣнниковъ и медленно отступили, въ виду всѣхъ

Осада.

Первая битва.

нашихъ полковъ, которые, спокойно идучи къ назначеннымъ для нихъ мѣстамъ, любовались издали симъ первымъ, славнымъ дѣломъ. Приказъ Государевъ въ точности исполнился: никто безъ его слова не кидался въ битву, и воинская подчиненность ознаменовалась блестящимъ образомъ.

Полки окружили Казань. Разставили шатры и три церкви полотняныя: Архистратига Михаила, Великомученицы Екатерины и Св. Сергія. Ввечеру Государь, собравъ Воеводъ, изустно далъ имъ всѣ нужныя повелѣнія. Ночь была спокойна. На другой день сдѣлалась необыкновенно сильная буря: сорвала Царскій и многіе шатры; Буря. потопила суда, нагруженныя запасами, и привела войско въ ужасъ. Думали, что всему конецъ; что осады не будетъ; что мы, не имѣя хлѣба, должны удалиться съ стыдомъ. Не такъ думалъ Іоаннъ: послалъ въ Свіяжскъ, въ Москву за съѣстными припасами, за теплою одеждою для воиновъ, за серебромъ, и готовился зимовать подъ Казанью (299).

25 Августа легкая дружина Князей Шемякина и Троекурова двинулась съ Арскаго поля къ рѣкѣ Казанкѣ, выше города, чтобы отрѣзать его отъ Луговой Черемисы, соединиться съ Правою Рукою и стать ближе къ стѣнѣ. Татары сдѣлали вылазку. Мужественный витязь, Князь Шемякинъ,

былъ раненъ; но Князь Дмитрій Хилковъ, Глава всѣхъ передовыхъ отрядовъ, помогъ ему съ Дѣтьми Боярскими втоптать непріятеля въ крѣпость. — Ночью Сторожевый Полкъ и Лѣвая Рука безъ боя и сопротивленія разставили туры и пушки. Стрѣльцы окопались рвомъ; а Козаки, подъ самою городскою стѣною, засѣли въ каменной, такъ называемой Даировой банѣ. — Въ сіи два дни Іоаннъ не сходилъ съ коня, ѣздилъ вокругъ города и наблюдалъ мѣста удобнѣйшія для приступа (300). Ставятъ туры.

26 Августа Большой Полкъ выступилъ передъ вечеромъ изъ стана: Князь Михайло Воротынскій шелъ съ пѣхотою и катилъ туры; Князь Иванъ Мстиславскій велъ конницу, чтобы помогать ему въ случаѣ нападенія. Государь далъ имъ отборныхъ Дѣтей Боярскихъ изъ собственной Дружины (301). Казанцы ударили на нихъ съ воплемъ; а съ башенъ и стѣнъ посыпались ядра и пули. Въ дыму, въ огнѣ непоколебимые Россіяне отражали конницу, пѣхоту сильнымъ дѣйствіемъ своихъ бойницъ, ружейною стрѣльбою, копьями и мечами; хладнокровно шли впередъ, втѣснили Татаръ въ городъ и наполнили его мосты непріятельскими тѣлами. Пищальники, Козаки стали на валу, стрѣляли до самой ночи и дали время Князю Воротынскому утвердить, насыпать землею туры Сильная вылазка.

въ пятидесяти саженяхъ ото рва, между Арскимъ полемъ и Булакомъ. Тогда онъ велѣлъ отступить имъ къ турамъ и закопаться подъ оными. Но темнота не прекратила битвы: Казанцы до самаго утра выходили и рѣзались съ нашими. Не было отдыха; ни воины, ни Полководцы не смыкали глазъ. Іоаннъ молился въ церкви, и ежечасно посылалъ своихъ знатнѣйшихъ сановниковъ ободрять біющихся. Наконецъ непріятель утомился; восходящее солнце освѣтило рѣшительную побѣду Россіянъ, и Государь велѣлъ пѣть въ станѣ благодарные молебны. Казанцы лишились въ семъ дѣлѣ многихъ храбрыхъ людей, смѣлаго Князя Ислама Нарыкова, Сюнчелея богатыря и другихъ. Въ числѣ убитыхъ Москвитянъ находился добрый витязь, Леонтій Шуширинъ (302).

27 Августа Бояринъ Михайло Яковлевичь Морозовъ, прикативъ къ турамъ стѣнобитный снарядъ, открылъ сильную пальбу со всѣхъ нашихъ бойницъ; а пищальники стрѣляли въ городъ изъ окоповъ. — Казанцы скрывались за стѣнами; но желая добыть языка, напали на людей разсѣянныхъ въ полѣ, близъ того мѣста, гдѣ стоялъ Князь Мстиславскій съ частію Большаго Полку. Сей Воевода успѣлъ защитить своихъ, обратилъ непріятеля въ бѣгство, плѣнилъ знатнаго Улана, именемъ Кара-

Дѣйствіе бойницъ.

мыша, и представилъ Государю, оказавъ личное мужество, и въ двухъ мѣстахъ бывъ уязвленъ стрѣлою (303). Плѣнникъ сказывалъ, что Казанцы, готовые умереть, не хотятъ слышать о мирныхъ переговорахъ.

Наѣздникъ Князь Япанча.

Въ слѣдующій день Россіяне ждали новой вылазки: непріятель явился съ другой стороны: вышелъ густыми толпами изъ лѣса на Арское поле, схватилъ стражу Передоваго Полку и кинулся на его станъ (304). Воевода, Князь Хилковъ, съ великимъ усиліемъ оборонялся, но имѣлъ нужду въ немедленной помощи. Князья Иванъ Пронскій, Мстиславскій, Юрій Оболенскій (305), одинъ за другимъ спѣшили удержать стремленіе непріятеля. Самъ Іоаннъ, отрядивъ къ нимъ часть Царской Дружины, сѣлъ на коня. Многіе изъ нашихъ чиновниковъ падали мертвые или раненые. Но число Россіянъ умножалось ежеминутно: они прогнали Татаръ въ лѣсъ и свѣдали отъ плѣнниковъ, что сіи толпы приходили съ Княземъ Япанчею, изъ укрѣпленія сдѣланнаго Казанцами на пути въ городъ Арскъ; что имъ велѣно не давать намъ покоя и дѣлать всевозможный вредъ частыми *наѣздами* (306).

29 Августа Воеводы Правой Руки, Князья Щенятевъ и Курбскій, подвинулись къ городу и начали укрѣплять туры вдоль рѣки

Казанки подъ защитою Стрѣльцовъ; а дружина Князей Шемякина и Троекурова возвратилась на Арское поле, гдѣ снова показался непріятель изъ лѣса, и гдѣ Мстиславскій, Хилковъ, Оболенскій, стояли въ рядахъ, ожидая Татаръ, между тѣмъ, какъ иные Воеводы, Князь Дмитрій Палецкій, Алексѣй Адашевъ и Головы Царской Дружины ставили туры съ поля Арскаго до Казанки (307). Съ обѣихъ сторонъ стрѣляли изъ пушекъ, ружей и луковъ: вылазки не было. Непріятель не отходилъ отъ лѣса, видя Россіянъ готовыхъ къ битвѣ; а ввечеру донесли Іоанну, что весь городъ окруженъ нашими укрѣпленіями, въ сухихъ мѣстахъ турами, а въ грязныхъ тыномъ; что нѣтъ пути ни въ Казань, ни изъ Казани. Съ сего времени Бояринъ Морозовъ, вездѣ разставивъ снарядъ огнестрѣльный, неутомимо громилъ стѣны изо ста-пятидесяти тяжелыхъ орудій (308).

Утомленіе войска. Но войско наше въ теченіе недѣли утомилось до крайности: всегда стояло въ ружьѣ, не имѣло времени отдыхать и за недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ питалось только сухимъ хлѣбомъ. Кормовщики наши не смѣли удаляться отъ стана: Князь Япанча стерегъ и хваталъ ихъ во всѣхъ направленіяхъ. Казанцы сносились съ нимъ посредствомъ знаковъ: выставляя хоругвь на высокой башнѣ, махали ею и

давали разумѣть, что ему должно ударить на осаждающихъ (300). Сей опасный наѣздникъ держалъ Россіянъ въ непрестанномъ страхѣ. Іоаннъ собралъ Думу; положилъ раздѣлить войско на двѣ части: одной быть въ укрѣпленіяхъ и хранить особу Царя; другой, подъ начальствомъ мужественнаго, опытнаго Князя Александра Горбатаго-Шуйскаго, сильно дѣйствовать противъ Япанчи, чтобы заслонить осаду, очистить лѣсъ, успокоить станъ нашъ. Имѣя 30,000 конныхъ и 15,000 пѣшихъ воиновъ, Князь Александръ расположился за горами, чтобы утаить свои движенія отъ непріятеля, и послалъ отряды къ Арскому лѣсу. Япанча увидѣлъ ихъ, и толпы его высыпали на поле. Россіяне, какъ бы устрашенные, дали тылъ. Татары гнали ихъ, втиснули въ обозъ, начали *водить круги* передъ нашими укрѣпленіями, и пускали стрѣлы дождемъ; а другія толпы, конныя и пѣшія, шли медленно въ боевомъ порядкѣ, прямо на станъ главнаго войска Московскаго. Тогда Князь Юрій Шемякинъ съ готовымъ полкомъ своимъ изъ засады устремился на Татаръ: они изумились; но, будучи уже далеко отъ лѣса, должны были принять битву. Скоро явился и самъ Князь Александръ съ конными, многочисленными дружинами; а пѣхота наша съ правой и лѣвой стороны заходила въ тылъ непріятелю. Та-

Раздѣленіе полковъ.

Истребленіе Япанчина войска.

тары искали спасенія въ бѣгствѣ: ихъ давили, сѣкли, кололи на пространствѣ десяти или болѣе верстъ, до рѣки Килари, гдѣ Князь Александръ остановилъ своего утомленнаго коня и трубнымъ звукомъ созвалъ разсѣянныхъ побѣдителей. На возвратномъ пути, въ лѣсу, они убили еще множество непріятелей, которые прятались въ чащѣ и въ густотѣ вѣтвей; взяли и нѣсколько сотъ плѣнниковъ (310); однимъ словомъ, истребили Яианчу. Государь обнялъ Вождей, покрытыхъ бранною пылью, орошенныхъ потомъ и кровію; хвалилъ ихъ умъ, доблесть съ живѣйшимъ восторгомъ; изъявилъ благодарность и рядовымъ воинамъ. Онъ велѣлъ привязать всѣхъ плѣнниковъ къ кольямъ передъ нашими укрѣпленіями, чтобы они умолили Казанцевъ сдаться. Въ то же время сановники Государевы подъѣхали къ стѣнамъ и говорили Татарамъ: «Іоаннъ обѣщаетъ имъ жизнь и «свободу, а вамъ прощеніе и милость, если «покоритесь ему» (311). Казанцы, тихо выслушавъ ихъ слова, пустили множество стрѣлъ въ своихъ несчастныхъ, плѣнныхъ согражданъ, и кричали: «лучше вамъ уме«реть отъ нашей чистой, нежели отъ злой «Христіанской руки!» Сіе остервененіе удивило Россіянъ и Государя.

Ожесточеніе Казанцевъ.

Желая употребить всѣ средства, чтобы взять Казань съ меньшимъ кровопроли-

тіемъ, онъ велѣлъ служащему въ его войскѣ искусному Нѣмецкому Размыслу (то есть, Инженеру) дѣлать подкопъ отъ рѣки Булака между Аталаковыми и Тюменскими воротами. Мурза Камай извѣстилъ Государя, что осажденные берутъ воду изъ ключа близъ рѣки Казанки, и ходятъ туда подземельнымъ путемъ отъ воротъ Мураллеевыхъ ([312]). Воеводы наши хотѣли открыть сей тайникъ, но не могли ([313]), и Государь велѣлъ подкопать его отъ каменной Дауровой Бани, занятой нашими Козаками. Для сего Размыслъ отрядилъ учениковъ своихъ, которые подъ надзоромъ Князя Василья Серебрянаго и любимца Іоаннова, Алексѣя Адашева, рылись въ землѣ десять дней; услышали надъ собою голоса людей, ходящихъ тайникомъ за водою; вкатили въ подкопъ 11 бочекъ пороха и дали знать Государю. 5 Сентября, рано, Іоаннъ выѣхалъ къ укрѣпленіямъ. Вдругъ, въ его глазахъ, съ громомъ, съ трескомъ взорвало землю, тайникъ, часть городской стѣны, множество людей; бревна, камни, взлетѣвъ на высоту, падали, давили жителей, которые обмерли отъ ужаса, не понимая, что сдѣлалось. Въ сію минуту Россіяне, схвативъ знамена, устремились къ обрушенной стѣнѣ; ворвались-было и въ самый городъ, но не могли въ немъ удержаться ([314]). Казанцы опомнились, вытѣснили

Взорваніе тайника.

нашихъ — и Государь не велѣлъ возобновлять усилій для приступа. Мы взяли не малое число плѣнныхъ; убили еще гораздо болѣе, и ждали слѣдствій.

Уныніе Казанцевъ.

Не смотря на рѣшительность Казанцевъ, послѣ сего бѣдственнаго для нихъ случая обнаружилось уныніе въ городѣ; нѣкоторые изъ жителей думали, что все погибло, и что они уже не имѣютъ средствъ защиты. Но смѣлѣйшіе ободрили ихъ: рыли, и нашли ключь, малый, смрадный, коимъ надлежало довольствоваться всему городу; терпѣли жажду, пухли отъ худой воды, молчали и сражались.

Дѣятельность Іоаннова.

Іоаннъ оказывалъ удивительную дѣятельность; не знали, когда онъ имѣлъ отдохновеніе: всегда, рано и поздно, молился въ церкви или ѣздилъ вокругъ укрѣпленій; останавливался, говорилъ съ воинами, утверждалъ ихъ въ терпѣніи. Если Казанцы тревожили насъ всегдашнею стрѣльбою, то и мы не давали имъ покоя: днемъ и ночью гремѣли пушки Россійскія, заряжаемыя ядрами и камнями. Арскія ворота были до основанія сбиты: осажденные заградились въ семъ мѣстѣ тарасами.

6 Сентября Іоаннъ поручилъ Князю Александру Горбатому-Шуйскому взять острогъ, сдѣланный Казанцами за Арскимъ полемъ, въ пятнадцати верстахъ отъ города, на крутой высотѣ, между двумя боло-

тами: тамъ соединились остатки разбитаго Япанчина войска. Князь Симеонъ Микулинскій шелъ впереди; съ ними были Бояре Данило Романовичь и Захарія Яковлевъ, Князья Булгаковъ и Палецкій, Головы Царской Дружины, Дѣти Боярскіе, Стрѣльцы, Атаманы съ Козаками, Мордва Темниковская и Горные Черемисы, которые служили путеводителями. Срубленный городнями, насыпанный землею, укрѣпленный засѣками, острогъ казался неприступнымъ. Воины сошли съ коней, и въ слѣдъ за смѣлыми Вождями, сквозь болото, грязную дебрь, чащу лѣса, подъ градомъ пускаемыхъ на нихъ стрѣлъ, безъ остановки взлѣзли на высоту съ двухъ сторонъ, отбили ворота, взяли укрѣпленіе и 200 плѣнниковъ. Тѣла непріятелей лежали кучами. Воеводы нашли тамъ знатную добычу, ночевали и пошли далѣе, къ Арскому городу, мѣстами пріятными, удивительно плодоносными, гдѣ Казанскіе Вельможи имѣли свои домы сельскіе, красивые и богатые (315). Россіяне плавали въ изобиліи; брали, что хотѣли: хлѣбъ, медъ, скотъ; жгли селенія, убивали жителей, плѣняли только женъ и дѣтей. Граждане Арскіе ушли въ дальнѣйшіе лѣса; но въ домахъ и въ лавкахъ оставалось еще не мало драгоцѣнностей, особенно всякихъ мѣховъ, куницъ, бѣлокъ. Освободивъ многихъ Хри-

Взятіе острога и города Арскаго.

стіанъ-соотечественниковъ, бывшихъ тамъ въ невелѣ, Князь Александръ чрезъ десять дней возвратился съ побѣдою, съ избыткомъ и съ дешевизною съѣстныхъ припасовъ, такъ, что съ сего времени платили въ станѣ 10 денегъ за корову, а 20 за вола. Царь и войско были въ радости (316).

Еще опасности и труды не уменьшились. Лѣсъ Арскій уже не металъ стрѣлъ въ Россіянъ: за то Луговые Черемисы отгоняли наши табуны и тревожили станъ отъ Галицкой дороги. Стоящіе тутъ Воеводы Правой Руки ходили за ними и побили ихъ на голову; но опасаясь новыхъ нападеній, всегдашнею бдительною осторожностію утомляли свой Полкъ, который сверхъ того, занимая низкія равнины вдоль Казанки, болѣе всѣхъ терпѣлъ отъ пальбы съ крѣпости (317), отъ ненастья, отъ сильныхъ дождей, весьма обыкновенныхъ въ сіе время года, но суевѣріемъ приписываемыхъ чародѣйству. Очевидецъ, Князь Андрей Курбскій, равно мужественный и благоразумный, платя дань вѣку, пишетъ за истину, что Казанскіе волшебники ежедневно, при восходѣ солнца, являлись на стѣнахъ крѣпости, вопили страшнымъ голосомъ, кривлялись, махали одеждами на станъ Россійскій, производили вѣтръ и облака, изъ коихъ дождь лился рѣками; сухія мѣста сдѣлались болотомъ, шатры всплывали

Нападенія Луговой Черемисы.

Мнимыя чародѣйства.

и люди мокли съ утра до вечера. По совѣту Бояръ Государь велѣлъ привезти изъ Москвы Царскій Животворящій крестъ, святить имъ воду, кропить ею вокругъ стана — и сила волшебства, какъ увѣряютъ, исчезла: настали красные дни, и войско ободрилось.

Желая сильнѣе дѣйствовать на внутренность города, Россіяне построили тайно, верстахъ въ двухъ за станомъ, башню, вышиною въ шесть саженъ; ночью придвинули ее къ стѣнамъ, къ самымъ Царскимъ воротамъ; поставили на ней десять большихъ орудій, пятьдесятъ среднихъ и дружину искусныхъ стрѣлковъ; ждали утра, и возвѣстили оное залпомъ съ раската. Стрѣлки стояли выше стѣны, и мѣтили въ людей на улицахъ, въ домахъ: Казанцы укрывались въ ямахъ; копали себѣ землянки подъ тарасами; подобно змѣямъ, выползали оттуда и сражались неослабно; уже не могли употреблять большихъ орудій, сбитыхъ нашею пальбою, но безъ умолку стрѣляли изъ ружей, изъ пищалей *затинныхъ* (318), и мы тѣряли ежедневно не мало добрыхъ воиновъ. — Тщетно Іоаннъ возобновлялъ мирныя предложенія, приказывая къ осажденнымъ, что если они не хотятъ сдаться, то пусть идутъ, куда имъ угодно, съ своимъ Царемъ беззаконнымъ, со всѣмъ имѣніемъ, съ женами и

Построеніе высокой башни.

Предложенія Ка-

занцамъ. дѣтьми; что мы требуемъ только города, основаннаго на землѣ Болгарской, въ древнемъ достояніи Россіи (319). Казанцы *не слушали ни краемъ уха*, по выраженію Лѣтописца.

Между тѣмъ храбрый Князь Михайло Воротынскій подвигалъ туры ближе и ближе къ Арской башнѣ; наконецъ одинъ ровъ, шириною въ три сажени, а глубиною въ семь, отдѣлялъ ихъ отъ стѣны: Стрѣльцы, Козаки, Головы съ людьми Боярскими стояли за оными, бились до изнуренія силъ, и смѣнялись. Иногда же, не смотря на близость разстоянія, бой пресѣкался отъ усталости: тѣ и другіе воины отдыхали. Казанцы воспользовались однажды симъ временемъ: видя, что многіе изъ нашихъ сѣли обѣдать, и что у пушекъ осталось мало людей, они, числомъ до десяти тысячь, тихо вылѣзли изъ своихъ норъ, и подъ начальствомъ Вельможъ, главныхъ Царскихъ Совѣтниковъ, именуемыхъ Карачами, устремились къ турамъ, смяли Россіянъ и схватили ихъ пушки. Тутъ Князь Воротынскій самъ, а за нимъ и всѣ знатнѣйшіе чиновники кинулись въ сѣчу. «Не выдадимъ отцевъ!» кричали Россіяне и бились мужественно. Воеводы, Петръ Морозовъ, Князь Юрій Кашинъ, пали въ толпѣ, опасно уязвленные: ихъ отнесли въ станъ. Князь Михайло Воротынскій, раненный въ

Кровопролитное дѣло.

лице, не оставлялъ битвы: крѣпкій доспѣхъ его былъ изсѣченъ саблями. Многіе Головы Стрѣлецкіе лежали мертвые у пушекъ, и Казанцы еще не уступали намъ взятыхъ ими трофеевъ. Но явились Муромцы, Дѣти Боярскіе, *стародавные племенемъ и доблестію* (320): ударили, сломили непріятеля, втиснули въ ровъ. Побѣда рѣшилась. Казанцы давили другъ друга, тѣснясь въ воротахъ и вползая въ свои норы. Сіе дѣло было однимъ изъ кровопролитнѣйшихъ. Въ тоже время непріятель нападалъ и на туры Передоваго Полку, однакожь не весьма усильно (321). Государь видѣлъ собственными глазами оба дѣла: изъявивъ особенную милость Князю Михайлу Воротынскому и витязямъ Муромскимъ, онъ навѣстилъ раненныхъ Воеводъ, благодаря ихъ за усердную службу.

Уже около пяти недѣль Россіяне стояли подъ Казанью, убивъ въ вылазкахъ и въ городѣ не менѣе десяти тысячь непріятелей, кромѣ женъ и дѣтей (322). Наступающая осень ужасала ихъ болѣе, нежели труды и битвы осады; всѣ хотѣли скораго конца. Чтобы облегчить приступъ и нанести осажденнымъ чувствительнѣйшій вредъ, Іоаннъ велѣлъ близъ Арскихъ воротъ подкопать тарасы и землянки, гдѣ укрывались жители отъ нашей стрѣльбы: 30 Сентября онѣ взлетѣли на воздухъ. Сіе

Взорваніе тарасъ.

страшное дѣйствіе пороха, хотя уже и не новое для Казанцевъ, произвело оцѣпененіе и тишину въ городѣ на нѣсколько минутъ; а Россіяне, не теряя времени, подкатили туры къ воротамъ Арскимъ, Аталыковымъ, Тюменскимъ. Думая, что насталъ часъ рѣшительный, Казанцы высыпали изъ города и схватились съ тѣми полками, коимъ велѣно было прикрывать туры. Битва закипѣла. Іоаннъ спѣшилъ ободрить своихъ — и какъ скоро они увидѣли его, то, единогласно воскликнувъ: «Царь съ нами!» бросились къ стѣнамъ; гнали, тѣснили непріятеля на мостахъ, въ воротахъ. Сѣча была ужасна. Громъ пушекъ, трескъ оружія, крикъ воиновъ раздавался въ облакахъ густаго дыма, который носился надъ всѣмъ городомъ. Не смотря на мужественное, отчаянное сопротивленіе, многіе Россіяне были уже на стѣнѣ, въ башнѣ отъ Арскаго поля, рѣзались въ улицахъ съ Татарами. Князь Михайло Воротынскій увѣдомилъ о томъ Государя, и требовалъ, чтобы онъ велѣлъ всѣмъ полкамъ итти на приступъ. Успѣхъ дѣйствительно казался вѣроятнымъ; но Іоаннъ хотѣлъ вѣрнаго: большая часть войска находилась еще въ станѣ и не могла вдругъ ополчиться: излишняя торопь произвела бы безпорядокъ и, можетъ быть, неудачу, которая имѣла бы весьма худыя для насъ слѣдствія. Государь не уважилъ ревности войска: приказалъ ему отступить. Оно повиновалось неохотно: чиновники съ трудомъ вывели его изъ крѣпости и зажгли мосты. Но

чтобы кровопролитіе сего жаркаго дня не осталось безплоднымъ, то Князь Воротынскій занялъ Арскую башню нашими стрѣлками (323): они укрѣпились турами и рядомъ твердыхъ щитовъ; сказали Воеводамъ: «здѣсь будемъ ждать васъ» — и сдержали слово: Казанцы не могли отнять у нихъ сей башни. — Во всю ночь пылали мосты, и часть стѣны обгорѣла; дѣйствіе нашего снаряда огнестрѣльнаго также во многихъ мѣстахъ разрушило оную. Казанцы поставили тамъ высокіе срубы, осыпавъ ихъ землею. Занятіе Арской башни.

Наконецъ, 1 Октября, Іоаннъ объявилъ войску, чтобы оно готовилось *пить общую чашу крови* — то есть, къ приступу (ибо подкопы были уже готовы), и велѣлъ воинамъ *очистить душу* на канунѣ дня роковаго. Въ тотъ самый часъ, когда одни изъ нихъ смиренно исповѣдывали грѣхи свои предъ Богомъ и достойные съ умиленіемъ вкушали тѣло Христово, другіе, подъ громомъ бойницъ, метали въ ровъ землю и лѣсъ, чтобы проложить путь къ стѣнамъ. Еще Государь хотѣлъ испытать силу увѣщанія: Мурза Камай и сѣдые старѣйшины Горной Стороны, держа въ рукѣ знаменіе мира, приблизились къ крѣпости, усыпанной людьми, и сказали имъ, что Іоаннъ въ послѣдній разъ предлагаетъ милосердіе городу, уже стѣсненному, до половины раз- Послѣднее предложеніе Казанцамъ.

рушенному; требуетъ единственно выдачи главныхъ измѣнниковъ и прощаетъ народъ. Казанцы отвѣтствовали въ одинъ голосъ: «Не хотимъ прощенія! Въ башнѣ «Русь, на стѣнѣ Русь: не боимся; поста«вимъ иную башню, иную стѣну; всѣ «умремъ или отсидимся!» Тогда Государь началъ устроивать войско *къ великому дѣлу*.

Устроеніе войска для приступа.

Чтобы заслонить тылъ отъ Луговой Черемисы, отъ Татаръ бродящихъ по лѣсамъ, отъ Ногайскихъ Улусовъ, и чтобы отрѣзать Казанцамъ всѣ пути для бѣгства, онъ приказалъ Князю Мстиславскому съ частію Большаго Полка, а Шигъ-Алею съ Касимовцами и жителями Горной Стороны занять дорогу Арскую и Чувашскую, Князю Юрію Оболенскому и Григорію Мещерскому съ Дворянами Царской Дружины Ногайскую, Князю Ивану Ромодановскому Галицкую; другой отрядъ Дворянъ, примыкая къ нему, долженъ былъ стоять вверхъ по Казанкѣ, на Старомъ Городищѣ (324). Отпустивъ сихъ Воеводъ, Іоаннъ распорядилъ приступъ: велѣлъ быть впереди Атаманамъ съ Козаками, Головамъ съ Стрѣльцами и Дворовымъ людямъ (325), раздѣленнымъ на сотни, подъ начальствомъ отборныхъ Дѣтей Боярскихъ; за ними итти полкамъ Воеводскимъ: Князю Михайлу Воротынскому съ Окольничимъ

Алексѣемъ Басмановымъ ударить на крѣпость въ проломъ отъ Булака и Поганаго озера; Князьямъ Хилкову въ Кабацкія ворота, Троекурову въ Збойливыя, Андрею Курбскому въ Елбугины, Семену Шереметеву въ Муралеевы, Димитрію Плещееву въ Тюменскія. Каждому изъ нихъ помогалъ особенный Воевода: первому самъ Государь; другимъ же Князья Иванъ Пронскій, Турунтай, Шемякинъ, Щенятевъ, Василій Серебряный Оболенскій и Димитрій Микулинскій. Приказавъ имъ изготовиться къ двумъ часамъ слѣдующаго утра и ждать взорванія подкоповъ, Іоаннъ ввечеру уединился съ духовнымъ отцемъ своимъ, провелъ нѣсколько времени въ его душеспасительной бесѣдѣ и надѣлъ доспѣхъ ([326]). Тогда Князь Воротынскій прислалъ ему сказать, что Инженеръ кончилъ дѣло, и 48 бочекъ зелія уже въ подкопѣ; что Казанцы замѣтили нашу работу, и что не надобно терять ни минуты. Государь велѣлъ выступать полкамъ, слушалъ Заутреню въ церкви, отпустилъ Дружину Царскую, молился изъ глубины сердца . . . . Въ сію важную ночь, предтечу рѣшительнаго дня, ни Россіяне, ни Казанцы не думали объ успокоеніи. Изъ города видѣли необыкновенныя движенія въ нашемъ станѣ. Съ обѣихъ сторонъ ревностно готовились къ ужасному бою.

Заря освѣтила небо, ясное, чистое. Казанцы стояли на стѣнахъ: Россіяне предъ ними, подъ защитою укрѣпленій, подъ сѣнію знаменъ, въ

тишинѣ, неподвижно; звучали только бубны и трубы, непріятельскія и наши (327); ни стрѣлы не летали, ни пушки не гремѣли. Наблюдали другъ друга; все было въ ожиданіи. Станъ опустѣлъ: въ его безмолвіи слышалось пѣніе Іереевъ, которые служили Обѣдню. Государь оставался въ церкви съ немногими изъ ближнихъ людей. Уже восходило солнце. Діаконъ читалъ Евангеліе, и едва произнесъ слова: *да будетъ едино стадо и единъ пастырь!*

Взорваніе подкоповъ, и приступъ. грянулъ сильный громъ, земля дрогнула, церковь затряслася . . . Государь вышелъ на паперть: увидѣлъ страшное дѣйствіе подкопа и густую тьму надъ всею Казанью: глыбы земли, обломки башенъ, стѣны домовъ, люди неслися вверхъ въ облакахъ дыма и пали на городъ. Священное служеніе прервалося въ церкви. Іоаннъ спокойно возвратился и хотѣлъ дослушать Литургію. Когда Діаконъ предъ дверями Царскими громогласно молился, да утвердитъ Всевышній Державу Іоанна, да повергнетъ всякаго врага и супостата къ ногамъ его, раздался новый ударъ: взорвало другой подкопъ, еще сильнѣе перваго (328) — и тогда, воскликнувъ: *съ нами Богъ!* полки Россійскіе быстро двинулись къ крѣпости,

Геройство съ обѣихъ сторонъ. а Казанцы, твердые, непоколебимые въ часъ гибели и разрушенія, вопили: *Алла! Алла!* призывали Магомета и ждали на-

шихъ, не стрѣляя ни изъ луковъ, ни изъ пищалей; мѣряли глазами разстояніе, и вдругъ дали ужасный залпъ: пули, каменья, стрѣлы омрачили воздухъ . . . Но Россіяне, ободряемые примѣромъ начальниковъ, достигли стѣны. Казанцы давили ихъ бревнами, обливали кипящимъ варомъ; уже не береглися, не прятались за щиты: стояли открыто на стѣнахъ и помостахъ, презирая сильный огонь нашихъ бойницъ и стрѣлковъ. Тутъ малѣйшее замедленіе могло быть гибельно для Россіянъ. Число ихъ уменшилось; многіе пали мертвые или раненные, или отъ страха. Но смѣлые, геройскимъ забвеніемъ смерти, ободрили и спасли боязливыхъ: одни кинулись въ проломъ; иные взбирались на стѣны по лѣстницамъ, по бревнамъ; несли другъ друга на головахъ, на плечахъ; бились съ непріятелемъ въ отверстіяхъ . . . И въ ту минуту, какъ Іоаннъ, отслушавъ Литургію (329), причастясь Святыхъ Таинъ, взявъ благословеніе отъ своего Отца Духовнаго, на бранномъ конѣ выѣхалъ въ поле, знамена Христіанскія уже развѣвались на крѣпости! Войско Запасное однимъ кликомъ привѣтствовало Государя и побѣду (330).

Но еще сія побѣда не была рѣшена совершенно. Отчаянные Татары, сломленные, низверженные съ верху стѣнъ и башенъ, стояли твердымъ оплотомъ въ улицахъ, сѣклись саблями, схватывались за руки съ Россіянами, рѣзались ножами въ ужасной свалкѣ. Дрались на заборахъ, на кровляхъ домовъ; вездѣ попирали но-

гами головы и тѣла. Князь Михайло Воротынскій первый извѣстилъ Іоанна, что мы уже въ городѣ, но что битва еще кипитъ и нужна помощь. Государь отрядилъ къ нему часть своего полку; велѣлъ итти и другимъ Воеводамъ. Наши одолѣвали во всѣхъ мѣстахъ и тѣснили Татаръ къ укрѣпленному Двору Царскому. Самъ Едигеръ съ знатнѣйшими Вельможами медленно отступалъ отъ проломовъ, остановился среди города, у Тезицкаго или Купеческаго рва, бился упорно, и вдругъ замѣтилъ, что толпы наши рѣдѣютъ: ибо Россіяне, овладѣвъ половиною города, славнаго богатствами Азіатской торговли, прельстились его сокровищами; оставляя сѣчу, начали разбивать домы, лавки — и самые чиновники, коимъ приказалъ Государь итти съ обнаженными мечами за воинами, чтобы никого изъ нихъ не допускать до грабежа, кинулись на корысть. Тутъ ожили и малодушные трусы, лежавшіе на полѣ какъ бы мертвые или раненые; а изъ обозовъ прибѣжали слуги, кашевары, даже купцы: всѣ алкали добычи, хватали серебро, мѣха, ткани; относили въ станъ, и снова возвращались въ городъ, не думая помогать своимъ въ битвѣ (331). Казанцы воспользовались утомленіемъ нашихъ воиновъ, вѣрныхъ чести и доблести: ударили сильно и потѣснили ихъ, къ ужасу грабителей, ко-

Корыстолюбіе многихъ воиновъ.

торые всѣ немедленно обратились въ бѣгство, метались черезъ стѣну и вопили: *сѣкутъ! сѣкутъ!* Государь увидѣлъ сіе общее смятеніе; измѣнился въ лицѣ, и думалъ, что Казанцы выгнали все наше войско изъ города. «Съ нимъ были» — пишетъ Курбскій — «великіе *Синклиты*, му-«жи вѣка отцевъ нашихъ, посѣдѣвшіе въ «добродѣтеляхъ и въ ратномъ искусствѣ:» они дали совѣтъ Государю, и Государь явилъ великодушіе: взялъ Святую хоругвь и сталъ предъ Царскими воротами, чтобы удержать бѣгущихъ ([332]). Половина отборной двадцатитысячной дружины его сошла съ коней и ринулась въ городъ; а съ нею и вельможные старцы, рядомъ съ ихъ юными сыновьями. Сіе свѣжее, бодрое войско, въ свѣтлыхъ доспѣхахъ, въ блестящихъ шлемахъ, какъ буря нагрянуло на Татаръ: они не могли долго противиться, крѣпко сомкнулись и въ порядкѣ отступали до высокихъ каменныхъ мечетей, гдѣ всѣ ихъ Духовные, Абызы, Сеиты, Молны (Муллы) и Первосвященникъ Кульшерифъ встрѣтили Россіянъ, не съ дарами, не съ моленіемъ, но съ оружіемъ: въ остервененіи злобы устремились на вѣрную смерть, и всѣ до единаго пали подъ нашими мечами. Едигеръ съ остальными Казанцами засѣлъ въ укрѣпленномъ Дворѣ Царскомъ и сражался около часа. Россіяне отбили во-

Великодушіе Іоанна и Бояръ.

рота . . . Тутъ юныя жены и дочери Казанцевъ, въ богатыхъ цвѣтныхъ одеждахъ, стояли вмѣстѣ на одной сторонѣ, подъ защитою своихъ прелестей; а въ другой сторонѣ отцы, братья и мужья, окруживъ Царя, еще бились усильно: наконецъ вышли, числомъ 10,000, въ заднія ворота,

Доблесть Князя Курбскаго.

къ нижней части города. Князь Андрей Курбскій съ двумя стами воиновъ пресѣкъ имъ дорогу; удерживалъ ихъ въ тѣсныхъ улицахъ, на крутизнахъ; затруднялъ каждый шагъ; давалъ время нашимъ разить тылъ непріятеля, и сталъ въ Збойливыхъ воротахъ, гдѣ присоединилось къ нему еще нѣсколько сотъ Россіянъ. Гонимые, тѣснимые Казанцы по трупамъ своихъ лѣзли къ стѣнѣ, взвели Едигера на башню и кричали, что хотятъ вступить въ переговоры. Ближайшій къ нимъ Воевода, Князь

Взятіе Казани.

Дмитрій Палецкій, остановилъ сѣчу. «Слушайте,» сказали Казанцы: «доколѣ у насъ «было Царство, мы умирали за Царя и отечество. Теперь Казань ваша: отдаемъ «вамъ и Царя, живаго, неуязвленнаго: ведите его къ Іоанну; а мы идемъ на широкое поле, испить съ вами послѣднюю чашу.» Вмѣстѣ съ Едигеромъ они выдали Палецкому главнаго, престарѣлаго Вельможу или Карача, именемъ Заніеша, и двухъ *мамичей* или совоспитанниковъ Царскихъ (333); начали снова стрѣлять, пры-

гали со стѣны внизъ и хотѣли итти къ стану нашей Правой Руки; но встрѣченные сильною пальбою изъ укрѣпленій, обратились влѣво: кинули тяжелое оружіе, разулись и перешли мелкую тамъ рѣку Казанку, въ виду нашего войска, бывшаго въ крѣпости, на стѣнахъ и Дворѣ Царскомъ, за горами и стремнинами. Одни юные Князья Курбскіе, Андрей и Романъ, съ малочисленною дружиною успѣли сѣсть на коней, обскакали неиріятеля, ударили на густую толпу его, врѣзались въ ея средину, топтали, кололи (334). Но Татаръ было еще 5000, и самыхъ храбрѣйшихъ: они стояли, ибо не страшились смерти; стиснули нашихъ Героевъ, повергнули ихъ уязвленныхъ, дымящихся кровію, за-мертво на землю, — шли безпрепятственно далѣе гладкимъ лугомъ до вязкаго болота, гдѣ конница уже не могла гнаться за ними, и спѣшили къ густому, темному лѣсу: остатокъ малый, но своимъ великодушнымъ остервененіемъ еще опасный для Россіянъ! Государь послалъ Князя Симеона Микулинскаго, Михайла Васильевича Глинскаго и Шереметева съ конною дружиною за Казанку въ объѣздъ, чтобы отрѣзать бѣгущихъ Татаръ отъ лѣса: Воеводы настигли и побили ихъ. Никто не сдался живой; спаслись немногіе, и то раненные (335).

Городъ былъ взятъ и пылалъ въ разныхъ мѣстахъ; сѣча престала, но кровь лилася (336): раздраженные воины рѣзали всѣхъ, кого находили въ мечетяхъ, въ домахъ, въ ямахъ; брали

въ плѣнъ женъ и дѣтей или чиновниковъ ([337]). Дворъ Царскій, улицы, стѣны, глубокіе рвы были завалены мертвыми; отъ крѣпости до Казанки, далѣе на лугахъ и въ лѣсу еще лежали тѣла и носились по рѣкѣ. Пальба умолкла; въ дыму города раздавались только удары мечей, стонъ убиваемыхъ, кликъ побѣдителей. Тогда главный Военачальникъ, Князь Михайло Воротынскій, прислалъ сказать Государю: «Радуйся, благочестивый Самодержецъ! Твоимъ мужествомъ и счастіемъ побѣда совершилась: Казань наша, Царь ея въ твоихъ рукахъ, народъ истребленъ или въ плѣну; несмѣтныя богатства собраны: «что прикажешь?» *Славить Всевышняго*, отвѣтствовалъ Іоаннъ, воздѣлъ руки на небо, велѣлъ пѣть молебенъ подъ Святою хоругвію, и собственною рукою на семъ мѣстѣ водрузивъ Животворящій крестъ, назначилъ быть тамъ первой церкви Христіанской ([338]). Князь Палецкій представилъ ему Едигера: безъ всякаго гнѣва и съ видомъ кротости Іоаннъ сказалъ: «Несчастный! развѣ ты не зналъ могущества «Россіи и лукавства Казанцевъ?» Едигеръ, ободренный тихостію Государя, преклонилъ колѣна, изъявлялъ раскаяніе, требовалъ милости ([339]). Іоаннъ простилъ его, и съ любовію обнялъ брата, Князя Владиміра Андреевича, Шигъ-Алея ([340]), Вель-

Водруженіе креста у воротъ Царскихъ.

можъ; отвѣтствовалъ на ихъ усердныя поздравленія ласково и смиренно; всю славу отдавалъ Богу, имъ и воинству; послалъ Бояръ и ближнихъ людей во всѣ дружины съ *хвалою и съ милостивымъ словомъ;* велѣлъ очистить въ городѣ одну улицу отъ воротъ Муралеевыхъ ко Двору Царскому, и въѣхалъ въ Казань: предъ нимъ Воеводы, Дворяне и Духовникъ его съ крестомъ; за нимъ Князь Владиміръ Андреевичь и Шигъ-Алей. У воротъ стояло множество освобожденныхъ Россіянъ, бывшихъ плѣнниками въ Казани: увидѣвъ Государя, они пали на землю и съ радостными слезами взывали: «Избавитель! ты вывелъ насъ «изъ Ада! Для насъ, бѣдныхъ, сирыхъ, не «щадилъ головы своей!» Государь приказалъ отвести ихъ въ станъ и питать отъ стола Царскаго; ѣхалъ сквозь ряды складенныхъ тѣлъ и плакалъ; видя трупы Казанцевъ, говорилъ: «это не Христіане, но «подобные намъ люди;» видя мертвыхъ Россіянъ, молился за нихъ Всевышнему, какъ за жертву общаго спасенія (341). При вступленіи во дворецъ Бояре, чиновники, воины снова поздравляли Іоанна. Они съ умиленіемъ говорили другъ другу: «Гдѣ «царствовало зловѣріе, упиваясь кровію «Христіанъ, тамъ видимъ крестъ животворящій и Государя нашего во славѣ» (342)! Всѣ единогласно, единодушно, въ умиленіи

Въѣздъ Государевъ въ Казань.

Освобожденіе Россійскихъ плѣнниковъ.

сердецъ, принесли благодарность Небу. Іоаннъ велѣлъ тушить огонь въ городѣ, и всю добычу, всѣ богатства Казанскія, всѣхъ плѣнниковъ, кромѣ одного Едигера, отдалъ воинству; взялъ только утварь Царскую, вѣнецъ, жезлъ, знамя Державное и пушки, сказавъ: «моя корысть есть спо«койствіе и честь Россіи» (343)! Онъ возвратился въ станъ; хотѣлъ видѣть войско, и вышелъ къ полкамъ съ лицемъ свѣтлымъ. Они еще дымились кровію невѣрныхъ и своею; многіе витязи, по словамъ Лѣтописца, *сіяли ранами драгоцѣннѣйшими алмазовъ* (344). Іоаннъ сталъ предъ войскомъ и громко произнесъ рѣчь, исполненную любви и милости. «Воины мужествен«ные!» говорилъ онъ: «Бояре, Воеводы, «чиновники? въ сей знаменитый день *стра«дая* за имя Божіе, за Вѣру, отечество и «Царя, вы пріобрѣли славу неслыханную «въ наше время. Никто не оказывалъ та«кой храбрости; никто не одерживалъ такой «побѣды! Вы новые Македоняне, достой«ные потомки витязей, которые съ Вели«кимъ Княземъ Димитріемъ сокрушили «Мамая! Чѣмъ могу воздать вамъ? . . . «Любезнѣйшіе сыны Россіи, тамъ, на полѣ «чести, лежащіе! вы уже сіяете въ вѣн«цахъ Небесныхъ вмѣстѣ съ первыми Му«чениками Христіанства. Се дѣло Божіе: «наше есть славить васъ во вѣки вѣковъ,

Рѣчь Іоанна къ войску.

«вписать имена ваши на хартіи священной «для поминовенія въ Соборной Апостольской Церкви. А вы, своею кровію обагренные, но еще живые для нашей любви «и признательности! всѣ храбрые, коихъ «вижу предъ собою! внимайте и вѣрьте «моему обѣту любить и жаловать васъ до «конца дней моихъ . . . Теперь успокойтесь, побѣдители!» Войско отвѣтствовало радостными кликами. Іоаннъ посѣтилъ, утѣшилъ раненыхъ; немедленно отправилъ шурина своего, Данила Романовича, въ Москву съ счастливою вѣстію къ супругѣ, къ Митрополиту, къ Князю Юрію; сѣлъ обѣдать съ Боярами, и далъ пиръ воинамъ (345). Сей великолѣпный праздникъ отечества украшался воспоминаніемъ минувшихъ золъ, чувствомъ настоящей славы и надеждою будущаго благоденствія. Пиръ въ станѣ.

Въ тотъ же день Іоаннъ послалъ жалованныя грамоты во всѣ окрестныя мѣста, объявляя жителямъ миръ и безопасность. «Идите къ намъ — писалъ онъ — безъ «ужаса и боязни. Прошедшее забываю, ибо «злодѣйство уже наказано. Платите мнѣ, «что вы платили Царямъ Казанскимъ.» Устрашенные бѣдствіемъ ихъ столицы, они разсѣялись по лѣсамъ: успокоенные милостивымъ словомъ Іоанновымъ, возвратились въ домы. Сперва жители Арскіе, а послѣ вся Луговая Черемиса прислали Подданство Арской области и Луговой Черемисы.

старѣйшинъ въ станъ къ Государю и дали клятву вѣрности ([346]).

3 Октября погребали мертвыхъ и совершенно очистили городъ. На другой день Іоаннъ съ Духовенствомъ, Синклитомъ и воинствомъ торжественно вступилъ въ Казань; избралъ мѣсто, заложилъ Каѳедральную церковь Благовѣщенія, обошелъ городъ со крестами, и посвятилъ его *Богу истинному* ([347]). Іереи кропили улицы, стѣны Святою водою, моля Вседержителя, да благословитъ сію новую твердыню Православія, да цвѣтетъ въ ней здравіе и доблесть, да будетъ вовѣки неприступною для враговъ, вовѣки неотъемлемою собственностію и честію Россіи!... Осмотрѣвъ всю Казань; назначивъ, гдѣ быть храмамъ, и приказавъ немедленно возобновить разрушенныя укрѣпленія, стѣны, башни, Государь съ Вельможами поѣхалъ во дворецъ, на коемъ развѣвалось знамя Христіанское.

Торжественное вступленіе въ Казань.

Такъ пало къ ногамъ Іоанновымъ одно изъ знаменитыхъ Царствъ, основанныхъ Чингисовыми Моголами въ предѣлахъ нынѣшней Россіи. Возникнувъ на развалинахъ Болгаріи, и поглотивъ ея бѣдные остатки, Казань имѣла и хищный, воинственный духъ Моголовъ, и торговый, заимствованный ею отъ древнихъ жителей сей страны ([348]), гдѣ издавна съѣзжались купцы Арменскіе, Хивинскіе, Персидскіе

(и гдѣ онъ донынѣ сохранился: донынѣ Казанскіе Татары, потомки Золотой Орды и Болгаровъ, имѣютъ купеческія связи съ Востокомъ). Около 115 лѣтъ Казанцы намъ и мы имъ неутомимо враждовали, отъ перваго ихъ Царя, Махмета, у коего прадѣдъ Іоанновъ былъ плѣнникомъ, до Едигера, взятаго въ плѣнъ Іоанномъ, котораго дѣдъ уже именовался Государемъ *Болгарскимъ*, уже считалъ Казань нашею областію, но при концѣ жизни своей видѣлъ ея страшный бунтъ и не могъ отмстить за кровь Россіянъ, тамъ проліянную (349). Новые мирные договоры служили поводомъ къ новымъ измѣнамъ, и всякая была ужасомъ для Восточной Россіи, гдѣ, на всей длинной чертѣ отъ Нижняго Новагорода до Перми, люди вѣчно береглися какъ на отводной стражѣ. Самая месть стоила намъ дорого, и самые счастливые походы иногда заключались истребленіемъ войска и коней отъ болѣзней, отъ трудностей пути въ мѣстахъ дикихъ, населенныхъ народами свирѣпыми. Однимъ словомъ, вопросъ: надлежало ли покорить Казань? соединялся ли съ другимъ: надлежало ли безопасностію и спокойствіемъ утвердить бытіе Россіи? Чувство государственнаго блага, усиленное ревностію Вѣры, производило въ побѣдителяхъ общій, живѣйшій восторгъ, и Лѣтописцы говорятъ о семъ завоеваніи съ жаромъ Стихотвор-

Зрѣлище Казани. цевъ, призывая современниковъ и потомство къ *великому зрѣлищу* Казани, обновляемой во имя Христа Спасителя, осѣняемой хоругвями, украшаемой церквами Православія, оживленной (послѣ ужасовъ кровопролитія, послѣ безмолвія смерти) присутствіемъ многочисленнаго, радостнаго войска, среди свѣжихъ трофеевъ, но уже въ глубокой мирной тишинѣ ликующаго на стогнахъ, площадяхъ, въ садахъ, и юнаго Царя сидящаго на славно-завоеванномъ престолѣ, въ блестящемъ кругу Вельможъ и Полководцевъ, у коихъ была только одна мысль, одно чувство: *мы заслужили благодарность отечества!* — Лѣтописцы сказываютъ, что небо благопріятствовало торжеству побѣды; что время стояло ясное, теплое, и Россіяне, осаждавъ Казань въ мрачную, дождливую осень, вступили въ нее какъ бы весною.

6 Октября Духовникъ Государевъ съ Іереями Свіяжскими освятилъ храмъ Благовѣщенія (350). Въ слѣдующіе дни Іоаннъ занимался учрежденіемъ Правительства въ городѣ и въ областяхъ; объявилъ Князя Александра Горбатаго Шуйскаго Казанскимъ Намѣстникомъ, а Князя Василія Серебрянаго его товарищемъ; далъ имъ писменное наставленіе, 1500 Дѣтей Боярскихъ, 3000 Стрѣльцовъ со многими Козаками, и 11 Октября изготовился къ отъ-

Учрежденіе Правительства.

ѣзду, хотя благоразумные Вельможи совѣтовали ему остаться тамъ до весны со всѣмъ войскомъ, чтобы довершить покореніе земли, гдѣ обитало пять народовъ ([351]): Мордва, Чуваши, Вотяки (въ Арской области), Черемисы и Башкирцы (вверхъ по Камѣ). Еще многіе изъ ихъ Улусовъ не признавали нашей власти; къ нимъ ушли нѣкоторые изъ злѣйшихъ Казанцевъ, и легко было предузнать опасныя того слѣдствія. Въ станѣ и въ Свіяжскѣ находилось довольно запасовъ для прокормленія войска. Но Іоаннъ, нетерпѣливо желая видѣть супругу и явить себя Москвѣ во славѣ, отвергнулъ совѣтъ мудрѣйшихъ, чтобы исполнить волю сердца, ободряемую братьями Царицы ([352]) и другими сановниками, которые также хотѣли скорѣе отдохнуть на лаврахъ. Отпѣвъ молебенъ въ церкви Благовѣщенія и поручивъ храненіе новой страны своей Іисусу, Дѣвѣ Маріи, Россійскимъ Угодникамъ Божіимъ, Царь выѣхалъ изъ Казани, ночевалъ на берегу Волги, противъ Гостинаго острова, и 12 Октября съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, съ Боярами и съ пѣхотными дружинами отплылъ въ ладіяхъ къ Свіяжску. Князь Михайло Воротынскій повелъ конницу берегомъ къ Василю городу, путемъ уже безопаснымъ, хотя и труднымъ ([353]).

Совѣтъ Вельможъ.

Возвратный путь Государя въ Москву.

Пробывъ только одинъ день въ Свіяж-

скѣ, и назначивъ Князя Петра Шуйскаго Правителемъ сей области, Іоаннъ 14 Октября подъ Вязовыми горами сѣлъ на суда. Въ Нижнемъ, на берегу Волги, встрѣтили его всѣ граждане со крестами, и преклонивъ колѣна, обливались слезами благодарности за вѣчное избавленіе ихъ отъ ужасныхъ набѣговъ Казанскихъ; славили побѣдителя, громогласно, съ душевнымъ восхищеніемъ, такъ, что сей *благодарный плачь*, заглушая пѣніе Священниковъ, принудилъ ихъ умолкнуть (354). Тутъ же Послы отъ Царицы, Князя Юрія, Митрополита, *здравствовали Государю на Богомъ данной ему отчинѣ*, *Царствѣ Казанскомъ* (355). Собравъ въ Нижнемъ все воинство; снова изъявивъ признательность своимъ усерднымъ сподвижникамъ; сказавъ, что разстается съ ними до перваго случая обнажить со славою мечь за отечество, онъ уволилъ ихъ въ домы; самъ поѣхалъ сухимъ путемъ черезъ Балахну въ Владиміръ, и въ Судогдѣ встрѣтилъ Боярина, Василія Юрьевича Траханіота, который скакалъ къ нему отъ Анастасіи съ вѣстію

Рожденіе Царевича.

о рожденіи сына, Царевича Димитрія. Государь въ радости спрыгнулъ съ коня, обнялъ, цѣловалъ Траханіота; благодарилъ Небо, плакалъ, и не зная, какъ наградить счастливаго вѣстника, отдалъ ему съ плеча одежду Царскую и коня изъ-подъ себя (356).

Іоаннъ имѣлъ уже двухъ дочерей, Анну и Марію, изъ коихъ первая скончалась одиннадцати мѣсяцевъ (357): рожденіе наслѣдника было тайнымъ желаніемъ его сердца. Онъ послалъ шурина, Никиту Романовича, къ Анастасіи съ нѣжными привѣтствіями; останавливался въ Владимірѣ, Суздалѣ, единственно для того, чтобы молиться въ храмахъ, изъявлять чувствительность къ любви жителей, отовсюду стекавшихся видѣть лице его, свѣтлое радостію (358); заѣхалъ въ славную Троицкую Обитель Св. Сергія, знаменовался у гроба его, вкусилъ хлѣба съ Иноками, и 28 Октября ночевалъ въ селѣ Тайнинскомъ, гдѣ ждали его братъ, Князь Юрій, и нѣкоторые Бояре съ поздравленіемъ; а на другой день, рано, приближаясь къ любезной ему столицѣ, увидѣлъ на берегу Яузы (359) безчисленное множество народа, такъ, что на пространствѣ шести верстъ, отъ рѣки до посада, оставался только самый тѣсный путь для Государя и дружины его. Сею улицею, между тысячами Московскихъ гражданъ, ѣхалъ Іоаннъ, кланяясь на обѣ стороны; а народъ, цѣлуя ноги, руки его, восклицалъ непрестанно: «многая лѣта Царю благочестивому, побѣдителю варваровъ, избавителю Христіанъ!» Тамъ, гдѣ жители Московскіе приняли нѣкогда Владимірскій образъ Богоматери, несущій спасеніе граду

Встрѣча Іоанна.

въ нашествіе Тамерлана — гдѣ нынѣ монастырь Срѣтенскій — тамъ Митрополитъ, Епископы, Духовенство съ сею иконою, старцы Бояре, Князь Михайло Ивановичь Булгаковъ ([360]), Иванъ Григорьевичь Морозовъ, слуги отца и дѣда его, со всѣми чиноначальниками стояли подъ церковными хоругвями ([361]). Іоаннъ сошелъ съ коня, приложился къ Образу, и благословенный Святителями, сказалъ: «Соборъ Духовенства «Православнаго! Отче Митрополитъ и Владыки! я молилъ васъ быть ревностными «ходатаями предъ Всевышнимъ за Царя и «Царство, да отпустятся мнѣ грѣхи юности, да устрою землю, да буду щитомъ ея «въ нашествія варваровъ; совѣтовался съ «вами о Казанскихъ измѣнахъ, о средствахъ прекратить оныя, погасить огнь «въ нашихъ селахъ, унять текущую кровь «Россіянъ, снять цѣпи съ Христіанскихъ «плѣнниковъ, вывести ихъ изъ темницы, «возвратить отечеству и Церкви. Дѣдъ «мой, отецъ, и мы посылали Воеводъ, но «безъ успѣха. Наконецъ, исполняя совѣтъ «вашъ, я самъ выступилъ въ поле. Тогда «явился другой непріятель, Ханъ Крымскій, въ предѣлахъ Россіи, чтобы въ наше отсутствіе истребить Христіанство. «Вспомнивъ слово Евангельское: *бдите и «молитеся, да не внидете въ напасть!* вы, «достойные Святители Церкви, молились—

Рѣчь Государева къ Духовенству.

«и Богъ услышалъ васъ, и помогъ намъ — и «Ханъ, гонимый единственно гнѣвомъ Небес«нымъ, бѣжалъ малодушно! . . Ободренные яв«нымъ дѣйствіемъ вашей молитвы, мы подви«гнись на Казань, благополучно достигли цѣли, «и милостію Божіею, мужествомъ Князя Влади«міра Андреевича, нашихъ Бояръ, Воеводъ и «всего воинства, сей градъ многолюдный палъ «предъ нами: судомъ Господнимъ въ единый «часъ изгибли невѣрные *безъ вѣсти*, Царь ихъ «взятъ въ плѣнъ, исчезла прелесть Магометова, «на ея мѣстѣ водруженъ святый крестъ; обла«сти Арская и Луговая платятъ дань Россіи; «Воеводы Московскіе управляютъ землею; а мы, «во здравіи и веселіи, пришли сюда къ образу «Богоматери, къ мощамъ великихъ Угодниковъ, «къ вашей Святынѣ, въ свою любезную отчиз«ну — и за сіе Небесное благодѣяніе, вами ис«прошенное, тебѣ, отцу своему, и всему Освя«щенному Собору, мы съ Княземъ Владиміромъ «Андреевичемъ и со всѣмъ воинствомъ въ уми«леніи сердца кланяемся» ([362]). Тутъ Государь, Князь Владиміръ и вся дружина воинская поклонились до земли. Іоаннъ продолжалъ: «Молю «васъ и нынѣ, да ревностнымъ ходатайствомъ «у престола Божія и мудрыми своими наставле«ніями способствуете мнѣ утвердить законъ, «правду, благіе нравы внутри Государства; да «цвѣтетъ отечество подъ сѣнію мира въ добро«дѣтели; да цвѣтетъ въ немъ Христіанство; да «познаютъ Бога истиннаго невѣрные, новые

«подданные Россіи, и вмѣстѣ съ нами да «славятъ Святую Троицу во вѣки вѣковъ. «Аминь!»

Отвѣтъ Митрополитовъ.

Митрополитъ отвѣтствовалъ: «Царю «благочестивый! мы, твои богомольцы, «удивленные избыткомъ Небесной къ намъ «милости, что речемъ предъ Господомъ? «развѣ токмо воскликнемъ: *дивенъ Богъ* «*творяй чудеса!* . . Какая побѣда! какая «слава для тебя и для всѣхъ твоихъ свѣт-«лыхъ сподвижниковъ! Что мы были? и «что нынѣ? Вѣроломные, лютые Казанцы «ужасали Россію, жадно пили кровь Хри-«стіанъ, увлекали ихъ въ неволю, осквер-«няли, разоряли святыя церкви. Терзаемый «бѣдствіемъ отечества, ты, Царь велико-«душный, возложивъ *неуклонную* надежду «на Бога Вседержителя, произнесъ обѣтъ «спасти насъ; ополчился съ вѣрою; шелъ «на труды и на смерть; *страдалъ до крови;* «предалъ свою душу и тѣло за Церковь, за «отечество — и благодать Небесная воз-«сіяла на Тебѣ, якоже на древнихъ Ца-«ряхъ, угодныхъ Господу: на Константинѣ «Великомъ, Св. Владимірѣ, Димитріи Дон-«скомъ, Александрѣ Невскомъ. Ты срав-«нялся съ ними — и кто превзошелъ тебя? «Сей царствующій градъ Казанскій, гдѣ «гнѣздился змій какъ въ глубокой норѣ «своей, уязвляя, поядая насъ — сей градъ, «столь знаменитый и столь ужасный, ле-

«житъ бездушный у ногъ твоихъ; ты растоп-«талъ главу змія, освободилъ тысячи Христіанъ «плѣненныхъ, знаменіями истинной Вѣры освя-«тилъ скверну Магометову — навѣки, навѣки «успокоилъ Россію! Се дѣло Божіе, но чрезъ «тебя совершенное! ибо ты помнилъ слово Еван-«гельское: *рабе благій! въ малѣ былъ еси вѣренъ: «надъ многими тя поставлю!* Веселися, о Царь «любезный Богу и отечеству! Даровавъ побѣду, «Всевышній даровалъ тебѣ и вожделѣннаго, пер-«ворожденнаго сына! Живи и здравствуй съ добро-«дѣтельною Царицею Анастасіею, съ юнымъ Ца-«ревичемъ Димитріемъ, съ своими братьями, «Боярами и со всѣмъ православнымъ воин-«ствомъ въ богоспасаемомъ царствующемъ гра-«дѣ Москвѣ и на всѣхъ своихъ Царствахъ, въ «сей годъ и въ предъидущія многія, многія лѣ-«та. А мы тебѣ, Государю благочестивому, за «твои труды и подвиги великіе со всѣми Святи-«телями, со всѣми православными Христіанами «кланяемся.» Митрополитъ, Духовенство, са-новники и народъ пали ницъ предъ Іоанномъ; слезы текли изъ глазъ; благословенія раздава-лись, долго и непрерывно.

Тутъ Государь снялъ съ себя воинскую одеж-ду, возложилъ на плеча порфиру, на выю и на перси крестъ Животворящій, на главу вѣнецъ Мономаховъ, и пошелъ за святыми иконами въ Кремль; слушалъ молебенъ въ храмѣ Успенія; съ любовію и благодарностію поклонился мо-щамъ Россійскихъ Угодниковъ Божіихъ, гро-

бамъ своихъ предковъ; обходилъ всѣ храмы знаменитые, и спѣшилъ наконецъ во дворецъ. Царица еще не могла встрѣтить его: лежала на постелѣ; но увидѣвъ супруга, забыла слабость и болѣзнь: въ восторгѣ упала къ ногамъ Державнаго Героя, который, обнимая Анастасію и сына, вкусилъ тогда всю полноту счастія, даннаго въ удѣлъ человѣчеству.

Москва и Россія были въ неописанномъ волненіи радости. Вездѣ въ отверстыхъ храмахъ благодарили Небо и Царя; отовсюду спѣшили усердные подданные видѣть лице Іоанна; говорили единственно о великомъ дѣлѣ его, о преодолѣнныхъ трудностяхъ похода, усиліяхъ, хитростяхъ осады; о злобномъ ожесточеніи Казанцевъ, о блистательномъ мужествѣ Россіянъ, и возвышались сердцемъ, повторяя: «мы «завоевали Царство! что скажутъ въ свѣ«тѣ» (363)?

Пиръ во дворцѣ и дары Іоанновы.

Нѣсколько дней посвятивъ счастію семейственному, Іоаннъ, Ноября 8, далъ торжественный обѣдъ, въ Большой Грановитой палатѣ, Митрополиту, Епископамъ, Архимандритамъ, Игуменамъ, Князьямъ Юрію Василіевичу и Владиміру Андреевичу, всѣмъ Боярамъ, всѣмъ Воеводамъ, которые мужествовали подъ Казанью. «Никогда, говорятъ Лѣтописцы, не видали «мы такого великолѣпія, празднества, ве-

«селія во дворцѣ Московскомъ, ни такой щедрости.» Іоаннъ дарилъ всѣхъ, отъ Митрополита до простаго воина, ознаменованнаго или славною раною, или замѣченнаго въ спискѣ храбрыхъ; Князя Владиміра Андреевича жаловалъ шубами, златыми Фряжскими кубками и ковшами; Бояръ, Воеводъ, Дворянъ, Дѣтей Боярскихъ и всѣхъ воиновъ по достоянію одеждами съ своего плеча, бархатами, соболями, кубками, конями, доспѣхами или деньгами; три дни пировалъ съ своими знаменитѣйшими подданными, и три дни сыпалъ дары, коихъ по счету, сдѣланному въ казначействѣ, вышло на сорокъ-восемь тысячь рублей (около милліона нынѣшнихъ), кромѣ богатыхъ отчинъ и помѣстьевъ, розданныхъ тогда воинскимъ и Придворнымъ чиновникамъ ([364]).

Чтобы ознаменовать взятіе Казани достойнымъ памятникомъ для будущихъ столѣтій, Государь заложилъ великолѣпный храмъ Покрова Богоматери, у воротъ Флоровскихъ или Спасскихъ, о девяти куполахъ: онъ есть донынѣ лучшее произведеніе такъ называемой Готической Архитектуры на нашей древней столицѣ ([365]).

Сей Монархъ, озаренный славою, до восторга любимый отечествомъ, завоеватель враждебнаго Царства, умиритель своего, великодушный во всѣхъ чувствахъ, во всѣхъ намѣреніяхъ, мудрый Правитель, Законодатель,

имѣлъ только 22 года отъ рожденія: явленіе рѣдкое въ Исторіи Государствъ! Казалось, что Богъ хотѣлъ въ Іоаннѣ удивить Россію и человѣчество примѣромъ какого-то совершенства, великости и счастія на тронѣ . . . Но здѣсь восходитъ первое облако надъ лучезарною главою юнаго Вѣнценосца.

ГЛАВА V.

Продолженіе государствованія Іоаннова.

Г. 1552—1560.

Крещеніе Царевича Димитрія и двухъ Царей Казанскихъ. Язва. Мятежи въ землѣ Казанской. Болѣзнь Царя. Путешествіе Іоанново въ Кирилловъ монастырь. Смерть Царевича. Важная бесѣда Іоаннова съ бывшимъ Епископомъ Вассіаномъ. Рожденіе Царевича Іоанна. Бѣгство Князя Ростовскаго. Ересь. Усмиреніе мятежей въ Казанской землѣ. Учрежденіе Епархіи Казанской. Покореніе Царства Астраханскаго. Посольства Хивинское, Бухарское, Шавкалское, Тюменское, Грузинское. Подданство Черкесовъ. Дружба съ Ногаями. Дань Сибирская. Прибытіе Англійскихъ кораблей въ Россію. Посолъ въ Англію. Дѣла Крымскія. Письмо Солиманово. Впаденіе Крымцевъ. Война Шведская. Сношенія съ Литвою. Нападеніе Дьяка Ржевскаго на Исламъ-Кирмень. Князь Вишневецкій вступаетъ въ службу къ Царю и беретъ Хортицу. Завоеваніе Темрюка и Тамана. Моръ въ Ногайскихъ и Крымскихъ Улусахъ. Усердіе Вишневецкаго. Предложеніе союза Литвѣ. Дѣла Ливонскія. Важный замыселъ, приписываемый Іоанну. Состояніе Ливоніи. Новое могущество Россіи. Лучшее образованіе войска. Начало войны Ливонской. Взятіе Нарвы. Завоеваніе Нейшлоса, Адежа, Нейгауза. Великодушіе Дерптскаго Бургомистра. Бѣгство Магистра. Новый Глава Ордена. Взятіе Дерпта и многихъ другихъ городовъ,

Кетлеръ беретъ Рингенъ. Россіяне опустошаютъ Ливонію и Курляндію. За Ливонію Ходатайствуютъ Короли Польскій, Шведскій, Датскій. Іоаннъ даетъ перемиріе Ливоніи. Нашествіе Крымцевъ. Впаденіе Россіянъ въ Тавриду. Союзъ Ливоніи съ Августомъ. Магистръ нарушаетъ перемиріе. Славная защита Лаиса. Угрозы Августовы. Гонецъ отъ Императора. Новое разореніе Ливоніи. Взятіе Маріенбурга. Побѣды К. Курбскаго. Кончина Царицы Анастасіи.

г. 1552. Какъ скоро Анастасія могла встать съ постели, Государь отправился съ нею и съ сыномъ въ Обитель Троицы, гдѣ Архіепископъ Ростовскій, Никандръ, крестилъ Димитрія у мощей Св. Сергія (366). — Насыщенный мірскою славою, Іоаннъ заключилъ торжество государственное Христіанскимъ: два Царя Казанскіе, Утемишъ-Гирей и Едигеръ, пріяли Вѣру Спасителя.

Крещеніе Царевича Димитрія.

г. 1553. Перваго, еще младенца, крестилъ Митрополитъ въ Чудовѣ монастырѣ и нарекъ Александромъ: Государь взялъ его къ себѣ во дворецъ и велѣлъ учить грамотѣ, Закону и добродѣтели (367). Едигеръ самъ изъявилъ ревностное желаніе озариться свѣтомъ истины, и на вопросы Митрополита: «не нужда ли, не страхъ ли, не мір«ская ли польза внушаетъ ему сію мысль?» отвѣтствовалъ рѣшительно: «нѣтъ! люблю «Іисуса и ненавижу Магомета!» Священный обрядъ совершился на берегу Москвы-

Крещеніе двухъ Царей Казанскихъ.

26 Февраля.

рѣки, въ присутствіи Государя, Бояръ и народа. Митрополитъ былъ воспріемниковъ отъ купѣли. Едигеръ, названный Симеономъ, удержалъ имя Царя; жилъ въ Кремлѣ, въ особенномъ большомъ домѣ; имѣлъ Боярина, чиновниковъ, множество слугъ, и женился на дочери знатнаго сановника, Андрея Кутузова, Маріи (368); пользовался всегда милостію Государя и доказывалъ искреннюю любовь къ Россіи, забывъ, какъ смутную мечту, и прежнее свое Царство и прежнюю Вѣру.

Послѣ многихъ неописанно-сладостныхъ чувствъ душа Іоаннова уже вкушала тогда горесть. Смертоносная язва, которая подъ именемъ *железы* столь часто опустошала Россію въ теченіе двухъ послѣднихъ вѣковъ, снова открылась во Псковѣ, гдѣ съ Октября 1552 до осени 1553 года было погребено 25,000 тѣлъ въ скудельницахъ, кромѣ множества схороненныхъ тайно въ лѣсу и въ оврагахъ (369). Узнавъ о семъ, Новогородцы немедленно выгнали Псковскихъ купцевъ, объявивъ „что если кто-нибудь изъ нихъ пріѣдетъ къ нимъ, то будетъ сожженъ съ своимъ имѣніемъ. Осторожность и строгость не спасли Новагорода: язва въ Октябрѣ же мѣсяцѣ начала свирѣпствовать и тамъ и во всѣхъ окрестностяхъ. Полмилліона людей было ея жертвою; въ числѣ ихъ и Архіепископъ Сера- Язва.

ніонъ, который не берегъ себя, утѣшая несчастныхъ. На его опасное мѣсто Митрополитъ поставилъ Монаха Пимена Чернаго изъ Андреяновской Пустыни; вмѣстѣ съ Государемъ торжественно молился, святилъ воду — и Пименъ, 6 Декабря съ умиленіемъ отслуживъ первую обѣдню въ Софійскомъ храмѣ, какъ бы притупилъ жало язвы: она сдѣлалась менѣе смертоносною, по крайней мѣрѣ въ Новѣгородѣ.

Мятежи въ землѣ Казанской.

Весьма оскорбился Государь и печальными вѣстями Казанскими, увидѣвъ, что онъ еще не все совершилъ для успокоенія Россіи. Луговые и Горные жители убивали Московскихъ купцевъ и людей Боярскихъ на Волгѣ (370): злодѣевъ нашли и казнили 74 человѣка; но скоро вспыхнулъ бунтъ: Вотяки и Луговая Черемиса не хотѣли платить дани, вооружились, умертвили нашихъ чиновниковъ, стали на высокой горѣ, у засѣки; разбили Стрѣльцовъ и Казаковъ, посланныхъ усмирить ихъ: 800 Россіянъ легло на мѣстѣ. Въ семидесяти верстахъ отъ Казани, на рѣкѣ Мешѣ, мятежники основали земляную крѣпость и непрестанно безпокоили Горную Сторону набѣгами. Воевода, Борисъ Салтыковъ, зимою выступивъ противъ нихъ изъ Свіяжска съ отрядомъ пѣхоты и конницы, тонулъ въ глубокихъ снѣгахъ: непріятель катясь на лыжахъ, окружилъ его со всѣхъ сторонъ;

въ долговременной, безпорядочной битвѣ Россіяне падали отъ усталости и потеряли до пяти сотъ человѣкъ. Самъ Воевода былъ взятъ въ плѣнъ и зарѣзанъ варварами; не многіе возвратились въ Свіяжскъ, и бунтовщики, гордяся побѣдами, думали, что господство Россіянъ уже кончилось въ странѣ ихъ.

Іоаннъ вспомнилъ тогда мудрый совѣтъ опытныхъ Вельможъ не оставлять Казани до совершеннаго покоренія всѣхъ ея дикихъ народовъ ([371]). Уныніе при Дворѣ было столь велико, что нѣкоторые Члены Царской Думы предлагали навсегда покинуть сію бѣдственную для насъ землю и вывести войско оттуда ([372]). Но Государь изъявилъ справедливое презрѣніе къ ихъ малодушію; хотѣлъ исправить свою ошибку, и вдругъ занемогъ сильною горячкою, так, что Дворъ, Москва, Россія въ одно время свѣдали о болѣзни его и безнадежности къ выздоровленію. Всѣ ужаснулись, отъ Вельможи до земледѣльца; мысленно искали вины своей предъ Богомъ, и говорили: «грѣхи наши должны быть безмѣрны, когда Небо отнимаетъ у Россіи такого Самодержца» ([373])! Народъ толпился въ Кремлѣ; смотрѣли другъ другу въ глаза и боялись спрашивать; вездѣ блѣдныя, слезами орошенныя лица — а во дворцѣ отчаяніе, смятеніе неописанное, тайный шо-

Болѣзнь Царя.

потъ между Боярами, которые думали, что въ семъ бѣдственномъ случаѣ имъ должно не стенать и не плакать, но великодушно устроить судьбу Государства. Представи-
Марта 11. лось зрѣлище разительное. Іоаннъ былъ въ памяти. Дьякъ Царскій, Михайловъ, приступивъ къ одру, съ твердостію сказалъ болящему, что ему время совершить духовную. Не смотря на цвѣтущую юность, въ полнотѣ жизни и здравія, Іоаннъ часто говаривалъ о томъ съ людьми ближними (374): не устрашился, и спокойно велѣлъ писать завѣщаніе, объявивъ сына, младенца Димитрія, своимъ преемникомъ, единственнымъ Государемъ Россіи. Бумагу написали; хотѣли утвердить ее присягою всѣхъ знатнѣйшихъ сановниковъ, и собрали ихъ въ Царской столовой комнатѣ. Тутъ начался споръ, шумъ, мятежъ: одни требовали, другіе не давали присяги, и въ числѣ послѣднихъ Князь Владиміръ Андреевичь, который съ гнѣвомъ сказалъ Вельможѣ Воротынскому, укоряющему его въ ослушаніи: «смѣешь ли браниться со мною?» *Смѣю и драться*, отвѣтствовалъ Воротынскій, *по долгу усерднаго слуги моихъ и твоихъ Государей, Іоанна и Димитрія; не я, но они повелѣваютъ тебѣ исполнить обязанность вѣрнаго Россіянина*. Іоаннъ позвалъ ослушныхъ Бояръ и спросилъ у нихъ: «Кого же «думаете избрать въ Цари, отказываясь цѣ-

«ловать крестъ на имя моего сына? Развѣ забы-«ли вы данную вами клятву служить единственно «мнѣ и дѣтямъ моимъ? . . . Не имѣю силъ гово-«рить много,» примолвилъ онъ слабымъ голосомъ: «Димитрій и въ пеленахъ есть для васъ «Самодержецъ законный; но если не имѣете со-«вѣсти, то будете отвѣтствовать Богу.» На сіе Бояринъ Князь Иванъ Михайловичь Шуйскій сказалъ ему, что они не цѣловали креста, ибо не видали Государя предъ собою; а Θедоръ Адашевъ, отецъ любимца Іоаннова, саномъ Окольничій, изъяснился откровеннѣе такими словами: «Тебѣ, Государю, и сыну твоему мы усердствуемъ «повиноваться, но не Захарьинымъ-Юрьевымъ, «которые безъ сомнѣнія будутъ властвовать въ «Россіи именемъ младенца безсловеснаго. Вотъ «что страшитъ насъ! А мы, до твоего возраста, «уже испили всю чашу бѣдствій отъ Боярскаго «правленія.» Іоаннъ безмолвствовалъ въ изнеможеніи. Самодержецъ чувствовалъ себя простымъ, слабымъ смертнымъ у могилы: его любили, оплакивали, но уже не слушались, не берегли: забывали священный долгъ покоить умирающаго; шумѣли, кричали надъ самымъ одромъ безгласно-лежащаго Іоанна — и разошлися.

Чего же хотѣли сіи дерзкіе сановники, можетъ быть дѣйствительно одушевленные любовію къ общему благу, дѣйствительно устрашенные мыслію о гибельныхъ для отечества смутахъ Боярскихъ, которыя снова могли водвориться въ

Правительствующей Думѣ, къ ужасу Россіи, въ малолѣтство Димитрія? Они хотѣли возложить вѣнецъ на главу брата Іоаннова — не Юрія: ибо сей несчастный Князь, обиженный Природою, не имѣлъ ни разсудка, ни памяти (375) — но Владиміра Андреевича, одареннаго многими блестящими свойствами: умомъ любопытнымъ, острымъ, дѣятельнымъ, мужествомъ и твердостію. Предполагая самое чистое, благороднѣйшее побужденіе въ сердцахъ Бояръ, Лѣтописецъ справедливо осуждаетъ ихъ замыселъ самовольно испровергнуть наслѣдственный уставъ Государства, со временъ Димитрія Донскаго утверждаемый торжественною присягою, основанный на общемъ благѣ, плодъ долговременныхъ, старыхъ опытовъ и причину новаго могущества Россіи. Всѣ человѣческіе законы имѣютъ свои опасности, неудобства, иногда вредныя слѣдствія; но бываютъ душею порядка, священны для благоразумныхъ, нравственныхъ людей, и служатъ оплотомъ, твердынею Державъ. Предвидѣніе ослушныхъ Бояръ могло и не исполниться: но если бы малолѣтство Царя и произвело временныя бѣдствія для Россіи, то лучше было сносить оныя, нежели нарушеніемъ главнаго устава государственнаго ввергнуть отечество въ бездну всегдашняго мятежа неизвѣстностію наслѣдственнаго права, столь важнаго въ Монархіяхъ.

Къ счастію, другіе Бояре остались вѣрными совѣсти и закону. Въ тотъ же вечеръ Князья

Иванъ Өеодоровичь Мстиславскій, Владиміръ Ивановичь Воротынскій, Дмитрій Палецкій, Иванъ Васильевичь Шереметевъ, Михайло Яковлевичь Морозовъ, Захарьины-Юрьевы, Дьякъ Михайловъ присягнули Царевичу; также и юный другъ Государевъ, Алексѣй Адашевъ ([376]). Между тѣмъ донесли Іоанну, что Князья Петръ Щенятевъ, Иванъ Пронскій, Симеонъ Ростовскій, Дмитрій Нѣмый-Оболенскій во дворцѣ и на площади славятъ Князя Владиміра Андреевича, говоря: «лучше служить старому, нежели малому и «раболѣпствовать Захарьинымъ» ([377]). Истощая послѣднія силы свои, Государь хотѣлъ видѣть Князя Владиміра и такъ называемою *цѣловальною записью* обязать его въ вѣрности: сей Князь торжественно отрекся отъ присяги. Съ удивительною кротостію Іоаннъ сказалъ ему: «Вижу «твое намѣреніе: бойся Всевышняго!» а Боярамъ, давшимъ клятву: «Я слабѣю; оставьте ме«ня и дѣйствуйте по долгу чести и совѣсти.» Они съ новою ревностію начали убѣждать всѣхъ Думныхъ Совѣтниковъ исполнить волю Государеву. Имъ отвѣтствовали: «Знаемъ, чего вы «желаете: быть господами; но мы не сдѣлаемъ «по вашему.» Называли другъ друга измѣнниками, властолюбцами; гнѣвъ, злоба кипѣли въ сердцахъ, и каждое слово съ обѣихъ сторонъ было угрозою.

Въ часы сего ужаснаго смятенія Князь Владиміръ Андреевичь и мать его, Евфросинія, собирали у себя въ домѣ Дѣтей Боярскихъ и разда-

вали имъ деньги. Народъ изъявлялъ негодованіе. Благоразумные Вельможи говорили Князю Владиміру, что онъ безразсудно ругается надъ общею скорбію, какъ бы празднуя болѣзнь Царя; что не время жаловать людей, когда отечество въ слезахъ и въ страхѣ. Князь и мать его отвѣчали словами колкими, съ досадою; а Бояре, окружающіе Государя, уже не хотѣли пускать къ нему сего, явно злонамѣреннаго брата. Тутъ выступилъ на позорище чрезвычайный мужъ Сильвестръ, доселѣ главный совѣтникъ Іоанновъ, ко благу Россіи, но къ тайному неудовольствію многихъ, которые видѣли, что простый Іерей управляетъ и Церковію и Думою: ибо (по словамъ Лѣтописца) ему недоставало только сѣдалища Царскаго и Святительскаго: онъ указывалъ и Вельможамъ и Митрополиту, и судіямъ и Воеводамъ ([378]); мыслилъ, а Царь дѣлалъ. Сія власть, не будучи беззаконіемъ и происходя единственно отъ справедливой довѣренности Государевой къ мудрому совѣтнику, могла однакожь измѣнить чистоту его первыхъ намѣреній и побужденій; могла родить въ немъ любовь къ господству и желаніе утвердить оное навсегда: искушеніе опасное для добродѣтели! Всѣми уважаемый, не всѣми любимый, Сильвестръ терялъ съ Іоанномъ политическое бытіе свое, и соглашая личное властолюбіе съ пользою государственною, *можетъ быть*, тайно доброхотствовалъ сторонѣ Князя Владиміра Андреевича, связаннаго съ нимъ дружбою. По крайней мѣрѣ,

видя остервененіе ближнихъ Іоанновыхъ противъ сего Князя, онъ вступился за него и говорилъ съ жаромъ: «кто дерзаетъ удалять брата «отъ брата и злословить невиннаго, желающаго «лить слезы надъ болящимъ?» Захарьины и другіе отвѣтствовали, что они исполняютъ присягу, служатъ Іоанну, Димитрію, и не терпятъ измѣнниковъ. Сильвестръ оскорбился и навлекъ на себя подозрѣніе.

Въ слѣдующій день Государь вторично созвалъ Вельможъ и сказалъ имъ: «Въ послѣдній разъ «требую отъ васъ присяги. Цѣлуйте крестъ предъ «моими ближними Боярами, Князьями Мстислав«скимъ и Воротынскимъ: я не въ силахъ быть «того свидѣтелемъ. А вы, уже давшіе клятву «умереть за меня и за сына моего, вспомните «оную, когда меня не будетъ; не допустите вѣ«роломныхъ извести Царевича: спасите его; «бѣгите съ нимъ въ чужую землю, куда Богъ «укажетъ вамъ путь! . . . А вы, Захарьины, чего «ужасаетесь? Поздно щадить вамъ мятежныхъ «Бояръ: они не пощадятъ васъ; вы будете *пер«выми мертвецами*. И такъ явите мужество; «умрите великодушно за моего сына и за мать «его; не дайте жены моей на поруганіе измѣн«никамъ!» Сіи слова произвели сильное дѣйствіе въ сердцѣ Бояръ; они содрогнулись, и безмолвствуя вышли въ переднюю комнату, гдѣ Дьякъ Иванъ Михайловъ держалъ крестъ, а Князь Владиміръ Воротынскій стоялъ подлѣ него. Всѣ присягали въ тишинѣ и съ видомъ умиленія, моля

Всевышняго, да спасетъ Іоанна, или да будетъ сынъ его подобенъ ему для счастія Россіи! Одинъ Князь Иванъ Пронскій-Турунтай, взглянувъ на Воронтынскаго, сказалъ ему: «отецъ «твой и ты самъ былъ первымъ измѣнникомъ «по кончинѣ Великаго Князя Василія; а теперь «приводишь насъ къ святому кресту!» Воротынскій отвѣчалъ ему спокойно: «да, я измѣнникъ, «а требую отъ тебя клятвы быть вѣрнымъ Госу-«дарю нашему и сыну его; ты праведенъ, а не «хочешь дать ее!» Турунтай замѣшался и присягнулъ.

Но сей священный обрядъ не всѣхъ утвердилъ въ вѣрности. Князь Дмитрій Палецкій, сватъ Государевъ, тесть Юрія, тогда же послалъ зятя своего, Василья Бороздина, къ Князю Владиміру Андреевичу и къ матери его, сказать имъ, что если они дадутъ Юрію Удѣлъ, назначенный ему въ духовномъ завѣщаніи Великаго Князя Василія, то онъ (Палецкій) готовъ, вмѣстѣ съ другими, помогать имъ и возвести ихъ на престолъ (379)! Еще двое изъ Вельможъ оставались въ подозрѣніи: Князь Дмитрій Курлятевъ, другъ Алексѣя Адашева, и Казначей Никита Фуниковъ; они не были во дворцѣ за болѣзнію, но, по увѣренію доносителей, имѣли тайное сношеніе съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ. Курлятевъ на третій день, когда уже все затихло, велѣлъ нести себя во дворецъ и присягнулъ Димитрію: Фуниковъ также, но послѣдній. Самъ Князь Владиміръ Андреевичь обязался клятвенною грамотою *не ду-*

мать о Царствѣ и въ случаѣ Іоанновой кончины повиноваться Димитрію какъ своему законному Государю ([380]); а мать Владимірова долго не хотѣла приложить Княжеской печати къ сей грамотѣ; наконецъ исполнила рѣшительное требованіе Бояръ, сказавъ: «что значитъ присяга *невольная?*»

Сіи два дни смятенія и тревоги довели слабость болящаго до крайней степени; онъ казался въ усыпленіи, которое могло быть преддверіемъ смерти. Но дѣйствія Природы неизъяснимы: чрезвычайное напряженіе силъ иногда губитъ, иногда спасаетъ въ жестокомъ недугѣ. Въ какомъ волненіи была душа Іоаннова? Жизнь мила въ юности: его жизнь украшалась еще славою и всѣми лестными надеждами вѣнценосной добродѣтели. Въ кипѣніи силъ и чувствительности касаться гроба, падать съ престола въ могилу, видѣть страшное измѣненіе въ лицахъ: въ безмолвныхъ дотолѣ подданныхъ, въ усердныхъ любимцахъ непослушаніе, строптивость; Государю самовластному уже зависѣть отъ тѣхъ, коихъ судьба зависѣла прежде отъ его слова; смиренно молить ихъ, да спасутъ, хотя въ изгнаніи, жизнь и честь его семейства! Іоаннъ перенесъ ужасъ такихъ минутъ; огнь души усилилъ дѣятельность Природы, и болящій выздоровѣлъ, къ радости всѣхъ и къ безпокойству нѣкоторыхъ. Хотя Князь Владиміръ Андреевичь и единомышленники его исполнили наконецъ волю Іоаннову и присягнули Димитрію; но могъ ли Самодер-

жецъ забыть мятежъ ихъ и муку души своей, ими растерзанной въ минуты его боренія съ ужасами смерти? . . .

Что жь сдѣлалъ Іоаннъ ([381])? всталъ съ одра исполненный милости ко всѣмъ Боярамъ, благоволенія и довѣренности къ прежнимъ друзьямъ и совѣтникамъ; далъ санъ Боярскій отцу Адашева, который смѣлѣе другихъ опровергалъ Царское завѣщаніе ([382]); честилъ, ласкалъ Князя Владиміра Андреевича; однимъ словомъ, не хотѣлъ помнить, что случилось въ болѣзнь его, и казался только признательнымъ къ Богу за свое чудесное исцѣленіе!

Такова была наружность; но въ сердцѣ осталась рана опасная. Іоанну внушали, что не только Сильвестръ, но и юный Адашевъ тайно держалъ сторону Князя Владиміра ([383]). Не сомнѣваясь въ ихъ усердіи ко благу Россіи, онъ началъ сомнѣваться въ ихъ личной привязанности къ нему; *уважая* того и другаго, простылъ къ нимъ въ *любви;* обязанный имъ главными успѣхами своего царствованія, страшился быть неблагодарнымъ, и соблюдалъ единственно пристойность; шесть лѣтъ усердно служивъ добродѣтели и вкусивъ всю ея сладость, не хотѣлъ измѣнить ей, не мстилъ никому явно, но съ усиліемъ, которое могло ослабѣть въ продолженіе времени. Всего хуже было то, что супруга Іоаннова, дотолѣ согласно съ Адашевымъ и Сильвестромъ питавъ въ немъ любовь къ святой нравственности, отдѣлилась отъ нихъ тайною непріязнію ([384]),

думая, что они имѣли намѣреніе пожертвовать ею, сыномъ ея и братьями выгодамъ своего особеннаго честолюбія. Анастасія способствовала, какъ вѣроятно, остудѣ Іоаннова сердца къ друзьямъ. Съ сего времени онъ непріятнымъ образомъ почувствовалъ свою отъ нихъ зависимость (385), и находилъ иногда удовольствіе не соглашаться съ ними, дѣлать по-своему: въ чемъ, какъ пишутъ, еще болѣе утвердило Царя слѣдующее происшествіе.

Исполняя обѣтъ, данный имъ въ болѣзни, Іоаннъ объявилъ намѣреніе ѣхать въ монастырь Св. Кирилла Бѣлозерскаго вмѣстѣ съ Царицею и сыномъ. Сіе отдаленное путешествіе казалось нѣкоторымъ изъ его ближнихъ совѣтниковъ неблагоразумнымъ: представляли ему, что онъ еще не совсѣмъ укрѣпился въ силахъ; что дорога можетъ быть вредна и для младенца Димитрія; что важныя дѣла, въ особенности бунты Казанскіе, требуютъ его присутствія въ столицѣ. Государь не слушалъ сихъ представленій и поѣхалъ сперва въ Обитель Св. Сергія. Тамъ, въ старости, тишинѣ и молитвѣ жилъ славный Максимъ Грекъ, сосланный въ Тверь Великимъ Княземъ Василіемъ (386), но освобожденный Іоанномъ какъ невинный страдалецъ. Царь посѣтилъ келлію сего добродѣтельнаго мужа, который, бесѣдуя съ нимъ, началъ говорить объ его пу-

Путешествіе Іоанново въ Кирилловъ монастырь.

Май.

тешествіи. «Государь!» сказалъ Максимъ, вѣроятно по внушенію Іоанновыхъ совѣтниковъ: «пристойно ли тебѣ скитаться по «дальнимъ монастырямъ съ юною супругою «и съ младенцемъ? Обѣты неблагоразум«ные угодны ли Богу? Вездѣсущаго не дол«жно искать только въ пустыняхъ: весь «міръ исполненъ Его. Если желаешь из«явить ревностную признательность къ Не«бесной благости, то благотвори на престо«лѣ. Завоеваніе Казанскаго Царства, счаст«ливое для Россіи, было гибелію для мно«гихъ Христіанъ; вдовы, сироты, матери «избіенныхъ льютъ слезы: утѣшь ихъ сво«ею милостію. Вотъ дѣло Царское» ([387])! Іоаннъ не хотѣлъ отмѣнить своего намѣренія. Тогда Максимъ, какъ увѣряютъ, велѣлъ сказать ему чрезъ Алексѣя Адашева и Князя Курбскаго, что Царевичь Димитрій будетъ жертвою его упрямства. Іоаннъ не испугался пророчества: поѣхалъ въ Дмитровъ, въ Пѣсношскій Николаевскій монастырь, оттуда на судахъ рѣками Яхромою, Дубною, Волгою, Шексною въ Обитель Св. Кирилла, и возвратился чрезъ Ярославль и Ростовъ въ Москву безъ сына: предсказаніе Максимово сбылося: Димитрій скончался въ дорогѣ ([388]). — Но важнѣйшимъ обстоятельствомъ сего, такъ называемаго *Кирилловскаго ѣзда* было Іоанново свиданіе въ монастырѣ Пѣсношскомъ, на берегу

Іюнь. Смерть Царевича Димитрія.

Важная бесѣда

Яхромы, съ бывшимъ Коломенскимъ Епископомъ Вассіаномъ, который пользовался нѣкогда особенною милостію Великаго Князя Василія, но въ Боярское правленіе лишился Епархіи за свое лукавство и жестокосердіе ([389]). Маститая старость не смягчила въ немъ души: склоняясь къ могилѣ, онъ еще питалъ мірскія страсти въ груди, злобу, ненависть къ Боярамъ. Іоаннъ желалъ лично узнать человѣка, заслужившаго довѣренность его родителя; говорилъ съ нимъ о временахъ Василія и требовалъ у него совѣта, какъ лучше править Государствомъ. Вассіанъ отвѣтствовалъ ему на ухо: «Если хочешь быть истиннымъ Само«держцемъ, то не имѣй совѣтниковъ му«дрѣе себя; держись правила, что ты дол«женъ учить, а не учиться — повелѣвать, «а не слушаться. Тогда будешь твердъ на «Царствѣ и грозою Вельможъ. Совѣтникъ «мудрѣйшій Государя неминуемо овладѣетъ «имъ.» Сіи ядовитыя слова проникли во глубину Іоаннова сердца. Схвативъ и поцѣловавъ Вассіанову руку, онъ съ живостію сказалъ: *самъ отецъ мой не далъ бы мнѣ лучшаго совѣта!* . . . «Нѣтъ, Государь! могли бы мы возразить ему: нѣтъ! совѣтъ, тебѣ данный, внушенъ духомъ лжи, а не истины. Царь долженъ не властвовать только, но властвовать благодѣтельно: его мудрость, какъ человѣческая, имѣетъ нужду

Іоаннова съ бывшимъ Епископомъ Вассіаномъ.

Симеона *выставили на позоръ* и заточили на Бѣлоозеро (393). — Въ дѣлѣ иного рода оказалось также милосердіе Іоанново. Донесли Государю, что возникаетъ опасная ересь въ Москвѣ; что нѣкто Матвѣй Башкинъ проповѣдуетъ ученіе совсѣмъ не-Христіанское, отвергаетъ таинства нашей Вѣры, Божественность Христа, дѣянія Соборовъ и святость Угодниковъ Божіихъ. Его взяли въ допросъ: онъ заперся, называя себя истиннымъ Христіаниномъ; но посаженный въ темницу, началъ тосковать, открылъ ересь свою ревностнымъ Инокамъ Іосифовскаго монастыря, Герасиму и Филоѳею; самъ описалъ ее, наименовалъ единомышленниковъ, Ивана и Григорья Борисовыхъ, Монаха Бѣлобаева и другихъ; сказалъ, что развратителями его были Католики, Аптекарь Матвѣй Литвинъ и Андрей Хотѣевъ; что какіе-то Заволжскіе Старцы въ искренней бесѣдѣ съ нимъ объявили ему такое же мнѣніе о Христѣ и Святыхъ; что будто бы Рязанскій Епископъ Кассіанъ благопріятствовалъ ихъ заблужденію, и проч. (394). Царь и Митрополитъ, Соборомъ уличивъ еретиковъ, не хотѣли употребить жестокой казни: осудили ихъ единственно на заточеніе, да не сѣютъ соблазна между людьми; а Епископа Кассіана, разбитаго параличемъ, отставили.

Ересь.

Доказавъ, что болѣзнь и горестныя ея слѣдствія не ожесточили его сердца — что онъ умѣетъ быть выше обыкновенныхъ страстей человѣческихъ и забывать личныя, самыя чувствительныя оскорбленія — Іоаннъ съ прежнею ревностію занялся дѣлами государственными, изъ коихъ главнымъ было тогда усмиреніе завоеваннаго имъ Царства. Онъ послалъ Данила Адашева, брата Алексѣева, съ Дѣтьми Боярскими и съ Вятчанами на Каму (395); а знаменитыхъ доблестію Воеводъ, Князя Симеона Микулинскаго, Ивана Шереметева и Князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Казань со многими полками. Они выступили зимою, въ самые жестокіе морозы; воевали цѣлый мѣсяцъ въ окрестностяхъ Камы и Меши; разорили тамъ новую крѣпость, сдѣланную мятежниками; ходили за Ашитъ, Уржумъ, до самыхъ Вятскихъ и Башкирскихъ предѣловъ; сражались ежедневно, въ дикихъ лѣсахъ, въ снѣжныхъ пустыняхъ; убили 10,000 непріятелей и двухъ злѣйшихъ враговъ Россіи, Князя Янчуру Измаильтянина и богатыря Черемисскаго Алеку; взяли въ плѣнъ 6000 Татаръ, а женъ и дѣтей 15,000. Князья Иванъ Мстиславскій и Михайло Васильевичь Глинскій воевали Луговую Черемису, захватили 1600 именитыхъ людей, Князей, Мурзъ, чиновниковъ Татарскихъ, и всѣхъ умертвили (396). Вое-

Г. 1553-1557.

Усмиреніе мятежей въ Казанской землѣ.

воды и сановники, дѣйствуя ревностно, неутомимо, получили отъ Государя *золотыя медали*, лестную награду сего времени: ими витязи украшали грудь свою вмѣсто нынѣшнихъ крестовъ Орденскихъ ([397]). — Еще бунтъ не угасалъ; еще бѣглецы Казанскіе укрывались въ ближнихъ и дальнихъ мѣстахъ, вездѣ волнуя народъ; грабили, убивали нашихъ купцевъ и рыболововъ на Волгѣ; строили крѣпости; хотѣли возстановить свое Царство. Одинъ изъ Луговыхъ Сотниковъ, Мамичь Бердей, призвавъ какого-то Ногайскаго Князя, далъ ему имя Царя, но самъ умертвилъ его какъ неспособнаго и малодушнаго: отрубивъ ему голову, взоткнулъ ее на высокое дерево и сказалъ: «Мы взяли тебя на Царство для войны «и побѣды; а ты съ своею дружиною умѣлъ толь«ко объѣдать насъ! Теперь да царствуетъ голова «твоя на высокомъ престолѣ» ([398])! Сего опаснаго мятежника Горные жители заманили въ сѣти: дружелюбно звали къ себѣ на пиръ, схватили и отослали въ Москву: за что Государь облегчилъ ихъ въ налогахъ. Нѣсколько разъ земля Арская присягала и снова измѣняла: Луговая же долѣе всѣхъ упорствовала въ мятежѣ. Россіяне пять лѣтъ не опускали меча: жгли и рѣзали. Безъ пощады губя вѣроломныхъ, Іоаннъ награждалъ вѣрныхъ: многіе Казанцы добровольно крестились; другіе, не оставляя Закона отцевъ своихъ, вмѣстѣ съ первыми служили Россіи. Имъ давали землю, пашню, луга и все нужное для хозяйства. Наконецъ усилія бунтовщиковъ ослабѣли;

вожди ихъ погибли всѣ безъ исключенія, крѣпости были разрушены, другія (Чебоксары, Лаишевъ) вновь построены нами и заняты Стрѣльцами. Вотяки, Черемисы, самые отдаленные Башкирцы приносили дань, требуя милосердія. Весною въ 1557 году Іоаннъ въ сію несчастную землю, наполненную пепломъ и могилами, послалъ Стряпчаго, Семена Ярцова, съ объявленіемъ, что ужасы ратные миновались, и что народы ея могутъ благоденствовать въ тишинѣ какъ вѣрные подданные Бѣлаго Царя. Онъ милостиво принялъ въ Москвѣ ихъ Старѣйшинъ и далъ имъ жалованныя грамоты.

Съ того времени Казань сдѣлалась мирною собственностію Россіи, сохраняя имя Царства въ титулѣ нашихъ Монарховъ. Іоаннъ въ 1553 году Соборомъ Духовенства уставилъ для ея новыхъ Христіанъ особенную Епархію; далъ ей Архіепископа, уступающаго въ старѣйшинствѣ одному Новогородскому Владыкѣ; подчинилъ его духовному вѣдомству Свіяжскъ, Васильгородъ и Вятку; опредѣлилъ въ жалованье на церковныя расходы десятину изъ доходовъ Казанскихъ (399). Первымъ Святителемъ былъ тамъ Гурій, Игуменъ Селижарова монастыря. Съ какою ревностію сей добродѣтельный мужъ, причисленный нашею Церковію къ лику Угодниковъ Божі- Учрежденіе Епархіи Казанской.

ихъ, насаждалъ въ своей паствѣ Вѣру Спасителеву, средствами истинно Христіанскими, ученіемъ любви и кротости: съ такимъ усердіемъ Намѣстникъ Государевъ, Князь Петръ Ивановичь Шуйскій, образовалъ сей новый край въ гражданскомъ порядкѣ, изглаждая слѣды опустошеній, водворяя спокойствіе, оживляя торговлю и земледѣліе. Села Царскія и Княжескія были отданы Архіепископу, монастырямъ и Дѣтямъ Боярскимъ (400).

Покореніе Царства Астраханскаго.

Совершилось и другое, менѣе трудное, но также славное завоеваніе. Издревле, еще до начала Державы Россійской, при устьѣ Волги существовалъ городъ Козарскій, знаменитый торговлею, Атель или Балангіаръ (401); въ XIII вѣкѣ онъ принадлежалъ Аланамъ, именуемый Сумеркентомъ (402), а въ нашихъ лѣтописяхъ сдѣлался извѣстенъ подъ именемъ *Асторокани*, будучи владѣніемъ Золотой Орды, и со времени ея паденія столицею особенныхъ Хановъ, единоплеменныхъ съ Ногайскими Князьями. Тѣснимые Черкесами, Крымцами, сіи Ханы слабые, невоинственные, искали всегда нашего союза, и послѣдній изъ нихъ, Ямгурчей, хотѣлъ даже, какъ мы видѣли (403), быть данникомъ Іоанновымъ, но, обольщенный покровительствомъ Султана, обманулъ Государя: присталъ къ Девлетъ-Гирею и къ Юсуфу, Ногайскому Князю, отцу Сююнбекину, ко-

торый возненавидѣлъ Россію за плѣнъ его д
ри и внука, сверженнаго нами съ престола Ка
скаго. Посла Московскаго обезчестили въ Ас
хани и держали въ неволѣ (404): Государь
пользовался симъ случаемъ, чтобы, по мн
тогдашнихъ *книжниковъ*, возвратить Россі
древнее достояніе, гдѣ будто бы княжилъ нѣ
да сынъ Св. Владиміра, Мстиславъ: ибо они
тали *Астрахань* древнимъ *Тмутороканемъ*, о
вываясь на сходствѣ имени (405). Мурзы Нс
скіе, Исмаилъ и другіе, непріятели Юсуф
утверждали Іоанна въ семъ намѣреніи: мо
его, чтобы онъ далъ Астрахань изгнаннику
бышу, ихъ родственнику, бывшему тамъ Цар
прежде Ямгурчея, и хотѣли помогать намъ
ми силами (406). Государь, призвавъ Дербыша
Ногайскихъ Улусовъ, весною въ 1554 году
слалъ съ нимъ на судахъ войско, не много
ленное, но отборное: оно состояло изъ Царск
Дворянъ, Жильцовъ, лучшихъ Дѣтей Боярск
Стрѣльцовъ, Козаковъ, Вятчанъ. Предводит
ми были Князь Юрій Ивановичь Пронскій-Ш
кинъ и Постельничій Игнатій Вешняковъ, м
отлично храбрый (407). 29 Іюня, достигнувъ
револоки, Шемякинъ отрядилъ впередъ К
Александра Вяземскаго, который близъ Чер
острова встрѣтилъ и побилъ нѣсколько
Астраханцевъ, высланныхъ развѣдать о на
силѣ. Узнали отъ плѣнниковъ, что Ямгу
стоитъ пять верстъ ниже города, а Татары з
ли на островахъ, въ своихъ Улусахъ. Росс

плыли мимо столицы Батыевой, Сарая, гдѣ 200 лѣтъ Государи наши унижались предъ Ханами Золотой Орды; но тамъ были уже однѣ развалины! Видѣть, во время славы, памятники минувшаго стыда легче, нежели во время уничиженія видѣть памятники минувшей славы!... Въ сей нѣкогда ужасной странѣ, *полной мечей и копій*, обитала тогда безоружная, мирная робость: все бѣжало — и граждане и Царь. Шемякинъ 2 Іюля вступилъ въ безлюдную Астрахань; а Князь Вяземскій нашелъ въ Ямгурчеевомъ станѣ не мало кинутыхъ пушекъ и пищалей. Гнались за бѣгущими во всѣ стороны, до Бѣлаго озера и Тюмени: однихъ убивали, другихъ вели въ городъ, чтобы дать подданныхъ Дербышу, объявленному Царемъ въ пустынной столицѣ. Ямгурчей съ двадцатью воинами ускакалъ въ Азовъ. Настигли только женъ и дочерей его ([408]); также многихъ знатныхъ чиновниковъ, которые всѣ хотѣли служить Дербышу и зависѣть отъ Россіи, требуя единственно жизни и свободы личной. Ихъ представили новому Царю: онъ велѣлъ имъ жить въ городѣ, распустивъ народъ по Улусамъ. Князей и Мурзъ собралося пять сотъ, а простыхъ людей десять тысячь. Они вмѣстѣ съ Дербышемъ клялися въ томъ, чтобы повиноваться Іоанну какъ верховному своему Властителю, присылать ему 40 тысячь алтынъ и 3 тысячи рыбъ, какъ ежегодную дань, а въ случаѣ Дербышевой смерти нигдѣ не искать себѣ Царя, но ждать, кого Іоаннъ или наслѣдники его пожалуютъ имъ въ Правите-

ли. Въ клятвенной грамотѣ, скрѣпленной печатями, сказано было, что Россіяне могутъ свободно ловить рыбу отъ Казани до моря, вмѣстѣ съ Астраханцами, *безданно* и *безъявочно*.—Учредивъ порядокъ въ землѣ, оставивъ у Дербыша Козаковъ (съ Дворяниномъ Тургеневымъ) для его безопасности и для присмотра за нимъ, Князь Шемякинъ и Вешняковъ возвратились въ Москву съ пятью взятыми въ плѣнъ Царицами и съ великимъ числомъ освобожденныхъ Россіянъ, бывшихъ невольниками въ Астраханскихъ Улусахъ.

Вѣсть о семъ счастливомъ успѣхѣ Государь получилъ 29 Августа, въ день своего рожденія, празднуя его въ селѣ Коломенскомъ съ Митрополитомъ и со всѣмъ Дворомъ (409): изъявилъ живѣйшую радость; уставилъ церковное молебствіе; милостиво наградилъ Воеводъ; встрѣтилъ плѣнныхъ Царицъ съ великою честію и въ удовольствіе Дербышу отпустилъ назадъ въ Астрахань, кромѣ младшей изъ нихъ, которая на пути родила сына и вмѣстѣ съ нимъ крестилась въ Москвѣ: сына назвали *Царевичемъ Петромъ*, а мать Іуліаніею, и Государь женилъ на ней своего именитаго Дворянина, Захарію Плещеева (410).—Не долго Астрахань была еще особеннымъ Царствомъ: скоро вѣроломство Дербыша доказало необходимость учредить въ ней Россійское правительство: ибо нѣтъ надежной средины между независимостію и совершеннымъ подданствомъ Державы. Мужествомъ нашихъ Козаковъ отразивъ изгнанника Ямгурчея, хотѣвшаго завоевать Астрахань

съ помощію Крымцевъ и сыновей Ногайскаго Князя Юсуфа, Дербышъ замыслилъ измѣну: не смотря на то, что Государь снисходительно уступилъ его народу всю дань перваго года, онъ тайно сносился съ Ханомъ Девлетъ-Гиреемъ, взявъ къ себѣ Царевича Крымскаго Казбулата въ должность Калги ([411]). Голова Стрѣлецкій, Иванъ Черемисиновъ, съ новою воинскою дружиною былъ посланъ обличить и наказать измѣнника. Дербышъ снялъ съ себя личину, вывелъ всѣхъ жителей изъ города, соединился съ толпами Ногайскими, Крымскими, и дерзко началъ войну, ободренный малочисленностію Россіянъ. Но у насъ былъ искренній, ревностный другъ: Князь Ногайскій Исмаилъ, своимъ ходатайствомъ доставивъ престолъ сему неблагодарному, помогъ Черемисинову — и Дербышъ, разбитый на голову (въ 1557 году), по слѣдамъ Ямгурчея бѣжалъ въ Азовъ ([412]). Тогда всѣ жители, удостовѣренные въ безопасности, возвратились въ городъ и въ окрестные Улусы, дали присягу Россіи, и не думали уже измѣнять, довольные своимъ жребіемъ подъ властію великой Державы, которой сила могла быть имъ защитою отъ Тавриды и Ногаевъ. Черемисиновъ утвердилъ за ними прежнюю собственность: острова, пашни; обложилъ всѣхъ данію легкою, наблюдалъ справедливость, пріобрѣлъ общую любовь и довѣренность; однимъ словомъ, устроилъ все наилучшимъ образомъ для пользы жителей и Россіи.

Съ того времени Государь въ подписи своихъ

грамотъ началъ означать лѣта Казанскаго и Астраханскаго завоеваній ([413]), коихъ эпоха есть безъ сомнѣнія самая блестящая въ нашей Исторіи среднихъ вѣковъ. Громкое имя *покорителя Царствъ* дало Іоанну, въ глазахъ Россіянъ-современниковъ, безпримѣрное величіе и возвысило ихъ государственное достоинство, плѣняя честолюбіе, питая гордость народную, удивительную для иноземцевъ, которые не понимали ея причины, ибо видѣли только гражданскіе недостатки наши въ сравненіи съ другими Европейскими народами, и не сравнивали Россіи Василія Темнаго съ Россіею Іоанна IV: первый имѣлъ только 1500 воиновъ для ея защиты ([414]), а второй взялъ чуждое Царство отрядомъ легкаго войска, не трогая своихъ главныхъ полковъ. Между сими происшествіями минуло едва столѣтіе, и народъ могъ естественно возгордиться столь быстрыми шагами къ величію. Не только иноземцы, но и мы сами не оцѣнимъ справедливо государственныхъ успѣховъ древней Россіи, если не вникнемъ въ обстоятельства тѣхъ временъ, не поставимъ себя на мѣстѣ предковъ и не будемъ смотрѣть ихъ глазами на вещи и дѣянія, безъ обманчиваго соображенія съ новѣйшими временами, когда все измѣнилось, умножились средства, прозябли сѣмена и насажденія. Великія усилія раждаютъ великое: а въ твореніяхъ государственныхъ начало едва ли не труднѣе совершенія.

Кромѣ славы и блеска, Россія, примкнувъ свои владѣнія къ морю Каспійскому, открыла для

себя новые источники богатства и силы; ея торговля и политическое вліяніе распространились. Звукъ оружія изгналъ чужеземныхъ купцевъ изъ Астрахани: спокойствіе и тишина возвратили ихъ. Они пріѣхали изъ Шамахи, Дербента, Шавкала, Тюмени, Хивы, Сарайчика, со всякими товарами, весьма охотно платя въ Государеву казну уставленную пошлину. *Цари* Хивинскій и Бухарскій прислали своихъ знатныхъ людей въ Москву съ дарами, желая благоволенія Іоаннова и свободной торговли въ Россіи ([415]). Земля Шавкалская, Тюменская, Грузинская хотѣли быть въ нашемъ подданствѣ. Князья Черкесскіе, присягнувъ Государю въ вѣрности, требовали, чтобы онъ помогъ имъ воевать Султанскія владѣнія и Тавриду ([416]). Іоаннъ отвѣтствовалъ, что Султанъ въ мирѣ съ Россіею, но что мы всѣми силами будемъ оборонять ихъ отъ Хана Дивлетъ-Гирея. Вѣра Спасителева, насажденная между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ въ самыя древнія времена Имперіи Византійской, еще не совсѣмъ угасла въ сихъ странахъ; оставались ея темныя преданія и нѣкоторые обряды ([417]): извѣстность и могущество Россіи оживили тамъ память Христіанства и любовь къ оному. Князья крестили дѣтей своихъ въ Москвѣ, отдавали ихъ на воспитаніе Царю, — нѣкоторые

Посольства Хивинское, Бухарское, Шавкалское, Тюменское, Грузинское.

Подданство Черкесовъ.

сами крестились. Сынъ Князя Сибока, Кудадекъ-Александръ, и Темрюковъ, Салтанукъ-Михаилъ, учились грамотѣ во дворцѣ Кремлевскомъ вмѣстѣ съ Сююнбекинымъ сыномъ. — Признательный къ усердію союзныхъ съ нами Ногаевъ, Государь позволилъ имъ кочевать въ зимнее время близъ самой Астрахани: они мирно и спокойно въ ней торговали. Князь Исмаилъ, убивъ своего брата, Юсуфа, писалъ къ Іоанну изъ городка Сарайчика (418): «Врага «твоего уже нѣтъ на свѣтѣ; племянники и «дѣти мои единодушно *дали мнѣ поводы «уздъ своихъ:* я властвую надо всѣми Улу«сами.» Онъ совѣтовалъ Россіянамъ основать крѣпость на Переволокѣ, а другую на Иргизѣ (въ нынѣшней Саратовской Губерніи), гдѣ скитались нѣкоторые бѣглые Ногайскіе Мурзы, не хотѣвшіе ему повиноваться и быть намъ друзьями. Утверждая пріязнь дарами и ласками, Государь однакожь не дозволялъ Исмаилу въ шертныхъ грамотахъ называться ни *отцемъ* его, ни *братомъ*, считая то унизительнымъ для Россійскаго Монарха (419).

Дружба съ Ногаями.

Слухъ о нашихъ завоеваніяхъ проникъ и въ отдаленную Сибирь, коей имя, означая тогда единственно среднюю часть нынѣшней Тобольской Губерніи, было давно извѣстно въ Москвѣ отъ нашихъ Югорскихъ и Пермскихъ данниковъ. Тамъ го-

сподствовали Князья Могольскіе, потомки Батыева брата Сибана или Шибана (420). Вѣроятно, что они и прежде имѣли сношенія съ Россіею, и даже признавали себя въ нѣкоторой зависимости отъ сильнаго ея Царя: Іоаннъ уже въ 1554 году именовался въ грамотахъ Властителемъ Сибири (421); но лѣтописи молчатъ о томъ до 1555 года: въ сіе время Князь Сибирскій, Едигеръ, прислалъ двухъ чиновниковъ въ Москву поздравить Государя со взятіемъ Казани и Астрахани (422). Дѣло шло не объ одной учтивости: Едигеръ вызвался платить дань

Дань Сибирская.

Россіи, съ условіемъ, чтобы мы утвердили спокойствіе и безопасность его земли. Государь увѣрилъ Пословъ въ своей милости, взялъ съ нихъ клятву въ вѣрности и далъ имъ *жалованную грамоту*. Они сказали, что въ Сибири 30,700 жителей: Едигеръ хотѣлъ съ каждаго человѣка давать намъ ежегодно по соболю и бѣлкѣ. Сынъ Боярскій, Дмитрій Куровъ, поѣхалъ въ Сибирь, чтобы обязять присягою Князя и народъ; возвратился въ концѣ 1556 года съ новымъ Посломъ Едигеровымъ, и, вмѣсто обѣщанныхъ *тридцати тысячь*, привезъ только 700 соболей. Едигеръ писалъ, что земля его, разоренная Шибанскимъ Царевичемъ, не можетъ дать болѣе; но Куровъ говорилъ противное, и Царь велѣлъ заключить Посла Сибирскаго. Наконецъ, въ

1558 году, Едигеръ доставилъ въ Москву дань полную, съ увѣреніемъ, что будетъ впредь исправнымъ плательщикомъ (423).— Такимъ образомъ Россія открыла себѣ путь къ неизмѣримымъ пріобрѣтеніямъ на Сѣверѣ Азіи, неизвѣстномъ дотолѣ ни Историкамъ, ни Географамъ образованной Европы.

Прибытіе Англійскихъ кораблей въ Россію.

Сіе достопамятное время Іоаннова царствованія прославилось еще тѣснымъ союзомъ Россіи съ одною изъ знаменитѣйшихъ Державъ Европейскихъ, которая была внѣ ея политическаго горизонта, едва знала объ ней по слуху, и вдругъ, нечаянно, нашла доступъ къ самымъ отдаленнымъ, всѣхъ менѣе извѣстнымъ странамъ Государства Іоаннова, чтобы съ великою выгодою для себя дать намъ новыя средства обогащенія, новые способы гражданскаго образованія. Еще Англія не была тогда первостепенною морскою Державою, но уже стремилась къ сей цѣли, соревнуя Испаніи, Португалліи, Венеціи и Генуѣ; хотѣла проложить путь въ Китай, въ Индію Ледовитымъ моремъ, и весною въ 1553 году, въ царствованіе юнаго Эдуарда VI, послала три корабля въ Океанъ Сѣверный. Начальниками ихъ были Гугъ Виллоби и Капитанъ Ченселеръ. Разлученные бурею, сіи корабли уже не могли соединиться; два изъ нихъ погибли у береговъ Россійской

Лапландіи, въ пристани Арцинѣ, гдѣ Гугъ Виллоби замерзъ со всѣми людьми своими: зимою, въ 1554 году, рыбаки Лапландскіе нашли его мертваго, сидящаго въ шалашѣ за своимъ Журналомъ (424). Но Капитанъ Ченселеръ благополучно доплылъ до Бѣлаго моря; 24 Августа, 1553 года, вошелъ въ Двинскій заливъ и присталъ къ берегу, гдѣ былъ тогда монастырь Св. Николая, и гдѣ послѣ основанъ городъ Архангельскъ. Англичане увидѣли людей, изумленныхъ явленіемъ большаго корабля; свѣдали отъ нихъ, что сей берегъ есть Россійскій; сказали, что имѣютъ отъ Короля Англійскаго письмо къ Царю и желаютъ завести съ нами торговлю (425). Давъ имъ съѣстные припасы, начальники Двинской земли немедленно отправили гонца къ Іоанну, который тотчасъ понялъ важность сего случая, благопріятнаго для успѣховъ нашей торговли, — велѣлъ Ченселеру быть въ Москву и доставилъ ему всѣ возможныя удобности въ пути. Представленные Государю, Англичане съ удивленіемъ видѣли, по ихъ словамъ, *безпримѣрное* велелѣпіе его Двора: ряды красивыхъ чиновниковъ, кругъ сановитыхъ Бояръ въ златыхъ одеждахъ, блестящій тронъ, и на немъ юнаго Самодержца въ блистательной коронѣ, окруженнаго величіемъ и безмолвіемъ (426). Ченселеръ подалъ слѣдующую грамоту Эдуардову, писанную на разныхъ языкахъ *ко всѣмъ Сѣвернымъ и Восточнымъ* Государямъ:

«Эдуардъ VI вамъ, Цари, Князья, Властители,

«судіи земли, во всѣхъ странахъ подъ солн-
«цемъ, желаетъ мира, спокойствія, чести, вамъ
«и странамъ вашимъ! Господь всемогущій даро-
«валъ человѣку сердце дружелюбное, да благо-
«творитъ ближнимъ и въ особенности странни-
«камъ, которые, пріѣзжая къ намъ изъ мѣстъ
«отдаленныхъ, ясно доказываютъ тѣмъ превос-
«ходную любовь свою къ братскому общежитію.
«Такъ думали отцы наши, всегда гостепріимные,
«всегда ласковые къ иноземцамъ, требующимъ
«покровительства. Всѣ люди имѣютъ право на
«гостепріимство, но еще болѣе купцы, презирая
«опасности и труды, оставляя за собою моря и
«пустыни, для того, чтобы благословенными
«плодами земли своей обогатить страны дальнія
«и взаимно обогатиться ихъ произведеніями:
«ибо Господь вселенныя разсѣялъ дары Его бла-
«гости, чтобы народы имѣли нужду другъ въ
«другѣ, и чтобы взаимными услугами утвержда-
«лась пріязнь между людьми. Съ симъ намѣре-
«ніемъ нѣкоторые изъ нашихъ подданныхъ
«предпріяли дальнее путешествіе моремъ, и тре-
«бовали отъ насъ согласія. Исполняя ихъ жела-
«ніе, мы позволили мужу достойному, Гугу Вил-
«лоби, и товарищамъ его, нашимъ вѣрнымъ
«слугамъ, ѣхать въ страны, донынѣ неизвѣст-
«ныя, и мѣняться съ ними избыткомъ: брать,
«чего не имѣемъ, и давать, чѣмъ изобилуемъ,
«для обоюдной пользы и дружества. И такъ мо-
«лимъ васъ, Цари, Князья, Властители, чтобы
«вы свободно пропустили сихъ людей чрезъ

«свои земли: ибо они не коснутся ничего безъ «вашего дозволенія. Не забудьте человѣчества. «Великодушно помогите имъ въ нуждѣ, и пріи«мите отъ нихъ, чѣмъ могутъ вознаградить «васъ. Поступите съ ними, какъ хотите, чтобы «мы поступили съ вашими слугами, если они «когда-нибудь къ намъ заѣдутъ. А мы клянемся «Богомъ, Господомъ всего сущаго на небесахъ, «на землѣ и въ морѣ, клянемся жизнію и бла«гомъ нашего Царства, что всякаго изъ вашихъ «подданныхъ встрѣтимъ какъ единоплеменника «и друга, изъ благодарности за любовь, которую «окажете нашимъ. За симъ молимъ Бога Все«держителя, да сподобитъ васъ земнаго долго«лѣтія и мира вѣчнаго. Дано въ Лондонѣ, нашей «столицѣ, въ лѣто отъ сотворенія міра 5517, «Царствованія нашего въ 7» ([427]).

Англичане, принятые милостиво, обѣдали у Государя въ Золотой Палатѣ, и съ новымъ изумленіемъ видѣли пышность Царскую. Гости, числомъ болѣе ста, ѣли и пили изъ золотыхъ сосудовъ; одежда ста-пятидесяти слугъ также сіяла золотомъ ([128]). — Послѣ сего Ченселеръ имѣлъ переговоры съ Боярами, и былъ весьма доволенъ оными. Его немедленно отпустили назадъ (въ Февралѣ 1554 года) съ отвѣтомъ Іоанновымъ. Царь писалъ къ Эдуарду, что онъ, искренно желая быть съ нимъ въ дружбѣ, согласно съ ученіемъ Вѣры Христіанской, съ правилами истинной науки государственной и съ лучшимъ его разумѣніемъ, готовъ сдѣлать все

ему угодное; что, принявъ ласково Ченселера, также же приметъ и Гуга Виллоби, если сей послѣдній будетъ у насъ; что дружба, защита, свобода и безопасность ожидаютъ Англійскихъ Пословъ и купцевъ въ Россіи ([429]). — Эдуарда не стало: Марія царствовала въ Англіи, и Ченселеръ, вручивъ ей Іоаннову грамоту съ Нѣмецкимъ переводомъ, произвелъ своими вѣстями живѣйшую радость въ Лондонѣ. Всѣ говорили о Россіи какъ о *вновь открытой* землѣ; хотѣли знать ея любопытную Исторію, Географію, и немедленно составилось общество купцевъ для торговли съ нею. Въ 1555 году Ченселеръ вторично отправился къ намъ на двухъ корабляхъ съ повѣренными сего общества, Греемъ и Киллингвортомъ ([430]), чтобы заключить торжественный договоръ съ Царемъ, коему Марія и супругъ ея, Филиппъ, письменно изъявили благодарность въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ. Іоаннъ съ новою милостію принялъ Ченселера и его товарищей въ Москвѣ; обѣдая съ ними, обыкновенно сажалъ ихъ передъ собою; говорилъ ласково, и называлъ Королеву Марію любезнѣйшею сестрою. Учредили особенный Совѣтъ для разсмотрѣнія правъ и вольностей, коихъ требовали Англичане: въ немъ присутствовали и купцы Московскіе. Положили, что главная мѣна товаровъ будетъ въ Колмогорахъ, осенью и зимою; что цѣны остаются произвольными, но что всякіе обманы въ куплѣ судятся какъ уголовное преступленіе. Іоаннъ далъ наконецъ торговую

жалованную грамоту Англичанамъ, уставивъ въ ней, что они могутъ свободно купечествовать во всѣхъ городахъ Россіи, безъ всякаго стѣсненія, и не платя никакой пошлины — вездѣ жить, имѣть домы, лавки — нанимать слугъ, работниковъ и брать съ нихъ присягу въ вѣрности; что за всякую вину отвѣтствуетъ только виновный, а не общество; что Государь, какъ законный судія, имѣетъ право отнять у преступника честь и жизнь, но не касается имѣнія; что они изберутъ Старѣйшину для разбора ссоръ и тяжбъ между ими; что Намѣстники Государевы обязаны дѣятельно помогать ему въ случаѣ нужды для усмиренія ослушныхъ и давать орудія казни; что не льзя взять Англичанина подъ стражу, если Старѣйшина объявитъ себя его порукою; что Правительство немедленно удовлетворяетъ ихъ жалобамъ на Россіянъ и строго казнитъ обидчиковъ ([431]). — Главными изъ товаровъ, привезенныхъ Англичанами въ Россію, были сукна и сахаръ. Купцы наши предлагали имъ 12 рублей (или гиней) за половинку сукна и 4 алтына (или шиллинга) за фунтъ сахару; но сія цѣна казалась для нихъ низкою ([432]).

Съ того времени пристань Св. Николая — гдѣ, кромѣ бѣднаго, уединеннаго монастыря, было пять или шесть домиковъ — оживилась и сдѣлалась важнымъ торговымъ мѣстомъ. Англичане построили тамъ особенный, красивый домъ, а въ Колмогорахъ нѣсколько обширныхъ дворовъ для складки товаровъ. Имъ дали землю, огоро-

ды, луга. — Между тѣмъ, надѣясь открыть путь чрезъ Ледовитое море въ Китай, Капитанъ ихъ, Стефанъ Борро, отъ устья Двины доходилъ до Новой Земли и Вайгача, но устрашенный бурями и ледяными громадами, въ исходѣ Августа мѣсяца возвратился въ Колмогоры.

Въ 1556 году Ченселеръ отплылъ въ Англію съ четырмя, богато нагруженными кораблями и съ Посланникомъ Государевымъ, Іосифомъ Непѣею Вологжаниномъ (433). Счастіе, дотолѣ всегда благопріятное сему искусному мореплавателю, измѣнило ему: буря разсѣяла его корабли; только одинъ изъ нихъ вошелъ въ пристань Лондонскую. Самъ Ченселеръ утонулъ близъ Шотландскихъ береговъ; спасли только Посланника Іоаннова, который, лишась всего, былъ осыпанъ въ Лондонѣ дарами и ласками. Знатные сановники государственные и сто-сорокъ купцевъ со множествомъ слугъ, всѣ на прекрасныхъ лошадяхъ, въ богатой одеждѣ, выѣхали къ нему на встрѣчу. Онъ сѣлъ на коня, великолѣпно украшеннаго, и окруженный Старѣйшинами купечества, въѣхалъ въ городъ. Любопытные жители Лондонскіе тѣснились въ улицахъ, привѣтствуя Посланника громкими восклицаніями. Ему отвели одинъ изъ лучшихъ домовъ, гдѣ богатство уборовъ отвѣчало роскоши еже-

Посолъ въ Англію.

дневнаго угощенія; угадывали, предупреждали всякое желаніе гостя; то звали его на пиры, то водили обозрѣвать всѣ достопамятности Лондона, дворцы, храмъ Св. Павла, Вестминстеръ, крѣпость, ратушу. Принятый Маріею съ отмѣннымъ благоволеніемъ, Непѣя въ торжественный день Ордена Подвязки сидѣлъ въ церкви на возвышенномъ мѣстѣ близъ Королевы. Нигдѣ не оказывалось такой чести Русскому имени. Сей незнатный, но достойный представитель Іоаннова лица умѣлъ заслужить весьма лестный отзывъ Англійскихъ Министровъ: они донесли Королевѣ, что его умъ въ дѣлахъ равняется съ его благородною важностію въ поступкахъ (434). Вмѣстѣ съ грамотою Царскою вручивъ Маріи и Филиппу нѣсколько соболей, Непѣя сказалъ, что богатѣйшіе дары Іоанновы во время Ченселерова кораблекрушенія были расхищены Шотландцами. Королева послала къ Царю самыя лучшія произведенія Англійскихъ суконныхъ фабрикъ, блестящій доспѣхъ, льва и львицу (435); а Старѣйшины Россійскаго торговаго общества, въ послѣдній разъ великолѣпно угостивъ Непѣю въ залѣ Лондонскихъ суконниковъ, объявили, что не Дворъ, не Казна, но ихъ общество взяло на себя всѣ издержки, коихъ требовало его пребываніе въ Англіи, и что они сдѣлали то съ живѣйшимъ удовольствіемъ, въ знакъ своей добросердечной, ревностной, *нѣжной* дружбы къ нему и къ Россіи (436). Онъ получилъ отъ нихъ въ даръ золотую цѣпь во сто фунтовъ

Стерлинговъ и пять драгоцѣнныхъ сосудовъ; возвратился на Англійскомъ кораблѣ въ Сентябрѣ 1557 года и привезъ въ Москву ремесленниковъ, рудокоповъ и Медиковъ, въ числѣ коихъ былъ искусный Докторъ Стендишъ. Такъ Россія пользовалась всякимъ случаемъ заимствовать отъ иноземцевъ нужнѣйшее для ея гражданскаго образованія.

Съ удовольствіемъ читая ласковыя письма Маріи и Филиппа, которые именовали его въ оныхъ *великимъ Императоромъ;* слыша отъ Непѣи, сколько чести и пріязни оказали ему въ Лондонѣ и Дворъ и народъ, Іоаннъ обходился съ Англичанами какъ съ любезнѣйшими гостями Россіи; велѣлъ отвести имъ домы во всѣхъ торговыхъ городахъ, въ Вологдѣ, въ Москвѣ, и лично привѣтствовалъ ихъ столь милостиво, что они не могли безъ чувства живѣйшей благодарности писать о томъ къ своимъ Лондонскимъ знакомцамъ. Главный начальникъ Англійскихъ кораблей, прибывшихъ въ 1557 году къ устью Двины, Антоній Дженкисонъ, ѣздилъ изъ Москвы въ Астракань, чтобы завести торговлю съ Персіею: изъявляя совершенную довѣренность къ видамъ Лондонскаго купечества, Государь обѣщалъ доставить оному всѣ способы для сего дальняго перевоза товаровъ. — Однимъ словомъ, связь наша съ Британіею, основываясь на взаимныхъ выгодахъ безъ всякаго опаснаго совмѣстничества въ Политикѣ, имѣла какой-то особенный характеръ искренности и дружелюбія, слу-

жила доказательствомъ мудрости Царя и придала новый блескъ его царствованію.— Открытіемъ Англичанъ немедленно воспользовались и другіе купцы Европейскіе: изъ Голландіи, изъ Брабанта начали приходить корабли къ сѣвернымъ берегамъ Россіи и торговать съ нею въ Корельскомъ устьѣ: что продолжалось отъ 1555 до 1557 года (437).

Сіи достопамятныя происшествія были не единственнымъ предметомъ Іоанновой дѣятельности. Усмиряя Казань, покоряя Астрахань, возлагая дань на Сибирь, распространяя власть свою до Персіи, а торговлю до Самарканда, Шельды и Темзы, Россія воевала и съ Ханомъ Девлетъ-Гиреемъ, и съ Швеціею, и съ Ливоніею, неусыпно наблюдая Литву.

Дѣла Крымскія.

Совершенное паденіе Казанскаго Царства приводило въ ужасъ Тавриду: Девлетъ-Гирей, кипя злобою, хотѣлъ бы поглотить Россію; но чувствовалъ нашу силу, ждалъ времени, манилъ Іоанна мирными обѣщаніями и грозилъ нападеніемъ. Въ 1553 году Царь стоялъ съ полками въ Коломнѣ, ожидая Хана (438); но Ханъ прислалъ въ Москву грамоту шертную: соглашаясь быть намъ другомъ, онъ требовалъ богатыхъ даровъ, и называлъ Іоанна только Великимъ Княземъ. Государь писалъ ему въ отвѣтъ, что мы *не покупаемъ дружбы*, и скромно извѣстилъ его о взятіи Астрахани.

Тогда нѣкоторые изъ Думныхъ Совѣтниковъ предлагали Государю довершить великое дѣло славы, безопасности, благоденствія нашего завоеваніемъ послѣдняго Царства Батыева ([439]); и если бы онъ исполнилъ ихъ совѣтъ, то предупредилъ бы двумя вѣками знаменитое дѣло Екатерины Второй: ибо вѣроятно, что Крымъ не могъ бы противиться усиліямъ Россіи, которая уже стояла пятою на двухъ, лежащихъ предъ нею Царствахъ, и смотрѣла на третіе какъ на лестную добычу: двѣсти тысячь побѣдителей ([440]) готовы были ударить на гнѣздо хищниковъ, способныхъ болѣе къ разбоямъ, нежели къ войнѣ оборонительной. Есть время для завоеваній: оно проходитъ, и долго не возвращается. Но сія мысль казалась еще дерзкою: путь къ Крыму еще ни былъ знакомъ войску; степи, даль, трудность продовольствія устрашали. Сверхъ того Іоаннъ опасался раздражить Султана, верховнаго Властителя Тавриды, съ коимъ мы находились въ дружественныхъ сношеніяхъ: возбуждая противъ насъ Князей Ногайскихъ ([441]), онъ таилъ свою непріязнь и въ знакъ уваженія писалъ *золотыми буквами* къ Іоанну, именовалъ его *Царемъ счастливымъ* и *Правителемъ мудрымъ;* напоминалъ ему о *старой любви*, и присылалъ въ Москву купцевъ за товарами ([442]). Еще и другая мысль скло- Письмо Солиманово.

няла Государя щадить Тавриду: онъ надѣялся, подобно своему дѣду, употреблять ея Хановъ въ орудіе нашей Политики, чтобы вредить или угрожать Литвѣ. Уже опыты доказывали надежность сего орудія; но мы хотѣли новыхъ опытовъ, чтобы удостовѣриться въ необходимости истребленія варваровъ, и оставили въ ихъ рукѣ огнь и мечь на Россію!

Видя ложь, обманы Девлетъ-Гирея, и свѣдавъ, что онъ идетъ воевать землю Пятигорскихъ Черкесовъ, нашихъ друзей, Государь (въ Іюнѣ 1555 года) послалъ Воеводу Ивана Шереметева изъ Бѣлева Муравскою дорогою съ тринадцатью тысячами Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцовъ и Козаковъ въ Мамаевы Луга, къ Перекопи, чтобы отогнать стада Ханскія ([448]). Но Девлетъ-Гирей отъ Изюмскаго Кургана своротилъ влѣво, и вдругъ устремился къ предѣламъ Россіи, имѣя тысячь шестьдесятъ войска. Шереметевъ, находясь близъ Святыхъ Горъ и Донца, открылъ сіе движеніе непріятеля, увѣдомилъ Государя и пошелъ въ слѣдъ за Ханомъ, къ Тулѣ. Самъ Іоаннъ немедленно выступилъ изъ Москвы съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, Царемъ Казанскимъ Симеономъ, со всѣми Воеводами и Дѣтьми Боярскими; уже не хотѣлъ, какъ бывало въ старину, ждать Крымцевъ на Окѣ, но спѣшилъ встрѣ-

Впаденіе Крымцевъ.

тить ихъ далѣе въ полѣ. Девлетъ-Гирей былъ между двумя войсками и не зналъ того. Нескромность Дьяковъ Государевыхъ спасла его отъ гибели: они писали изъ Москвы къ Намѣстникамъ Украинскимъ, что Ханъ въ сѣтяхъ; что спереди Царь, сзади Шереметевъ въ одно время стиснутъ, истребятъ непріятеля. Намѣстники разгласили счастливую вѣсть, которая дошла и до Хана, чрезъ жителей, захваченныхъ Крымцами (444). Въ ужасѣ онъ рѣшился бѣжать. Между тѣмъ мужественный, дѣятельный Шереметевъ взялъ обозъ Девлетъ-Гиреевъ, 60,000 коней, 200 аргамаковъ, 180 вельблюдовъ; отправилъ сію добычу во Мценскъ, въ Рязань; остался только съ семью тысячами воиновъ; во 150 верстахъ отъ Тулы, на Судбищахъ, встрѣтилъ всю непріятельскую силу и не уклонился отъ битвы: сломилъ передовый полкъ, отнялъ знамя Ширинскихъ Князей и ночевалъ на мѣстѣ сраженія. Къ Хану привели двухъ плѣнниковъ (445): ихъ пытали; одинъ молчалъ, а другой не вынесъ мукъ и сказалъ ему о маломъ числѣ Россіянъ. Опасаясь нашего главнаго войска, но стыдясь уступить побѣду горсти отважныхъ витязей, Девлетъ-Гирей утромъ возобновилъ нападеніе всѣми полками. Бились часовъ восемь, и Россіяне нѣсколько разъ видѣли тылъ непріятеля; одни Янычары Султановы стояли крѣпко, берегли Хана и снарядъ огнестрѣльный. Къ несчастію, Герой Шереметевъ былъ раненъ: другіе Воеводы не имѣли его духа; усилія наши осла-

бѣли, а непріятель удвоилъ свои. Россіяне смѣшались; искали спасенія въ бѣгствѣ. Тутъ мужественные чиновники, Алексѣй Басмановъ и Стефанъ Сидоровъ, ударили въ бубны, затрубили въ трубы, остановили бѣгущихъ, и засѣли съ двумя тысячами въ буеракѣ: Ханъ трижды приступалъ, не могъ одолѣть ихъ, и боясь терять время, на закатѣ солнца ушелъ въ степи.

Государь приближался къ Тулѣ, когда донесли ему, что Шереметевъ разбитъ, и что Ханъ будто бы идетъ къ Москвѣ съ несмѣтною силою. Люди боязливые совѣтовали Царю итти назадъ за Оку, а смѣлые впередъ: онъ послушался смѣлыхъ и вступилъ въ Тулу, куда прибыли Шереметевъ, Басмановъ, Сидоровъ съ остаткомъ своихъ воиновъ. Узнавъ, что Ханъ спѣшитъ къ предѣламъ Тавриды, и что нельзя догнать его, Іоаннъ возвратился въ Москву. Онъ милостиво наградилъ всѣхъ усердныхъ сподвижниковъ Шереметева, не побѣдителей, но ознаменованныхъ славою отчаянной битвы. Многіе изъ нихъ умерли отъ ранъ, и въ томъ числѣ храбрый Воевода Сидоровъ, уязвленный пулею и копьемъ: отслуживъ Царю, онъ скинулъ съ себя обагренный кровію доспѣхъ и скончался въ мантіи Схимника (446).

Война Шведская. Въ сіе время Іоаннъ долженъ былъ обратить вниманіе на Швецію. Густавъ

Ваза, съ безпокойствомъ видя возрастающее могущество Россіи, старался тайно вредить ей: сносился съ Королемъ Польскимъ, съ Ливоніею, съ Герцогомъ Прусскимъ, съ Даніею, чтобъ общимъ усиліемъ Сѣверныхъ Державъ противиться опасному Іоаннову властолюбію; и встревоженный нашею выгодною торговлею съ Англичанами, убѣждалъ Королеву Марію запретить оную, какъ несогласную съ благосостояніемъ Швеціи и дающую новыя средства избытка, новую силу естественнымъ врагамъ ея ([447]). Не смотря на то, ни Густавъ, ни Царь не хотѣлъ кровопролитія: первый чувствовалъ слабость свою, а послѣдній не имѣлъ никакихъ видовъ на завоеванія въ Швеціи. Но споры о неясныхъ границахъ произвели войну. Ссылаясь на старый договоръ Короля Магнуса съ Новогородцами ([448]), Россіяне считали рѣки Саю и Сестрь предѣломъ обѣихъ Державъ: Шведы выходили за сей рубежъ; ловили рыбу, косили сѣно, пахали землю въ нашихъ владѣніяхъ; именовали Сестрію совсѣмъ иную рѣку, и не слушали никакихъ возраженій ([449]). Россіяне жгли ихъ нивы, а Шведы жгли наши села, умертвивъ нѣсколько Боярскихъ Дѣтей и посадивъ одного изъ нихъ на колъ; отняли у насъ также нѣсколько погостовъ въ Лапландіи и хотѣли разорить тамъ уединенный монастырь Св. Николая на Печенгѣ, противъ *Варгава* ([450]). Новогородскій Намѣстникъ, Князь Димитрій Палецкій, отправилъ къ Королю Густаву сановника Никиту Кузмина: его

задержали въ Стокгольмѣ какъ лазутчика по ложному донесенію Выборгскаго начальника (451), и Густавъ не далъ отвѣта Князю Палецкому, желая объясниться письменно съ самимъ Царемъ. Жители Новогородской области вооруженною рукою заняли нѣкоторыя спорныя мѣста: Шведы побили ихъ на голову. Еще съ обѣихъ сторонъ предлагали дружелюбно изслѣдовать взаимныя неудовольствія; назначили время и мѣсто для съѣзда повѣренныхъ: Шведскіе не явились. Государь велѣлъ Князю Ногтеву и Воеводамъ Новогородскимъ защитить границу; а Густавъ, опасаясь нападенія, самъ прибылъ въ Финляндію единственно для обороны. Но Адмиралъ его, Іоаннъ Багге, пылая ревностію отличить себя подвигомъ славы, убѣждалъ Короля предупредить насъ; отвѣтствовалъ ему за успѣхъ; донесъ, что слухъ носится о внезапной кончинѣ Царя; что Россія въ смятеніи; что онъ надѣется собрать двадцать тысячь воиновъ и проникнуть съ ними въ средину ея владѣній (452). Старецъ Густавъ, имъ обольщенный, согласился дѣйствовать наступательно; а Багге немедленно осадилъ Нотебургъ, или Орѣшекъ, съ конницею, пѣхотою со многими вооруженными судами: громилъ стѣны изъ пушекъ и жегъ наши селенія. Россіяне взяли мѣры: крѣпость оборонялась сильно; съ одной стороны Князь Ногтевъ, съ другой Дворецкій Симеонъ Шереметевъ тѣснили непріятеля, разбивали его отряды, хватали кормовщиковъ, брали суда. Настала осень, и Багге,

потерявъ не мало людей въ теченіе мѣсяца, возвратился въ Финляндію, хвалясь единственно тѣмъ, что Россіяне не могли преградить ему пути, и что онъ вездѣ мужественно отражалъ ихъ.

Зимою собралося многочисленное войско въ Новѣгородѣ; а Царь оказывалъ еще миролюбіе: Воеводы Московскіе писали къ Королю, что онъ, безсовѣстно нарушивъ перемиріе, будетъ виновникомъ ужаснаго кровопролитія, если въ теченіе двухъ недѣль самъ не выѣдетъ къ нимъ на границу или не пришлетъ Вельможъ для разсмотрѣнія обоюдныхъ неудовольствій и для казни обидчиковъ. Вмѣсто Густава отвѣтствовали Выборгскіе чиновники, что Адмиралъ Багге началъ войну безъ Королевскаго повелѣнія; что Шведы, доказавъ Россіянамъ свое мужество, готовы возобновить старую дружбу съ ними. Но сей отвѣтъ казался неудовлетворительнымъ: Воеводы, Князья Петръ Щенятевъ и Димитрій Палецкій, съ Астраханскимъ Царевичемъ Кайбулою вступили въ Финляндію: взяли въ оставленномъ Шведами городкѣ Кивенѣ семь пушекъ, сожгли его, и за пять верстъ отъ Выборга встрѣтили непріятеля, который, смявъ ихъ передовые отряды, расположился на горѣ. Мѣсто давало ему выгоду: Іоанновы искусные Воеводы обошли его, напали съ тылу, — рѣшили побѣду и плѣнили знатнѣйшихъ сановниковъ Королевскихъ (483), Шведы заключились въ Выборгѣ: три дни стрѣляли по городу, Россіяне не могли сбить крѣпкихъ стѣнъ; опустошили берега Воксы, разори-

ли Нейшлотъ, и вывели множество плѣнниковъ. Лѣтописецъ говоритъ, что они продавали человѣка за гривну, а дѣвку за пять алтынъ. — Іоаннъ былъ доволенъ Воеводами; послалъ въ даръ Ногайскому Князю Исмаилу нѣсколько Шведскихъ доспѣховъ и писалъ къ нему: «Вотъ «новые трофеи Россіи! Король *Нѣмецкій сгру«билъ* намъ: мы побили его людей, взяли города, «истребили селенія ([454]). Такъ казнимъ враговъ: «будь намъ другомъ!»

Густавъ, отъ самой юности примѣръ благоразумія между Вѣнценосцами, ибо умѣлъ быть Героемъ безъ воинскаго славолюбія, и великодушно избавивъ отечество отъ иноземнаго тирана, хотѣлъ всегда мира, тишины, благоденствія — Густавъ на старости могъ винить себя въ ошибкѣ легкомыслія: видѣлъ, что Швеція безъ союзниковъ не въ силахъ бороться съ Россіею, и прислалъ сановника Канута въ Москву. Онъ писалъ къ Іоанну учтиво, дружелюбно, требуя мира, обвиняя бывшаго Новогородскаго Намѣстника, Князя Палецкаго (тогда смѣненнаго), и доказывая, что не Шведы, а Россіяне начали войну ([455]). Канутъ представилъ дары Густавовы: десять *Шведскихъ лисицъ*, и хотя былъ Посланникомъ недруга, однакожь имѣлъ честь обѣдать съ Государемъ, ибо сей недругъ уже просилъ мира ([456]). Отвѣтствуя Густаву, Царь не соглашался съ нимъ въ причинахъ войны, но соглашался въ желаніи прекратить ее. «Твои люди»— писалъ онъ — «дѣлали ужасныя неистовства въ

«Корельской землѣ нашей: не только жгли, «убивали, но и ругались надъ церквами, «снимали кресты, колокола, иконы. Жите-«ли Новогородскіе требовали отъ меня *боль-«шихъ полковъ*, Московскихъ, Татарскихъ, «Черемисскихъ и другихъ; Воеводы мои «пылали нетерпѣніемъ итти къ Абову, къ «Стокгольму: мы удержали ихъ, ибо не лю-«бимъ кровопролитія. Все зло произошло «отъ того, что ты по своей гордости не хо-«тѣлъ сноситься съ Новогородскими На-«мѣстниками, знаменитыми Боярами Вели-«каго Царства. Если не знаешь, каковъ «Новгородъ, то спроси у своихъ купцевъ: «они скажутъ тебѣ, что его пригороды бо-«лѣе твоего Стокгольма (457). Оставь над-«менность, и будемъ друзьями.» Густавъ оставилъ ее: Послы его, Совѣтникъ Госу-дарственный Стенъ Эриксонъ, Архіепи-скопъ Упсальскій Лаврентій, Епископъ Абовскій Михаилъ Агрикола, и Королев-скій Печатникъ Олофъ Ларсонъ въ Февралѣ 1557 года пріѣхали въ Москву на 150 подво- г. 1557.
дахъ, жили на Дворѣ Литовскомъ какъ бы въ заключеніи, не могли никого видѣть кромѣ Царскихъ чиновниковъ, поднесли Іоанну серебряный кубокъ съ часами (458), обѣдали у него въ Грановитой Палатѣ и должны были принять всѣ условія, имъ объявленныя. О рубежѣ не спорили: воз-обновили старый; но Послы долго требо-

вали, чтобы мы освободили безденежно всѣхъ плѣнниковъ Шведскихъ, и чтобы Король имѣлъ дѣло единственно съ Царемъ. Бояре отвѣчали: 1) «Вы, какъ виновные, обязаны безъ выкупа «отпустить Россіянъ, купцевъ и другихъ, вами «захваченныхъ; а мы, какъ правые, дозволяемъ «вамъ выкупить Шведскихъ плѣнниковъ, у кого «ихъ найдете, если они не приняли нашей Вѣры. «2) Не безчестіе, а честь Королю имѣть дѣло съ «Новогородскими Намѣстниками. Знаете ли, кто «они? Дѣти или внучата Государей Литовскихъ, «Казанскихъ или Россійскихъ (459). Нынѣшній «Намѣстникъ, Князь Глинскій, есть племянникъ «Михаила Львовича Глинскаго, столь знаменито«го и славнаго въ земляхъ Нѣмецкихъ. Скажемъ «вамъ также *не въ укоръ*, но единственно *въ раз«судъ:* кто Государь вашъ? Вѣнценосецъ, прав«да; но давно ли еще торговалъ волами? И въ «самомъ великомъ Монархѣ смиреніе лучше над«менности.» Послы уступили: за то Бояре, желая изъявить снисхожденіе, согласились не именовать Короля въ договорѣ клятвопреступникомъ! Написали въ Москвѣ перемирную грамоту на сорокъ лѣтъ и велѣли Новогородскимъ Намѣстникамъ скрѣпить ее своими печатями (460). Между тѣмъ Посламъ оказывалась честь, какой ни отецъ, ни дѣдъ Іоанновъ никогда не оказывалъ Шведскимъ: ихъ встрѣчали и провожали во дворцѣ знатные сановники (461); угощали *на золотѣ*, пышно и великолѣпно. Вмѣсто дара Государь прислалъ къ нимъ двадцать освобож-

денныхъ Финляндскихъ плѣнниковъ ([462]). Историкъ Швеціи разсказываетъ, что Іоаннъ желалъ слышать богословское прѣніе Архіепископа Упсальскаго съ нашимъ Митрополитомъ: выбрали для того Греческій языкъ; но переводчикъ, не разумѣя смысла важнѣйшихъ словъ, толковалъ оныя столь нелѣпо, что Государь велѣлъ прекратить сей разговоръ, въ знакъ благоволенія надѣвъ золотую цѣпь на грудь Архіепископа ([463]).

Въ сей кратковременной Шведской войнѣ Король Августъ и Магистръ Ливонскій естественно доброжелательствовали Густаву; обѣщались и помогать ему, но оставались спокойными зрителями. Первый только ходатайствовалъ за него въ Москвѣ, убѣждая Іоанна не тѣснить Швеціи, которая могла бы вмѣстѣ съ Польшею дѣйствовать противъ невѣрныхъ ([464]). «Я не тѣсню никого,» писалъ Государь въ отвѣтъ Августу: «имѣю Царство обширное, которое «отъ временъ Рюрика до моего непрестан«но увеличивается; завоеванія не льстятъ «меня, но стою за честь.» Возобновивъ перемиріе съ Литвою до 1562 года ([465]), Іоаннъ соглашался заключить и вѣчный миръ съ нею, если Августъ признаетъ его Царемъ; но Король упрямился, отвѣтствуя, что не любитъ новостей; что сей титулъ принадлежитъ одному Нѣмецкому Импера-

Сношенія съ Литвою.

тору и Султану. Бояре наши явили его Посламъ грамоты Папы Климента, Императора Максимиліана, Султановы, Государей Испанскаго, Шведскаго, Датскаго, которые именовали еще дѣда, отца Іоаннова Царемъ; явили и новѣйшую грамоту Королевы Англійской: ничто не убѣдило Августа. Казалось, что онъ страшился титула болѣе, нежели силы Государя Россійскаго. Іоаннъ торжественно увѣдомилъ его о завоеваніи Астрахани: Король изъявилъ ему благодарность, и писалъ, что радуется его побѣдамъ надъ невѣрными! Такое увѣреніе было одною учтивостію; но разбои Хана Девлетъ-Гирея, не щадившаго и Литвы, могли бы склонить сіи два Государства къ искреннему союзу, если бы не встрѣтились новыя, важныя противности въ ихъ выгодахъ.

Послѣднее впаденіе въ наши предѣлы дорого стоило Хану, который лишился не только обоза, но и знатной части войска въ битвѣ съ Шереметевымъ ([466]). Не смотря на то, онъ хвалился побѣдою и снова ополчался. Козаки подъ начальствомъ Дьяка Ржевскаго стерегли его между Днѣпромъ и Дономъ ([467]): они извѣстили Государя (въ Маѣ 1556), что Ханъ расположился станомъ у Конскихъ Водъ и мѣтитъ на Тулу или Козельскъ. Въ нѣсколько дней собралося войско: Царь осмотрѣлъ

его въ Серпуховѣ и хотѣлъ встрѣтить непріятеля за Тулою ([468]); но узналъ, что вся опасность миновалась. Смѣлый Дьякъ Ржевскій, приманивъ къ себѣ триста Малороссійскихъ Литовскихъ Козаковъ съ Атаманами Млынскимъ и Есковичемъ, ударилъ на Исламъ-Кирменъ, на Очаковъ; шесть дней бился съ Ханскимъ Калгою ([469]), умертвилъ множество Крымцевъ и Турковъ, отогналъ ихъ табуны, вышелъ съ добычею и принудилъ Девлетъ-Гирея спѣшить назадъ для защиты Крыма, гдѣ, сверхъ того, свирѣпствовали смертоносныя болѣзни. Въ сіе же время, къ удовольствію Государя, предложилъ ему свои услуги одинъ изъ знатнѣйшихъ Князей Литовскихъ, потомковъ Св. Владиміра: Дмитрій Вишневецкій, мужъ ума пылкаго, отважный, искусный въ ратномъ дѣлѣ. Бывъ любимымъ вождемъ Днѣпровскихъ Козаковъ и начальникомъ Канева, онъ скучалъ мирною системою Августа; хотѣлъ подвиговъ, опасностей, и прельщенный славою нашихъ завоеваній, воскипѣлъ ревностію мужествовать подъ знаменами своего древняго отечества, коему Провидѣніе явно указывало путь къ необыкновенному величію. Вишневецкій стыдился предстать Іоанну въ видѣ бѣглеца: вышелъ изъ Литвы со многими усердными Козаками, занялъ островъ Хортицу близъ Днѣпров-

Нападеніе Дьяка Ржевскаго на Исламъ-Кирмень.

Князь Вишневецкій вступаетъ въ службу къ Царю, и беретъ Хортицу.

скаго устья, противъ Конскихъ Водъ (470); сдѣлалъ крѣпость, и писалъ къ Государю, что не требуетъ у него войска: требуетъ единственно чести именоваться Россіяниномъ, и запретъ Хана въ Тавридѣ, какъ въ вертепѣ. Обнадеженный Іоанномъ въ милости, сей удалецъ сжегъ Исламъ-Кирмень, вывезъ оттуда пушки въ свою Хортицкую крѣпость, и славно отразилъ всѣ нападенія Хана, который 24 дни безъ успѣха приступалъ къ его острову.

Завоеваніе Темрюка и Тамана.

Съ другой стороны Черкесскіе Князья именемъ Россіи овладѣли двумя городками Азовскими, Темрюкомъ и Таманомъ, гдѣ было наше древнее Тмутороканское Княженіе (471). Девлетъ-Гирей трепеталъ; думалъ, что Ржевскій, Вишневецкій и Князья Черкесскіе составляютъ только передовый отрядъ нашего главнаго войска; ждалъ самого Іоанна, просилъ у него мира, и въ отчаяніи писалъ къ Султану, что все погибло, если онъ не спасетъ Крыма. Никогда — говоритъ современный Историкъ (472) — не бывало для Россіи удобнѣйшаго случая истребить остатки Моголовъ, явно караемыхъ тогда гнѣвомъ Божіимъ.

Моръ въ Ногайскихъ и Крымскихъ улусахъ.

Улусы Ногайскіе, прежде многолюдные, богатые, опустѣли въ жестокую зиму 1557 года; скотъ и люди гибли въ степяхъ отъ несноснаго холода. Нѣкоторые Мурзы искали убѣжища въ Тавридѣ, и нашли въ ней язву

съ голодомъ, произведеннымъ чрезвычайною засухою. Едва ли 10,000 исправныхъ конныхъ воиновъ оставалось у Хана; еще менѣе въ Ногаяхъ. Къ симъ бѣдствіямъ присоединялось междоусобіе. Въ Ногайской Ордѣ Улусы возставали на Улусы. Въ Тавридѣ Вельможи хотѣли убить Девлетъ-Гирея, чтобы объявить Царемъ Тохтамыша, жившаго у нихъ Астраханскаго Царевича, брата Шигъ-Алеева. Заговоръ открылся: Тохтамышъ бѣжалъ въ Россію, и могъ основательно извѣстить Государя о слабости Крыма (473).

Но мы — по мнѣнію Историка, знаменитаго Курбскаго — не слѣдовали указанію перста Божія, и дали оправиться невѣрнымъ. Вишневецкій не удержался на Хортицѣ, когда явились многочисленныя дружины Турецкія и Волошскія, присланныя къ Девлетъ-Гирею Султаномъ: истощивъ силы и запасы, оставилъ свою крѣпость, удалился къ предѣламъ Литовскимъ, и занявъ Черкасы, Каневъ, гдѣ жители любили его, написалъ къ Іоанну, что, будучи снова готовъ итти на Хана, можетъ оказать Россіи еще важнѣйшую услугу покореніемъ ея скипетру всѣхъ южныхъ областей Днѣпровскихъ. Предложеніе было лестно; но Государь не хотѣлъ нарушать утвержденнаго съ Литвою перемирія: велѣлъ возвратить Черкасы и Каневъ Августу, призвалъ

Усердіе Вишневецкаго.

Вишневецкаго въ Москву и далъ ему въ помѣстье городъ Бѣлевъ со многими богатыми волостями, чтобы имѣть въ немъ страшилище какъ для Хана, такъ и для Короля Польскаго (474). — Между тѣмъ Девлетъ-Гирей отдохнулъ. Хотя онъ все еще изъявлялъ желаніе быть въ мирѣ съ Россіею;
г. 1558. хотя съ честію отпустилъ нашего Посла Загряжскаго, державъ его у себя пять лѣтъ какъ плѣнника; доставилъ и союзную грамоту Іоанну, обязываясь, въ знакъ искренней къ намъ дружбы, воевать Литву: однакожь предлагалъ условія гордыя и требовалъ *дани*, какую присылалъ къ нему Сигизмундъ и Августъ (475). «Для тебя» — говорилъ Девлетъ-Гирей — «разрываю союзъ съ Литвою: слѣдственно ты долженъ «вознаградить меня.» Сыновья его дѣйствительно грабили тогда въ Волыніи и въ Подоліи, къ изумленію Августа, считавшаго себя ихъ другомъ. Они искали легкой добычи и находили ее въ сихъ плодоносныхъ областяхъ, гдѣ Королевскіе Паны гордо хвалились мужествомъ на пирахъ и малодушно бѣгали отъ разбойниковъ, не умѣя оберегать земли (476). Узнавъ о томъ, Государь созвалъ Бояръ: всѣ думали, что требованіе вѣроломнаго Девлетъ-Гирея не достойно вниманія; что надобно воспользоваться симъ случаемъ и предложить Августу союзъ противъ Хана. Снова послали

Князя Вишневецкаго на Днѣпръ; дали ему 5000 Жильцовъ, Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцовъ и Козаковъ; велѣли имъ соединиться съ Князьями Черкесскими и вмѣстѣ воевать Тавриду (477); а къ Королю написалъ Іоаннъ, что онъ беретъ живѣйшее участіе въ бѣдствіи, претерпѣнномъ Литвою отъ гибельнаго набѣга Крымцевъ; что время имъ обоимъ вразумиться въ истинную пользу ихъ Державъ и общими силами сокрушить злодѣевъ, живущихъ обманами и грабежемъ; что Россія готова помогать ему въ томъ усердно всѣми данными ей отъ Бога средствами. Сіе предложеніе столь радостно удивило Короля, Вельможъ, народъ, связанный съ нами узами единокровія и Вѣры, что Посланника Московскаго носили на рукахъ въ Литвѣ, какъ вѣстника тишины и благоденствія для ея гражданъ, которые всегда ужасались войны съ Россіею. Честили его при Дворѣ, въ знатныхъ домахъ; славили умъ, великодушіе Іоанна. Августъ въ знакъ искренней любви освободилъ нѣсколько старыхъ плѣнниковъ Московскихъ и прислалъ своего Конюшаго Виленскаго, Яна Волчкова, изъявить живѣйшую благодарность Государю, обѣщаясь немедленно выслать и знатнѣйшихъ Вельможъ въ Москву для заключенія мира вѣчнаго и союза. Съ обѣихъ сторонъ говорили съ жаромъ о Христіанскомъ братствѣ; воспоминали

Предложеніе союза Литвѣ.

судьбу Греціи, жертвы бывшаго между Европейскими Державами несогласія; хотѣли вмѣстѣ унять Хана и противиться Туркамъ (478). — Сіе обоюдное доброе расположеніе исчезло какъ мечта: дѣла снова запутались, и древняя взаимная ненависть, между нами и Литвою, воспрянула.

Дѣла Ливонскія. Виною тому была Ливонія. Съ 1503 года мы не имѣли съ нею ни войны, ни твердаго мира; возобновляли только перемиріе и довольствовались единственно купеческими связями. Съ ревностію предпріявъ возвеличить Россію не только побѣдами, но и внутреннимъ гражданскимъ образованіемъ, дающимъ новыя силы Государству, Іоаннъ съ досадою видѣлъ недоброжелательство Ливонскаго Ордена, который заграждалъ путь въ Москву не только людямъ искуснымъ въ художествахъ и въ ратномъ дѣлѣ, но вообще и всѣмъ иноземцамъ. «Уже Россія такъ опасна» — писали чиновники Орденскіе къ Императору — «что всѣ Христіанскіе сосѣдственные Го«судари уклоняютъ главу предъ ея Вѣнце«носцемъ, юнымъ, дѣятельнымъ, власто«любивымъ, и молятъ его о мирѣ (479). «Благоразумно ли будетъ умножать силы «природнаго врага нашего сообщеніемъ «ему искусствъ и снарядовъ воинскихъ? «Если откроемъ свободный путь въ Москву «для ремесленниковъ и художниковъ, то

«подъ симъ именемъ устремится туда множество людей, принадлежащихъ къ злымъ «Сектамъ Анабаптистовъ, Сакраментистовъ «и другихъ, гонимыхъ въ Нѣмецкой землѣ: они будутъ самыми ревностными слугами Царя. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ «замышляетъ овладѣть Ливоніею и Балтійскимъ моремъ, дабы тѣмъ удобнѣе покорить всѣ окрестныя земли: Литву, Польшу, Пруссію, Швецію.» По крайней мѣрѣ Іоаннъ не хотѣлъ терпѣть, чтобы Ливонцы препятствовали ему въ исполненіи благотворительныхъ для Россіи намѣреній, и готовилъ месть. Въ 1554 году Послы Магистра Генриха Фонъ-Галена, Архіепископа Рижскаго и Епископа Дерптскаго молили его возобновить перемиріе еще на 15 лѣтъ. Онъ соглашался, съ условіемъ, чтобы область Юрьевская или Дерптская платила ему ежегодно искони-уставленную дань. Нѣмцы изъявили удивленіе: имъ показали Плеттенбергову договорную грамоту, писанную въ 1503 году, гдѣ именно упоминалось о сей дани, забытой въ теченіе пятидесяти лѣтъ (480). Ихъ возраженій не слушали. Именемъ Государевымъ Адашевъ сказалъ: «или такъ, или нѣтъ вамъ перемирія!» Они уступили, и Дерптъ обязался грамотою, за ручательствомъ Магистра, не только впредь давать намъ ежегодно по Нѣмецкой маркѣ съ каждаго человѣка въ

Важный замыселъ приписываемый Іоанну.

его области, но и за минувшія 50 лѣтъ представить въ три года всю недоимку. Магистръ клялся не быть въ союзѣ съ Королемъ Польскимъ и возстановить наши древнія церкви, вмѣстѣ съ Католическими опустошенныя Фанатиками новаго Лютеранскаго Исповѣданія въ Дерптѣ, Ревелѣ и Ригѣ: за что еще отецъ Іоанновъ грозилъ местію Ливонцамъ, сказавъ: «я не «Папа и не Императоръ, которые не умѣютъ «защитить своихъ храмовъ» ([481]). Торговлю объявили свободною, по волѣ Іоанна, которому жаловалась Ганза, что Правительство Рижское, Ревельское, Дерптское запрещаетъ ея купцамъ ввозить къ намъ металлы, оружіе, доспѣхи, и хочетъ, чтобы Нѣмцы покупали наше сало и воскъ въ Ливоніи ([482]). Только въ одномъ устоялъ Магистръ: онъ не далъ слова пропускать иноземцевъ въ Россію: обстоятельство важное, которое дѣлало миръ весьма ненадежнымъ.

Съ сею грамотою, написанною въ Москвѣ и скрѣпленною печатями Ливонскихъ Пословъ, отправился въ Дерптъ Іоанновъ чиновникъ, Келарь Терпигоревъ, чтобы, согласно съ обычаемъ, Епископъ и Старѣйшины утвердили оную своею клятвою и печатями. Но Епископъ, Бургомистръ и Совѣтники ихъ ужаснулись быть данниками Россіи; угощая Терпигорева, тайно разсуждали между собою; винили Пословъ Ливонскихъ въ легкомысліи, въ преступленіи данной имъ власти, и не знали, что дѣлать. Минуло

нѣсколько дней: чиновникъ Московскій требовалъ присяги, не хотѣлъ ждать и грозился уѣхать. Тогда Епископскій Канцлеръ, тонкій Политикъ, предложилъ Совѣту обмануть Іоанна. «Царь силенъ оружіемъ, а не хитръ умомъ,» сказалъ онъ: «чтобы не раздражить его, утвердимъ «договоръ, но объявимъ, что не можемъ вступить ни въ какое обязательство безъ согласія «Императора Римскаго, нашего законнаго по- «кровителя; отнесемся къ нему, будемъ ждать, «медлить — а тамъ, что Богъ дастъ» ([483])! Сіе мнѣніе одержало верхъ: присягнули и возвратили грамоту Послу Іоаннову, съ оговоркою, что она не имѣетъ полной силы безъ утвержденія Императорскаго. «Царю моему нѣтъ дѣла «до Императора!» сказалъ Посолъ: «дайте мнѣ «только бумагу; дадите и серебро.» Велѣвъ Дьяку завернуть грамоту въ шелковую ткань, онъ примолвилъ съ усмѣшкою: «береги: это важная «вещь ([484])!» — Терпигоревъ донесъ Государю, что обрядъ исполненъ, но что Нѣмцы замышляютъ обманъ.

Іоаннъ молчалъ; но съ сего времени уже писался въ грамотахъ *Государемъ Ливонскія земли* ([485]). Въ Февралѣ 1557 года снова явились въ Москвѣ Послы Магистровы и Дерптскаго Епископа. Узнавъ, что они пріѣхали не съ деньгами, а съ пустыми словами, и желаютъ доказывать Боярамъ несправедливость нашего требованія, Царь велѣлъ имъ ѣхать назадъ, съ отвѣтомъ: «Вы свободно и клятвенно обязались

«платить намъ дань; дѣло рѣшено. Если «не хотите исполнить обѣта, то мы найдемъ способъ взять свое» (486). Онъ запретилъ купцамъ Новогородскимъ и Псковскимъ ѣздить въ Ливонію, объявивъ, что Нѣмцы могутъ торговать у насъ спокойно; послалъ Окольничаго, Князя Шастунова, заложить городъ съ пристанью въ самомъ устьѣ Наровы (487), желая имѣть моремъ вѣрное, безопасное сообщеніе съ Германіею, и началъ готовиться къ войнѣ, которая, по всѣмъ вѣроятностямъ, обѣщала намъ дешевые успѣхи и легкое завоеваніе. Ливонія и въ лучшее, славнѣйшее для Ордена время, при самомъ великомъ мужѣ Плеттенбергѣ видѣла невозможность счастливо воевать съ Россіею: Орденъ, лишенный опоры Нѣмецкаго, сдѣлался еще слабѣе, и пятидесятилѣтній миръ, обогативъ землю, умноживъ пріятности жизни, роскошь, нѣгу, совершенно отучилъ Рыцарей отъ суровой воинской дѣятельности: они въ великолѣпныхъ замкахъ своихъ жили единственно для чувственныхъ наслажденій и низкихъ страстей (какъ увѣряютъ современные Лѣтописцы): пили, веселились, забывъ древнее происхожденіе ихъ братства, вину и цѣль онаго; гнушались не пороками, а скудостію; безстыдно нарушая святые уставы нравственности, стыдились только уступать другъ другу въ

Состояніе Ливоніи.

пышности, не имѣть драгоцѣнныхъ одеждъ, множества слугъ, богато убранныхъ коней и прекрасныхъ любовницъ. Тунеядство, пиры, охота были главнымъ дѣломъ знатныхъ людей въ семъ, по выраженію Историка, *земномъ раю* (488); а какъ жили Орденскіе, Духовные сановники, такъ и Дворяне свѣтскіе, и купцы, и мѣщане въ своемъ избыткѣ; одни земледѣльцы трудились въ потѣ лица, обремененные налогами алчнаго корыстолюбія, но отличались не лучшими нравами, а грубѣйшими пороками въ безсмысліи невѣжества и въ гибельной заразѣ пьянства. Многосложное, раздѣленное Правительство было слабо до крайности: пять Епископовъ, Магистръ, Орденскій Маршалъ, восемь Коммандоровъ и восемь *Фохтовъ* владѣли землею; каждый имѣлъ свои города, волости, уставы и права; каждый думалъ о частныхъ выгодахъ, мало заботясь о пользѣ общей. Введеніе Лютеранскаго Исповѣданія, принятаго горадами, свѣтскимъ Дворянствомъ, даже многими Рыцарями, еще болѣе замѣшало Ливонію: волнуемый усердіемъ къ новой Вѣрѣ, народъ мятежничалъ, опустошалъ Латинскія церкви, монастыри (489); Властители, отчасти за Вѣру, отчасти за корысть, возставали другъ на друга. Такъ преемникъ Магистра Фонъ Галена, Фирстенбергъ, свергнулъ и заключилъ Архіепископа Рижскаго, Маркграфа Вильгельма (послѣ освобожденнаго угрозами Короля Августа.) Для храненія самой внутренней тишины нанимая воиновъ въ

Германіи, миролюбивый Орденъ не думалъ о способахъ противиться сильному врагу внѣшнему; не имѣя собственной рати, не имѣлъ и денегъ: Магистры, сановники богатѣли, а казна скудѣла, изводимая для ихъ удовольствій и пышности; они считали достояніе Орденское своимъ, а свое не Орденскимъ. Однимъ словомъ, избытокъ земли, слабость Правленія и нѣга гражданъ манили завоевателя.

Новое могущество Россіи. Лучшее образованіе войска.

Россія же была могущественнѣе прежняго. Кромѣ славы громкихъ завоеваній, мы пріобрѣли новыя вещественныя силы: усмиренные народы Казанскіе давали намъ ратниковъ; Князья Черкесскіе пріѣзжали служить Царю со многолюдными конными дружинами. Но всего важнѣе было тогда новое, лучшее образованіе нашего войска, почти удвоившее силу онаго. Сіе знаменитое дѣло Іоаннова царствованія совершилось въ 1556 году, когда еще лилася кровь на берегахъ Волги, когда мы воевали съ Швеціею и ждали впаденія Крымцевъ: учрежденіе равно достопамятное въ воинскомъ и гражданскомъ законодательствѣ Россіи. Отъ временъ Іоанна III чиновники Великокняжескіе и Дѣти Боярскіе награждались землями, но не всѣ: другимъ давали судное право въ городахъ и волостяхъ, чтобы они, въ званіи Намѣстниковъ, жили

судными оброками и пошлинами, храня устройство, справедливость и безопасность общую. Многіе честно исполняли свой долгъ; многіе думали единственно о корысти: тѣснили и грабили жителей. Непрестанныя жалобы доходили до Государя: смѣняя чиновниковъ, ихъ судили, и слѣдствіемъ было то, что самые невинные разорялись отъ тяжбъ и ябеды (490). Чтобы искоренить зло, Іоаннъ *отмѣнилъ судные платежи*, указавъ безденежно рѣшить тяжбы избираемымъ Старостамъ и Сотскимъ, а вмѣсто сей пошлины наложилъ общую дань на города и волости, на промыслы и земли, собираемую въ казну Царскими Дьяками; чиновниковъ же и Боярскихъ Дѣтей всѣхъ безъ исключенія уравнялъ или денежнымъ жалованьемъ или помѣстьями, сообразно съ ихъ достоинствомъ и заслугами; отнялъ у нѣкоторыхъ *лишнюю* землю и далъ неимущимъ, уставивъ службу не только съ помѣстьевъ, но и съ вотчинъ Боярскихъ, такъ что владѣлецъ ста четвертей *угожей* земли долженъ былъ итти въ походъ на конѣ и въ доспѣхѣ, или вмѣсто себя выслать человѣка, или внести уложенную за то цѣну въ казну. Желая пріохотить людей къ службѣ, Іоаннъ назначилъ *всѣмъ* денежное жалованье во время похода и двойное Боярскимъ Дѣтямъ, которые выставляли лишнихъ ратниковъ сверхъ опредѣленнаго закономъ числа. Такимъ образомъ, измѣривъ земли, узнали нашу силу воинскую; доставивъ ратнымъ людямъ способъ жить безъ нужды въ

мирное время и содержать себя въ походахъ, могли требовать отъ нихъ лучшей исправности и строже наказывать лѣнивыхъ, избѣгавшихъ службы. Съ сего времени, какъ говорятъ Лѣтописцы, число воиновъ нашихъ несравненно умножилось ([491]). Имѣвъ подъ Казанью 150,000, Іоаннъ чрезъ нѣсколько лѣтъ могъ выводить въ поле уже *до трехъ сотъ тысячь* ([492]) всадниковъ и пѣшихъ. Послѣдніе, именуемые *Стрѣльцами* и вооруженные пищалями, избирались изъ волостныхъ сельскихъ людей, составляли *безсмѣнную рать*, жили обыкновенно въ городахъ, и были преимущественно употребляемы для осады крѣпостей: учрежденіе приписываемое Іоанну, по крайней мѣрѣ имъ усовершенное ([493]). Хотя оно еще не могло вдругъ измѣнить нашего древняго, Азіатскаго образа войны, но уже сближало его съ Европейскимъ; давало болѣе твердости, болѣе устройства ополченіямъ. — Прибавимъ къ сему неутомимость Россіянъ, ихъ физическую окрѣплость въ трудахъ, навыкъ сносить недостатокъ, холодъ въ зимнихъ походахъ, — вообще опытность ратную; прибавимъ наконецъ необъятную нравственную силу Государства Самодержавнаго, движимаго единою мыслію, единымъ словомъ Вѣнценосца юнаго, бодраго; который, по сказанію нашихъ и чужеземныхъ современниковъ, *жилъ только для подвиговъ войны и Вѣры* ([494]). Чего могли ожидать Ливонцы, имѣя дѣло съ такимъ непріятелемъ? погибели.

Всякое бореніе слабаго съ сильнымъ, возбуж-

дая въ сердцахъ естественную жалость, склоняетъ насъ искать справедливости на сторонѣ перваго: но и Россійскіе и Ливонскіе Историки (495) винятъ Орденъ въ томъ, что онъ своимъ явнымъ недоброжелательствомъ, коварствомъ, обманами раздражилъ Іоанна, дѣйствуя по извинительному чувству нелюбви къ сосѣду опасному, но дѣйствуя неблагоразумно. Истинная Политика велитъ быть другомъ, ежели нѣтъ силъ быть врагомъ; прямодушіе можетъ иногда усовѣстить и властолюбца, отнимая у него предлогъ законной мести: ибо не легко наглымъ образомъ топтать уставы нравственности, и самая коварная или дерзкая Политика должна закрываться ея личиною. Іоаннъ, начиная войну Ливонскую, могъ тайно дѣйствовать по властолюбію, раждаемому или питаемому блестящими успѣхами; однакожь могъ искренно увѣрять себя и другихъ въ своей справедливости, обязанный сею выгодою худому расчету Ливонскихъ Властителей, которые, зная физическую силу Россіянъ, надѣялись ихъ проводить хитростію, Посольствами, учтивыми словами, льстивыми обѣщаніями, и навлекли на себя ужасное двадцати-пятилѣтнее бѣдствіе, въ коемъ, среди развалинъ и могилъ, палъ ветхій Орденъ какъ утлое дерево.

Свѣдавъ о нашемъ вооруженіи, Магистръ Фирстенбергъ и Дерпскій Епископъ требовали отъ Царя *опасной грамоты* для проѣзда въ Москву ихъ новыхъ Пословъ. Іоаннъ далъ гра-

жество людей. Нѣмецкіе Историки говорятъ съ ужасомъ о свирѣпости Россіянъ, жалуясь въ особенности на шайки такъ называемыхъ *охотниковъ*, Новогородскихъ и Псковскихъ, которые, видя Ливонію беззащитною, вездѣ опустошали ея селенія, жестокостію превосходя самыхъ Татаръ и Черкесовъ, бывшихъ въ семъ войскѣ (504). Россіяне, посланные не для завоеванія, а единственно для разоренія земли, думали, что они исполняютъ долгъ свой, дѣлая ей какъ можно болѣе зла; и главный Полководецъ, Князь Михайло Глинскій, столько любилъ корысть, что грабилъ даже въ области Псковской, надѣясь на родственную милость Государеву, но ошибся: изъявивъ благоволеніе всѣмъ другимъ Воеводамъ, Іоаннъ въ справедливомъ гнѣвѣ велѣлъ доправить съ него все, беззаконно взятое имъ въ походѣ (505).

Совершивъ *казнь*, Воеводы Московскіе написали къ Магистру, что Нѣмцы должны единственно винить самихъ себя, дерзнувъ играть святостію договоровъ; что если они хотятъ *исправиться*, то могутъ еще умилостивить Іоанна смиреніемъ; что Царь Шигъ-Алей и Бояре готовы за нихъ ходатайствовать, изъ жалости къ бѣдной землѣ, дымящейся кровію. Ливонія дѣйствительно была въ жалостномъ состояніи: несчастные земледѣльцы, избѣжавшіе меча и плѣна, не могли помѣститься въ городахъ, умирали отъ изнуренія силъ и холода среди лѣсовъ, на кладбищахъ; вездѣ вопль народный требовалъ

защиты или мира отъ Правителей, которые, на Сеймѣ въ Венденѣ долго разсуждавъ о лучшихъ мѣрахъ для ихъ спасенія, то гордо хваляся славою, мужествомъ предковъ, то съ ужасомъ вообража могущество Царя, рѣшились вновь отправить Посольство въ Москву. Шигъ-Алей — коего одни изъ Ливонскихъ Историковъ именуютъ свирѣпымъ кровопійцею, а другіе весьма умнымъ, скромнымъ человѣкомъ ([506]) — взялся склонять Іоанна къ миру, дѣйствуя конечно по данному ему отъ Государя наказу. Но Судьба хотѣла, чтобы Орденъ былъ жертвою неразумія своихъ чиновниковъ, и чтобы сильный Іоаннъ, терзая слабую Ливонію, казался правымъ.

Ожидая Магистровыхъ Пословъ, Государь велѣлъ прекратить всѣ воинскія дѣйствія до 24 Апрѣля ([507]). Насталъ Великій постъ: благочестивые Россіяне спокойно говѣли и молились въ Иванѣгородѣ, отдѣляемомъ рѣкою отъ Нарвы, гдѣ Нѣмцы, новые Лютеране, презирая уставы древней Вѣры, не считали за грѣхъ пировать въ сіе время, и вдругъ, разгоряченные виномъ ([508]), начали стрѣлять въ Иваньгородъ. Тамошніе Воеводы, Князь Куракинъ и Бутурлинъ, извѣстили о томъ Государя, который велѣлъ имъ обороняться, и послалъ Князя Темкина, стоявшаго въ Изборскѣ, воевать ближайшіе предѣлы Ливоніи, чтобы наказать Нѣмцевъ за ихъ вѣроломство. Темкинъ выжегъ села въ окрестностяхъ Валка; разбилъ отрядъ непріятельскій, взялъ четыре пушки, и возвратился. Еще глав-

цы, увидѣвъ икону Богоматери въ одномъ домѣ, гдѣ живали купцы Псковскіе, бросили ее въ огонь, отъ коего вдругъ сдѣлался пожаръ (11 Мая) съ ужасною бурею. Россіяне изъ-за рѣки увидѣли общее смятеніе въ городѣ, и не слушаясь Воеводъ своихъ, устремились туда: кто плылъ въ лодкѣ, кто на бревнѣ или доскѣ (512); выскочили на берегъ и дружно приступили къ Нарвѣ. Воеводы уже не могли быть праздными зрителями, и сами повели къ нимъ остальное войско. Въ нѣсколько минутъ все рѣшилось: Головы Стрѣлецкіе съ Бояриномъ Алексѣемъ Басмановымъ и Даниломъ Адашевымъ (Окольничимъ, мужественнымъ братомъ любимца Государева) вломились въ Русскія ворота, а Иванъ Бутурлинъ въ Колыванскія; въ огнѣ и въ дыму рѣзали устрашенныхъ Нѣмцевъ, вогнали ихъ въ крѣпкій замокъ, называемый Вышегородомъ, и не дали имъ тамъ опомниться: громя его изъ всѣхъ пушекъ, своихъ и взятыхъ въ Нарвѣ, разбивали стѣны, готовили лѣстницы. Между тѣмъ два Коммандора, Феллинскій и Ревельскій, Кетлеръ и Зегегафенъ, съ сильною дружиною, пѣхотою, конницею и съ огнестрѣльнымъ снарядомъ стояли въ трехъ миляхъ отъ города, видѣли пожаръ, слышали пальбу, и не двигались съ мѣста, разсуждая, что крѣпость, имѣющая каменныя стѣны и желѣзныя ворота, должна безъ ихъ помощи отразить непріятеля. Но къ вечеру замокъ сдался, съ условіемъ, чтобы побѣдители выпустили Фохта Шнелленберга, Нѣ-

мецкихъ воиновъ и жителей, которые захотятъ удалиться. Вышли знатнѣйшіе только съ женами и дѣтьми, оставивъ намъ въ добычу все свое имѣніе; другіе отпустили семейства, а сами, вмѣстѣ съ народомъ, присягнули Царю въ вѣрности. Россіяне взяли 230 пушекъ и великое богатство; но, гася пожаръ, усердно и безкорыстно спасали достояніе тѣхъ жителей, которые сдѣлались нашими подданными. — Сіе важное завоеваніе, давъ Россіи знаменитую купеческую пристань, столь обрадовало Іоанна, что онъ съ великою пышностію торжествовалъ его въ Москвѣ и во всемъ Государствѣ; наградилъ Воеводъ и воиновъ; милостиво подтвердилъ жалованную грамоту, данную Крумгаузену и Фонъ-Делену, не смотря на перемѣну обстоятельствъ; освободилъ всѣхъ Нарвскихъ плѣнниковъ; указалъ отдать собственность всякому, кто изъ вышедщихъ жителей Нарвы захочетъ возвратиться. Архіепископъ Новогородскій долженъ былъ немедленно отправить туда Архимандрита Юрьевскаго и Софійскаго Протоіерея, чтобы освятить мѣсто во имя Спасителя, крестнымъ ходомъ и молебнами *очистить отъ Вѣры Латинской и Лютеровой*, соорудить церковь въ замкѣ, другую въ городѣ, и поставить въ ней ту икону Богоматери, отъ коей загорѣлась Нарва, и которую нашли цѣлую въ пеплѣ ([513]).

Въ сіе время пріѣхали наконецъ Послы Ливонскіе въ Москву, братъ Магистра Фирстенберга, Ѳеодоръ, и другіе чиновники ([514]), не съ

данію, но съ моленіемъ, чтобы Государь уступилъ ее землѣ разоренной. «Вся страна Дерптская» — говорили они Боярамъ — «стенаетъ въ «бѣдствіи, и долго не увидитъ дней счастливыхъ. Съ кого требовать дани? вы уже взяли «ее своимъ оружіемъ, — взяли въ десять разъ «болѣе. Впредь можемъ исправиться, и тогда «заплатимъ по договору.» Государь отвѣтствовалъ чрезъ Адашева: «Послѣ всего, что случилось, могу ли еще слушать васъ? Кто вѣритъ «вѣроломнымъ? Мнѣ остается только искать «управы мечемъ. Я завоевалъ Нарву и буду пользоваться своимъ счастіемъ. Однакожь, не любя «кровопролитія, еще предлагаю средство унять «его: пусть Магистръ, Архіепископъ Рижскій, «Епископъ Дерптскій лично ударятъ мнѣ челомъ, «заплатятъ дань *со всей Ливоніи*, и впредь повинуются мнѣ какъ Цари Казанскіе, Астраханскіе «и другіе знаменитые Владѣтели: или я силою «возьму Ливонію» ([515]). Послы ужаснулись, и сказавъ: «видимъ, что намъ здѣсь не будетъ дѣ«ла,» просили отпуска, который и дали имъ немедленно. Хотя Магистръ и Епископъ Дерптскій, пораженные судьбою Нарвы, уже готовы были заплатить намъ 60,000 ефимковъ; хотя, не безъ усилія, собрали и деньги ([516]): но время прошло: Государь требовалъ уже не дани Юрьевской, а подданства всей земли. Началась иная война, и Россіяне, снова вступивъ въ Ливонію, не довольствовались ея разореніемъ: они хотѣли городовъ и постояннаго владычества надъ нею.

25 Мая Князь Өедоръ Троекуровъ и Данило Адашевъ осадили Нейшлосъ, а 6 Іюня взяли на договоръ. Тамошній Фохтъ вышелъ изъ крѣпости съ немногими людьми и съ пустыми руками, отдавъ все оружіе и достояніе побѣдителямъ. Жители города и всего Уѣзда (въ длину на 60, а въ ширину на 40 и 50 верстъ) Латыши и самые Нѣмцы признали себя подданными Россіи, такъ, что берега озера Чудскаго и рѣка Нарова, отъ ея верховья до моря, заключились въ нашихъ владѣніяхъ. Государь, пославъ къ Воеводамъ золотыя медали, велѣлъ исправить тамъ укрѣпленія и соорудить церковь во имя Св. Иларіона: ибо въ день его памяти сдался Нейшлосъ. Жители Уѣзда и городка Адежскаго добровольно присягнули Іоанну, вмѣстѣ съ нѣкоторыми сосѣдственными Везенбергскими волостями, и выдали Россіянамъ все казенное имѣніе, пушки, запасы (517).

Завоеваніе Нейшлоса, Адежа, Нейгауза.

Главная сила, подъ начальствомъ многихъ знатныхъ Воеводъ, Князей Петра Шуйскаго, Василія Серебрянаго, Андрея Курбскаго, шла къ Дерпту (518). Прежде надлежало взять Нейгаузъ, городъ весьма крѣпкій, гдѣ не было ни двухъ сотъ воиновъ, но былъ Витязь Орденскій, Укскиль Фонъ-Паденормъ, который, вооруживъ и гражданъ и земледѣльцевъ, около мѣсяца мужественно противился многочисленному

войску. Съ симъ Героемъ Нѣмцы, по выраженію нашего Лѣтописца, *сидѣли на смерть:* бились отчаянно, неутомимо, и заслужили удивленіе Московскихъ Полководцевъ. Сбивъ стѣны, башни, Россіяне вошли въ городъ: Укскиль отступилъ въ замокъ съ горстію людей и хотѣлъ умереть въ послѣдней его развалинѣ; но сподвижники объявили ему, что не имѣютъ болѣе

30 Іюня. силъ — и Воеводы, изъ уваженія къ храбрости, дозволили имъ выйти *съ честію* (519). Сей примѣръ доказывалъ, что Ливонія, ограждаемая многими крѣпостями и богатая снарядомъ огнестрѣльнымъ, могла бы весьма затруднить успѣхи Іоаннова оружія, если бы другіе защитники ея, хотя и малочисленные, имѣли духъ Укскилевъ, а граждане добродѣтель Тилеву, одного изъ Бургомистровъ Дерптскихъ, который, въ тогдашнемъ собраніи Земскихъ Чиновъ сильно

Великодушіе Дерптскаго Бургомистра. и трогательно изобразивъ бѣдствіе отечества, сказалъ: «Настало время жертвъ или «погибели: лишимся всего, да спасемъ «честь и свободу нашу; принесемъ въ казну «свое золото и серебро; не оставимъ у себя «ничего драгоцѣннаго, ни сосуда, ни укра«шенія; дадимъ Правительству способъ на«нять войско, купить дружбу и защиту Дер«жавъ сосѣдственныхъ!» Но убѣжденія и слезы великодушнаго мужа не произвели никакого дѣйствія: его слушали и молчали (520)!

Во время осады Нейгауза Магистръ Фирстенбергъ, Коммандоры и самъ Епископъ Дерптскій съ 8000 воиновъ ([521]) неподвижно стояли въ тридцати верстахъ оттуда, за Двиною и вязкими болотами, въ мѣстѣ неприступномъ, и не сдѣлали ничего для спасенія крѣпости; узнавъ же, что она сдалася, зажгли станъ свой и городокъ Киремпе, гдѣ находилось множество всякихъ припасовъ; спѣшили удалиться, бѣжали день и ночь, Магистръ къ Валку, а Епископъ къ Дерпту, гонимые нашими Воеводами, которое за 30 верстъ отъ Дерпта настигли и разбили Епископа, взяли его чиновниковъ въ плѣнъ, весь обозъ и снаряды. Магистръ, избравъ крѣпкое мѣсто близъ Валка, остановился: Воеводы велѣли передовой дружинѣ вступить съ нимъ въ битву, а сами начали обходить его и принудили бѣжать далѣе къ Вендену, такъ скоро и въ такой жаръ, что люди и лошади издыхали отъ усталости. Россіяне истребили весь задній отрядъ Фирстенберговъ, едва не схвативъ знаменитѣйшаго изъ Коммандоровъ, Готгарда Кетлера, подъ коимъ въ семъ дѣлѣ упала лошадь. Обозъ Магистровъ былъ нашею добычею, и Воеводы, извѣстивъ Государя, что непріятеля уже нѣтъ въ полѣ, обратились къ Дерпту ([522]).

Бѣгство Магистра.

Въ сихъ для Ордена ужасныхъ обстоятельствахъ старецъ Фирстенбергъ сложилъ

съ себя достоинство Магистра, и юный Кетлеръ, повинуясь Чинамъ, принялъ его со слезами ([523]). Славясь отличнымъ умомъ и твердостію характера, онъ вселялъ надежду въ другихъ, но самъ имѣлъ весьма слабую, и только изъ великодушія согласился быть — послѣднимъ Магистромъ издыхающаго Ордена! Чтобы употребить всѣ возможныя средства спасенія, Кетлеръ ревностно старался воспламенить хладныя сердца любовію къ отечеству, заклиналъ сановниковъ дѣйствовать единодушно, не жалѣть ни достоянія, ни жизни для блага общаго; собиралъ деньги и людей; требовалъ защиты отъ Императора, Короля Датскаго, Шведскаго, Польскаго; писалъ и къ Царю, моля его о мирѣ: но не видалъ желаемаго успѣха. Раздоръ, взаимныя подозрѣнія Ливонскихъ Властителей мѣшали всѣмъ добрымъ намѣреніямъ Магистра. Хотѣли спасенія, но безъ жертвъ, торжественно доказывая, что богатые люди не обязаны разоряться для онаго ([524]) — и Кетлеръ могъ единственно займомъ наполнить пустую казну Ордена для необходимыхъ, воинскихъ издержекъ. Помощи внѣшней не было. Императоръ Карлъ V, обнимавшій взоромъ своимъ всю Европу, уже оставилъ тогда короны и престолы; какъ вторый Діоклетіанъ удалился отъ міра, столь долго волнуемаго его властолюбіемъ, и хотѣлъ въ пустынѣ удивить

Новый Глава Ордена.

людей особеннымъ родомъ славы, рѣдкой, но не менѣе суетной: славы казаться выше земнаго величія. Новый Императоръ Фердинандъ ссорился съ Папою, мирилъ Германію, опасался Турковъ, и только жалѣлъ о бѣдной Ливоніи; другіе Государи довольствовались обѣщаніемъ склонить Іоанна къ миролюбію; а Царь отвѣтствовалъ Кетлеру: «жду тебя въ Москвѣ, и смотря по тво«ему челобитью, изъявлю милость» (525). Сія *милость* казалась Магистру послѣднимъ изъ возможныхъ бѣдствій для Державнаго Ливонскаго Рыцарства: онъ лучше хотѣлъ погибнуть съ честію, нежели съ униженіемъ безполезнымъ.

Взятіе Дерпта и многихъ другихъ городовъ.

Воеводы Іоанновы не теряли времени: взявъ Киренпе, Курславъ и крѣпкій замокъ Вербекъ на Эмбахѣ (526), всѣми силами приступили къ Дерпту, славному богатствомъ жителей и многими общественными, благодѣтельными заведеніями. Кромѣ вооруженныхъ гражданъ, готовыхъ стоять за честь и вольность, двѣ тысячи наемныхъ Нѣмцевъ (527) были защитниками сего важнаго, искусно укрѣпленнаго мѣста, подъ главнымъ начальствомъ Епископа, Германа Вейланда, который хвалился болѣе воинскою доблестію, нежели смиренною набожностію Христіанскаго Пастыря. Шесть дней продолжались битвы жестокія и достойныя *мужей Рыцарскихъ*, какъ пишетъ Воевода

Курбскій, очевидецъ и правдивый судія дѣлъ ратныхъ. Но превосходная сила одолѣвала: вылазки дорого стоили осажденнымъ, и Россіяне, пользуясь густымъ туманомъ, заперли городъ со всѣхъ сторонъ турами, вели подкопы, ставили бойницы, разрушали стѣны пальбою, предлагая жителямъ самыя выгодныя условія, если они сдадутся. Епископъ не хотѣлъ сперва слышать о переговорахъ: но Магистратъ донесъ ему, что городъ не въ силахъ обороняться долго; что многіе изъ воиновъ и гражданъ пали въ вылазкахъ, или больны, или отъ усталости едва дѣйствуютъ оружіемъ; что пушки непріятельскія, вредя стѣнамъ, бьютъ людей и въ улицахъ. Послали тайныхъ вѣстниковъ къ Магистру: они возвратились благополучно. Магистръ писалъ, что Орденъ нанимаетъ воиновъ и молится о спасеніи Дерпта!

Главный Воевода Іоанновъ, Князь Петръ Ивановичь Шуйскій, былъ, по сказанію современнаго Ливонскаго Историка ([528]), мужъ добролюбивый, честный, благородный душею. Совершивъ подкопы и прикативъ туры къ самымъ стѣнамъ, онъ велѣлъ объявить съ барабаннымъ боемъ, что даетъ жителямъ два дни на размышленіе, а въ третій возьметъ Дерптъ приступомъ; что Іоаннъ торжественно обѣщаетъ имъ милость, свободу Вѣры, цѣлость ихъ древнихъ правъ и законовъ; что всякой можетъ безопасно выѣхать изъ города и безопасно возвратиться. Тогда Магистратъ и граждане единодушно сказали Епи-

скопу: «Мы готовы умереть, готовы оборонять-«ся, пока есть у насъ *блюдо на столѣ и ложка въ «рукахъ*, если упорство наше будетъ достохваль-«нымъ мужествомъ, а не безсмысленною дерзо-«стію; но благоразумно ли отвергать великодуш-«ныя предложенія Царя, когда въ самомъ дѣлѣ «не имѣемъ силъ ему противиться?» Тоже говорили и воины Нѣмецкіе, требуя отпуска и свидѣтельства въ оказанной ими вѣрности; тоже и Священники Римской Вѣры, опясаясь упрямствомъ раздражить непріятеля. Епископъ согласился. Написали слѣдующія условія: «1) Госу-«дарь даетъ Епископу монастырь Фалькенау съ «принадлежащими къ оному волостями, домъ и «садъ въ Дерптѣ; 2) подъ его вѣдомствомъ бу-«дутъ Духовенство и церкви Латинскія съ ихъ «достояніемъ; 3) Дворяне, желающіе быть под-«данными Россіи, спокойно владѣютъ своими «замками и землями; 4) Нѣмецкіе ратники вы-«дутъ изъ города съ оружіемъ и съ пожитками; «5) въ теченіе двѣнадцати дней всякой Дерптскій «житель воленъ ѣхать, куда хочетъ; 6) Исповѣ-«даніе Аугсбургское остается главнымъ и безъ «всякихъ перемѣнъ; 7) Магистратъ *Нѣмецкій* «всѣмъ управляетъ, какъ было, не лишаясь ни «правъ, ни доходовъ своихъ; 8) купцы свободно «и безъ пошлинъ торгуютъ съ Германіею и съ «Россіею; 9) не выводить никого изъ Дерптской «въ Московскія области; 10) кто захочетъ пере-«селиться въ другую землю, можетъ взять или «продать имѣніе; 11) граждане свободны отъ

«ратнаго постоя; 12) всѣ преступленія, самыя «государственныя, даже оскорбленіе Царскаго «Величества, судятся чиновниками Магистрата; «13) новые граждане присягаютъ Царю и Маги-«страту» ([529]). Благоразумный Шуйскій, уполномоченный Іоанномъ, не отвергнулъ ни одной статьи, руководствуясь не только человѣколюбіемъ, но и Политикою: надлежало милостію, снисхожденіемъ, духомъ умѣренности ослабить ненависть Ливонцевъ къ Россіи, и тѣмъ облегчить для насъ завоеваніе земли ихъ.

Когда уже всѣ условія были одобрены побѣдителемъ, и когда надлежало только скрѣпить оныя печатями, старецъ Антонъ Тиле, добродѣтельный Бургомистръ Дерптскій, еще выступилъ изъ безмолвнаго круга унылыхъ сановниковъ. «Свѣт-«лѣйшій Князь и Государь!» сказалъ онъ Епископу: «если кто-нибудь думаетъ, что Дерптъ «можно спасти оружіемъ и битвою, да явится! «Иду съ нимъ, и мы вмѣстѣ положимъ свои го-«ловы за отечество» ([530])! Сія рѣчь, видъ, голосъ старца произвели сильное впечатлѣніе. Епископъ отвѣтствовалъ: «Мужъ достойный! никто изъ «насъ не заслуживаетъ имени малодушнаго: усту-«паемъ необходимости,» — 18 Іюля Дерптъ сдался. Желая сдѣлать все возможное въ пользу несчастныхъ, Князь Шуйскій поставилъ стражу у воротъ и не велѣлъ пускать Россіянъ въ городъ, чтобы жители спокойно укладывались и выѣзжали; оберегалъ ихъ въ пути; давалъ имъ проводниковъ до мѣстъ безопасныхъ. Епископа от-

пустили въ Фалькенау съ двумя стами отборныхъ Московскихъ всадниковъ.

Когда все затихло въ городѣ, Депутаты Магистрата вручили Шуйскому ключи отъ крѣпости. Онъ сѣлъ на коня и торжественно вступилъ въ городъ. Впереди ѣхалъ младшій Воевода, держа въ рукѣ знамя мира (531); за нимъ Шуйскій, окруженный Депутатами и Каноники. На улицахъ въ два ряда стояли Государевы Дѣти Боярскіе. Уже народъ не страшился побѣдителей и съ любопытствомъ смотрѣлъ на ихъ мирное, стройное шествіе; самыя жены не прятались. Магистратъ поднесъ Шуйскому золотую чашу (532). Сей умный Князь, изъявивъ благодарность, сказалъ, что «его жилище и слухъ будутъ отверсты для всякаго; что онъ пришелъ казнить злодѣевъ и благотворить добрымъ»—ласково звалъ къ себѣ обѣдать Дерптскихъ чиновниковъ и Старѣйшинъ, далъ имъ въ замкѣ великолѣпный пиръ, и своимъ привѣтливымъ обхожденіемъ заслужилъ любовь общую. — Россіяне взяли въ Дерптѣ 552 пушки, также не мало богатства казеннаго и частнаго, оставленнаго тѣми жителями, которые выѣхали въ Ригу, въ Ревель, въ Феллинъ (533). Государь утвердилъ договоръ заключенный Воеводами; но велѣлъ Епископу Герману и знатнѣйшимъ Дерптскимъ сановникамъ быть въ Москву. Сей бывшій Державный Епископъ, проклинаемый въ отечествѣ за мнимую измѣну, уже не выѣхалъ изъ Россіи и кончилъ дни свои въ горести, слыша, что друзей и слугъ

его, обвиняемыхъ въ тайномъ согласіи съ непріятелемъ, пытаютъ, казнятъ въ Ливоніи: чѣмъ Орденскіе Властители хотѣли закрыть свою слабость, увѣряя народъ, что одна измѣна причиною нашихъ выгодъ.

Но сія жестокость не затруднила успѣховъ для могущества, соединеннаго съ благоразуміемъ. Примѣръ Дерпта доказывалъ, что Іоаннъ умѣетъ щадить побѣжденныхъ: Шуйскій писалъ оттуда ко всѣмъ градоначальникамъ Ливонскимъ, требовалъ подданства, обѣщалъ, грозилъ (534) — и крѣпости Везенбергъ, Пиркель, Лаисъ, Оберпаленъ, Рингенъ или *Тушинъ*, Ацель, сдалися нашимъ Воеводамъ, которые вездѣ мирно выпускали Орденскихъ Властителей, довольствовались присягою жителей и не касались ихъ собственности; но все предавали огню и мечу въ областяхъ непокорныхъ: въ Феллинской, Ревельской, Венденской, Шваненбургской; сожгли посадъ Витгенштейна, гдѣ начальствовалъ юный мужественный Рыцарь, Каспаръ фонъ-Ольденбокъ (535); разбили Нѣмцевъ въ полѣ, близъ Вендена и Шваненбурга; плѣнили двухъ знатныхъ чиновниковъ; взяли всего *двадцать* городовъ (536), и въ каждомъ оставивъ нужные запасы, охранное войско, въ концѣ Сентября пріѣхали къ Государю. Онъ былъ въ Троицкой Лаврѣ: встрѣтилъ ихъ съ милостію и веселіемъ; обнималъ, славилъ за ревностную службу; вмѣстѣ съ ними молился, благодарилъ Бога, и поѣхалъ въ Александровскую слободу, гдѣ изъ соб-

ственныхъ рукъ жаловалъ имъ шубы, кубки, доспѣхи; велѣлъ выбирать любыхъ изъ коней Царскихъ, и сверхъ того далъ богатыя помѣстья, а Дѣтямъ Боярскимъ земли и маетности въ завоеванной Ливоніи, чтобы они тѣмъ усерднѣе берегли оную ([537]).

Новые начальники, присланные туда изъ Москвы, Князья Дмитрій Курлятевъ и Михайло Рѣпнинъ, были менѣе счастливы: хотя завоевали еще городокъ Кавелехтъ, сожгли Верполь и побили Нѣмцевъ въ самомъ предмѣстіи Ревеля ([538]); но Магистръ и Воевода Архіепископа Рижскаго, Фелькерзамъ, собравъ болѣе десяти тысячь ратниковъ ([539]), осадили Рингенъ въ виду нашихъ полковъ и взяли сію крѣпость, не смотря на мужество ея защитника, Головы Стрѣлецкаго, Русина-Игнатьева, который съ двумя или тремя стами воиновъ держался въ ней около пяти недѣль, отразилъ два приступа, и не имѣлъ уже наконецъ ни фунта пороху ([540]). Воеводы Іоанновы оправдывались крѣпостію Нѣмецкаго стана, утомленіемъ своей рати, и хвалились побѣдою, одержанною ими надъ братомъ Магистровымъ, Іоанномъ Кетлеромъ, коего они плѣнили вмѣстѣ съ двумя стами шестидесятью Нѣмцами между Рингеномъ и Дерптомъ; но Магистръ самъ напалъ на нихъ, стопталъ дружину Князя Рѣпнина ([541]), и могъ бы отнять у насъ Дерптъ, гдѣ оставалось

Кетлеръ беретъ Рингенъ.

мало ратниковъ, а жители знатнѣйшіе тайно звали его къ себѣ. Къ счастію нашему, утружденные Нѣмцы хотѣли отдохновенія. Число ихъ уменьшилось до шести тысячь. Зная, что Полководцы Московскіе ждутъ вспоможенія и любятъ воевать зимою, Магистръ въ исходѣ Октября ушелъ назадъ, безчеловѣчно умертвивъ всѣхъ Россіянъ, взятыхъ имъ въ Рингенѣ (542); а мы снова заняли сей городъ.— Въ то же время непріятель отъ Лужи, Резицы и Валка тревожилъ набѣгами Псковскую область: сжегъ предмѣстіе Краснаго, монастырь Св. Николая близъ Себежа и множество селъ (543).

Недовольный Курлятевымъ и Рѣпнинымъ, Государь въ Декабрѣ мѣсяцѣ послалъ въ Ливонію мужественныхъ Воеводъ, Князей Симеона Микулинскаго, Василія и Петра Серебряныхъ, Ивана Шереметева, Михайла Морозова, Царевича Тохтамыша, Князей Черкесскихъ и войско сильное (544), чтобы итти прямо къ Ригѣ, опустошить землю, истреблять непріятеля въ полѣ. Готовые начать кровопролитіе, они писали къ Магистру, что отъ него зависитъ война и миръ; что Іоаннъ еще можетъ простить, если Нѣмцы изъявятъ покорность. Отвѣта не было. 17 Генваря Россіяне вступили въ Ливонію: отъ городка Краснаго, захвативъ пространство ста верстъ или болѣе, шли на Маріенбургъ, и

Г. 1559. Россіяне опустошаютъ Ливонію и

близъ Тирсина встрѣтили Нѣмцевъ, коими предводительствовалъ Фелькерзамъ. Тутъ былъ одинъ Князь Василій Серебряный съ своею дружиною. Непріятель оказалъ мужество: знатнѣйшіе витязи Ордена и чиновники Архіепископа Рижскаго стояли въ рядахъ. Храбрый Фелькерзамъ и четыреста Нѣмцевъ пали въ битвѣ. Канцлеръ Архіепископовъ и тридцать лучшихъ Дворянъ находились въ числѣ плѣнниковъ (845); остальные разсѣялись, и Князь Серебряный открылъ безопасный путь войску до самаго моря. Зима была жестокая. Не занимаясь осадою большихъ крѣпостей, Вендена, Риги, Воеводы подступали единственно къ маленькимъ городкамъ. Нѣмцы уходили изъ нихъ. Одинъ Шмильтенъ не сдавался: Козаки наши разбили ломами каменную стѣну его и долго рѣзались въ улицахъ съ отчаяннымъ непріятелемъ (846). Россіяне брали пушки, колокола, запасы; предавали огню все, чего не могли взять съ собою; истребили такимъ образомъ одиннадцать городовъ; три дни стояли подъ Ригою, сожгли множество кораблей въ устьѣ Двины, опустошили ея берега, приморскую землю, Курляндію до Пруссіи и Литвы; обогатились добычею, и съ несмѣтнымъ числомъ плѣнниковъ вышли, 17 Февраля, къ Опочкѣ, извѣстивъ Іоанна, что рать его цѣла, а Ливонія въ пеплѣ!

К у рляндію.

За Ливонію ходатайствуютъ Короли Польскій, Шведскій и Датскій.

Наконецъ явились ходатаи за сію несчастную землю. Мы оставили Короля Августа готоваго къ твердому миру и союзу съ Россіею противъ Хана (547): для чего въ Мартѣ 1559 года прибыли въ Москву Послы Литовскіе. Начали говорить о мирѣ: Іоаннъ хотѣлъ, чтобы обѣ Державы владѣли безспорно, чѣмъ владѣютъ; но Августъ въ первомъ словѣ требовалъ Смоленска! Сего мало: онъ предписывалъ намъ не воевать Ливоніи, будто бы отданной ему Императоромъ и Германскими Чинами! Іоаннъ велѣлъ Посламъ ѣхать назадъ, сказавъ: «Вижу, что Король перемѣнилъ свои мы«сли: да будетъ, какъ ему угодно! Ливон«цы суть древніе данники Россіи, а не ва«ши: я наказываю ихъ за невѣрность, об«маны, *торговыя вины* и разореніе церк«вей.» Послы уѣхали. Государь не согласился заключить и новаго перемирія съ Литвою; обѣщался только не нарушать стараго (до 1562 года), если Король будетъ давать лучшую управу Россіянамъ, обижаемымъ его подданными (548). — Однимъ словомъ, ясно было, что война Ливонская произведетъ Литовскую. Августъ думалъ не о томъ, чтобы великодушно спасти ветхій, слабый Орденъ, но чтобы не отдать его богатыхъ владѣній Іоанну, а взять себѣ, если можно. Желаніе весьма естественное въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Ордена, Литвы и

Россіи — весьма согласное съ благоразуміемъ Политики, которая осудила бы безпечность сего Монарха, если бы онъ не употребилъ всѣхъ способовъ исторгнуть Ливонію изъ рукъ Царя. Надлежало только имѣть рѣшительность и твердость: чего не доставало Августу. Онъ шелъ на войну, и хотѣлъ удалить ее; смѣло воображалъ оную впереди, ужасаясь мысли обнажить мечь немедленно.

Гораздо болѣе равнодушія, гораздо менѣе ревности оказывалъ другой заступникъ Ордена: старецъ Густавъ Ваза. Тщетно хотѣвъ противиться властолюбію Россіи соединенными силами Державъ Сѣверныхъ — видѣвъ, что Августъ и Магистръ не думали помогать ему въ войнѣ съ Іоанномъ, ограничиваясь единственно пустыми увѣреніями въ доброжелательствѣ — Густавъ писалъ къ Царю: «Не указываю тебѣ «въ дѣлахъ твоихъ; не требую, но только въ «угодность Императору Фердинанду молю тебя, «какъ великодушнаго сосѣда, даровать миръ Ли«воніи, изъ жалости къ человѣчеству и для об«щей пользы Христіанства. Я самъ не могу хва«литься искреннимъ дружествомъ и честностію «Ливонцевъ: знаю ихъ по опыту! Если хочешь, «то напишу къ нимъ, что они должны пасть «къ ногамъ твоимъ съ раскаяніемъ и смире«ніемъ (549). Уймешь ли кровопролитіе, или «нѣтъ, во всякомъ случаѣ буду свято хранить «заключенный договоръ съ Россіею и чтитѣ вы«соко твою дружбу.» Іоаннъ благодарилъ Гу-

«времени она не бывала достояніемъ иныхъ Го-
«сударей. Знаю, что ея жители безъ вѣдома Рос-
«сіи взяли-было къ себѣ двухъ Королевичей
«Датскихъ; но предки мои казнили ихъ за сію
«вину огнемъ и мечемъ, а Королевичей выслали;
«казнили и вторично, свѣдавъ, что Ливонцы
«тайно признали надъ собою мнимую власть
«Римскаго Цесаря. Если Фридерикъ не знаетъ
«сего, то мы велимъ явить вамъ древніе дого-
«воры Ордена съ Намѣстниками Новогородски-
«ми: читайте и разумѣйте истину сказаннаго на-
«ми! . . . Было время, когда мы, сиротствуя во
«младенчествѣ, не могли защитить правъ сво-
«ихъ: враги ликовали, тѣснили, губили Россію.
«Тогда и Магистръ и Епископы Ливонскіе не
«захотѣли платить намъ дани: брали ее съ зем-
«ледѣльцевъ, съ городовъ, но для себя»... Опи-
савъ вины ихъ, Государь продолжалъ: «И такъ
«да не вступается Фридерикъ въ Эстонію. Его
«земля Данія и Норвегія, а другихъ не вѣдаемъ.
«Когда же хочетъ добра Ливоніи, да совѣтуетъ
«ея Магистру и Епископамъ лично явиться въ
«Москвѣ предъ нами: тогда, изъ особеннаго
«уваженія къ Королю, дадимъ имъ миръ со-
«гласный съ честію и пользою Россіи. Назна-
«чаемъ срокъ: шесть мѣсяцевъ Ливонія можетъ
«быть спокойна!» Посламъ вручили *опасную
грамоту* на имя Властителей Ливонскихъ, въ
коей было сказано, что Царь *жалуетъ* переми-
ріе Ордену отъ Мая до Ноября 1559 года, и
чтобъ Магистръ *или* самъ ударилъ ему челомъ

въ Москвѣ, *или*, вмѣсто себя, прислалъ *знатнѣйшихъ людей* для вѣчнаго мирнаго постановленія ([553]). Симъ отдохновеніемъ Ливонія обязана была въ самомъ дѣлѣ не ходатайству Короля Фридерика, но услугамъ другаго, не исканнаго ею благопріятеля: Хана Девлетъ-Гирея. Іоаннъ долженствовалъ унять Крымцевъ, и чтобы не раздѣлять силъ, далъ на время покой Ордену, въ удостовѣреніи, что Россія всегда можетъ управиться съ симъ слабымъ непріятелемъ.

Князь Дмитрій Вишневецкій, въ 1558 году посланный воевать Тавриду ([554]), доходилъ до устья Днѣпра, не встрѣтивъ ни одного Татарина въ полѣ: Девлетъ-Гирей со всѣми Улусами сидѣлъ внутри полуострова, ожидая Россіянъ. Вишневецкій возвратился въ Москву, оставивъ на Днѣпрѣ мужественнаго Дьяка Ржевскаго съ Козаками. Между тѣмъ Ханъ, желая узнать, что дѣлается въ землѣ Казанской, посылалъ къ берегамъ Волги легкіе отряды, истребляемые Горными жителями и Козаками ([555]). Долго не смѣлъ онъ предпріять ничего важнаго, но услышавъ о войнѣ Ливонской, и повѣривъ ложной вѣсти, что всѣ наши силы заняты ею — что Россія беззащитна, и самъ Іоаннъ борется съ непріятелемъ страшнымъ на отдаленныхъ берегахъ моря Бальтійскаго ([556]) — Девлетъ-

Нашествіе Крымцевъ.

Гирей ободрился, приманилъ къ себѣ многихъ Ногаевъ(557), и собравъ, какъ пишутъ, до ста тысячь всадниковъ, зимою (въ Декабрѣ 1558 года) велѣлъ сыну своему, Магметъ-Гирею, итти къ Рязани, Улану Магмету къ Тулѣ, Ногаямъ и Князьямъ Ширинскимъ къ Коширѣ. Сіе войско уже достигло рѣки Мечи (558): тутъ плѣнники сказали Царевичу, что Іоаннъ въ Москвѣ, и что въ Ливоніи только малая часть нашей рати. Онъ изумился; спросилъ: гдѣ смѣлый Князь Вишневецкій? гдѣ храбрый Иванъ Шереметевъ? и свѣдавъ, что первый въ Бѣлевѣ, а послѣдній въ Рязани, и что Князь Михайло Воротынскій стоитъ въ Тулѣ съ полками сильными, Магметъ-Гирей не дерзнулъ итти далѣе: гонимый однимъ страхомъ, бѣжалъ назадъ и поморилъ не только лошадей, но и всадниковъ. Князь Воротынскій шелъ за нимъ до Оскола по трупамъ и не могъ его настигнуть; а Донскіе Козаки, пользуясь отсутствіемъ Крымскаго войска, близъ Перекопи разбили Улусы Ногаевъ, ушедшихъ отъ своего Князя, Ислама, къ Девлетъ-Гирею, и взяли 15,000 коней.

Чтобы Ханъ не имѣлъ времени образумиться, Іоаннъ приказалъ Князю Вишневецкому съ пятью тысячами легкихъ воиновъ итти на Донъ, построить суда, плыть къ Азову и съ сей стороны тревожить на-

паденіями Тавриду ([559]). Тогда же извѣстный мужествомъ Окольничій Данило Адашевъ выступилъ изъ Москвы къ Днѣпру съ дружиною Дѣтей Боярскихъ, съ Козаками и Стрѣльцами для нанесенія чувствительнѣйшаго удара непріятелю, смотря по обстоятельствамъ. Успѣхи Вишневецкаго были маловажны: онъ истребилъ нѣсколько сотъ Крымцевъ, хотѣвшихъ снова пробраться къ Казани; но юный, достойный братъ любимца Государева, Данило Адашевъ, искусствомъ и смѣлостію заслужилъ удивленіе современниковъ. Съ осмью тысячами воиновъ ([560]) онъ сѣлъ близъ Кременчуга на ладіи, имъ самимъ построенныя въ сихъ, тогда ненаселенныхъ мѣстахъ, спустился къ устью Днѣпра, взялъ два корабля на морѣ и присталъ къ Тавридѣ ([561]). Сдѣлалась неописанная тревога во всѣхъ Улусахъ; кричали: «Русскіе! Рус«скіе! и Царь съ ними!» уходили въ горы, прятались въ дебряхъ. Ханъ трепеталъ въ ужасѣ, звалъ воиновъ, видѣлъ только бѣглецовъ — и болѣе двухъ недѣль Адашевъ на свободѣ громилъ западную часть полуострова, жегъ Юрты, хваталъ стада и людей, освобождая Россійскихъ и Литовскихъ невольниковъ. Наполнивъ ладіи добычею, онъ съ торжествомъ возвратился къ Очакову. Въ числѣ плѣнниковъ, взятыхъ на корабляхъ и въ Улусахъ, находи-

Впаденіе Россіянъ въ Тавриду.

лись Турки: Адашевъ послалъ ихъ къ Пашамъ Очаковскимъ, велѣвъ имъ сказать, что Царь воевалъ землю своего злодѣя, Девлетъ-Гирея, а не Султана, коему всегда хочетъ быть другомъ. Паши сами выѣхали къ нему съ дарами, славя его мужество и добрую пріязнь Іоаннову къ Солиману. Между тѣмъ Ханъ опомнился: узналъ о малыхъ силахъ непріятеля, и гнался берегомъ за Адашевымъ, который медленно плылъ вверхъ Днѣпра, стрѣлялъ въ Татаръ, миновалъ пороги и сталъ у Монастырскаго острова, готовый къ битвѣ; но Девлетъ-Гирей, опасаясь новаго стыда, съ малодушною злобою обратился назадъ.

Вѣсть о семъ счастливомъ подвигѣ младаго витязя, привезенная въ Москву Княземъ Ѳедоромъ Хворостинымъ, его сподвижникомъ, не только Государю, но и всему народу сдѣлала величайшее удовольствіе. Митрополитъ служилъ благодарственный молебенъ. Читали торжественно донесеніе Адашева; радовались, что онъ проложилъ намъ путь въ нѣдра сего *темнаго* Царства, гдѣ дотолѣ *сабля Русская еще не обагрялась кровію невѣрныхъ* (562); воспоминали, что тамъ цвѣло нѣкогда Христіанство и Св. Владиміръ узналъ Бога истиннаго; думали, что Іоанну остается пожелать, и Крестъ снова возсіяетъ на берегахъ Салгира. Уже Государь хотѣлъ перемѣнить нашу древнюю, робкую систему войны противъ сихъ неутомимыхъ разбойниковъ и дѣйствовать наступательно (563): пославъ золо-

тыя медали Адашеву и его товарищамъ, велѣлъ имъ быть къ себѣ для совѣта; но война Ливонская опять запылала сильнѣе прежняго и спасла Тавриду. Іоаннъ оставилъ только Ногаямъ и Козакамъ тревожить Хана (564), и писалъ къ нему въ отвѣтъ на его новыя мирныя предложенія: «Видишь, что война съ Россіею уже не есть «чистая прибыль. Мы узнали путь въ твою зем«лю и степями и моремъ. Не говори *безлѣпицы* «и докажи опытомъ свое искреннее миролюбіе: «тогда будемъ друзьями» (565). — Кромѣ Ногаевъ, послушныхъ Князю Исламу, вѣрному союзнику Россіи, и Донскихъ Козаковъ, Царь имѣлъ на Югѣ усердныхъ слугъ въ Князьяхъ Черкесскихъ: они требовали отъ насъ Полководца, чтобы воевать Тавриду, и Церковныхъ Пастырей, чтобы просвѣтить всю ихъ землю ученіемъ Евангельскимъ. То и другое желаніе было немедленно исполнено: Государь послалъ къ нимъ бодраго Вишневецкаго и многихъ Священниковъ, которые, въ дебряхъ и на скатахъ горъ Кавказскихъ основавъ церкви, обновили тамъ древнее Христіанство (566).

Давъ какъ бы изъ милости перемиріе Ордену, Государь не думалъ, чтобы Ливонцы нарушили оное: вывелъ большую часть войска изъ Эстоніи и ждалъ вѣстей отъ Магистра. Но Кетлеръ молчалъ; увѣренный, что надобно или побѣдить Россіянъ или принадлежать Россіянамъ, онъ рѣшился ѣхать не въ Москву, а въ Краковъ, чтобы склонить Августа къ дѣятельному, ревностно-

му участію въ сей войнѣ, на какихъ бы то ни было условіяхъ, и даже съ опасностію для самой независимости Ордена: ибо Ливонцы въ крайности хотѣли лучше зависѣть отъ Польши, нежели отъ Россіи, издревле имъ ненавистной. Еще достоинство Орденскаго Магистра не упало въ общемъ мнѣніи: юный Кетлеръ, одаренный пріятною наружностію, умомъ, краснорѣчіемъ, благородными душевными свойствами, предсталъ Августу въ смиренномъ величіи, окруженный многими знатными сановниками; сильно изобразилъ бѣдствіе Ливоніи, опасности самой Польши, страшные замыслы Іоанновы (567); доказывалъ необходимость войны для Короля и вѣроятность побѣды, не уменьшая многочисленности Россіянъ, но говоря съ презрѣніемъ о нашемъ искусствѣ ратномъ. Августъ желалъ знать мнѣніе Сейма: Вельможи Польскіе, тронутые краснорѣчіемъ Магистра, хотѣли немедленно обнажить мечь; а Литовскіе, лучше зная силу Россіи, совѣтовали употребить прежде всѣ иные способы для защиты Ордена: убѣдительное ходатайство, настоятельныя требованія, угрозы, подкрѣпляемыя вооруженіемъ (568). Наконецъ подписали договоръ. Магистръ

Союзъ Ливоніи съ Августомъ.

и Рижскій Архіепископъ отдали Королю *въ залогъ* крѣпости Маріенгаузенъ, Лубанъ, Ашератъ, Дюннебургъ, Розитенъ, Луценъ,

съ условіемъ заплатить ему семь сотъ тысячь гульденовъ по окончаніи войны; а Король обязался стоять всѣми силами за Ливонію, возстановить цѣлость ея владѣній и братски раздѣлить съ Орденомъ будущія завоеванія въ Россіи ([569]).

Съ сею хартіею Кетлеръ возвратился въ Ливонію какъ съ трофеемъ: ободрилъ чиновниковъ и гражданъ; ручался за вѣрность Короля и за успѣхъ; требовалъ только усердія и великодушія отъ истинныхъ сыновъ отечества. Надежда блеснула въ сердцахъ. Увѣряли себя въ могуществѣ Литвы; воспоминали славную для нее битву Днѣпровскую ([570]); искали между извѣстными Воеводами Августовыми новыхъ Константиновъ Острожскихъ. «Мы должны указать «имъ путь къ побѣдѣ,» говорилъ Кетлеръ: «кто «требуётъ содѣйствія, долженъ дѣйствовать; «первые обнаживъ мечь, увлечемъ друзей за «собою въ поле.» Герцогъ Мекленбургскій, Христофъ, Коадъюторъ Рижскаго Архіепископа, привелъ изъ Германіи новую дружину наемниковъ. Сеймъ Имперскій обѣщалъ Кетлеру сто тысячь золотыхъ. Герцогъ Прусскій, Ревельскій Магистратъ и нѣкоторые усердные граждане ссудили его знатною суммою денегъ: такъ одинъ Рижскій лавошникъ далъ ему тридцать тысячь марокъ подъ росписку ([571]). Богатѣйшіе выходцы Дерптскіе хотѣли бѣжать въ Германію съ своимъ имѣніемъ: у нихъ взяли серебро и золото въ казну Орденскую. Симъ способомъ Магистръ удвоилъ число воиновъ, и зная, что Рос-

сіянъ мало въ Ливоніи, выступилъ изъ Вендена, за мѣсяцъ до назначеннаго въ перемирной грамотѣ срока, осенью, въ ужасную грязь; нечаянно явился близъ Дерпта и на голову разбилъ неосторожнаго Воеводу Захарію Плещеева, положивъ на мѣстѣ болѣе тысячи Россіянъ (572). Сіе нападеніе справедливо казалось Іоанну новымъ вѣроломствомъ: онъ поручилъ месть своимъ знаменитѣйшимъ Воеводамъ, Князьямъ Ивану Мстиславскому, Петру Шуйскому, Василію Серебряному, которые съ лучшими Дѣтьми Боярскими, Московскими и Новогородскими, спѣшили спасти завоеванную нами часть Ливоніи. Худыя дороги препятствовали скорому походу, и непріятель могъ бы имѣть важные успѣхи въ землѣ, гдѣ всѣ жители были на его сторонѣ, готовые свергнуть иго Россіянъ; но умъ и мужество двухъ нашихъ сановниковъ обратили въ ничто побѣду Магистрову.

Магистръ нарушаетъ перемиріе.

Кетлеръ немедленно приступилъ къ Дерпту. Тамошній Воевода, Бояринъ Князь Андрей Кавтыревъ-Ростовскій, успѣлъ взять мѣры: заключилъ опасныхъ гражданъ въ ратушѣ (573); встрѣтилъ Нѣмцевъ сильною пальбою и сдѣлалъ удачную вылазку. Магистръ десять дней стоялъ въ верстѣ отъ города, стрѣляя изъ пушекъ безъ всякаго вреда для осажденныхъ. Морозы, вьюги,

худая пища произвели ропотъ въ его станѣ. Наемные Германскіе воины не любили трудовъ. Кетлеръ долженъ былъ рѣшиться на долговременную, зимнюю осаду, или на приступъ: то и другое казалось ему неблагоразуміемъ. Крѣпкія стѣны охранялись многими бойницами, сильною дружиною и Воеводою искуснымъ; граждане не могли имѣть сношенія съ осаждающими и способствовать имъ въ успѣхѣ; а число Россіянъ въ полѣ ежедневно умножалось: они заходили въ тылъ къ Нѣмцамъ, показывая намѣреніе окружить ихъ (574). Принужденный удалиться отъ Дерпта, Магистръ хотѣлъ по крайней мѣрѣ взять Лаисъ, гдѣ находилось четыреста воиновъ съ неустрашимымъ Головою Стрѣлецкимъ, Кошкаровымъ. Нѣмцы поставили туры, разбили стѣну и не могли вломиться въ крѣпость: Россіяне изумили ихъ своимъ отчаяннымъ сопротивленіемъ, такъ что Кетлеръ, два дни приступавъ съ жаромъ, ушелъ назадъ къ Вендену какъ побѣжденный, и знатнымъ урономъ въ людяхъ, а еще болѣе уныніемъ воиновъ надолго лишилъ себя способа предпріять что-нибудь важное. Сія удивительная защита Лаиса есть одно изъ самыхъ блестящихъ дѣяній воинской Исторіи древнихъ и новыхъ временъ, если не число дѣйствующихъ, а доблесть ихъ опредѣляетъ цѣну подвиговъ. Князь Андрей

Славная защита Лаиса.

г. 1560. Ростовскій прислалъ самого Кашкарова съ донесеніемъ о бѣгствѣ Нѣмцевъ. Государь изъявилъ живѣйшую благодарность тому и другому за спасеніе ввѣренныхъ имъ городовъ, нашей чести и славы ратной.

Вѣроятно, что Магистръ, съ такимъ усиліемъ и спѣхомъ возобнoвивъ кровопролитіе, ждалъ отъ Августа, по уговору съ нимъ, какого нибудь движенія противъ Россіи: Король дѣйствительно готовилъ войско, но только готовилъ, и прислалъ въ Москву Секретаря своего, Володковича, съ грамотою, въ коей рѣшительно требовалъ, чтобы Іоаннъ вывелъ войско изъ Ливоніи и возвратилъ всѣ взятые имъ города: «иначе (писалъ онъ) я долженъ буду оружіемъ «защитить мою собственность: ибо Магистръ торжественно назвалъ себя присяжникомъ Великаго Герцогства Литовскаго. Мнимыя права Россіи на Ливонію «суть новый вымыселъ: ни отецъ, ни дѣдъ «твой, ни ты самъ донынѣ не объявлялъ «ихъ» ([575]). Володковичь словесно убѣждалъ Бояръ Московскихъ способствовать миру, открывая имъ за тайну, что Польскіе Вельможи готовы свергнуть Короля, если онъ не вступится за Ливонію. Іоаннъ, велѣвъ показать ему договорную Магистрову грамоту о Дерптской дани, сказалъ: «вотъ наше право!» и, по совѣту Бояръ, отвѣчалъ Августу: «Не только Богу и

Угрозы Августовы.

«всѣмъ Государямъ, но и *самому народу* «извѣстно, кому принадлежитъ Ливонія. «Она, съ вѣдома и согласія нашего, избирая себѣ Нѣмецкихъ Магистровъ и *мужей духовныхъ*, всегда платила дань Россіи. Твои требованія смѣшны и непристойны. Знаю, что Магистръ ѣздилъ въ «Литву и беззаконно отдалъ тебѣ нѣкоторыя крѣпости: если хочешь мира, то выведи оттуда всѣхъ своихъ начальниковъ, «и не вступайся за измѣнниковъ, коихъ «судьба должна зависѣть отъ нашего милосердія. Вспомни, что честь обязываетъ «Государей и дѣлать и говорить правду. «Искренно хотѣвъ быть въ союзѣ съ тобою противъ невѣрныхъ, не отказываюсь «и теперь заключить его. *Жду* отъ тебя «Пословъ и благоразумнѣйшихъ предложеній» (576). Іоаннъ *ждалъ* войны. Оставалось только знать, кому начать ее?

Тогда же пріѣхалъ въ Москву гонецъ изъ Вѣны отъ Цесаря Фердинанда, который, не имѣвъ дотолѣ сношенія съ Россіею, писалъ къ Іоанну, что желаетъ его дружбы и проситъ не воевать Ливоніи, Имперской области. Письмо было учтиво и ласково; но Государь сухо отвѣтствовалъ Фердинанду, что «если онъ, подобно Максимиліану и Карлу V, дѣйствительно хочетъ дружества Россіи, то долженъ объясниться съ нимъ чрезъ Пословъ, людей име- **Гонецъ отъ Императора.**

нитыхъ: ибо съ гонцами не разсуждаютъ о дѣлахъ важныхъ» ([577]) — и не сказалъ болѣе ни слова, хотя Императоръ, какъ законный покровитель Ордена, справедливѣе Литвы и Даніи могъ за него вступиться.

Новое разореніе Ливоніи. Между тѣмъ Ливонія пылала. Россіяне въ слѣдъ за бѣгущимъ Кетлеромъ устремились изъ Дерпта съ огнемъ и мечемъ казнить вѣроломство; подступили къ Тарвасту, гдѣ находился старый Магистръ Фирстенбергъ, стоптали его въ сдѣланной имъ вылазкѣ, сожгли предмѣстіе и побили Нѣмцевъ у Феллина ([578]); а главные Воеводы Московскіе, Князья Мстиславскій, Шуйскій, Серебряный, разгромили всю землю отъ Псковскаго озера до Рижскаго Залива, въ уѣздахъ Венденскомъ, Вольмарскомъ, гдѣ еще многія мѣста оставались цѣлы до сего новаго и для бѣдныхъ жителей нечаяннаго впаденія. Напрасно искавъ Магистра и битвы въ полѣ, Воеводы пришли къ *Алысту* или Маріенбургу. Сей городокъ былъ тогда однимъ изъ прекраснѣйшихъ въ Ливоніи; стоялъ на островѣ среди большаго озера и казался недоступнымъ въ лѣтнее время: зима проложила къ нему путь, и Россіяне, подкативъ тяжелый снарядъ огнестрѣльный (коимъ упраавлялъ Бояринъ Михайло Морозовъ, славный Казанскою осадою) въ нѣсколько часовъ разбили до основанія стѣну. Взятіе Маріенбурга. Нѣмцы благоразумно сдалися; но Глава ихъ, Коммандоръ Зибургъ, умеръ за то въ Кирх-

гольмской темницѣ: ибо Магистръ хотѣлъ, чтобы Орденскіе сановники защищали крѣпости подобно Ускилю и Кошкарову ([579]). Воеводы, исправивъ стѣны, оставили въ Маріенбургѣ сильную дружину, возвратились во Псковъ, и получили отъ Государя золотыя медали. — Весною Россіяне опять ходили изъ Дерпта въ Эстонію; выманили Нѣмцевъ изъ Верпеля и засадою истребили всѣхъ до одного человѣка; а такъ называемые *сторонники* Псковскіе, или вольница, уже не находя ничего въ Ливонскихъ селахъ, искали земледѣльцевъ въ лѣсахъ, и толпами гнали ихъ для продажи въ Россію ([580]).

Но Іоаннъ, предвидя неминуемую войну Литовскую, хотѣлъ какъ можно скорѣе управиться съ Орденомъ, и еще въ концѣ зимы послалъ новую рать къ Дерпту съ Княземъ Андреемъ Курбскимъ. Желая изъявить ему особенную довѣренность, онъ призвалъ его къ себѣ въ спальню; исчислилъ всѣ знаменитыя дѣла сего храбраго мужа, и сказалъ: «Мнѣ должно или самому ѣхать «въ Ливонію или вмѣсто себя послать Воеводу «опытнаго, бодраго, смѣлаго съ благоразуміемъ: «избираю тебя, моего *любимаго!* Иди и побѣж-«дай» ([581])! Іоаннъ умѣлъ плѣнять своихъ ревностныхъ слугъ: Курбскій въ восторгѣ цѣловалъ руку Державнаго. Юный Государь обѣщалъ неизмѣнную милость, юный Бояринъ усердіе до конца жизни: оба не сдержали слова, къ несчастію своему и Россіи!... Помощникомъ Курбскаго былъ славный Данило Адашевъ. Они въ исходѣ Мая выступили изъ Дерпта къ *Бѣлому*

Побѣды Князя Курбскаго.

Камню или Виттенштейну; взяли крѣпкій замокъ Епископа Ревельскаго, Фегефееръ (582); опустошили богатѣйшую область Коскильскую, гдѣ находилось множество прекрасныхъ усадебъ Рыцарскихъ, схватили отрядъ Нѣмецкій подъ самымъ Виттенштейномъ, и свѣдавъ отъ плѣнниковъ, что бывшій Магистръ Фирстенбергъ съ девятью полками, конными и пѣхотными, стоитъ въ осьми миляхъ отъ города, за вязкими болотами, рѣшились итти на него съ пятью тысячами легкихъ, отборныхъ воиновъ, пославъ въ Дерптъ обозы съ добычею. Цѣлый день Россіяне вязли въ болотахъ, и если бы Фирстенбергъ ударилъ въ сіе время, то съ меньшимъ числомъ истребилъ бы ихъ совершенно; но онъ ждалъ непріятеля на гладкомъ широкомъ полѣ, въ десяти верстахъ оттуда. Солнце садилось. Россіяне дали отдохнуть конямъ; шли тихо, въ лунную, самую яснѣйшую ночь, какая бываетъ лѣтомъ только въ мѣстахъ приморскихъ; увидѣли Нѣмцевъ готовыхъ къ бою, и сразились въ самую полночь. Около двухъ часовъ продолжалась сильная пальба; наши имѣли ту выгоду, что стояли лицемъ къ огнямъ непріятельскимъ и лучше могли цѣлить. Курбскій оставилъ назади запасное войско: оно приспѣло: Россіяне устремились впередъ, сломили, гнали Нѣмцевъ верстъ шесть, до глубокой рѣки, гдѣ мостъ обрушился подъ бѣгущими. Фирстенбергъ

спасся съ немногими: одни утонули, другіе пали отъ меча или сдалися. Курбскій на восходѣ солнца возвратился къ Магистрову стану; взялъ весь его обозъ, и привелъ въ Дерптъ сто семдесять чиновныхъ плѣнниковъ. — Сей Воевода въ два мѣсяца одержалъ еще шесть или семь побѣдъ: важнѣйшею была Феллинская. Фирстенбергъ охранялъ сію крѣпость: видя нѣсколько сотъ Татарскихъ всадниковъ передъ стѣнами, онъ выѣхалъ съ дружиною, попался въ засаду, и едва ускакалъ на борзомъ конѣ, оставивъ многихъ Рыцарей на мѣстѣ битвы ([583]).

Но въ то время, какъ сильная рука Іоаннова давила слабую Ливонію, Небо готовило ужасную перемѣну въ судьбѣ его и Россіи.

Тринадцать лѣтъ онъ наслаждался полнымъ счастіемъ семейственнымъ, основаннымъ на любви къ супругѣ нѣжной и добродѣтельной. Анастасія еще родила сына, Θеодора, и дочь Евдокію ([584]); цвѣла юностію и здравіемъ: но въ Іюлѣ 1560 года занемогла тяжкою болѣзнію, умноженною испугомъ ([585]). Въ сухое время, при сильномъ вѣтрѣ, загорѣлся Арбатъ; тучи дыма съ пылающими головнями неслися къ Кремлю. Государь вывезъ больную Анастасію въ село Коломенское; самъ тушилъ огонь, подвергаясь величайшей опасности: стоялъ противъ вѣтра, осыпаемый искрами, и своею неустрашимостію возбудилъ такое рвеніе въ знатныхъ чиновникахъ, что Дворяне и Бояре кидались въ пламя, ломали зданія, носили воду, лазили по кровлямъ.

Сей пожаръ нѣсколько разъ возобновлялся и стоилъ битвы: многіе люди лишились жизни или остались изувѣченными (586). Царицѣ отъ страха и безпокойства сдѣлалось хуже. Искусство Медиковъ не имѣло успѣха, и, къ отчаянію супруга, Анастасія 7 Августа, въ пятомъ часу дня, преставилась... Никогда общая горесть не изображалась умилительнѣе и сильнѣе. Не Дворъ одинъ, а вся Москва погребала свою *первую*, любезнѣйшую Царицу. Когда несли тѣло въ Дѣвичій Вознесенскій монастырь, народъ не давалъ пути ни Духовенству, ни Вельможамъ, тѣснясь на улицахъ ко гробу. Всѣ плакали, и всѣхъ неутѣшнѣе бѣдные, нищіе, называя Анастасію именемъ матери. Имъ хотѣли раздавать обыкновенную въ такихъ случаяхъ милостыню: они не принимали, чуждаясь всякой отрады въ сей день печали (587). Іоаннъ шелъ за гробомъ; братья, Князья Юрій, Владиміръ Андреевичь и юный Царь Казанскій, Александръ, вели его подъ руки. Онъ стеналъ и рвался: одинъ Митрополитъ, самъ обливаясь слезами, дерзалъ напоминать ему о твердости Христіанина.... Но еще не знали, что Анастасія унесла съ собою въ могилу!

Кончина Царицы Анастасіи.

Здѣсь конецъ счастливыхъ дней Іоанна и Россіи: ибо онъ лишился не только супруги, но и добродѣтели, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ.

КОНЕЦЪ VIII ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМЪ VIII.

ГЛАВА I.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ И ЦАРЬ ІОАННЪ IV ВАСИЛІЕВИЧЬ II.

Г. 1533—1538.

Стр.

ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННА IV.

Г. 1538—1547.

Стр.

ГЛАВА III.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННА IV.

Г. 1546—1552.

ГЛАВА IV.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Г. 1552.

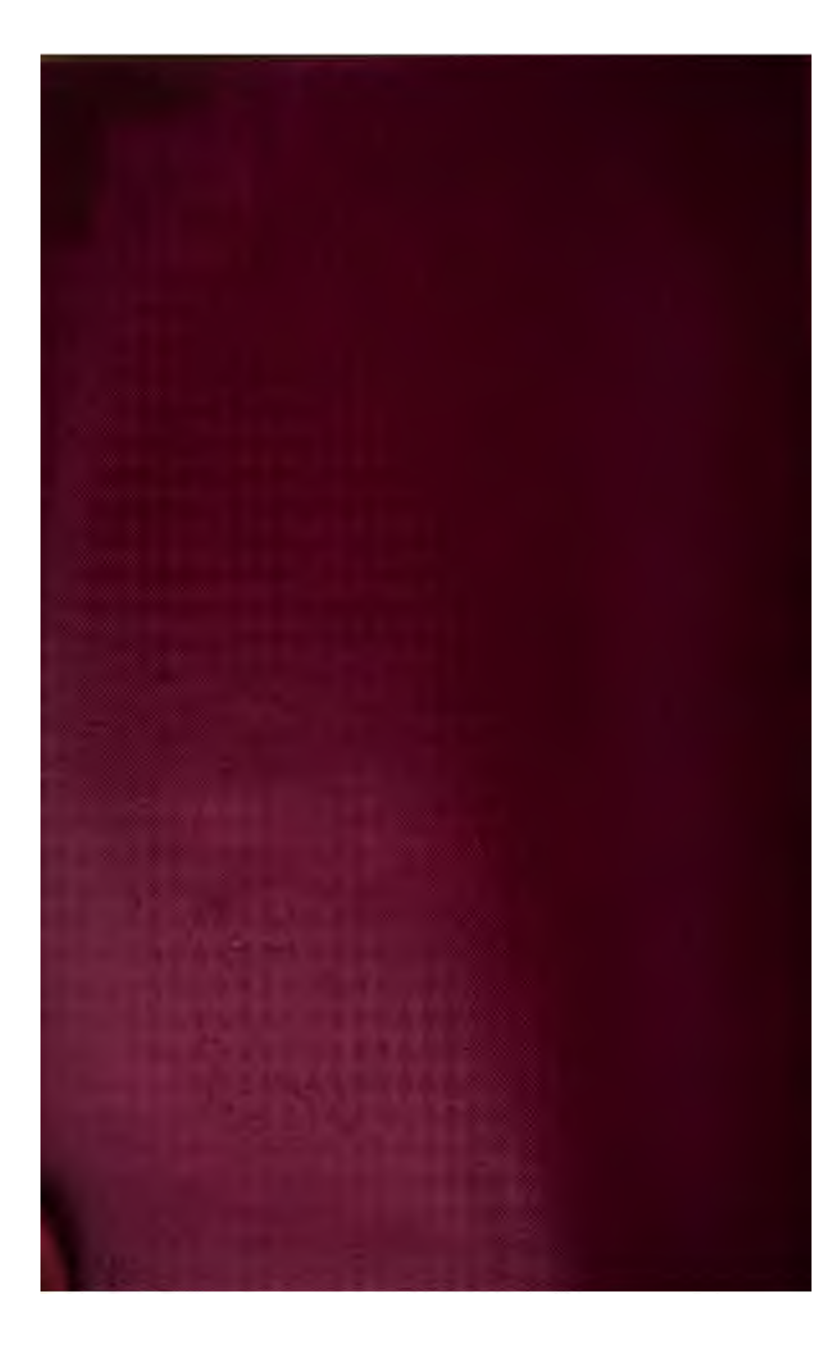
Стр.

ГЛАВА V.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Г. 1552—1560.

Стр.

Stanford University Libraries
3 6105 023 685 907

